

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ГИЛЛИАН ФЛИНН

Темные тайны

ГИЛЛИАН ФЛИНН — ГЕНИАЛЬНАЯ РАССКАЗЧИЦА
С ОСТРЫМ, ЯЗВИТЕЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ И УМЕНИЕМ ПЕРЕДАВАТЬ
В СВОИХ КНИГАХ РЕАЛЬНОЕ ОЩУЩЕНИЕ СТРАХА.

Стивен Кинг

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Annotation

Двадцать четыре года прошло с тех пор, когда чудовищное преступление потрясло весь Канзас: в маленьком городке пятнадцатилетний подросток зверски убил собственную семью. Тогда чудом уцелела лишь семилетняя Либби, но случившаяся трагедия наложила неизгладимый отпечаток на ее дальнейшую жизнь. Юноша отбывает пожизненное заключение, но он так и не признался в содеянном. Либби, когда-то ставшая главным свидетелем обвинения, после столь долгих лет наконец-то решает встретиться с братом. В прошлое возвращаться страшно, тем более что за его завесой скрываются зловещие тайны...

На русском языке роман выходит впервые.

- [Гиллиан Флинн](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)

- [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Пэтти Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Кэлвин Диль](#)
  - [Либби Дэй](#)
  - [Бен Дэй](#)
  - [Либби Дэй](#)
-

Гиллиан Флинн

Темные тайны

*Удивительному человеку — моему супругу
Бретту Нолану*

*Семейство Дэев погубил не рок —
Убийцей стал брат, он же старший сынок:
Помутился у мальчишки разум —
Прилипла к нему сатанинская зараза.*

*Сестру Мишель он в ночи задушил,
Дебби, бедняжку, в куски изрубил,
Мать напоследок оставил —
Голову ей продырявил.*

*Лишь крошка Либби чудом спаслась,
Но страшная жизнь у нее началась.*

*Стишок-страшилка, гулявший по школьным
дворам около 1985 года*

Либби Дэй

Наши дни

Во мне живет некая агрессивная, злобная сущность — реальная, как внутренний орган вроде сердца или печени. Ткни меня ножом в живот — и она, мясистая и темная, вывалится, шлепнется на пол, а если на нее наступишь, влажно взвизгнет под ногой. Видно, с нами, Дэями, что-то не так. В раннем детстве я не отличалась образцовым поведением, а после тех убийств стала еще хуже. Сиротка Либби росла угрюмой нелюдимкой, кочуя между дальними родственниками, и оказывалась то у троюродных братьев и сестер, то у двоюродных теток и бабок, то у друзей в разбросанных по всему штату Канзас передвижных домах-трейлерах и на дряхлеющих ранчо. Я ходила в школу в вещах погибших сестер — кофтах с застиранными грязно-желтыми подмышками, штанах, которые пузырились сзади и смешно на мне болтались, не падая только потому, что их застегивали на самую последнюю дырочку старого засаленного ремня. На школьных фотографиях у меня вечно всклокоченные волосы: на торчащих в разные стороны лохмах, словно запутавшиеся в них летающие объекты, висят заколки, под глазами темные круги, как у пьянчужки со стажем. Правда, иногда губы растянуты в вымученную нитку — там, где положено быть улыбке. Иногда.

Я не была симпатичным ребенком, а повзрослев, превратилась в еще более несимпатичную девицу. А если изобразить на бумаге мою душу, получится дурацкая каракуля с клыками.

За окном стоял отвратительно мокрый март. Лежа в постели, я предавалась любимому занятию — размышляла, как покончу с собой. Вот такое приятное дневное времяпрепровождение. Дуло пистолета в рот, громкий хлопок... голова дергается раз, два... кровь фонтаном бьет в стену... багровые ручьи катятся вниз... «Не знаете, она хотела, чтобы ее закопали или кремировали?» — начнут расспрашивать друг друга люди. «А на похороны-то кто-нибудь придет?» Но на эти вопросы никто не сможет ответить. Эти люди, кто бы они ни были, пряча глаза или глядя куда-то в пустоту, наконец замолчат; на стол со стуком решительно поставят полный кофейник: кофе и скоропостижная смерть сочетаются идеально.

Я высунула ногу из-под одеяла, не в силах заставить себя опустить ее

на пол. Наверное, у меня депрессия, но в этом состоянии я, кажется, пребываю вот уже почти двадцать четыре года. Глубоко внутри моего чахлого тела, скрытая где-то за печенью или прицепившаяся к селезенке, живет другая, лучшая часть меня. Эта Либби и заставляет меня вставать, хоть чем-то заниматься, расти, двигаться вперед. Однако после недолгой борьбы верх обычно одерживает недобрая сущность. Когда мне было семь лет, мой собственный брат зверски убил маму и двух сестер: выстрел, пара взмахов топором, удавка — и их нет. Чем после такого можно заниматься? Чего ожидать?

В восемнадцать лет в моем распоряжении оказалась сумма в триста двадцать одну тысячу триста семьдесят четыре доллара, образовавшаяся благодаря всем тем доброжелателям, которые прочитали о моей трагедии, тем благодетелям, чьи «сердца со мной». Едва услышав эту фразу (а это происходило бесчисленное количество раз), я представляю сочные сердечки с крылышками — они летят к одной из тех дыр, в которых мне приходилось обитать в детстве; вижу в окне себя маленькую: я приветственно машу руками и хватаю на лету эти яркие пятнышки, а сверху на меня сыплются деньги («О, спасибо вам огромное, СПАСИБО, я так вам благодарна!»). До моего совершеннолетия деньги лежали на строго контролируемом банковском счете, который имел обыкновение резко пополняться раз в три-четыре года, когда какой-нибудь журнал или радиостанция сообщали о том, как я живу. «Новая жизнь крошки Либби: единственной уцелевшей после резни в канзасской прерии исполнилось десять — радость с примесью горечи» (на фото я с двумя неряшливыми косицами на обильно смоченной опоссумами лужайке перед трейлером тети Дианы, а позади меня в желтой траве лежат три толстеньких телят). «Отважная крошка Дэй отмечает шестнадцатилетие» (свечи на праздничном торте освещают лицо девчушки: я по-прежнему мелкая, в блузке, которая едва сходится на груди, выросшей в том году до четвертого размера — несуразной до неприличия на столь тщедушном теле, прямо как на картинке из комикса).

На эти деньги я жила больше тринадцати лет — их почти не осталось. Днем у меня состоится встреча, которая и прояснит, насколько серьезны потери. Ведавший моими деньгами розовощекий банкир по имени Джим Джефффриз раз в год вел меня обедать — это мероприятие у него называлось «ревизией». За едой где-то в пределах двадцати четырех долларов мы беседовали о моей жизни: он ведь знал меня — кхе-кхе — еще с тех пор, когда я была во-о-от такого роста! А я почти ничего о нем не знала, правда, никогда ни о чем и не расспрашивала — возможно, потому,

что смотрела на наши встречи, как ребенок: будь вежливой, но не перестарайся и жди себе конца аудиенции. Односложные ответы, усталые вздохи... (Он, должно быть, истинный христианин — это единственная мысль, которая приходила в голову в связи с Джимом Джефффризом, ибо его отличали терпение и оптимизм человека, полагающего, что за всем наблюдает Христос.) Следующая «ревизия» планировалась месяцев через восемь-девять, но он почему-то начал мне названивать, а в сообщениях, которые оставлял, серьезным задушевым голосом говорил, что сделал все, что было в его силах, чтобы продлить «существование фонда», но, очевидно, пришло время задуматься о «дальнейших шагах».

Внутри снова подняла голову подлая сущность: я вдруг подумала о другой девчонке из таблоидов, Джейми (не могу вспомнить ее фамилию), которая потеряла семью в том же 1985 году; ее отец устроил пожар — у нее сильно обгорело лицо, а остальные члены семьи погибли. Каждый раз, нажимая на кнопки банкомата, я думаю о том, что она отняла внимание и восхищение, которые предназначались мне. Если бы не она, у меня бы сейчас было в два раза больше денег. И вот теперь Джейми (как там бишь ее?) бродит по какому-нибудь огромному магазину с моими деньгами и покупает дорогие сумочки, украшения да косметику, которую накладывает на свое лицо со следами ожогов. Конечно, подобные мысли отвратительны (по крайней мере, я это понимаю).

Господи, ну как же тяжело вставать... Наконец с почти театральным вздохом я оторвала себя от кровати и бесцельно побрела в другую комнату. Домишко, который я снимаю, стоит в окружении таких же неказистых кирпичных домиков. Их когда-то построили безо всякого разрешения на огромном утесе с видом на бывшие скотобойни Канзас-Сити. (Речь идет о той части Канзас-Сити, которая находится в штате Миссури, а не в штате Канзас. Это, знаете ли, не одно и то же.)

Мой район даже названия не имеет, про него говорят: «Вон туда по вон той дороге». Нелепое местечко на отшибе с улочками, которые заканчиваются тупиками и утопают в собачьих фекалиях. Во всех остальных домиках полно старичья — они живут в них с тех самых пор, как их построили, а сейчас седыми квашнями сидят за закрытыми ставнями и целый день пялятся на улицу. Иногда они осторожно, по-стариковски, пробираются к своим машинам, и тогда я чувствую себя виноватой, словно человек, который не оказывает помощь, когда она так нужна. Но им не нужна моя помощь. Это не милые божьи одуванчики, а злобные существа с поджатыми губами, которым очень не нравится, что какая-то новенькая теперь приходится им соседкой. Вся округа прям гудит презрением. А еще

где-то поблизости обитает тощая рыжая собака — днем она беспрестанно лает, а ночью воет. Вечный звуковой фон сводит с ума — это понимаешь, когда на некоторое благословенное время он вдруг прекращается и потом начинается вновь.

Жизнеутверждающим у нас можно считать только утреннее воркование едва научившейся ходить малышни. Переваливаясь по-пингвиньи, круглолицые и одетые в сто одежек, уцепившись за веревочку, которую держит кто-нибудь из взрослых, они гуськом дружно топают мимо моих окон в свой детский сад, скрытый где-то в лабиринте улиц позади моего дома. Я ни разу не видела, как они возвращаются, — ей-богу, кажется, что за день они успевают обогнуть земной шар, а утром снова идут мимо. Я испытываю нечто вроде привязанности к этим, похоже, обожающим ярко-красные кофточки четверым малышам — трем девочкам и мальчику, — и если не вижу их утром (что случается, когда я просыпаюсь позже), меня одолевает тоска зеленая (то есть тоска в этих случаях зеленее обычного). Так часто говорила мама о состоянии слабее депрессии. А в зелени своей тоски я пребываю вот уже двадцать четыре года.

На встречу с Джефффризом я надела юбку и блузку, чувствуя себя карлицей: взрослые вещи мне всегда велики. Во мне всего 150 сантиметров роста (если быть абсолютно честной, то 147, но я всегда округляю). Мне 31 год, но окружающие обычно говорят со мной слегка нараспев, как с ребенком, которому хотят предложить конфетку.

Сопровождаемая назойливым лаем рыжего пса, я направилась к машине вниз по заросшему сорняками склону. К асфальту как раз возле места, где я ставлю машину, около года назад прилипли скелетики двух птенцов — расплющенные клювики и крылышки делают их похожими на древних рептилий. Смыть их отсюда, наверное, сможет только сильное наводнение.

На крыльце дома напротив разговаривали две пожилые женщины — я ощутила нарочитость, с которой они меня игнорируют. Понятия не имею, как их зовут, и если одна из них вдруг умрет, вместо того чтобы посетовать: «Умерла бедняжка Залински», я скажу: «Старая гримза из дома напротив сыграла в ящик».

Чувствуя себя крохой-привидением, я забралась в свою безликую, скромных размеров машинку, кажется сделанную в основном из пластика. До сих пор жду, когда ко мне явится представитель компании со словами: «Мы пошутили: эта конструкция ездить не способна». Минут десять я рулила в сторону центра, где мы должны были встретиться с Джефффризом,

и закатилась на парковку с опозданием на двадцать минут, понимая, что он все равно расцветет в улыбке и ни словом не обмолвится о моей непунктуальности или медлительности.

По прибытии на место я должна была позвонить ему на мобильный, чтобы он меня встретил и сопровождал внутрь: это традиционное для Канзас-Сити большое кафе, специализирующееся на мясных блюдах, стоит в окружении опустевших зданий, которые внушают ему беспокойство, словно в них притаилась рота насильников, выжидающих, когда же я подъеду. Нет, Джим Джеффриз такого не допустит. Он не даст в обиду «храбрую крошку Дэй, несчастную семилетнюю малышку с огромными голубыми глазами и рыжими волосами», — единственную, кто выжил после «резни в прерии», после «жертвоприношения Сатане в фермерском доме». Бен зверски убил маму и двух моих старших сестер. Уцелела только я и признала в нем убийцу. Подобно крутой девчонке из комиксов, я отдала в руки правосудия своего брата-сатаниста, чем наделала много шума в прессе. «Инкуайерер» поместил на первой полосе мою зарезанную физиономию с подписью «Лик ангела».

Я глянула в зеркало заднего вида — оттуда на меня до сих пор смотрит это детское личико. Веснушки поблекли, зубы выровнялись, но нос остался прежней приплюснутой картошкой, как у мопса, а глаза — круглыми, как у котенка. Я крашусь в очень светлую блондинку, но рыжие корни выдают мой истинный цвет. Создается впечатление, особенно на закате, что череп кровоточит — зрелище не для слабонервных. Я закурила. Месяцами обхожусь без сигарет, а потом вдруг вспоминаю: хочу курить. В этом я вся: никаких привязанностей, ничто меня не цепляет и за душу не берет.

— Ну что, крошка Дэй, вперед! — произнесла я вслух. Я к себе так обращаюсь, когда чувствую, что внутри кипит ненависть.

Я выбралась из машины и направилась ко входу в заведение, держа сигарету в правой руке, чтобы не смотреть на изуродованную левую. На город надвигался вечер. По небу плыли облака, похожие на гигантских буйволов; солнце опустилось настолько, что его гаснущие лучи окрасили все вокруг в розовый цвет. Ближе к реке внутри сложного переплетения автострад торчали отжившие свой век элеваторы, темные, безжизненные и совершенно бессмысленные.

Я пересекла парковку одна, наступая на россыпь битого стекла. На меня никто не напал: в конце концов, было всего лишь пять часов вечера. Джим Джеффриз ужинал рано и этим гордился.

Когда я вошла в зал, он сидел у барной стойки, потягивая сладкую газировку. Я представила, что сейчас он первым делом вытащит из кармана

мобильный и уставится на экран, словно техника его подвела.

— Ты звонила? — нахмурился он.

— Забыла, — солгала я.

Он улыбнулся:

— Ну и ладно. Все равно, девочка, рад тебя видеть. Потолкуем о деле?

Оставив на стойке два доллара, он, ловко маневрируя между столами, подвел меня к столику, отгороженному от остального пространства красным кожаным диваном с высокой спинкой. Из потрескавшейся кожи высовывались желтые внутренности, подушки провоняли дымом от сигарет, а рваные кожаные края неприятно царапали икры.

В моем присутствии Джефффриз не только сам никогда не прикасался к спиртному, но и ни разу не поинтересовался, хочу ли выпить я. Однако на этот раз, когда к нам подошел официант, я, проявив инициативу, заказала себе бокал красного вина и наблюдала, как он пытается скрыть удивление, или разочарование, или что там еще, что мог чувствовать только Джим Джефффриз. «Какое красное?» — поинтересовался официант. Ну откуда мне знать! Я не запоминаю названия марок ни белых, ни красных вин, к тому же понятия не имею, какую часть названия следует произносить вслух, поэтому просто сказала «фирменное». Джефффриз заказал стейк, я — запеченный картофель с двумя наполнителями. Когда официант отошел, Джефффриз длинно вздохнул, прямо как врач-стоматолог, и произнес:

— Итак, Либби, для нас начинается совершенно новый, не похожий на прежний, жизненный этап.

— И сколько же осталось? — спросила я, про себя заклиная: «Ну скажи десять тысяч, скажидесятьтысячскажи».

— Ты читаешь отчеты, которые я тебе посылаю?

— Иногда читаю, — снова солгала я. Вообще-то мне нравится получать почту, а не читать; наверное, они валяются дома где-то в куче бумаг.

— А сообщения от меня прослушиваешь?

— Мне кажется, у вас барахлит телефон. Связь часто обрывается.

Впрочем, я слушала достаточно, чтобы понять, что оказалась в весьма затруднительном положении. Обычно я отключаюсь после первого же предложения Джефффриза, которое всегда начинается одинаково: «Либби, это твой друг Джим Джефффриз».

Он поставил перед собой ладони домиком и оттопырил нижнюю губу.

— Итак, осталось девятьсот восемьдесят два доллара двенадцать центов. Как я упоминал ранее, если бы у тебя была хоть какая-то постоянная работа и ты бы пополняла счет, мы бы сумели его

поддерживать, но... — Он всплеснул руками и поморщился. — Но дела обстоят иначе.

— А как же книга? Разве она...

— К сожалению, Либби, книга ничего не дает. И я повторяю это не первый год. Твоей вины тут нет, просто она... Нет, ничего.

Шесть лет назад по случаю моего двадцатипятилетия в одном издательстве, которое специализируется на книгах по самопомощи, меня попросили написать, как я победила «призраки прошлого». Ничего я особо не побеждала, но все-таки согласилась. Книгу писала дама из Нью-Джерси, с которой я беседовала по телефону. Книга вышла в свет в 2002 году накануне Рождества с моей фотографией на обложке — там я с очень неудачной стрижкой. Книжка называлась «Начните новую жизнь! Как не только справиться с детской душевной травмой, но и преодолеть ее последствия (советы Либби Дэй)». Двести страниц душещипательной и одновременно оптимистичной каши сопровождалась несколькими моими старыми фотографиями с погибшей семьей. Мне заплатили восемь тысяч долларов, а еще меня пригласили к себе выступить несколько групп оставшихся в живых при разных обстоятельствах людей. Я слетала в Толидо, где встречалась с мужчинами, которые остались сиротами в раннем возрасте, и побывала в Талсе на особой встрече с подростками, чьих матерей убили отцы. Я подписывала книжки детям — они открывали рты от удивления и задавали неожиданные вопросы вроде «Пекла ли ваша мама пироги?». Я оставляла бодрые лозунги в книжках для седых убогих стариков, а они рассматривали меня через бифокальные очки, обдавая запахом кофе и несварения желудка. У всех, кто приходил на эти встречи, был измученный вид отчаявшихся людей. Они топтались вокруг меня жидкими группками, но как только я поняла, что мне за это больше не заплатят, я отказалась ехать куда бы то ни было. Да и книжка не оправдала ожиданий.

— Но ведь она должна была принести больше денег, — пробормотала я.

Так хотелось, чтобы книжка давала доход. Как ребенку — всей душой. То самое чувство, когда кажется: если чего-то очень сильно захотеть, непременно это получишь. Не можешь не получить.

— Согласен, — сказал Джефффриз и замолчал, потому что по прошествии шести лет ему нечего было добавить по этому вопросу. Некоторое время он молча наблюдал, как я пью вино. — Но, Либби, в некотором смысле сегодняшнее положение дел открывает для тебя по-настоящему интересный этап в жизни. Скажи, кем бы ты хотела стать?

Наверное, в эти слова он вкладывал особое чувство, но вместо умиления они вызвали во мне взрыв негодования: никем — и все дела!

— Денег нет совсем?

Джефффриз печально покачал головой и начал подсаливать только что принесенный стейк в лужице крови цвета вишневого сока.

— И никаких новых поступлений? Ведь приближается двадцать пятая годовщина. — Я почувствовала очередной всплеск злобы, теперь в его адрес, — за то, что он заставил меня произнести эти слова. Бен начал свою жуткую охоту в два часа ночи 3 января 1985 года. Время врезалось в память, и вот я жду годовщины — не чудовищно ли! Господи, ну почему не осталось хотя бы тысяч пять!

Он снова покачал головой:

— Денег больше нет. Тебе ведь уже тридцать, да? Ты взрослая женщина. Жизнь не стоит на месте. Люди хотят помогать другим маленьким девочкам, а не...

— Не мне...

— К сожалению, это так.

— Говорите, не стоит на месте?

Я почувствовала, что меня бросили, предали; я всегда испытывала подобное чувство в детстве, когда какая-нибудь моя тетушка или троюродная сестра привозила меня к другой тетушке или троюродной сестре, дескать, пусть немного поживет у тебя — я сделала все, что могла, больше не могу. Очередная родственница с недельку героически меня терпела, изо всех сил пытаюсь совладать с озлобленным маленьким существом, каким была я, но потом... Конечно, положила руку на сердце, в этом есть и моя вина. Целиком и полностью моя — и это не самобичевание жертвы. В гостиной у одной я распысила лак для волос и устроила пожар. Диана, мамина родная сестра и моя обожаемая тетка, моя наставница, много раз брала меня к себе, потом отсылала, но в конце концов навсегда закрыла для меня двери своего дома. Каких только пакостей я ей не делала!

— К сожалению, Либби, происходят новые убийства, — дудел Джефффриз. — У людей короткая память. Подумай только, как все переживают из-за Лизетт Стивенс.

Лизетт Стивенс, хорошенькая двадцатипятилетняя брюнетка, исчезла еще в конце ноября, когда возвращалась домой от родственников после семейного обеда по случаю Дня благодарения. На поиски бросился весь Канзас-Сити; едва включишь телевизор, как с экрана на тебя смотрит ее улыбающееся лицо. В начале февраля о ней уже знала вся Америка.

Прошел еще месяц — никаких новостей, и сейчас все кругом прекрасно понимали, что ее нет в живых, но первым признавать поражение не желал никто.

— Но, — продолжал Джеффриз, — мне кажется, всем хотелось бы думать, что в жизни у тебя все хорошо.

— С ума сойти!

— Может, стоит закончить колледж? — Он отхватил большой кусок мяса.

— Нет.

— А что, если мы попробуем найти тебе работу в какой-нибудь конторе — займешься делопроизводством, или чем там еще занимаются?

— Нет.

Я внутренне сжалась, забыла о еде, распространяя вокруг себя флюиды мрачной враждебности. Еще одно мамино слово: «мрачность». Это состояние зеленой тоски, которая действует на нервы окружающим, — тоски на грани агрессии.

— Давай-ка ты недельку поразмыслишь над моими словами, хорошо?

Он быстро поглощал стейк, вилка споро двигалась от тарелки ко рту. Он собирался уходить. Джим Джеффриз сделал все, что мог.

Он ушел, оставив три письма и одарив меня улыбкой, которая, вероятно, была призвана излучать оптимизм. Три письма, на которые и смотреть-то не хотелось. Было время, когда Джеффриз передавал мне разбухшие от писем коробки из-под обуви, при этом большинство конвертов — с чеком внутри. Я возвращала ему уже подписанные чеки; а даритель через некоторое время получал написанное моим крупным почерком коротенькое письмо: «Благодарю вас за пожертвование. Поддержка таких, как вы, людей позволяет мне надеяться на более счастливое будущее. Искренняя ваша Либби Дэй». Именно так и было написано — «искренняя»: Джим Джеффриз полагал, что это невероятно трогательно.

Но коробки с пожертвованиями остались в прошлом — и вот теперь передо мной всего три письма и целый вечер, который нужно как-то убить. Я отправилась домой, несколько встречных машин помигали мне, пока я не поняла, что еду с потушенными фарами. На горизонте мерцали огоньки восточной части Канзас-Сити. Что можно делать, чтобы мне платили? Что в таких случаях делают взрослые люди? Я представила себя в шапочке медсестры с термометром в руке; затем — в ладно подогнанной синей форме полицейского: я веду через улицу ребенка; потом — с ниткой

жемчуга на шее и в фартуке с веселенькими цветочками: я на кухне готовлю обед для обожаемого мужа. «До чего же у тебя мозги набекрень, — сказала я себе, — если представление о взрослой жизни ты до сих пор черпаешь из книжек с картинками». Но даже при этой мысли я представляла, как мелом пишу на доске алфавит, а за спиной у меня счастливые лица первоклашек.

Нет, нужно подумать о чем-то более реальном, скажем, связанном с компьютерами. Ввод данных — чем не работа? А может, обслуживание клиентов в магазине? А еще я когда-то смотрела фильм, в котором героиня зарабатывала на жизнь, гуляя с собаками, — женщина всегда была одета в комбинезон и подходящие по цвету свитера, в руках неизменно были цветы, а собаки демонстрировали любовь и пускали слюни. Но я не люблю собак — я их боюсь. Наконец мысли обратились к фермерству. В конце концов, наша семья им занималась в течение целого столетия, вплоть до мам... пока Бен ее не убил. А потом ферму продали.

Но я не умею вести фермерское хозяйство. У меня остались воспоминания о нашей ферме: Бен пробирается сквозь холодную весеннюю грязь, отталкивая путающихся под ногами телят; мама запускает огрубевшие руки в мешок с твердыми катышками темно-вишневого цвета, которые потом прорастают из земли пушистыми метелками сорго. Мишель и Дебби с визгом скачут на сене. «Колется!» — жалуется Дебби и снова с воплями прыгает на колючую кучу. Кофеварка... Я не могу долго предаваться этим воспоминаниям — словно особо опасная зона, они у меня называются «Черная дыра». Едва мысли задерживаются над тем, как мама в очередной раз пытается вернуть к жизни дурацкую кофеварку или как танцует Мишель в теплой ночнушке и натянутых на колени гольфах, я тут же оказываюсь в Черной дыре. Леденящие душу кровавые звуки в ночи. Бесстрастно и ритмично, словно рубит дерево, двигается топор, от него не спрячешься, не скроешься. Выстрелы в тесном коридоре. Пронзительный, как у встревоженной и почуявшей беду сойки, мамин крик — ей уже снесли полчерепа, а она все равно пытается спасти своих детей.

«Кстати, чем занимается секретарь-референт?»

Я остановила машину у дома и, выбравшись из нее, ступила на бетонный тротуар, на котором не один десяток лет назад кто-то выбил «Джимми + Тина = любовь». Иногда воображение рисует картинку того, что случилось с этой парочкой. Например, он играет в третьеразрядной бейсбольной команде — она домохозяйка в Питтсбурге и болеет раком. Или: он разведенный пожарный — она адвокат, а в прошлом году утонула в Мексиканском заливе. Или: она работает учительницей в школе, а он в

двадцать лет скоропостижно скончался от какой-то из аневризм. Занимательное, хотя и мрачное, упражнение для ума; но в любом случае один из них у меня непременно отправлялся на тот свет.

Я подняла глаза на крышу своей съемной хибары — не очень ли ее перекосило. Если она рухнет, я мало что потеряю. Единственная принадлежащая мне ценность — очень старый кот по имени Бак, который терпит меня со всеми моими недостатками. Оказавшись на кривых мокрых ступенях, я услышала его сердитое мяуканье: ну конечно, я же его сегодня не покормила. Я открыла дверь, древний кот медленно поковылял ко мне, как развалюха со спущенным колесом. В доме не осталось кошачьего корма (я должна была его сегодня купить, но забыла), поэтому я вытащила из холодильника затвердевший сыр, дала коту несколько кусочков и пахнущими скисшим молоком пальцами вскрыла первый конверт.

До второго и третьего руки так и не дошли.

Уважаемая мисс Дэй!

Вы получите это письмо по обычной почте, поскольку у Вас, кажется, нет электронной. Надеюсь, оно до Вас дойдет. Я о Вас читал и в течение ряда лет внимательно слежу за событиями Вашей жизни. Очень интересно узнать, как Вы поживаете и чем занимаетесь сейчас. Встречаетесь ли с людьми? Группа, которую я представляю, готова заплатить Вам 500 долларов только за то, что Вы побываете у нас. Свяжитесь со мной, пожалуйста, и я с радостью сообщу о деталях.

С наилучшими пожеланиями,

Лайл Вирт.

P. S. Настоящее письмо представляет собой легитимное деловое предложение.

Что это? Ресторан со стриптизом? Порноклуб? Бордель? В вышедшей шесть лет назад книжке были снимки взрослеющей Либби Дэй; самый выдающийся — где мне семнадцать лет: огромная грудь едва не вываливается из ветхого белого лифчика с завязками на шее. Я тогда получила несколько недвусмысленных предложений из редакций каких-то «голых» журналов; впрочем, ни один не назвал сумму, которая заставила бы меня над ними поразмыслить. Так что, если эти ребята хотят, чтобы я разделась, 500 долларов — слишком дешево даже при моем нынешнем положении. Нет («Думай о хорошем, крошка Либби!»), а вдруг это действительно вполне легитимное предложение от очередной группы

скорбящих, которые хотят со мной встретиться, чтобы у них появился повод поговорить о себе? Что ж, в таком случае 500 долларов за пару часов сочувствия — вполне достойный бартер.

Письмо было распечатано, и только номер телефона подписали внизу от руки. Я набрала его, ожидая, что включится автоответчик. Вместо этого повисла странная пауза: трубку взяли, но на другом конце провода царило молчание. Я ощутила дурацкую неловкость, словно позвонила человеку, в доме которого тайно от меня собрались гости.

Через несколько секунд мужской голос произнес:

— Алло?

— Здравствуйте, это Лайл Вирт?

Бак усердно терся о мою ногу, выпрашивая добавку.

— Кто говорит?

И снова на другом конце оглушающая пустота. Будто человек находится на дне глубокой ямы.

— Это Либби Дэй. Я получила от вас письмо.

— Ой, ничего себе! Правда?! Либби Дэй? Ух ты! Где вы находитесь? Вы в городе?

— О каком городе вы говорите?

Собеседник — мужчина или юноша (голос у него был молодой) — крикнул кому-то позади себя, но я только расслышала: «Я уже это сделал», — и тут же ухнул мне прямо в ухо:

— Вы в Канзас-Сити?! Вы здесь живете?

Я уже собралась повесить трубку, но парень начал повторять: «Вы слушаете?» — как будто я нерадивая ученица, витающая на уроке в облаках. Я сказала, что действительно живу в Канзас-Сити, и спросила, чего он хочет. Он пару раз крякнул, потом, коротко рассмеявшись, пробормотал: «Ну надо же! С ума сойти!» — и наконец сказал:

— Я же написал, что хочу попросить вас прийти на встречу... возможно...

— По какому поводу?

— Видите ли, на следующей неделе у нас в клубе конференция, и мы...

— Что за клуб?

— Он не совсем обычный. Что-то вроде тайного общества...

Я молчала — пусть выкручивается. Чувствовалось, что после бодрого начала он растерялся. Отлично.

— В общем, по телефону не объяснишь. Могу я пригласить вас на кофе?

— Не поздновато для кофе? — сказала я и вдруг поняла, что он, возможно, имел в виду не сегодняшний день, а какой-то другой, и снова вспомнила, что придется как-то убить еще четыре-пять часов.

— В таком случае, может быть, на пиво? Или на бокал вина?

— Когда?

Молчание.

— Сегодня.

Молчание.

— Хорошо.

Лайл Вирт имел внешность серийного убийцы. Это означает, что он, наверное, совсем не такой, потому что, если человек убивает топором проститутку или поедает детей, убежавших из дома, он старается внешне ничем не отличаться от других. Он сидел за грязным столом в середине зала «Гриль-бара Тима Кларка», дешевого заведения при барахолке, впрочем снискавшего заслуженную славу за свои барбекю; забегаловку слегка облагородили, и теперь ее посетители представляли довольно странную смесь из седовласых завсегдатаев и пижонов в узких, обтягивающих джинсах и с нарочито небрежной стрижкой. Лайл не принадлежал ни к тем, ни к другим. Ему, скорее всего, было немногим больше двадцати. С волнистыми волосами неопределенного темного цвета он, судя по всему, пытался справиться при помощи чересчур большого количества геля, но наносил его совсем не там, где нужно, отчего одна часть волос торчала в разные стороны, а другая блестела. Очки без оправы; обтягивающая фирменная кожаная ветровка и джинсы тоже в обтяжку, но не по-модному, а просто по фигуре. А вот черты лица слишком нежные, чтобы быть привлекательными в мужчине. Не должен мужчина иметь губы, похожие на бутон розы.

Когда я направлялась к его столику, он поднял глаза, но сначала не узнал меня — он просто оценивал незнакомку, но когда я приблизилась, до него вдруг дошло: веснушки, телосложение птенца, вздернутый нос, который кажется тем более курносым, чем дольше на него смотришь.

— Либби! — начал он, но, решив, что это слишком фамильярно, добавил: — Дэй! — Он поднялся из-за стола, выдвинул стул, потом, словно пожалев о своей галантности, сел. — Вы блондинка.

— Ага, — сказала я.

Терпеть не могу людей, которые начинают разговор с констатации факта — а дальше-то что? «Жарко сегодня». Да, и что? Я поискала глазами официанта, чтобы заказать что-нибудь выпить. Спинной к нам, оттопырив

симпатичную попку, стояла официантка с роскошными черными волосами, и я постучала пальцем по столу. Она обернулась — передо мной предстало лицо по крайней мере семидесятилетней старухи; румяна и пудра забились в глубокие морщины, на руках синели вены. Она нагнулась ко мне, чтобы взять заказ, и где-то внутри у нее что-то хрустнуло, а когда я попросила всего лишь безалкогольного пива, она недовольно фыркнула.

— Здесь отлично готовят говяжью вырезку, — сказал Лайл, но сам при этом допивал что-то похожее на молочный коктейль.

Я совсем не ем мяса, по крайней мере с тех пор, как вырезали мою семью, к тому же еще не отошла от стейка, который поглощал Джим Джефффриз. Я отказалась и в ожидании пива начала, как турист, крутить головой. Первое, что бросилось в глаза, — грязные ногти Лайла. А у пожилой официантки спустился на лоб парик — мокрые седые пряди прилипли к шее. Часть она попыталась запихнуть обратно, другой рукой подхватывая порцию горячей жареной картошки. Толстый дядька за соседним столиком ел ребрышки и изучал свое приобретение — безвкусную старую вазу с русалкой, оставляя на русалочьей груди жирные следы своих пальцев.

Молча и решительно поставив передо мной пиво, официантка замурлыкала и повернулась к нему, называя «дружок».

— Так что это у вас за клуб? — обратилась я к Лайлу.

Он покраснел и нервно задергал ногой под столом.

— Вы ведь знаете, кто-то помешан на футболе, кто-то собирает открытки про бейсбол?

Я кивнула. Он как-то странно хохотнул и продолжил:

— А женщины, например, читают сплетни в журналах и знают все о каком-нибудь артисте — например, как его называли в детстве или в каком городе он тогда жил.

Я неопределенно мотнула головой, не теряя бдительности.

— Что-то подобное происходит и у нас, вот только мы называем его Клуб Смерти.

Я глотнула пива, на носу выступили капельки пота.

— Не так он и зловец, как может показаться.

— Названьице еще то!

— Вы же знаете, как некоторым нравятся тайны и загадки? Иные отдают все свое время блогам, посвященным реальным преступлениям. В общем, в наш клуб и входят такие люди. Каждый поглощен расследованием определенного преступления: убийство в две тысячи втором году Лейси Питерсон на восьмом месяце беременности, дело Джефффри Макдоналда,

которого обвинили в убийстве жены и двух дочерей в тысяча девятьсот семидесятом году, история Лиззи Борден, вероятно причастной к убийству отца и мачехи в тысяча восемьсот девяносто втором году... ваш случай. Вами и вашей семьей у нас в клубе занято очень много людей. Гораздо больше, чем убийством в девяносто шестом году малышки Джон Беней Рэмзи, которая участвовала в детских конкурсах красоты. — Он заметил, как скривилось мое лицо. — То, что случилось, настоящая трагедия. И ваш брат в тюрьме вот уже почти двадцать пять лет?

— Мне его не жаль, потому что он убийца.

— Ну да. — Он взял в рот кусочек молочного льда. — Вы когда-нибудь с ним об этом разговаривали?

Захотелось привести доводы в свое оправдание. Многие считают, что Бен не виновен. Мне присылают по почте вырезки из газет со статьями о нем, но я их никогда не читаю — рву, едва увидев его на снимке: рыжие волосы спускаются до плеч, как у Христа, и такое же умиротворенное лицо. Ему скоро сорок. За все эти годы я ни разу его не навестила. По иронии судьбы, он отбывает срок в тюрьме, что на окраине нашего родного городка Киннаки в штате Канзас, где он, между прочим, и совершил убийства. Нет, меня туда совсем не тянет.

Среди почитателей Бена в основном женщины. Тугие на ухо пожилые дамы, дамы в брючных костюмах и с «химией» на голове, с поджатыми губами и горящим взглядом. Время от времени, сверкая глазами, они возникают на моем пороге и говорят, что мои показания не соответствуют действительности. Меня, дескать, запутали, запугали, обманули, и в семилетнем возрасте я под присягой сказала, что мой брат убийца. Они часто на меня кричат и всегда брызжут слюной. От нескольких я даже получила пощечину. Что делает их еще менее убедительными: очень легко не считаться с мнением истеричек с красным от гнева лицом.

Но кто знает, если бы они на меня не давили, им бы, возможно, и удалось меня переубедить.

— Нет, с Беном я не общаюсь. Если вы об этом, то мне ваше предложение неинтересно.

— Нет-нет, что вы! Вы просто придете — у нас будет что-то вроде конференции, — мы зададим вам много вопросов, потому что вы знаете то, чего мы просто не можем знать. Вы действительно не вспоминаете о той ночи?

Осторожно — Черная дыра.

— Нет, не вспоминаю.

— Возможно, вы узнаете что-нибудь интересное и для себя.

Некоторым нашим фанатам... то есть, я хотел сказать, экспертам известно об этом деле больше, чем следователям, которые его вели.

— Стало быть, соберется компания, которая хочет убедить меня в невинности Бена.

— Что ж, возможно... А может быть, вам удастся убедить их в обратном. — Я уловила в его тоне покровительственные нотки. Он подался вперед, плечи напряглись, он был взволнован.

— Я хочу тысячу долларов, — сказала я.

— Могу дать семьсот.

Я снова оглядела зал и неопределенно пожала плечами. Вообще-то я не откажусь ни от каких денег, которые мне готов предложить Лайл Вирт, ибо в противном случае передо мной маячит вполне реальная перспектива в ближайшее время начать поиски работы, чего мне делать совсем не хочется. Я не из тех, кого можно заставить что-то делать пять дней в неделю. Я даже не всегда пять дней подряд встаю с постели, а иногда забываю поесть. Мысль о том, что придется являться в присутственное место и отсиживать там восемь часов (целых восемь часов вне дома!), была невыносима.

— Что ж, подойдет и семьсот, — сказала я.

— Вот и отлично. Будет много коллекционеров, так что приносите любые сувениры — то есть, я хотел сказать, предметы, связанные с вашим детством, которые вы, возможно, захотите продать. Может статься, вы уйдете отсюда с двумя тысячами долларов — легко! Особенно ценятся письма. И конечно, чем более они личные, тем лучше. Все, что датируется днями накануне преступления — третьего января восемьдесят пятого года. — Он произнес это как заученный текст, который повторял не однажды. — Любая вещь, связанная с вашей мамой. Людям чрезвычайно... интересна ее личность.

Их всегда это интересовало. Люди всегда хотели знать, что это за женщина такая, если ее с такой жестокостью убивает собственный сын?

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

8:02

Он снова говорил по телефону, она слышала этот мультяшный звук его голоса за дверью. Недавно он решил, что у него должен быть отдельный аппарат, — он утверждал, что полшколы имеет собственные номера в телефонной книге, это даже называется Детской телефонной станцией. Она тогда рассмеялась в ответ, а потом рассердилась, потому что он на нее рассердился за то, что она смеется. (Детская телефонная станция? Ты это серьезно? Баловство, да и только.) Потом ни она, ни он больше не возвращались к этой легко выводившей обоих из себя теме, а через несколько недель он пришел из магазина, глядя под ноги, и показал, что у него в пакете: переходник для телефона, позволявший подключить к линии еще один телефон, и невероятно легкий пластиковый аппарат, мало отличавшийся от игрушечного аналога, с которым девочки когда-то изображали секретарш. «Офис Бенджамина Дэя», — произносила одна из них в розовую трубку, пытаясь вовлечь в игру старшего брата. Бен в таких случаях обычно улыбался и просил оставить сообщение, но в последнее время совсем перестал обращать на сестер внимание.

С тех самых пор, как сын принес свои покупки, в доме Дэев поселилась фраза «этот проклятый телефонный шнур» — он тянулся от розетки в кухне по столу, дальше по полу в коридоре и исчезал в щели под отныне всегда закрытой дверью в его комнату. Хотя бы раз в день кто-нибудь непременно о шнур спотыкался, что тут же сопровождалось криком (если это была одна из девочек) или проклятием (если это была Пэтти или сам Бен). Она неоднократно просила его закрепить провод на стене, он же с одинаковым постоянством обещал, но ничего не делал. Она старалась убедить себя, что это не более чем обычное подростковое упрямство, но для Бена такое поведение было чересчур агрессивным, она переживала, что в нем появляется озлобленность, лень или что-то похуже, о чем и думать-то страшно. С кем он разговаривает? До внезапного появления в их доме второго телефонного аппарата ему почти никто не звонил. У него было два добрых друга — братья Мюллеры, активисты местного отделения «Будущих фермеров Америки», до того неразговорчивые, что они иногда вешали трубку, если к телефону подходила Пэтти, —

приходилось говорить Бену, что только что звонил Джим или Эд. Но раньше он никогда не вел таких долгих бесед, тем более за закрытыми дверями.

Может быть, у сына в конце концов появилась девушка, но даже слабый намек смутил его настолько, что и без того бледная кожа побелела еще больше, а светлые веснушки предостерегающе запылали. У нее опускались руки. Она не относилась к тем матерям, которые вламываются в жизнь своих детей, к тому же она понимала, как трудно пятнадцатилетнему мальчишке найти уединение в доме, где полно женщин. А после того как однажды, придя из школы, он застал у себя в комнате рывшуюся на полках Мишель, он повесил на дверь амбарный замок. Установка замка была тоже преподнесена как свершившийся факт: молоток, несколько ударов по гвоздям — и вот он висит, и теперь его собственное мальчишеское гнездышко под надежной защитой. Разве можно его в этом обвинять? За годы, прошедшие после того, как съехал Раннер, дом постепенно становился все более девчачьим: занавески на окнах, кушетки, даже свечи были сплошь абрикосового цвета и в рюшечках, оборочках и завитушках. Во всех шкафах, на всех полках стояли ботиночки и розовые туфельки, лежали штанишки в цветочек и заколки для волос. Поэтому можно понять столь немногочисленные акты самоутверждения в виде затейливо изгибавшегося телефонного шнура да массивного, достойного мужчины, замка.

За дверью неожиданно раздался смех, и от этого стало еще более не по себе. Бен никогда не отличался смешливостью, даже в раннем детстве. Лет в восемь он как-то раз холодно посмотрел на Мишель и объявил: «Мишель страдает хихиканьем», словно это болезнь, которую надо лечить. Пэтти считала его стойком, но его замкнутость и необщительность шли дальше. Конечно, Раннер его совершенно не понимал и не знал, как с ним себя вести. Он то устраивал с ним дикие игры (Бен цепенел и не реагировал на то, что отец катает его по полу, как крокодила), то обзывал его (Раннер громко жаловался, что ребенок зануда, со странностями и ведет себя как девчонка). Сама она тоже не сильно преуспела, а недавно купила книгу о том, как себя вести с сыном-подростком, и прятала ее под кроватью, как какое-нибудь порнографическое издание. Автор советовал не тушеваться, задавать вопросы, добиваться ответов, но у нее не получалось. Она чувствовала: с Беном творится что-то неладное, его сейчас беспокоит и злит нечто куда более серьезное, чем неверно сформулированный вопрос, — злит и выливается в это невыносимое, звенящее молчание. Но чем больше она пыталась понять его поведение, что-то у него выяснить,

тем больше он уходил в себя и прятался. У себя в комнате. И разговаривал с людьми, которых она не знала.

Дочери тоже встали, причем очень-очень давно. Ферма, даже столь жалкая и убогая, как эта, требует, чтобы хозяева рано вставали и выполняли ежедневные зимние работы. Сейчас они резвились на снегу. Она выставила их за дверь, как озорных щенят, чтобы они не разбудили Бена, и рассердилась, когда услышала, что он разговаривает по телефону, — значит, он тоже проснулся. Отчасти по этой причине она затеяла блины — любимое кушанье дочерей: чтобы сравнять счет. Дети постоянно обвиняют ее в том, что она встает на чью-нибудь сторону: Бена она вечно просит проявлять терпение в общении с этими маленькими существами в бантах и рюшках; девочек — пожалуйста, не шуметь, пожалуйста, не приставать к брату. Десятилетняя Мишель — старшая из них, Дебби девять лет, а Либби семь. («Господи, мам, ты их прям как кутят рожала, что ли!» — слышался ей осуждающий голос Бена.) Сквозь прозрачную занавеску на окне она посмотрела на дочерей — роли были распределены как обычно: Мишель и Дебби, главный распорядитель и помощница, строят снежную крепость по только им ведомому плану, которым они не поделились с Либби; Либби пытается помочь, подносит снежки, и камни, и длинную кривую палку, но ей отказывают, почти не глядя в ее сторону. В конце концов Либби ударяется в громкий рев, а потом пинает крепость ногами, и вся конструкция разваливается. Пэтти отвернулась от окна, зная, что дальше будут кулачные бои и слезы, но у нее не было настроения вмешиваться.

Дверь комнаты Бена тихонько скрипнула, и тяжелые шаги в конце коридора сказали ей, что он снова в этих своих огромных черных ботинках, которые она ненавидит. Даже не смотри на них, велела она себе. То же самое она себе говорила, когда он надевал камуфляжные штаны. («Отец ведь надевал камуфляжные штаны», — огрызался он, когда она делала ему замечание. «На охоту, он надевал их на охоту», — уточняла она.) Как же она скучала по тому мальчику, который любил неброскую одежду и носил исключительно джинсы и клетчатые рубашки с пристегивающимся воротничком. По обожавшему игрушечные самолеты мальчику с темными кудрями.

Он вошел в черной джинсовой куртке, черных джинсах и надвинутой почти на глаза вязаной шапочке, что-то пробормотал и направился к выходу.

— Только после завтрака, — сказала она вслед.

Он остановился, повернулся к ней вполборота:

— Мне надо кое-что сделать.

— Успеешь, сначала садимся завтракать.

— Ты же знаешь, я ненавижу блины.

Черт побери.

— Что ж, приготовлю тебе что-нибудь другое. Садись.

Он ведь не сможет не подчиниться прямому приказу? Они устали друг на друга, Пэтти уже приготовилась сдаться, но Бен, красноречиво вздохнув, плюхнулся на стул и начал крутить в руках солонку, потом высыпал соль на стол и сделал из нее пирамиду. Она чуть не потребовала, чтобы он прекратил, но вовремя остановилась. Пока достаточно, что он все-таки сел за стол.

— С кем это ты сейчас разговаривал? — спросила она, наливая ему апельсинового сока и зная, что он назло ей к нему не притронется.

— Кое с какими людьми.

— Людьми? Во множественном числе?

Он только приподнял бровь.

Входная дверь открылась, громко стукнулась о стену, и она услышала топот сапожек на коврике у двери — до чего же дисциплинированные девочки, сбивают снег, чтобы не оставлять следов. Ссора, должно быть, давно закончилась миром. Мишель и Дебби уже щебетали о каком-то мультике по телевизору. Либби же сразу вошла, уселась на стул рядом с Беном и стряхнула с волос прилипшие льдинки. Из дочерей только она знала, как его разоружить. Она улыбнулась ему, махнула рукой и тут же устала перед собой.

— Эй, Либби, — сказал он, продолжая манипуляции с солью.

— Эй, Бен. Мне нравится твоя соленая гора.

— Спасибо.

Пэтти увидела, как Бен снова забрался в свою раковину, когда в кухню вошли Мишель и Дебби и их звонкие голоса заполнили помещение.

— Мама, Бен безобразничает, — пожаловалась Мишель.

— Ничего страшного, доченька. Блины почти готовы. Бен, тебе яичницу?

— А почему ему яичницу? — заныла Мишель.

— Бен, тебе яичницу?

— Ага.

— Я тоже хочу, — включилась Дебби.

— Ты ведь не любишь яйца, — вмешалась Либби. Она с завидным постоянством вставала на защиту брата. — Бену нужно есть яйца, потому что он мальчик. Мужчина.

У Бена это вызвало легкую улыбку, что заставило Пэтти выбрать для

Либби особенно круглый и симпатичный блин. Она разложила блины по тарелкам, пока яичница скворчала на сковороде. Хорошо, еды хватило на всех, но это последнее из того, что осталось от Рождества. Она не будет переживать об этом сейчас — об этом потом, после завтрака.

— Мам, а у Дебби локти на столе, — сказала Мишель своим обычным поучающим тоном.

— Мам, а Либби не помыла руки, — это снова Мишель.

— Ты тоже не помыла, — это уже Дебби.

— А никто не помыл, — засмеялась Либби.

— Воистину, вонючка, — сказал Бен и ткнул ее в бок.

Это у них была какая-то старая хохма; Пэтти не знала ни откуда они ее взяли, ни с чего все началось. Либби запрокинула голову назад и рассмеялась еще сильнее, но на этот раз неестественным, театральным смехом, только чтобы угодить Бену.

— Сам такая штучка, — продолжая хохотать, выдала Либби, очевидно, положенный ответ.

Пэтти намочила тряпку и передала по кругу, чтобы все протерли руки, не вставая из-за стола. То, что Бен снизошел до того, чтобы поддразнить одну из сестер, было теперь редким событием, и, кажется, если все будут за столом, настроение у нее может не испортиться. Ей так необходимо это хорошее настроение — точно так же человек, не спавший ночь, мечтает о том, чтобы оказаться в постели. Каждое утро, просыпаясь, она дает себе зарок, что не позволит мыслям о ферме себя угнетать, не позволит, чтобы гибель фермы (а у нее трехлетний долг по выплате ссуды, три года — и никакого выхода) превращала ее в изможденную, унылую женщину, не способную радоваться жизни, в человека, которого она в себе ненавидит. Каждое утро она падала на колени на старенький коврик у кровати и молилась, хотя это было больше похоже на клятву: «Сегодня я не буду кричать, не буду плакать, не буду съезживаться и горбиться, будто в ожидании удара, — сегодня я буду радоваться жизни!» А вдруг именно сегодня удастся продержаться хотя бы до обеда!

Все шло хорошо (дети за столом, руки чистые, краткая молитва прочитана), пока Мишель не принялась за свое:

— Бен должен снять шапку.

По заведенному в семье порядку никто не садился за стол в головном уборе, это было безусловное правило, и Пэтти удивило, что об этом вообще приходится говорить.

— Бен действительно должен снять шапку, — мягко, но решительно напомнила она.

Бен слегка повернул голову в ее сторону, и она тут же ощутила легкое беспокойство: что-то не так. Обычно тонкие ржавые ниточки бровей почему-то стали черными, а кожа под ними — темно-фиолетовой.

— Бен?

Он снял шапку — под ней оказалась копна черных как смоль волос, торчавших в разные стороны, словно шерсть на старом лабрадоре. Пэтти будто ледяной водой окатили — так это было неожиданно: ее рыжеволосый сын куда-то исчез. Он выглядел старше своих лет. И казался каким-то злобным. Будто этот сидевший перед ней мальчишка навсегда изгнал того Бена, которого она знала.

Мишель вскрикнула, Дебби расплакалась.

— Зачем тебе это, сынок? — спросила Пэтти.

Она мысленно убеждала себя не реагировать слишком остро, но поступала сейчас именно так. Идиотская выходка подростка (и не более того!), так неужели из-за нее стоит портить отношения с сыном! Пока Бен сидел, уставившись в стол с ухмылкой на лице, защищаясь таким образом от всплеска женских эмоций, Пэтти судорожно придумывала объяснение и оправдание его поступку. В детстве он ненавидел свои рыжие волосы, потому что из-за них его всегда дразнили. Может, до сих пор дразнят? Может, это очередной акт самоутверждения; а ведь в этом нет ничего плохого. Но с другой стороны, рыжие волосы у него — от нее, и не эту ли связь он пытался оборвать? Разве это не отторжение? Наверное, Либби, которая цветом волос тоже пошла в нее, сейчас переживала то же самое: худенькими пальчиками она держала перед собой прядку своих волос и хмуро ее изучала.

— Ладно, — сказал Бен, шумно проглотив яйцо, и встал, — хватит! Подумаешь, какие-то волосы! Делов-то!

— Но они у тебя были такие красивые.

Он как будто задумался над ее словами, потом покачал головой — в ответ на них или по поводу всего утра, она не могла точно сказать, — и направился к двери.

— Просто успокойтесь, — сказал он, не оборачиваясь. — Приду вечером.

Ей показалось, что он сейчас шарахнет дверью, но он тихо прикрыл ее за собой, а это, пожалуй, намного хуже. Пэтти дунула себе на челку и оглядела стол — с трех сторон на нее смотрели распахнутые голубые глаза в ожидании, как она себя поведет. Она сначала улыбнулась, потом слабо рассмеялась:

— Да, пожалуй, немного странный поступок.

Дочери оживились и сразу будто выпрямились на стульях.

— Он вообще какой-то странный, — добавила Мишель.

— Теперь у него волосы подходят к одежде, — сказала Дебби, отирая слезы тыльной стороной ладошки и отправляя в рот блин.

И только Либби молча смотрела в тарелку, сторбившись над столом. Только у ребенка может быть столь подавленный и несчастный вид.

— Все образуется, — сказала Пэтти и легко потрепала ее по щеке, опасаясь, как бы снова не расстроились остальные.

— Нет, не образуется. Он нас ненавидит.

Либби Дэй

Наши дни

Через пять дней после встречи с Лайлом за пивом я съехала со своей горы и порулила в сторону бывшей промзоны чуть западнее центра города. В эру скотобоев местность процветала, а потом не одно десятилетие пребывала в упадке, и теперь здесь сплошь высокие кирпичные здания без признаков жизни с вывесками переставших существовать компаний: «Рафтери колд сторидж», «Лондон биф», «Даннхаузер кэттл траст». Несколько брошенных строений переоборудовали в приносящие вполне легальный доход дома с привидениями; в них во время Хеллоуина горит свет, там горки с пятиэтажный дом, замки, где обитают призраки да упивается молодежь и подростки, прячущие в куртках пиво.

Но в начале марта местечко оставалось пустынным. Из окна машины я замечала, что время от времени кто-нибудь входит в какое-нибудь здание, правда, непонятно, с какой целью. Рядом с рекой местность из почти безлюдной постепенно превращалась в зловеще-пустынную — настоящие руины.

Когда я парковалась перед четырехэтажным домом с табличкой «Корпорация Толлмэнов», отчего-то стало не по себе. Вот когда я пожалела, что у меня мало друзей. То есть что их вообще нет. Не следовало ехать сюда одной, но уж если поехала, кто-то должен был меня ждать. Впрочем, я на всякий случай оставила дома на внутренней лестнице записку о том, где нахожусь, и приложила письмо от Лайла. Если я вдруг исчезну, копы будут знать, откуда начинать поиски. Конечно, будь у меня подруга, она бы участливо, как умеют говорить только женщины, сказала: «Ни за что на свете не позволю тебе туда ехать».

А может, и не сказала бы. После убийств в нашем доме я вообще мало в чем разбираюсь. Я, например, считаю, что в жизни может произойти самое страшное, потому что самое страшное действительно произошло. С другой стороны, не означает ли это, как ничтожно малы шансы, что со мной, Либби Дэй, произойдет нечто еще более ужасное? Статистика — штука упрямая. Но мне сложно решить, как себя вести, — я впадаю из одной крайности в другую: то проявляю чрезмерную осторожность (всегда сплю с включенным везде светом и маминым стареньким кольцом на прикроватной тумбочке), то чудовищную беспечность (понесла же нелегкая

в какой-то Клуб Смерти!).

На мне были ботинки на высоких каблуках, чтобы прибавить несколько сантиметров роста; правый из-за изуродованной ноги на мне болтается. Было очень страшно и немного стыдно, но я была настроена самым решительным образом, потому что никому на свете деньги сейчас не были нужны так, как мне. За вчерашний день я пробовала думать о своих действиях с менее обидной для себя точки зрения и добавить своим поступкам благородства. Кому-то интересна моя семья — да, я ею горжусь, поэтому позволяю совершенно незнакомым людям разбираться в том, что без меня им сделать не удастся. Ну а если при этом у них появилось желание предложить мне деньги — что ж, возьму, я не гордая.

На самом же деле я нисколько не гордилась своей семьей. Дзев все вокруг недолюбливали. Мой отец, Райнер Дэй, был вечно пьяным психом, но буянил как-то уж очень невыразительно, что ничего, кроме презрения, не вызывало, — трусливый недомерок, пускавший в ход кулаки. Маме с четырьмя детьми было очень трудно. Дети из разорившейся фермерской семьи, дурно пахнущие и изворотливые, мы приходили в школу как нищие: не позавтракав, в драных кофтах, сопливые и вечно кашляющие. За недолгое пребывание в начальной школе у нас с сестрами раза четыре заводились вши. Дэй-грязнули, Дэй-замарашки.

И вот она я через двадцать с лишним лет, по-прежнему нуждаюсь, особенно в деньгах. В заднем кармане джинсов у меня лежала записка от Мишель, которую она мне написала за месяц до убийств на выдернутом из блокнота листочке с аккуратно обрезанной бахромой, старательно сложенном в форме стрелы. В записке обычные мысли, занимающие ученицу начальной школы: мальчик из класса; глупая училка; дорожные и, конечно, уродские джинсы, которые на день рождения подарили избалованной однокласснице. Ничего выдающегося или запоминающегося — у меня не одна коробка подобной макулатуры. Переезжая с места на место, я таскаю их за собой, но до сих пор ни разу не открывала. Я решила продать записку Мишель за двести долларов и на миг ощутила что-то вроде виноватого ликования, когда представила весь тот хлам, который теперь могу выгодно сбыть: записки, фотографии и всякая дрянь, которую мне не хватало мужества выбросить. Я выбралась из машины и вздохнула полной грудью.

Из снега местами выглядывали весенние проплешины, но вечер стоял холодный. В небе висела огромная желтая луна, похожая на бумажный китайский фонарь.

Я поднялась по грязным мраморным ступенькам — под ногами, как

старые больные кости, поскрипывала прошлогодняя листва, — постучала в массивную металлическую дверь, немного подождала, чувствуя себя в лунном свете освистанной актрисой из дешевого водевиля, и постучала еще трижды. Я уже собралась звонить Лайлу на мобильный, когда дверь распахнулась — из проема на меня взирал высокий длиннолицый парень.

— Чего надо?

— Гм... а Лайл Вирт здесь?

— С какой стати ему здесь быть? — сказал тот без тени улыбки. Издевается, гад!

— Да пошел ты, твою мать! — выпалила я и развернулась, чувствуя себя круглой идиоткой. Я спустилась на три ступеньки, когда он меня окликнул:

— погоди! Чего это ты, блин, скривилась? Обиделась, что ли?

Да я уже родилась кривой. Я представляла, как вылезаю из материнской утробы, кривая, неправильная и неуместная. Я всегда завожусь с полоборота. Возможно, фраза «твою мать!» и не сразу готова слететь с губ, но она, как правило, где-то рядышком.

Я остановилась.

— Слушай, я, конечно, знаю Лайла Вирта. Ты в списке гостей или как?

— Не знаю. Меня зовут Либби Дэй.

Он разинул рот, потом шумно его захлопнул и посмотрел на меня с тем же недоверием, что и Лайл при первой встрече.

— А почему блондинка?

Я недовольно вскинула брови.

— Входи, они внизу. Я провожу. — Он распахнул передо мной дверь. — Да входи же, я не кусаюсь.

Больше, чем эта фраза «я не кусаюсь», меня раздражают только слова «Улыбнись, не может все быть так плохо!» из уст какого-нибудь мужика в баре, красномордого от принятого на грудь. Нет, козел, еще как может!

Я вернулась, испепеляя парня гневным взглядом, и вошла в дверь особенно медленно, чтобы ему пришлось подольше ее придерживать. Урод!

Я оказалась в похожем на пещеру фойе с привинченными к стенам остатками ламп-бра в форме пшеничных колосьев. Высоченные, метров под пятнадцать, потолки хранили следы былой росписи на сельские темы: юноши и девушки занимаются прополкой. Одна из девушек без лица почему-то держит в руках скакалку. Или это змея? Весь западный угол потолка когда-то обрушился, и там зияла дыра, поэтому вместо пышной летней листвы, в которую должен был перейти дуб на фреске, там виднелся

кусоч темно-синего ночного неба с отблеском луны. В помещении обходились без электричества, но по углам можно было различить горы мусора. Как будто любители буйного веселья сначала пускались во все тяжкие, а потом веником снова пытались придать этому месту приличный вид. От куч несло мочой. На одной из стен макарониной висел использованный презерватив.

— Да уж, не банкетный зал, — пробормотала я. — Могли бы для своей конференции снять что-нибудь поприличнее.

Мраморный пол под ногами гудел — судя по всему, основные события вечера разворачивались внизу.

— Нас нигде особенно не ждут, — отозвался парень. У него было молодое мясистое лицо, покрытое родинками; в одном ухе малюсенькая серьга в виде черепашки. Мне кажется, подобные типы увлекаются настольными играми в стиле фэнтези, часто заводят хорьков и считают крутыми всякие фокусы-покусы. — К тому же в этом здании присутствует особая... атмосфера. В пятьдесят третьем году здесь пустил себе пулю в лоб один из Толлмэнов.

— Мило.

Мы посмотрели друг на друга. В полумраке его лицо словно меняло форму.

Было совершенно непонятно, как отсюда попасть вниз: застывший между этажами лифт не работал. Я представила призраков в костюмах, которые терпеливо ждут, когда он снова придет в движение.

— Так мы куда-то идем... или стоим?

— Ах да, конечно. Я просто хотел сказать, что... очень сочувствую твоему горю. Наверняка даже сейчас, когда прошло столько лет... невозможно представить. То, что произошло, — это почти как у Эдгара По...

— Я стараюсь как можно меньше об этом вспоминать, — заученно произнесла я дежурную фразу.

— Тогда ты оказалась не в том месте, — засмеялся парень.

Мы свернули за угол и двинулись по коридору, где когда-то были кабинеты. Ступая по битому стеклу, я заглядывала в каждый проем: пусто, пусто, тележка из магазина, аккуратная кучка испражнений, остатки костра, и вдруг — бродяга, весело сказавший мне «Приветик!».

— Это Джимми. Он безвредный, поэтому ему разрешили остаться.

Ах, какие мы добрые, подумала я, и кивнула Джимми. Мы дошли до огромной массивной двери, мой провожатый ее открыл, и на меня набросился вырвавшийся оттуда шум — перекрывающие друг друга звуки

органной музыки и тяжелого металла, а еще громкие голоса пытавшихся перекрычать друг друга людей.

— Только после вас, — галантно произнес мой спутник, но я не сдвинулась с места: не люблю, когда кто-нибудь находится у меня за спиной. — Могу и... нам вон туда.

Я подумала было о том, чтобы сбежать, но внутри разыгрался дух противоречия, когда я представила, как этот фигляр начнет говорить приятелям: «Да она очканула — взяла и смылась!» Они в ответ заржут, а он добавит: «Она совсем не такая, какой я ее себе представлял» — и рукой покажет, какого я роста. Я шла за ним и повторяла про себя ругательства в его адрес.

Мы спустились на цокольный этаж и подошли к двери с прикрепленными к ней надписями: «Стенд 22: для тех, кто коллекционирует предметы, связанные с Лиззи Борден. Здесь их можно продать или обменять», «Стенд 28: Карла Браун. Обсуждаем следы от укусов», «Стенд 14: Ролевая игра. Допросите Кейси Энтони — почему погибла ее двухлетняя дочь?!», «Стенд 15: Том потчует гостей ужасом — сегодня в меню адская смесь, приведшая к гибели обитателей Джонстауна, и крохи от Фанни Адамс».

И тут в углу я увидела голубоватый листок с ксерокопией моей фотографии: «Поговорим о стечении обстоятельств. Резня на канзасской ферме в Киннаки — подробный разбор дела. У нас сегодня ОСОБЫЙ ГОСТЬ!!!»

Меня еще раз посетила мысль сбежать, но тут дверь распахнулась, и я оказалась в помещении цокольного этажа, сыром и без окон, где толпилось, наверное, человек двести. Люди наклонялись, касались руками, кричали друг другу в ухо. Когда-то еще в школе нам показали документальные кадры о нашествии саранчи на американский Средний Запад — сейчас передо мной картина повторялась: те же таращащиеся глаза, жующие рты, развернутые локти. В помещении устроили что-то вроде толкучего рынка, разделенного на ряды с небольшими загончиками, отгороженными сеткой-рабицей. В каждом загончике разбиралось какое-то одно преступление. Навскидку здесь было не меньше сорока таких стендов. С потолка на длинных шнурах свисали тускло светившие лампочки; они иногда вдруг покачивались, отбрасывая неверный свет и освещая лица в зловещих ракурсах, — не люди, а сборище посмертных масок.

С другой стороны помещения меня заметил Лайл и начал протискиваться сквозь толпу, плечом прокладывая себе путь, время от времени отступая в сторону и радостно размахивая руками. Судя по всему,

он здесь не последний человек: каждый хотел до него дотронуться, переброситься с ним словом. Он наклонился к кому-то, подставив ухо, а когда поднимался, задел головой лампочку. Все засмеялись, лампочка закружилась, как мигалка на полицейской машине, лица то освещались, то снова погружались в полумрак. Лица мужчин. Лица юношей. Во всем помещении было очень мало женщин, я заметила всего четырех — невзрачных и в очках. Впрочем, мужчины тоже не отличались привлекательностью. Там были профессорского вида дядьки с бакенбардами, невыразительные мужички, похожие на отцов семейств из провинции, и немало типов не старше тридцати с немодными стрижками и в стремных очках повернутых на математике придурков — они внешне очень походили на Лайла и на моего провожатого. Ничем не примечательные, зато с исходившим от них самомнением всезнаек.

Лайл подошел ко мне, и мужчины у него за спиной заулыбались, с любопытством изучая меня, словно его новую подружку. Он покачал головой:

— Извините, Либби. Кенни должен был мне позвонить на мобильный, когда вы придете, чтобы я сам вас встретил.

Через мою голову он бросил взгляд на Кенни, тот шумно пожал плечами и удалился. Лайл повел меня вглубь толпы, подталкивая сзади в плечо. На некоторых присутствующих были чуть ли не маскарадные костюмы. Мимо меня прошел парень в черном жилете и высокой черной шляпе, со смехом предлагая конфеты.

— Этот из фанатов дела Фредерика Бейкера, — пояснил Лайл. — Вообще-то последние пару лет мы пытаемся вытеснить из наших рядов эту художественную самодеятельность, но ею увлеклись... слишком многие.

— Дурдом какой-то, — сказала я, чувствуя, что у меня вот-вот лопнет терпение. Со всех сторон меня толкали то руками, то локтями, я делала несколько шагов вперед, но меня тут же оттискивали назад. — Честное слово, никак не возьму в толк, что здесь, черт возьми, происходит!

Лайл нетерпеливо вздохнул и посмотрел на часы.

— Знаете, наше заседание начнется не раньше полуночи. Хотите, я пока вас тут повожу и объясню, в чем дело?

— Я хочу получить свои деньги.

Он пожевал нижнюю губу, вытащил из заднего кармана конверт, сунул мне в руку и, наклонившись к уху, попросил пересчитать деньги потом. Толстый на ощупь конверт меня несколько успокоил.

— Давайте я покажу, чем мы занимаемся.

Мы пошли по периметру помещения. Справа и слева кучками

теснились люди, металлическая ограда напоминала о вольерах для собак. Лайл снова начал подталкивать меня вперед.

— «Клуб Смерти» — только прошу, не надо нравоучений, — мы и сами понимаем, что название неудачное, но оно приклеилось, и ничего с этим не поделаешь. Мы сокращенно называем его КС, а поскольку у Канзас-Сити аббревиатура такая же, у нас есть основания именно здесь проводить ежегодную конференцию. Я уже говорил, что наш клуб — для тех, кто расследует преступления. И для энтузиастов. Мы занимаемся нашумевшими делами. Всеми — от дела Фанни Адамс до...

— Что еще за Фанни Адамс? — Я почувствовала укол ревности: разве не я здесь особый гость!

— Ей было восемь лет, когда в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году ее изрубили на куски. Это случилось в Англии. Парень в высокой шляпе изображает убийцу — Фредерика Бейкера.

— Надо же, какой ужас, — сказала я, а про себя подумала: значит, ее давно нет в живых, что хорошо — я вне конкуренции.

— Это преступление получило широкую известность. — Он заметил на моем лице гримасу. — Да, эта часть зала не очень интересна в том смысле, что большинство преступлений раскрыто и тайное давно стало явным. Для меня самое главное в нашем деле — участие в раскрытии нераскрытых преступлений, в разгадывании тайны. У нас есть бывшие полицейские, адвокаты...

— Кто-то разыгрывает и убийство... моих?... Моей семьи?

В это время рядом затормозил жирный дядька с мелированными волосами и надувной куклой в красном платье, он наступил мне на ногу и даже не заметил. На щеке я ощутила пластмассовые пальцы куклы. Кто-то сзади крикнул: «Эмбер Фрей сдала Скотта Питерсона с потрохами!» Я изо всех сил оттолкнула мужика, взглядом пробежала по толпе: вдруг среди них кто-то оделся как моя мать или как Бен — какой-нибудь размахивающий топором кретин в рыжем парике. Руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Нет, Либби, что вы! — сказал Лайл. — Я бы ни в коем случае не позволил никаких постановок.

— Почему у вас только мужчины? — За одним из столов неподалеку двое пузатых коротышек в водолазках ссорились по поводу убийств детей, которые недавно произошли в пойме Миссури.

— Нет, у нас есть и женщины, — начал защищаться Лайл, — хотя расследование ведут в основном мужчины. Но пойдите на какую-нибудь конференцию кроссвордов — там то же самое. Женщины приходят ради, так сказать, общения — кофе попить, приобрести старые снимки. Они

рассказывают, почему отождествляют себя с жертвами преступлений, которые мы тут рассматриваем: у них ведь могут быть жестокие мужья, которые к ним плохо относятся, да что угодно. Но нам приходится быть настороже, потому что они иной раз чересчур... прикипают, что ли, к судьбам людей.

— Действительно, лучше не принимать все слишком близко к сердцу, — сказала я лицемерно.

Слава богу, Лайл пропустил мимо ушей мое замечание и продолжил свою мысль:

— Сейчас, например, они одержимы историей с Лизетт Стивенс.

Он махнул в сторону стола, где вокруг монитора собралась группа женщин, по-куриному склоняя головы к экрану. Я подошла ближе. Все рассматривали видеомонтаж, посвященный Лизетт. Лизетт с однокурсницами. Лизетт с любимой собакой. Лизетт с сестрой — они похожи как две капли воды.

— Понимаете, что я имею в виду? — сказал Лайл. — Они ведь не занимаются расследованием дела — они просто рассматривают снимки, а это можно делать и дома.

Проблема с Лизетт Стивенс заключалась в том, что в ее деле нечего было расследовать: здесь не было ни ухажера, ни мужа, ни обиженных коллег на работе, ни странного вида работяг, которые бы делали у нее дома ремонт. Зацепиться не за что. Она просто исчезла без какой-либо видимой причины. Разве что она очень хорошенькая. Таких девушек окружающие не могут не заметить. О таких девушках, если они пропадают, и пресса начинает писать.

Я протолкалась к аккуратно сложенным стопкой фуфайкам с нанесенной на них при помощи утюга надписью: «Помогите Лизетт вернуться домой!» Двадцать пять долларов за штуку. Но группу женщин, однако, больше интересовал экран ноутбука — они читали отзывы на сайте. Рядом с отзывом люди часто помещают фото, а снимки, надо сказать, были еще те. «Лизетт, мы тебя любим и знаем, что ты вернешься» — появилось рядом со снимком трех дам среднего возраста на пляже. «Мир и любовь твоей семье в этот тяжелый час» — гласил текст рядом с изображением помеси лабрадора с пуделем. Женщины вернулись на домашнюю страницу, и на экран выплыл снимок, который особенно полюбился журналистам: Лизетт в обнимку с матерью, щека к щеке, обе счастливо улыбаются.

Я встrepенулась, стараясь не думать о Лизетт, которую и знать не знала. А еще — пытаюсь справиться с очередным приступом ревности.

Очень хотелось, чтобы убийством моей семьи занималось больше всего людей. Что-то вроде всплеска любви — мои покойники лучше всех. Перед глазами мелькнула картинка из детства: мама с собранными сзади в хвост рыжими волосами снимает с меня зимние ботинки, которые нисколько не греют, а потом один за другим трет замерзшие пальцы на ногах, приговаривая: «Грейся-грейся, большой пальчик, грейся-грейся, маленький!» Это воспоминание сопровождается запахом тоста с маслом — правда, был ли там тост на самом деле, не помню. Зато в этом воспоминании на ногах у меня еще полный набор пальцев.

Я передернула плечами, сбрасывая наваждение:

— Так что там еще у нас по плану?

Мы оказались перед настоящей пробкой — толпа выстроилась перед столом с табличкой «Балаган-базар буйного Боба», за которым парень с чересчур длинными усами шумно хлебал суп. На доске у него за спиной выстроились четыре человеческих черепа с надписью: «Последние четверо». Завидев нас, он начал во весь голос требовать, чтобы Лайл представил ему свою маленькую подружку. Лайл попытался от него отмахнуться и вместе со мной просочиться сквозь толпу — не получилось. Он шепнул мне на ухо, что это очередной участник ролевой игры.

— Боб Берделла, — обратился Лайл к парню и подмигнул, шутливо упирая на фамилию, — познакомься, это Либби Дэй из семьи Дэев... Резня на канзасской ферме в Киннаки.

Парень через стол наклонился ко мне, в зубах у него застрял кусочек гамбургера.

— Будь у тебя член, ты была бы уже на свалке, разрезанная на куски, — сказал он и радостно заржал. — На мелкие-мелкие кусочки.

И он шлепнул по мне, как по комару. Я невольно отпрянула, но тут же в ярости рванулась к нему с кулаком наготове, как делаю всегда, когда меня пугают. В нос его, чтоб кровь пошла! Чтобы вообще остался без носа! А потом еще раз ударить! Но не успела я до него добраться, как он отшатнулся на стуле, подняв руки вверх и бормоча, но не мне, а Лайлу:

— Да ладно тебе, я пошутил! Что такого-то!

При этом он даже не взглянул на меня, будто я ребенок. Пока он ныл, я бросилась на него, но сумела достать только до подбородка, поэтому мой удар кулаком превратился в подобие шлепка — так наказывают нашкодившего щенка.

— Ты, козел!

Вмешался Лайл и, бормоча извинения, увлек меня за собой, но я еще не растеряла пыл и, удаляясь, довольно сильно пнула стол, за которым

сидел Боб; стол качнулся, суп пролился на пол. Жаль, не перевернула! Что может быть позорнее, чем неудачная попытка женщины-недомерка врезать обидчику! Хуже могло быть, если бы меня уносили прочь, а я бы по-детски отчаянно сучила ногами в воздухе. Я оглянулась — Боб стоял столбом с розовым от моего шлепка подбородком и безвольно опущенными руками, пытаюсь решить, то ли ему стыдно, то ли его зло берет.

— У нас в клубе это не первая потасовка, — констатировал Лайл.

— Не люблю, когда мне угрожают.

— Вообще-то он не... да-да, понимаю, — пробормотал Лайл. — Когда-нибудь эти артисты оставят нас в покое. Люди в нашей группе вам понравятся — в группе расследования гибели Дзев.

— Разве она называется группа расследования гибели Дзев, а не группа расследования резни на канзасской ферме в Киннаки? — недовольно пробурчала я.

Он попытался протиснуться через бутылочное горлышко в тесном проходе, но его попытка закончилась неудачей. Я же лицом почти уткнулась в спину какого-то мужика в синей накрахмаленной рубашке и несколько секунд созерцала безупречную складку посередине. Кто-то настырно подталкивал меня сзади в спину.

— Люди, как правило, так или иначе упоминают в этом деле Сатану, — заметила я.

— Да, но у нас другое мнение, поэтому мы стараемся имя дьявола, прошу прощения, не упоминать, — сказал Лайл, ввинчиваясь в толпу.

— Понятно, значит, дело в названии, — съязвила я, не отрывая взгляда от синей рубашки впереди.

Мы протолкались за угол и наконец оказались на относительно просторе, где можно было хотя бы отдышаться.

— Хотите увидеть еще какие-нибудь группы? — Он кивнул в сторону: слева у стола, обозначенного номером 31, толпилась кучка мужчин: кое-как постриженные, кое-кто с усами, на многих старомодные рубашки с пристегнутым воротом. Они отчаянно спорили приглушенными голосами. — Это очень продвинутый народ. Они тут, по сути дела, создают собственную тайну: они убеждены, что вышли на серийного убийцу, который действует в нескольких штатах — Миссури, Канзасе, Оклахоме, где помогает людям уйти из жизни. Людям семейным, иногда пожилым, которые не могут выбраться из долговой ямы, на кредитках ни цента или ипотека душит, — короче, тем, у кого нет выхода.

— Убивает, потому что они не умеют обращаться с деньгами? — Я вытаращила глаза.

— Не совсем так. Здесь его считают чем-то вроде Джека Кеворкяна по прозвищу Доктор Смерть для людей, у которых беда с кредитами, зато хорошие страховки, и называют Ангелом — Спасителем-от-долгов.

Один из участников обсуждения за тридцать первым столом, юноша с выступающей вперед челюстью и губами, которые не закрывали зубы, услышав последние слова Лайла, живо к нему повернулся и сказал:

— Кажется, в прошлом месяце Ангел поработал в Айове: там отец четырех детей, имевший шикарный загородный дом, разбился на снегоходе — с виду не подкопаешься, да и время года подходящее. Точно такой же случай произошел год назад. Наш герой теряет оригинальность.

Парнишка собирался продолжить и хотел, судя по всему, затащить нас к себе. У них на столе в беспорядке валялись таблицы, диаграммы, графики, вырезки из газет, еще какие-то непонятные бумажки. Из стоявшей там же миски спорщики прямо руками зачерпывали соленую смесь сухариков с орешками, часть еды падала на пол. Я покачала головой и потянула Лайла в другую сторону — туда, где не пахло потом и солью. Оказавшись в проходе, я вздохнула и глянула на часы.

— Верно, — сказал Лайл, — у нас впереди еще много дел. Пошли. Так вот, мне кажется, наша группа вам понравится. У нас куда более серьезные люди. Посмотрите, там уже собирается народ.

Он показал в сторону аккуратного столика в углу, рядом с которым жирная тетка с мелкой химией на голове отхлебывала кофе из одноразового пластикового стаканчика размером с хороший кувшин. Рядом, не обращая на нее внимания, двое ухоженных мужчин средних лет оглядывали помещение, уперев руки в боки. Внешне они напоминали полицейских. За картонным столиком у них за спиной сгорбился лысеющий дядька в летах и что-то писал в блокноте, у него за плечом стоял мальчишка студенческого возраста и читал, что он пишет. Чуть дальше несколько мужчин неопределенного вида копались в сложенных стопками бумажных скоросшивателях или бесцельно торчали рядом.

— Посмотрите, есть женщины! — победно произнес Лайл и показал на женщину-гору в мелких кудряшках на голове. — Хотите подойти сейчас или дождемся более торжественного момента?

— Можно и сейчас.

— У нас очень-очень серьезные люди, а не глупые, одержимые фанаты. Вам правда они понравятся. Вы у них непременно узнаете для себя что-то новое.

Я недоверчиво хмыкнула и последовала за Лайлом. Тетка заметила меня первой: сначала она подслеповато сощурилась, потом вылупила глаза.

У нее в руках был самодельный скоросшиватель с приклеенной сверху моей школьной фотографией, где на мне цепочка с золотым сердечком, которую мне прислал кто-то из благодетелей тех лет. Она подалась вперед, словно хотела вручить мне свою папку, которую держала как театральную программку. Я успела заметить, что к голове на снимке пририсованы рога, как у черта.

Лайл коснулся моего плеча, но тут же убрал руку:

— Всем привет! Прибыла наша особенная гостья. Позвольте представить: гвоздь программы и главная участница нынешней конференции — Либби Дэй.

Кто-то из присутствующих удивленно вскинул брови, кто-то одобрительно закивал. Один из похожих на копов воскликнул: «А ни хрена себе!» — и поднял руку, готовый всей пятерней одобрительно шлепнуть о ладонь Лайла, но передумал, и рука застыла в каком-то нацистском приветствии. Пожилой господин отвел от меня взгляд и продолжил что-то царапать в своих бумажках. На секунду я забеспокоилась, а не ждут ли присутствующие от меня некой торжественной речи, но вместо нее буркнула «здрсте» и присела к столу.

Последовали обычные приветствия и вопросы. Да, я живу в Канзас-Сити. Нет, временно не работаю. Нет-нет, с Беном у меня никаких контактов. Да, несколько раз в год он присылает мне письма, но я их рву, не читая, и отправляю в мусорную корзину. Нет, мне нисколько не интересно, что он там пишет. Да, я готова продать следующее же его письмо.

— Итак, — прогрохотал Лайл, перекрывая гвалт, — перед нами ключевая фигура в деле Дзев, так называемый очевидец, поэтому давайте-ка перейдем к вопросам, непосредственно связанным с интересующими нас событиями.

— У меня есть вопрос, — сказал один из «копов». Он выдавил из себя подобие улыбки. — Если не возражаете, перейдем прямо к сути, возьмем, так сказать, быка за рога. — Он даже как будто подождал, чтобы я ответила, что не возражаю. — Почему вы свидетельствовали, что вашу семью убил Бен?

— Потому что это сделал именно он, — сказала я. — Я там в это время находилась.

— Вы, дружок, прятались и просто никак не могли видеть то, что, как вы утверждаете, видели. В противном случае вас бы тоже в живых не оставили.

— Я видела то, что видела, — привычно заученно начала я.

— Полная чушь. Вы видели то, что вам велели видеть, потому что вы

были напуганной до смерти послушной девочкой, которая хочет помочь. Следствие изрядно запудрило вам мозги. Вас использовали, чтобы призвать к ответу человека, которого было легче всего объявить виновным. Более безответственное ведение следствия трудно представить.

— Я находилась в доме...

— Да, а как же вы объясните выстрелы, от которых погибла ваша мать? — парировал «коп» и, подавшись вперед, даже привстал со стула. — На руках Бена не обнаружено следов пороха...

— Господа, — перебил его пожилой дядька и помахал рукой с толстыми скрюченными пальцами, потом, кивнув в сторону тетки с кудрями и мою, сладко добавил: — И дамы! Мы же еще не представили факты рассматриваемого дела. Мы должны все запротоколировать, иначе наше мероприятие будет ничем не лучше болтовни в Интернете. Раз у нас такая гостя, мы должны быть особенно корректны и приходить к единому мнению по ряду вопросов.

Поскольку никто особенно не протестовал, старик облизнул губы, посмотрел на всех поверх толстых очков и откашлялся. Вид у него был начальственный, но при этом какой-то неухоженный. Я представила, как он один у себя дома, стоя у стола рядом с холодильником, поглощает консервированные персики прямо из банки и шумно прихлебывает сироп. Он начал зачитывать из блокнота:

— Факт первый. Около двух часов ночи третьего января восемьдесят пятого года некто, возможно не один, убил трех членов семьи Дзев в их доме на ферме в Киннаки, штат Канзас. Среди погибших — Мишель Дэй, десяти лет; Дебби Дэй, девяти лет, а также мать семейства Пэтти Дэй, тридцати двух лет. Мишель Дэй задушена; Дебби Дэй погибла от ран, нанесенных топором; Пэтти Дэй — от двух огнестрельных ранений, ударов топором и глубоких ран, нанесенных охотничьим ножом.

Кровь бросилась мне в голову, в ушах зашумело, но я сказала себе, что ничего нового для себя не слышу. Нечего паниковать. Я стараюсь не вслушиваться в детали убийства. Слова проходят сквозь мозг и выходят через уши, как у обезумевшего от ужаса ракового больного, который слышит из уст врача непонятные ученые слова и понимает только одно: все очень плохо.

— Следующий факт, — продолжал оратор. — Во время убийства младшая из детей, семилетняя Либби Дэй, находилась в доме и не попала в руки убийцы (или убийц), потому что выбралась на улицу через окно в комнате матери. Факт номер три. Старший из детей, Бенджамин Дэй, пятнадцати лет, утверждал, что после ссоры с матерью провел ту ночь в

сарая у одного из соседей. Он до конца придерживался этой версии, а его поведение во время следствия делу не помогло. Позже его арестовали и осудили, во многом на основании ходивших в округе слухов, что он увлекся сатанизмом и отправляет соответствующие обряды: стены внутри дома были покрыты символами и словами, ассоциировавшимися с культом дьявола. Стены были исписаны и изрисованы кровью его матери. — Старик замолчал в ожидании соответствующей реакции, оглядел слушателей и вернулся к своим записям. — Однако решающим стал тот факт, что его чудом уцелевшая младшая сестра Либби свидетельствовала, что видела, как он убивал. Несмотря на ее путанные показания и юный возраст, Бена Дэй осудили. И это при поразительном отсутствии вещественных доказательств и улик. Мы собрались здесь, чтобы изучить другие варианты и рассмотреть конкретные обстоятельства дела. По моему мнению, однозначным пока можно признать то, что убийства связаны с событиями, происходившими накануне, а именно второго января восемьдесят пятого года. Буквально в один день все пошло не так. Еще утром второго января ничто не предвещало трагедии. Что-то действительно произошло несколько позже.

Из папки говорившего показался краешек снимка с места преступления: пухлая окровавленная ножка и кусочек ночнушки бледно-лилового цвета. Дебби... Старик поймал мой взгляд и затолкал снимок назад в папку, словно меня это никак не касалось.

— Кажется, мы в целом пришли к выводу, что это дело рук Раннера Дэй, — сказала толстуха, так яростно копошась у себя в сумочке, что оттуда выпало несколько ватных дисков.

При имени отца я вздрогнула. Раннер Дэй — ничтожный, никчемный человек.

— Я права? — продолжала она. — Он приходит к Пэтти и угрозами пытается вырвать у нее деньги; как обычно, ничего не получает, злится и идет вразнос. То есть я хочу сказать, он же псих.

Тетка извлекла откуда-то бутылку с водой и приняла две таблетки аспирина, как делают в кино, — резко забросив голову назад. Потом взглянула на меня, ожидая подтверждения своих слов.

— Да, пожалуй. Я не очень хорошо его помню. Они разошлись, когда мне было года два. После этого мы мало общались. За несколько месяцев до убийств он жил с нами все лето, но...

— Где он сейчас?

— Не знаю.

Она вытаращила глаза.

— А как насчет следов, оставленных обувью взрослого мужчины? —

подал сзади голос какой-то человек. — Полиция так и не объяснила, почему в доме, где никто не носил выходных мужских туфель, обнаружены окровавленные следы таковых...

— Полиция очень многого так и не объяснила, — снова подал голос старик.

— Например, происхождение того кровавого пятна, — подхватил Лайл и повернулся ко мне. — На постели Мишель обнаружили пятно крови — по группе она не совпала с кровью ни одного из членов семьи. Но к несчастью, простыни оказались даром некоего благотворительного фонда, поэтому следствие объявило, что кровь могла принадлежать кому угодно.

Так называемые «бывшие в употреблении» простыни. Да уж, Дэи были большими поклонниками этого фонда: у нас все было оттуда — диван, телевизор, лампы, джинсы, даже занавески на окнах.

— Не знаете, как можно найти Раннера? — спросил студент. — Вы могли бы задать ему интересующие нас вопросы?

— И все-таки я считаю, — сказал старик, — что имеет смысл побеседовать и с некоторыми из тогдашних друзей Бена. У вас остался кто-нибудь в Киннаки?

Несколько человек начали спорить и рассуждать по поводу страсти Раннера к азартным играм, приятелей Бена и из рук вон плохого полицейского расследования.

— Эй, — встряла я, — а как же Бен? Он уже не в счет?

— Помилуйте, но это грубейшая из когда-либо допущенных судебных ошибок, — сказала толстуха. — И не делайте вид, что вы придерживаетесь другого мнения. Если, конечно, вы не покрываете своего папочку. Или же вам слишком стыдно за то, что вы наделали.

Я бросила на нее свирепый взгляд. В кудряшках у тетки застрял кусок яичного желтка.

«Господи, ну какой идиот ночью трескает яйца! Или он у нее там с утра?»

— Наша Магда очень серьезно занимается этим делом, она среди тех, кто хочет добиться освобождения вашего брата, — сказал старик, снисходительно приподняв бровь.

— Он чудесный! — сказала Магда, обращаясь ко мне. — Пишет стихи, сочиняет музыку. Он просто воплощение доброты. Либби, вам непременно нужно его узнать, непременно.

Магда перебирала разложенные перед ней папки, по одной на каждого члена моей семьи. На самой толстой были наклеены фотографии моего брата: рыжеволосый Бен в детстве торжественно-серьезно держит в руках

игрушечный самолет-бомбардировщик; Бен с черными волосами и испуганным лицом сразу после ареста; Бен сегодня — в тюрьме, снова рыжеволосый, с видом ученого мужа, рот приоткрыт, словно его сняли посередине фразы. На папке Дебби было единственное фото в костюме цыганки на Хеллоуин: щеки нарумянены, губы накрашены, каштановые волосы прикрывает красная мамина бандана, подол юбки подоткнут. Справа к ней тянется моя покрытая веснушками рука. Эта фотография была в нашем семейном альбоме, я и не предполагала, что она окажется где-то еще.

— Где вы ее раздобыли? — спросила я.

— Кое-где. — Толстая рука легла на папку.

Я глянула на стол, борясь с искушением наброситься на толстуху. Из папки старика снова показался снимок мертвой Дебби. Теперь была видна не только окровавленная нога, но и исполосованный живот и почти отрубленная рука. Я перегнулась через стол и вцепилась в руку старика.

— А ну немедленно убери эту мерзость! — зашипела я.

Он спрятал снимок; схватив папку, прикрылся ею, как щитом, и заморгал.

Вся группа теперь смотрела на меня с любопытством и некоторой опаской, словно на любимого кролика, который взбесился прямо на глазах.

— Либби, — заговорил Лайл примирительным тоном ведущего ток-шоу, — никто не сомневается в том, что вы находились в доме. Никто не ставит под сомнение, что вы пережили ужас, с которым не справился бы ни один ребенок. Но неужели вы все видели собственными глазами? Может быть, вас научили, что говорить?

Я мысленно представила, как Дебби, дыша мне в затылок, пухлыми ловкими пальчиками старательно разбирает мои волосы на тоненькие аккуратные прядки и заплетает косу елочкой, которая, как она утверждала, куда сложнее французской косы, а потом завязывает огромный зеленый бант, превращая меня в подарок. Вот она помогает мне удержать равновесие на краю ванны, чтобы я смогла, глядя в зеркальце, через плечо рассмотреть в большом зеркале над раковиной свой рыжий затылок. Дебби, которой всегда так хотелось, чтобы все кругом было красивым.

— Доказательств, что мою семью убил не Бен, а кто-то другой, нет, — сказала я, заставляя себя вернуться в мир живых, где я обретаюсь совершенно одна. — Господи, он ведь даже ни разу не подавал апелляцию. Даже не пытался выйти на свободу.

Я мало что понимаю в поведении заключенных, но мне всегда казалось, что они постоянно подают апелляции, что это их страсть, даже

если у них нет шансов. Тюрьма в моем представлении — это люди в оранжевой униформе с белыми ярлыками. Бен собственной безучастностью доказал, что виновен. При чем тут мои показания!

— У него хватило бы оснований и для десятка апелляций, — торжественно произнесла Магда. Я поняла, что она из тех женщин, которые когда-то с криком появлялись у меня на пороге. Хорошо, что я не дала Лайлу свой нынешний адрес. — Если человек не борется, это не означает, что он виновен, — это означает, что он потерял надежду.

— Так ему и надо.

Лайл округлил глаза:

— Господи, Либби, вы действительно считаете, что убийца Бен? — Он коротко, от всей души рассмеялся, но тут же проглотил смешок и пробормотал: — Извините.

Надо мной никогда не смеются. Все, что я говорю и делаю, воспринимается с чрезвычайной серьезностью: кто рискнет смеяться над жертвой! Жертва не может дать повода для веселья.

— Что ж, продолжайте забавляться своими теориями заговоров, — сказала я и резко поднялась.

— Зачем же вы так! — произнес парень с внешностью копа. — Оставайтесь. Убедите нас в том, что мы не правы.

— Он не подал... ни... одной... апелляции, — сказала я тоном воспитательницы детского сада. — Этого для меня достаточно.

— В таком случае вы дура.

Я с силой его оттолкнула, развернулась и услышала за спиной:

— Она так и осталась маленькой лгуньей.

Я нырнула назад в толпу и бросилась к выходу, отчаянно прокладывая себе путь под мышками и между застежками брюк справа и слева, пока, оставив позади весь этот галдеж, не добралась наконец до прохлады колодца лестничных пролетов. Единственной победой в этот день для меня стала толстенькая пачка купюр в кармане да убеждение, что все эти люди вызывают ту же смешанную с презрением жалость, что и я.

Дома я везде включила свет, забралась в кровать с бутылкой липкого рома в руках и, лежа на боку, начала изучать замысловатые линии от сгибов на записке Мишель, которую так и не продала, — забыла.

То, что сегодня произошло со мной, казалось, ставило все с ног на голову. Когда-то давно мир, словно разделившись на людей, считавших Бена виновным, и тех, кто был убежден в его невиновности, пребывал в

равновесии, а теперь возникало чувство, что двенадцать совершенно чужих людей из занюханного подвала, запихнув в карманы кирпичи, перебрались на сторону вторых и в одну секунду туда сместился весь вес. Магда и Бен с его стихами, сила надежды, следы от ног, кровавые пятна, пустившийся вразнос Раннер. Впервые после суда над Беном я оказалась одна среди людей, которые считают, что я ошибаюсь в отношении брата, а я не сумела дать им достойный отпор. Поколеблено мое собственное убеждение. Я не могла сейчас, как это бывало раньше при другом раскладе, просто отмахнуться от этих людей: они были настолько непреклонны, так безапелляционны, будто обсуждали меня бесконечное число раз и давно пришли к выводу, что нечего со мной миндальничать, если и так все ясно. А я-то, дуреха, отправилась туда, полагая, что, как бывало в других местах, мне, вероятно, захотят помочь, проявят обо мне заботу, решат мои проблемы. Меня же вместо этого подняли на смех. Неужели со мной так легко не считаться? Неужели я так легко ведусь?

Нет, подумала я и повторила про себя привычное заклинание, что тогда ночью видела то, что видела. Что, собственно говоря, не соответствовало действительности. На самом деле я ничего не видела. И что? Ладно, предположим, чисто технически я ничего не видела — только слышала. А почему только слышала? Да потому, что, когда умирали сестры и мама, я пряталась в шкафу, а пряталась, потому что подло струсила.

Та ночь... Да, та ночь... Я проснулась — в комнате, где мы спали с сестрами втроем, было темно. В доме стоял такой холод, что с внутренней стороны на окнах белел иней. Дебби уже успела перебраться в мою кровать (мы часто спали втроем, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы согреться) и спиной упиралась мне в живот, своим весом припечатывая меня к холодной стене. Едва научившись ходить, я стала лунатиком и бродила во сне, поэтому не помню, как переползла через Дебби, зато отчетливо помню Мишель на полу: она спала, как обычно, в обнимку со своим дневником и с ручкой, как с соской, во рту — из уголка губ стекала тоненькая чернильная струйка. Я не стала ее будить: в нашем шумном доме сон защищался отчаянно и никто не просыпался без боя. Не побеспокоив и спящую в моей кровати Дебби, я открыла дверь и услышала голоса внизу, в комнате Бена, — сдавленный шепот на грани крика. Так разговаривают люди, считающие, что ведут себя тихо. Из щели под дверью его комнаты пробивался свет. Я пошлепала в мамину комнату, забралась под одеяло и прижалась к ее спине. Зимой мать обычно спала в двух парах длинных трико и нескольких свитерах, поэтому создавалось ощущение, что рядом

лежит гигантская мягкая игрушка. Когда мы забирались к ней в постель, она даже не шевелилась, но, помню, на этот раз резко ко мне повернулась — я было решила, что она сердится. Но она обхватила меня, прижала к себе и, поцеловав в лоб, сказала, что очень меня любит. Она почти никогда не говорила нам таких слов — может, поэтому-то я их и запомнила? А может, придумала потом, чтобы на душе не было так горько? Ладно, предположим, она все-таки сказала, что меня любит, — и я тут же снова уснула.

А когда проснулась (через несколько часов или всего через несколько минут), рядом никого не было. С той стороны двери (что там происходило, я никак не могла видеть) страшно кричала мама и на нее гневно ревел Бен. Оттуда раздавались и другие звуки. Дебби причитала сквозь рыдания: «Мамочкамишельмамочкамишель». Потом я услышала топор. Уже тогда я поняла, что это: звук металла, рассекающего воздух, удар обо что-то мягкое и бульканье. Дебби хрюкнула и судорожно вдохнула. Вопль Бена: «Зачем ты заставила меня это сделать?!» Мишель не было слышно вообще, что было очень странным, потому что она всегда была самой громкоголосой из нас, а тут — ни единого звука. Мамин крик: «Беги! Беги! Нет! Нет!» Потом выстрел, снова мамин крик, но уже без слов, — крик обезумевшей птицы, которая бьется о стены, оказавшись в тупике коридора.

Тяжелая гулкая поступь и звук маленьких ножек убегающей Дебби — она еще жива, она бежит в сторону маминной комнаты, и я судорожно повторяю: «Нет-не-надо-только-не-сюда!» — и снова эти тяжелые ботинки в коридоре у нее за спиной, ногти царапают пол, снова топор и снова выворачивающий душу жуткий звук, который издает мама, а я застыла ледяным изваянием у нее в комнате и прислушиваюсь... по ушам снова ударяет выстрел, глухой звук падения, от которого сотрясаются половицы под ногами. Я — бесполезное, трусливое создание, — я наполовину в шкафу, наполовину снаружи, стою и молю Бога, чтобы все прекратилось. «Уходи, уходи, исчезни». Хлопает дверь, еще шаги и протяжный вой, Бен в сердцах отчаянно шепчет что-то себе под нос. Крик, низкий мужской крик и громкий голос Бена — я точно знаю, это был его голос, — «Либби! Либби!»

Я распахиваю окно, выпрыгиваю наружу через дыру в сетке от комаров прямо в снег — носки тут же промокают насквозь — и что есть силы бегу.

«Либби!»

Оглядываюсь на дом — там одиноко светится одно-единственное

окно, все остальное — чернота.

Когда я добежала до пруда и заползла в камыши, я уже не чувствовала ног. На мне, как на маме, тоже было сто одежек и теплые длинные штанишки под ночнушкой, но меня колотило. Ледяной ветер задира́л подол и поднимался к животу.

По верхушкам камыша бешено пляшет луч фонарика, перепрыгивает на осто́вы деревьев неподалеку, падает на землю совсем рядом.

«Либби!»

Это Бен. Он меня преследует, идет по пятам.

«Не выходи, детка! Оставайся там!»

Луч фонарика подбирается все ближе, скрип снега под ногами все громче, я рыдаю, закрыв рот руками, я уже готова выпрямиться во весь рост — и пусть меня тоже убьют, но луч совершенно неожиданно, описав обратный круг, удаляется вместе с шагами, оставляя меня одну погибать от холода в темных камышах. Я не вышла из укрытия, я осталась там... Горевшее в доме окно погасло.

Спустя несколько мучительно долгих часов в слабом свете занимавшегося утра я поползла обратно к дому, ноги звенели, как железо, пальцы на руках свело в птичьи лапки. Дверь стояла нараспашку. На крыльце у входа сиротливо высилась горка рвотной массы из зеленого горошка и морковки. Все остальное было красным — стены, ковер, окровавленный топор на подлокотнике дивана. Мама лежала на полу перед дверью детской, верхняя часть черепа отсутствовала, топор сумел добраться до плоти через толстый слой одежды и оставил на теле страшные зияющие раны, одна грудь была оголена. Со стены прямо над остатками головы свисали рыжие пряди. Дебби лежала сразу за ней — глаза распахнуты, на щеке кровавый след, рука почти отрублена, живот, словно рот у спящего, приоткрыт, внутренности выглядывают наружу. Я позвала Мишель, хотя уже точно знала, что она тоже мертва. Она лежала, свернувшись калачиком на своей кровати, в обнимку со всеми своими куклами, горло чернело страшными синяками, один тапочек на ноге, один глаз открыт.

Стены были изрисованы кровью: перевернутые сатанинские пентаграммы и отвратительные ругательства. Все вокруг было поломано, изуродовано, истерзано. Банки с продуктами разбивали о стены, крупы рассыпали по полу. Из раны на маминой груди торчал бугристый шарик воздушной кукурузы. На лопасти дешевого вентилятора под потолком покачивалась привязанная к ней шнурком туфелька Мишель. Картина бессмысленного разрушения и буйства.

Я кое-как доползла до телефона на кухне; потянув на себя шнур, сбросила на пол, набрала номер тети Дианы — единственный, который знала наизусть, а когда она подняла трубку, завопила: «Они все умерли!» — голосом, который ударил по моим собственным барабанным перепонкам. Потом забилась в узкую щель между холодильником и плитой и стала ждать Диану.

В больнице мне вкололи обезболивающее и удалили три обмороженных пальца на ноге и половину безымянного на руке. С тех самых пор я и живу, размышляя, как бы умереть.

Я выпрямилась, выдернула себя из страшного дома и вернула в настоящее — я взрослая и нахожусь у себя в спальне. Раз много-много лет мне не удастся умереть (я всегда отличалась отменным здоровьем), придется заняться планированием жизни. Слава богу, изворотливый ум Дэев вернул меня к мыслям о собственном благосостоянии. Крошка Либби Дэй вдруг поняла, в каком направлении двигаться дальше.

Все эти «энтузиасты Бена Дэя», эти «следователи-расследователи» готовы платить не только за письма. Разве не расспрашивали они, где находится Раннер и кого из друзей Бена я могу вспомнить? Они заплатят за информацию, которую, кроме меня, никто добыть не может. Эти придурки выучили план дома Дэев, насобирали полные папки фотографий с места преступления, у каждого — собственная версия убийства. Но при их чудаковатости им вряд ли запросто удастся кого-то разговорить — зато за них это могу сделать я. Полиция, и не только, пойдет навстречу бедной, несчастной жертве. Так и быть, и с отцом поговорю, раз они этого хотят, — естественно, если удастся его разыскать.

Правда, все это вовсе не обязательно к чему-нибудь приведет. Дома при ярко включенном свете, снова почувствовав себя в безопасности, я напомнила себе о том, что Бен виновен — просто не может им не быть, — в основном потому, что не знала, что делать с другими вариантами. И вовсе не значит, что я собиралась что-то предпринимать, хотя за двадцать четыре года я впервые ощутила в этом необходимость. Я начала прикидывать в уме: скажем, 500 долларов за разговор с копами, 400 — за беседы с кем-то из приятелей Бена, 1000 — за поиски Раннера, 2000 — за разговор с ним. Наверняка у этих фанатов Бена целый список людей, которых я смогу уговорить уделить какое-то время Сиротке Дэй. И тянуться это может не один месяц.

Я так и заснула — с бутылкой рома в руке и с утешительной мыслью: «И все-таки Бен — убийца».

Бен Дэй

2 января 1985 года

09:13

Колеса выписывали невероятные зигзаги и кренделя на тропинке, которая больше подходила для мотокросса, к тому же летом, а не сейчас. Глупо было садиться на велосипед, но еще большей глупостью было то, что Бен изо всех сил крутил педали на обледеневшей ухабистой дороге; по обеим сторонам жесткой щетиной торчали короткие промерзшие стебли прошлогодней кукурузы. Взгляд упал на идиотскую бабочку, которую кто-то из сестер прилепил на спидометр. Насекомое торчит здесь уже не одну неделю, время от времени попадая в поле зрения и раздражая, но, по-видимому, не настолько сильно, чтобы ее убрать. Наверняка это дело рук Дебби — он представил круглые глаза-конфетки: «Как красиво!» Из-за блестящей наклейки он отвлекся, и велик на полном ходу ткнулся в замерзшую грязь, переднее колесо вывернуло влево, он не удержался и завалился набок вместе со своим транспортом, застряв в нем одной ногой. Правая рука наткнулась на острые, как разбитое стекло, прошлогодние стебли. Он сильно ударился головой, зубы клацнули так, что этот звук колоколом отозвался в голове.

После нескольких секунд вышибавшей слезу пронзительной боли, когда к нему вернулась способность нормально дышать, он почувствовал, что вниз по щеке мимо глаза теплой струйкой течет кровь. Вот и отлично. Он смахнул ее рукой, но из раны на лбу тут же зазмеился новый ручеек. Жаль, что не ударился больнее. Он никогда в жизни ничего не ломал, но этот факт признавал, лишь когда его припирали к стенке: «Да неужто, чувак?! Как ты, блин, умудрился столько лет прожить на свете и ни разу ничего не сломать? Небось, мамочка заворачивала тебя в особую упаковку?» Прошлой весной он и еще несколько парней пробрались в городской бассейн, Бен постоял над большой сухой дырой на платформе для ныряния, глядя на бетонное дно и раздумывая, как, если отсюда сигануть вниз, можно в буквальном смысле разбиться в лепешку и прослыть сумасшедшим. Он несколько раз подпрыгнул на платформе, махнул виски прямо из бутылки, еще пару раз качнулся вверх и вниз и вернулся в компанию ребят, которых едва знал; они все это время украдкой за ним наблюдали.

Безусловно, сломанная конечность была бы идеальным вариантом, но сойдет и кровь. Она сейчас текла не переставая вниз по щеке к подбородку и оттуда капала на лед. Яркие красные лужицы идеально круглой формы.

«Истребление и смерть».

Слова пришли ниоткуда. Слова, какие-то фразы, обрывки песен прилипали к нему мгновенно да так и застревали в голове. Истребление и смерть. Перед глазами замелькали топоры древних викингов. Не среди них ли он был в прошлой жизни, и вот теперь дают о себе знать оставшиеся где-то глубоко внутри воспоминания, вдруг всплыв в нем легким пеплом? Он поднял велик и отогнал видение: ему, блин, не десять лет.

Он снова двинулся в путь, ушибленная нога болела, поцарапанная рука горела. Глядишь, и синячище появится. Диондре он точно придется по вкусу: она нежным пальчиком его пару раз погладит, а потом резко нажмет, чтобы появился повод пошутить, когда Бен подпрыгнет от неожиданности и боли. На все она реагирует чересчур: если смеется, то с дикими воплями и подвыванием; когда хочет изобразить удивление — так широко раскрывает глаза, что брови уползают вверх, почти до корней волос. Ей нравится выпрыгивать на него прямо из-за двери, чтобы он, испугавшись, пускался за ней вдогонку. Диондра — его девчонка. С именем, которое навеивает мысли не то о принцессе, не то о стриптизерше, — он точно определить не мог. Она немного напоминала и ту и другую: такая же богатая и беспутная.

У педалей что-то забренчало — появился звук болтающегося в жестяной банке гвоздя. Он остановился, чтобы глянуть, в чем дело, но так ничего и не понял. Руки покраснели и сморщились, как у старика, — и были такие же слабые. Пока он разглядывал велик, глаза заливала кровь. Блин, зараза! Ни на что он не годен! Когда от них ушел отец, он был совсем маленьким, у него путем-то и не было возможности научиться что-то делать руками — чинить, мастерить. В детстве он видел парней, копавшихся в мотоциклах, тракторах и машинах, чьи металлические внутренности напоминали внутренности диковинного животного. Сейчас он разбирался в животных. И в оружии — как все у них в семье, он был охотником, но это мало утешало, поскольку мать все равно стреляла лучше.

Он хотел быть полезным, но не знал, как этого добиться, и страшно терялся. Летом отец на несколько месяцев снова поселился у них на ферме, и Бен надеялся, что в конце концов он чему-нибудь его научит. Но Раннер, если что-то делал, даже не звал его посмотреть. Более того, давал понять, что не стоит крутиться у него под ногами. Раннер, судя по всему, считал его слабаком: если мать просила что-то починить, Раннер говорил в ответ: «Это

мужская работа» — и улыбался Бену, требуя подтверждения. А у Бена так и не повернулся язык попросить Раннера о помощи.

И он совсем без денег. Хотя нет, минуточку, это не совсем так — у него в кармане четыре доллара тридцать центов личных сбережений. А вот в семье денег действительно нет. Банковский счет всегда пуст — однажды он собственными глазами увидел остаток: один доллар десять центов, так что в тот момент вся семья имела в банке меньшую сумму, чем та, которая сейчас у него в кармане. Мать не умеет правильно организовать дела на ферме и вечно оказывается в заднице. Отвезет, например, на элеватор гору пшеницы на взятом в аренду грузовике, но ничего за это не получает или получит меньше, чем было затрачено на то, чтобы эту пшеницу вырастить, а если и выручает какие-то деньги, то всегда их кому-то должна. «Волки должны быть сыты», — говорила она, и когда он был совсем маленьким, всегда представлял, как она высовывается из черного входа во двор и бросает серой стае хрустящие зеленые купюры, а волки ловят их прямо на лету, как куски мяса. Но им этого всегда было мало.

Может, у них заберут ферму? Не пора ли? Лучше всего, пожалуй, было бы отделаться от нее и начать все сначала, чтобы не чувствовать, как это огромное умирающее существо связывает их по рукам и ногам. Но ферма была дорога матери как память, потому что принадлежала еще ее родителям и вызывала у нее особые чувства. Хотя, если подумать, она эгоистка, ей-богу. Бен всю неделю работает на ферме, а потом в выходные в своей школе еще и убирает: школа — ферма, ферма — школа. Такой была его жизнь до Диондры, а теперь в его жизни уже три места: школа, ферма и большой дом Диондры прямо при въезде в город. Дома он задавал корм скоту и возил навоз, что-то подобное делал и в школе, где приходилось убирать комнаты со шкафчиками, в которых школьники держат вещи, мыть пол в столовке, — короче, убирать дерьмо за другими. И все равно половину заработанного приходилось отдавать матери. В семьях, видишь ли, принято делиться. Да неужели? А как насчет того, что родители должны заботиться о детях? На фига плодить еще троих, если трудно обеспечить даже одного ребенка?

Велосипед продолжал гроыхать по дороге, Бен ждал, что он вот-вот рассыплется, как в дешевой комедии, и он окажется верхом на одном колесе. До чего же противно, что приходится ездить на велике, как мальчишке. Как ужасно, что он пока не может водить машину. «Нет зрелища печальнее на свете, чем то, когда тебе всего пятнадцать лет», — говорит Трей, качая головой и выпуская ему прямо в лицо струю дыма. Он всегда так говорит, когда Бен приезжает к Диондре на велосипеде. Трей по

большей части не отличался эмоциональностью, но у него всегда находился повод прицепиться к человеку с каким-нибудь замечанием. Ему было девятнадцать лет, он носил длинные волосы, черные и блеклые, как асфальтовое покрытие недельной давности, и был пасынком не то брата деда или бабки Диондры, не то друга семьи. Для Бена оставалось загадкой, кем он ей приходится, то ли потому, что тот неоднократно менял историю родства, то ли потому, что Бен и сам обращал на это не слишком много внимания. Немудрено, ведь в присутствии Трея он тут же напрягался, а в голове вертелись назойливые вопросы. Почему он расставил ноги под таким углом? Куда девать руки? Сунуть в карманы или упереть в бока?

Но как ни встань, куда руки ни сунь, все равно это вызывало насмешки. Трей вообще был из тех людей, которые подмечают в тебе незначительный дефект, что-то такое, чего сам в себе не видишь, и сообщают об этом во всеуслышание. «Штанишки не замочишь — факт» — вот первое, что Трей ему сказал. На Бене тогда были джинсы, может быть, на сантиметр короче, чем нужно. Ну, может, на полтора. «Штанишки не замочишь — факт». Диондра прямо зашлась истеричным смехом. Бен ждал, когда она прекратит, а Трей снова начнет говорить. Ждать пришлось десять минут — он сидел молча, стараясь расположить ноги таким образом, чтобы носки не высывались слишком сильно, затем под каким-то предлогом закрылся в ванной, ослабил ремень на одну дырочку и слегка — совсем чуть-чуть! — приспустил джинсы. Когда он вернулся (это было в гостиной у Диондры с голубым ковром на полу и огромными мягкими пуфами, которых там как грибов после дождя), второе, что он услышал от Трея: «Ремень-то у тебя почему на яйцах висит? Кого ты здесь хочешь обдурить!»

Снег усиливался... Но даже когда ему исполнится шестнадцать, у него все равно не будет машины. Машину, которая у них сейчас, мать приобрела по случаю на аукционе — ее когда-то сдавали в аренду. Вторую они не потянут — она уже об этом ему сказала, а еще сказала, что придется пользоваться одной на двоих. Нет уж, в таком случае она вообще на фиг не нужна. Он представил, как заезжает куда-нибудь за Диондрой на использованной в хвост и в гриву машине, которая хранит запахи сотен людей, пятна от съеденных в ней чипсов да следы бурных ласк, а сейчас в ней вдобавок отовсюду торчат учебники и тряпичные куклы сестер да валяются их пластмассовые браслеты. Ну уж нет! Правда, Диондра говорит, что он сможет водить ее машину (ей семнадцать — еще одна проблема, потому что не очень приятно ощущать, что учишься на два класса ниже своей девчонки). Перспектива сидеть за рулем ее автомобиля

устраивала гораздо больше: вот они вдвоем в ее шикарной красной «хонде», салон благоухает ментоловыми сигаретами, которые она курит, динамики изрыгают тяжелый металл. Да, эта картинка куда приятнее.

Они уедут из этого вонючего городка в Уичито, где ее дядя держит магазин спортивных товаров и, может статься, возьмет его на работу. Бен однажды попытался попасть и в баскетбольную и в футбольную команду школы, но и там и там ему сразу же и очень грубо отказали, типа вообще сюда носа не суй, поэтому целыми днями находиться в помещении с футбольными и баскетбольными мячами казалось иронией судьбы. Но с другой стороны, при наличии такого количества спортивного инвентаря ему, может, удастся поупражняться и достичь такого уровня, который позволит вступить в спортивный клуб. Так что здесь, похоже, тоже есть свои плюсы.

Но конечно, самый большой плюс его новой жизни — Диондра. Вот они в собственной квартире в Уичито обедают гамбургерами из «Макдоналдса», смотрят телевизор, занимаются сексом и выкуривают за ночь пачку за пачкой. Без Диондры Бен курил мало, а вот она была заядлой курильщицей и курила столько, что от нее пахло сигаретами даже после душа; казалось, надрезь у нее кожу — и из раны начнет сочиться ментол. Этот запах теперь ему нравился — для него это уже был уютный запах дома, как для кого-то, например, запах теплого хлеба. Вот так у них все и будет: они с Диондрой (у нее каштановые спиральки кудряшек на голове, жесткие от лака для волос, еще один ее запах — этот резкий грейпфрутовый дух, исходящий от волос) сидят на диване и смотрят мыльные оперы, которые она ежедневно записывает на видеокассеты. Хочешь не хочешь, ему тоже теперь приходится разбираться в перипетиях сюжета: дамы с открытыми плечами пьют шампанское, сверкая бриллиантами на пальцах, и одновременно изменяют мужьям, или мужья изменяют им, амнезия у героев и снова супружеская неверность. Он будет приходить домой с работы, руки будут пахнуть кожей баскетбольных мячей, а она уже будет ждать его с купленными для него в «Макдоналдсе» или в «Тако белл» гамбургером, или бургером, или начос, и они будут сидеть у себя в квартире и шутить над увешанными блестящими безделушками дамами из телевизора, Диондра будет показывать тех, у кого самые красивые ногти (собственные ногти она обожает), а потом начнет настаивать на том, чтобы покрасить ему ногти или покрасить губы, что она тоже любит делать, говоря при этом, что ей нравится превращать его в симпатяшку. В конце концов, совершенно голые и перемазанные кетчупом, они начнут соревноваться на кровати, кто кого перещекочет, и Диондра будет заходиться в громком обезьяньем смехе с воплями и визгом, и соседи

снизу начнут колотить в потолок.

Однако эта картинка была неполной. Он сейчас намеренно обошел одну пугающую подробность, вычеркнул некоторые факты. А значит, все, о чем он тут намечтал, не более чем игра воображения. Он самый настоящий придурок, у которого не может быть даже задрипанной квартирки в Уичито. Внутри поднялась волна знакомой ярости. Ничего хорошего ему в этой жизни не светит, и впереди длинная череда подстерегающих его повсюду ограничений и отказов во всем — никуда от них не деться.

«Истребление и смерть». И снова перед глазами замелькали топоры, ружья и пистолеты, окровавленные тела, загнанные в землю. Дикая вопли сменяются завыванием и пронзительным криком потревоженной птицы. Пусть из его раны не останавливаясь течет кровь, пусть!

Либби Дэй

Наши дни

Месяцев пять, пока тетя Диана приходила в себя после моего особенно разрушительного двенадцатого года жизни, я жила у троюродной сестры Раннера в Холкоме, городишке на юго-западе Канзаса. Из этих пяти месяцев я мало что помню, разве только поездку с классом на экскурсию в Додж-Сити, в музей знаменитого Уайетта Эрпа, который, до того как стать служителем закона, сменил множество профессий, в том числе незаконных. Мы-то ожидали, что нам покажут оружие, быков, расскажут о женщинах легкого поведения, но вместо этого мы, человек двадцать, расталкивая друг друга локтями, протискивались в тесные комнаты, где рассматривали какие-то бумаги. Целый день пришлось дышать пылью и нить. Личность Эрпа не произвела на меня никакого впечатления, но я все равно обожала всех этих злодеев Дикого Запада в небрежной одежде, с шикарными усами и стальным блеском в глазах. О разбойниках из прошлого всегда пишут «лжец и вор». В одной из затхлых комнатенок, пока экскурсовод скучно и монотонно рассказывал об искусстве работы с архивами, меня не покидало радостное ощущение, что я встретила отличного попутчика. Я тогда подумала: «Так это же про меня».

Я и врушка, и воришка. Не пускайте меня к себе в дом, а если пустили, не оставляйте без присмотра — я беру все, что плохо лежит. Меня можно застукать с ниткой бус из жемчуга, прилипшей к моим жадным ручонкам, но я тут же скажу, что оно напомнило мне мать, я до него дотронулась — лишь на секунду, извините, пожалуйста, извините, просто не представляю, что на меня нашло.

Но стоит отвернуться — бусы я таки умыкну. Кстати, у мамы были только дешевые побрякушки, которые оставляют грязно-зеленый след на коже, но вам-то откуда это знать!

Я тырю трусики, кольца, диски, книги, обувь, наручные часы. Иду куда-то в гости (друзей у меня нет, зато есть люди, которые меня к себе приглашают), а ухожу, надев под свитер несколько блузок, с парочкой симпатичных тюбиков губной помады в кармане и содержимым парочки кошельков. Иногда, если другие гости находятся в изрядном подпитии, прихватываю и кошельки. Беру рецепты на лекарства, туалетную воду, пуговицы, ручки. Даже еду. У меня дома имеется фляга, которую чей-то дед

привез со Второй мировой войны, а еще значок привилегированного студенческого общества — отличной учебой его заработал чей-то любимый дядюшка. А старинная складная оловянная чашка у меня так долго, что я и не помню, как и где ее украла. Мне нравится думать, что это наша семейная реликвия.

Однако мне трудно заставить себя даже смотреть в сторону того, что действительно принадлежало моей семье и хранится в коробках под лестницей. Я предпочитаю то, что принадлежит другим людям и не связано с историей моей жизни.

Есть у меня, правда, и то, что я не украла, — роман «Урожай дьявола: жертвоприношение Сатане в канзасском городке (основан на реальных событиях)», опубликованный в 1986 году. Книга вышла из-под пера бывшего репортера Барб Эйчел. Вот, пожалуй, и все, что мне известно. По крайней мере трое моих ухажеров в разное время дарили мне по экземпляру — с торжественным и мудрым видом, после чего я их тут же бросала. Говорю, что не хочу читать эту книжку — значит, не хочу: я не меняю своих привычек. У меня, например, правило — всегда спать с включенным везде светом, а очередной кавалер, которого, наверное, это удивляет, шепчет что-то вроде: «Малыш, я не дам тебя в обиду» — и пытается свет погасить.

Я выудила «Урожай дьявола» из накренившейся стопки книг в углу — книги я не выбрасываю по той же причине, что и коробки с семейным архивом и другой фигней, наверное считая, что когда-нибудь мне все это понадобится, а если нет — не хочу, чтобы это оказалось в руках чужих людей.

Открыла первую страницу:

«Городок Киннаки в штате Канзас, в самом сердце Америки, — тихое местечко, где живут и трудятся фермеры. Здесь все друг друга знают, вместе ходят в церковь, вместе старятся. Но местные жители не застрахованы от сил зла из внешнего мира. В ночь со второго на третье января 1985 года эти силы расправились с тремя членами семьи Дзев, утопив их в потоках крови и ужаса. Перед вами не просто рассказ о преступлении — это история о поклонении дьяволу, о кровавых ритуалах и о проникновении сатанизма во все уголки Америки, даже самые уютные и на первый взгляд благополучные и безопасные».

В ушах снова загудело — возвращались звуки той ночи: низкий мужской окрик, громкая возня, вой. Мамины леденящие душу вопли. Опять она — Черная дыра... Я взглянула на фото Барб на последней странице. Короткий ежик волос, в ушах сережки-висюльки, грустная улыбка. Биографическая справка сообщала, что она живет в Топике, штат Канзас. Да, но это было двадцать с лишним лет назад.

Нужно позвонить Лайлу Вирту и предложить информацию в обмен на деньги; правда, я пока не готова снова выслушивать его поучения и мысли об убийстве моих собственных родственников (как он там выразился: «Вы действительно считаете, что убийца Бен?»). Я должна быть в состоянии спорить с ним, а не стоять столбом, как невежда, не способная сказать что-либо вразумительное. Что, в принципе, я из себя и представляю.

Пока я пробегала глазами книжку, подоткнув под спину подушку, Бак не отрываясь за мной наблюдал: вдруг я сделаю телодвижение в сторону кухни. Барб Эйчел назвала Бена «одиночкой-нелюдимом в черном, злобным, никем не любимым» и «одержимым музыкой и песнями в стиле самого жесткого и жестокого тяжелого металла (известного как черный), которые, по слухам, не что иное, как зашифрованные призывы, адресованные самому дьяволу». Естественно, я поискала, что она написала обо мне, — оказалось, что я «ангелоподобное создание и очень сильная личность», «полная решимости и горя девочка», что меня отличают «самостоятельность и независимость, которые невозможно обнаружить в детях даже вдвое старше». А наша многодетная семья была «счастлива, полна жизни и мечтала о будущем с чистыми помыслами и незапятнанной репутацией». Да уж, загнула журналистка. Книгу отличал решительный тон и однозначное отношение к произошедшему у нас в доме преступлению. После всех этих высказываний в клубе, где меня еще и дурой назвали, очень хотелось поговорить с человеком, который тоже считает, что Бен виновен. Берегись, Лайл! Я представила, как загибаю пальцы: «Вот вам такой факт, а вот еще, еще и еще, и все они доказывают, что вы, придурки, ошибаетесь» — и Лайл, разжав губы, признает мою правоту.

Впрочем, если он захочет предложить мне деньги, отказываться не стану.

Не зная, с чего начать, я позвонила в справочную службу Топики. Божественный голос на другом конце назвал номер телефона Барб Эйчел. Она по-прежнему там живет — надо же, как все просто.

Она подняла трубку со второго гудка, голос был веселым, звонким, пока я не назвалась.

— Либби, дорогая. Я все время надеялась, что ты со мной

свяжешься, — сказала она, прокашлявшись. — А еще думала, что мне самой следует тебя отыскать. Прямо не знала, как поступить...

Я представила, как, разговаривая со мной, она озирается и ковыряет ногти. Такие дамы обычно минут двадцать изучают меню, но все равно не могут определиться с заказом, когда к ним подходит официант.

— Я хотела бы поговорить с вами о... Бене, — начала я, не уверенная, какие слова следует говорить.

— Да-да, знаю-знаю. После выхода книги я за много лет написала ему несколько писем с извинениями. Просто не представляю, сколько раз мне нужно повторить, что я очень виновата перед ним и что мне очень-очень стыдно за книгу, будь она проклята.

Вот уж поистине неожиданность.

Барб Эйчел пригласила меня на ланч — хотела все объяснить лично. К сожалению, она больше не водит машину (при этих словах беспечность в голосе была столь безоблачной, что я уловила истинный смысл: дамочка принимает слишком много таблеток), поэтому будет очень благодарна, если я приеду сама. Слава богу, Топика не очень далеко от Канзас-Сити, но ехать туда все равно не хотелось: мне хватило этого города в детстве и юности. Здесь когда-то была чертова прорва психиатрических клиник, честное слово. Перед въездом в город на шоссе даже красовался щит с надписью вроде «Добро пожаловать в психиатрическую столицу мира!». Здесь обитают либо полудурки, либо врачи; меня когда-то возили в Топику на особые психологические сеансы, которые со мной проводили амбулаторно. Как я все это выдержала?! Со мной беседовали о моих ночных кошмарах, о приступах ярости и паники. В подростковом возрасте вели разговоры о моей склонности к физической агрессии. Короче, лично я считаю, что весь этот город, столица штата Канзас, — одна большая психушка.

Прежде чем ехать к Барб, я прочла ее книгу до конца и вооружилась фактами и вопросами. Но за три часа поездки в город всего в часе езды от Канзас-Сити энергии у меня поубавилось. Я все время сворачивала не туда, куда нужно, и ругала себя за то, что дома нет Интернета, иначе можно было бы проложить маршрут заранее. У меня по жизни беда со стрижкой, заполнением бензобака, визитами к стоматологу. Когда я переехала в свой нынешний дом, первые три месяца я провела, завернувшись в одеяла, потому что никак не могла включить газ. За прошедшие несколько лет его с десятков раз отключали, потому что иногда мне трудно заставить себя заполнить форму для оплаты. У меня беда с тем, что нужно делать регулярно.

Дом Барб оказался строением довольно приличных размеров с оштукатуренными стенами умиротворяющего бледно-голубого цвета. Кругом в изобилии висели японские колокольчики, металлические и стеклянные, керамические и из бамбука. Она открыла дверь и отпрянула, будто я ее несказанно удивила. Стрижка у нее осталась такая же, как на фотографии в книжке, только сейчас это был седой ежик. На ней были очки с цепочкой, украшенной бусинками, что пожилые дамы считают «последним писком». Ей было хорошо за пятьдесят, с костлявого лица на меня смотрели темные глаза навывкате.

— О Либби, здравствуй, дорогая! — Она задохнулась от изумления и тут же бросилась ко мне с объятиями, во время которых какая-то из ее костей уперлась мне в правую грудь. От нее разило шерстью и пачулями. — Входи же, входи!

Навстречу с радостным лаем, клацая по плитке когтями, бросилась мелкая собачонка. Где-то начали бить часы.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против собак. Он такое чудо! — сказала Барб, наблюдая, как псинка с энтузиазмом крутится вокруг меня. Я ненавижу собак, даже маленьких и хорошеньких, поэтому тут же подняла обе руки вверх, демонстрируя полное нежелание потрепать ее за ухом. — Все, Винни, хватит, малыш, дай же нашей гостье пройти в дом, — засюсюкала она. Когда я услышала имя собачонки, она показалась мне еще противнее.

Барб усадила меня в гостиной, где все было пухлым и круглым: стулья, диван, ковер на полу, подушки и подушечки, занавески. Она суетилась вокруг, через плечо бросая какие-то фразы, и дважды поинтересовалась, что я буду пить. Я почему-то поняла, что она принесет какую-нибудь дрянь типа жасминового эликсира или вытяжки из корней ягод с затейливым названием и непременно в глиняной кружке, поэтому попросила просто воды. Бутылку с алкоголем я не заметила, зато таблетки здесь присутствовали точно — от этой женщины все словно отскакивало.

Она принесла на подносе сэндвичи. Моя вода представляла собой сплошные кубики льда, которые я прикончила в два глотка.

— Как там Бен? — спросила она, наконец усевшись. Поднос она все-таки поставила рядышком с собой. Наверное, это давало возможность быстро ретироваться.

— Не знаю. Я с ним не общаюсь.

Казалось, она меня совсем не слушает, настроенная на какую-то собственную волну. Что-то вроде легкого джаза.

— Честное слово, Либби, я чувствую огромную вину за ту роль,

которую сыграла в этой истории, хотя книга вышла после решения суда и никак на него не повлияла, — сказала она поспешно. — Но я, как и все остальные, поторопилась с выводами. Все дело в том, когда это произошло. Ты была совсем маленькая и не помнишь, но это были восьмидесятые, то есть годы массовой истерии, которая получила название «сатанинская паника».

— Что-что?

И она туда же. Интересно, как часто в разговорах она приводила в пример меня?

— В то время все — психиатры, полиция и другие органы правопорядка, — короче, все до единого считали, что кругом одни дьяволопоклонники. Это было... ультрамодно. — Она подалась ко мне, покачивая сережками и растирая руки. — Люди всерьез полагали, что в стране действует настолько разветвленная сеть сатанистов, что их можно встретить где угодно. Начинает подросток как-то странно себя вести — всё, он поклоняется Сатане. Приходит девочка из детского сада с синяком или со странными разговорами о своих половых органах — всё, воспитательницы у нее поклоняются Сатане. Вспомни-ка следствие по делу детского дошкольного центра Макмартинов в Калифорнии в восьмидесятых годах. С этих бедных воспитателей и педагогов обвинения сняли через много лет! Статьи и книги о сатанистах расходились мгновенно. Я клюнула на это, Либби. Слишком многое принималось на веру.

Собачонка принялась меня обнюхивать, я напряглась, надеясь, что Барб ее позовет, но она ничего не замечала, не отрывая глаз от отбрасывающего золотые блики витражного подсолнуха над моей головой.

— Книжка имела успех, — продолжала Барб. — Признаться, мне понадобилось целых десять лет, чтобы понять: разрабатывая версию о Бене-сатанисте, я игнорировала совершенно очевидные нестыковки.

— Например?

— Да взять хотя бы то, что ты ни в коей мере не могла считаться заслуживающим доверия свидетелем, что тебя явно инструктировали. Этот коновал от психиатрии, которого приставили, якобы чтобы тебя «разговорить», на самом деле вкладывал в твою голову определенные мысли и диктовал, что именно ты должна сказать.

— Доктор Брунер, — вспомнила я.

Это был похожий на хиппи мужик с бачками, крупным носом и маленькими глазками. Он напоминал доброго зверя из сказки и был, помимо тети Дианы, единственным человеком, который мне в тот год

нравился, и единственным, с кем я разговаривала о злополучной ночи, потому что Диана о ней говорить не хотела. Доктор Брунер.

— Шарлатан, — сказала Барб и глупо захихикала.

Я собралась было протестовать, чувствуя обиду, потому что она, по сути дела, прямо в глаза назвала меня лгуньей, что, собственно, соответствовало действительности, но я все равно рассердилась. Однако ей как будто этого было мало:

— А алиби твоего папаши? Эта его подружка? Ни в какие ворота! У твоего отца вообще алиби не было, к тому же он задолжал очень многим большие деньги.

— Но у матери не было денег.

— У нее, поверь мне, их было больше, чем у него.

Я поверила. Папаша однажды послал меня к соседям, чтобы меня там из жалости покормили, и велел покопаться у них в вещах и принести ему, что найду.

— А еще там был окровавленный след мужской туфли, и кому он принадлежал, так и не выяснили. Кроме того, место преступления не опечатали, что я, между прочим, тоже в книге опустила. Там постоянно туда-сюда сновали люди. Несколько раз заходила твоя тетушка, чтобы взять для тебя вещи. Это против правил полицейского расследования. Но никому до этого не было дела. Все, конечно, были насмерть перепуганы. А тут этот странный подросток — он никому не нравится, у него нет денег, он вляпывается в неприятности и, на беду, любит тяжелый металл. Стыдно вспоминать. — Она на секунду замолчала. — Это ужасно. Настоящая трагедия.

— Бена могут выпустить? — спросила я, а в животе будто что-то расплавилось. То, что ее уверенность в виновности Бена сменилась на уверенность в его невиновности, поражало и злило. Те же чувства вызвала встреча еще с одним человеком, полагавшим, что во время следствия и на суде я давала ложные показания.

— Ты ведь пытаешься ему помочь, да? Но после стольких лет положение почти невозможно исправить. Время, отпущенное для подачи апелляций, для него, как ни прискорбно, истекло. Он должен добиваться передачи дела в вышестоящую инстанцию, а это... чтобы дело сдвинулось, вам всем понадобятся какие-то новые, очень серьезные улики вроде исследований ДНК. Но ваших родных, к сожалению, кремировали, поэтому...

— Ясно. Что ж, спасибо, — перебила я, понимая, что мне нужно домой. Прямо сейчас.

— Книга написана после приговора суда, но, если я смогу чем-нибудь тебе помочь, дай мне знать. В чем-то я все-таки виновата и несу за это ответственность.

— Вы делали какие-нибудь заявления? Может, сообщили полиции, что не считаете Бена убийцей?

— Вообще-то нет. Похоже, большинство людей давно поняли, что Бен не убивал. — Голос Барб зазвенел. — Полагаю, ты официально отказалась от своих показаний? Это было бы очень кстати.

Она ждала, что я скажу что-нибудь еще, объясню, почему приехала к ней именно сейчас. Или скажу: да, конечно, Бен невиновен и я собираюсь добиться справедливости. Она изучала меня, тщательно пережевывая каждый кусочек. Я взяла себе сэндвич с огурцом и чем-то еще, но тут же положила обратно, оставив на влажном хлебе отпечаток большого пальца. Комната была увешана книжными полками, но на всех стояли исключительно разного рода руководства с бодрыми названиями на переплетах: «Открой для себя восход солнца!», «Давай, девочка, вперед!», «Прекрати себя изводить», «Выпрямись и вздохни полной грудью», «Будь себе лучшим другом», «Вперед и вверх!». И все в том же духе. Чем дольше я их изучала, тем гаже себя чувствовала. Как лечиться травами, позитивное мышление, самопрощение, как жить с собственными ошибками. Даже книга о том, как победить медлительность. Я не доверяю людям, которые сами себе помогают. Как-то раз много лет назад я ушла из бара с приятелем приятеля — милым, приятным, внешне абсолютно нормальным парнем с квартирой неподалеку. После секса, когда он заснул, я начала изучать комнату и увидела, что стол утыкан стикерами с инструкциями:

Не парься из-за глупостей: вокруг только они и совершаются.

Если бы мы оставили попытки стать счастливыми, все бы наладилось.

Получай от жизни удовольствие — никто не уходил из нее живым.

К чему грустить! Улыбнись!

Если бы я вдруг нашла горку черепов с остатками волос, и то бы так не испугалась, как при виде этого назойливого оптимизма. Помню, я в панике выскочила из дома, запихнув нижнее белье в рукав, и летела оттуда сломя голову.

Я уехала от Барб с обещанием позвонить в ближайшее время и синим

пресс-папье в форме сердца, которое умыкнула у нее из тумбочки.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

09:42

Раковина в том месте, где Бен красил волосы, была в грязно-фиолетовых потеках. Значит, среди ночи он заперся здесь и, сидя на крышке унитаза, изучал инструкцию на коробке с краской для волос, которую она обнаружила в мусорном ведре. С коробки улыбалась женщина с бледно-розовой помадой на губах и черными как смоль волосами, постриженными под каре. А краску он, наверное, украл — невозможно представить, как сын, опустив голову, кладет коробку перед кассиром. Вот и украл. А потом ночью, совершенно один, отмерял нужное количество, смешивал ингредиенты и мазался полученной массой. И сидел с этой химической кашей на голове и ждал.

От этих мыслей стало невероятно грустно. В их доме, где полно женщин, ее сын ночью сам красит волосы. Конечно, глупо было бы предположить, что он мог попросить ее содействия, но как же, наверное, грустно и одиноко заниматься таким делом без сообщника. Двадцать лет назад ее старшая сестра Диана прокалывала ей уши в этой самой ванной. Пэтти накалила булавку в пламени дешевой зажигалки, Диана разрежала пополам картофелину и приложила холодной мокрой сердцевинкой к мочке уха с обратной стороны. Они заморозили мочку кубиком льда из холодильника, и Диана («Стой же ты, не шевелисссь!») проткнула ее раскаленной булавкой. Кстати, а зачем была нужна картофелина? Чтобы лучше прицелиться или еще для чего-то — теперь и не вспомнить. После этого перепуганная Пэтти с торчащей из уха булавкой осела на пол у ванны, отказываясь продолжать процедуру. Но, настроенная решительно, несговорчивая Диана в своей огромной теплой ночной рубашке пошла в наступление со второй булавкой на изготовку.

— Одно ухо не прокалывают, Пи. Еще буквально секунда — и все!

Диана, деятельная натура, уже тогда считала, что все нужно доводить до конца, и этому ничто и никто не может препятствовать: ни погода, ни лень, ни горящее огнем ухо, ни растаявший лед, ни трусиха-сестра.

Пэтти покрутила в ушах золотые сережки-гвоздики. Левая торчала не в центре мочки — между прочим, по ее собственной вине, потому что она дернулась в самую последнюю минуту. И все-таки вот они —

свидетельства подросткового стремления к самостоятельности. Рядом была сестра, с ее же помощью и участием она в первый раз наредила губы, а году в шестьдесят пятом к гигиенической прокладке размером с хороший подгузник приладила эластичный крепеж. Определенно, некоторые дела нельзя делать в одиночку.

Она почистила раковину «Кометом». Скоро придет Диана. Она всегда заезжала в середине недели, если «была на машине», таким образом превращая тридцать миль пути на ферму всего лишь в часть обычных дневных забот. Диана посмеется над этим последним подвигом Бена. Диана всегда была ей нужна как глоток воды, когда ее беспокоили школа, учителя, ферма, Бен, собственное замужество, дети, снова ферма (а начиная с восьмидесятого года это всегда, всегда, всегда была ферма). Сидя на складном стуле в гараже и выкуривая сигарету за сигаретой, она назовет Пэтти идиоткой и велит не брать в голову. Передраги находят человека, хочет он того или нет. С Дианой рядом это были почти живые существа с крючками вместо пальцев — и с ними требовалось расправляться немедленно. Диана не заикливается на неприятностях — это удел пассивных натур.

Но у Пэтти не получалось не брать в голову. За последний год Бен от нее отделился, превратился в этого странного, пребывающего в вечном напряжении парня, который сидит в своих четырех стенах и слушает музыку — от нее эти самые стены ходят ходуном, а из-под двери изрыгаются режущие ухо слова, от которых тревожно на душе. Пэтти сначала не прислушивалась, потому что сама музыка была такой безумной и отвратительной, но однажды, вернувшись домой из города раньше (Бен думал, что дома никого нет), она встала под дверь и услышала жуткие вопли:

Меня больше нет,
Я уничтожен,
Дьявол забрал мою душу,
Я теперь сын Сатаны...

В этом месте пластинка запнулась, и снова понеслось: меня больше нет, я уничтожен, дьявол забрал мою душу, я теперь сын Сатаны.

Потом опять. И опять. Пэтти вдруг поняла, что Бен стоит над проигрывателем и, переставляя иглу, снова и снова, как молитву, слушает эти слова.

Как же ей сейчас нужна Диана. Срочно. Прямо сейчас. Она устроится на диване этакой большой доброй медведицей, в одной из трех своих теплых фланелевых рубашек и с заменяющей сигареты специальной жвачкой во рту (она ведь бросает курить), и начнет вспоминать о том, как однажды Пэтти пришла домой в платье мини и родители ахнули, словно отчаявшись на нее повлиять. «Но ведь тогда ты была совсем ребенком. Вот и с ним то же самое». И Диана щелкнет пальцами, как будто все это яйца выеденного не стоит.

Дочери толклись за дверью ванной. Услышав, как она там что-то трет и бормочет про себя, они поняли, что неприятности не закончились, и теперь пытались определить, лить слезы или приниматься кого-то обвинять и упрекать. Когда Пэтти плакала, это неизменно вызывало слезы по крайней мере у двух ее дочерей, а если с кем-то случались неприятности, дом разражался потоками обвинений. Определенно, женской частью Дэев владело стадное чувство. Штука небезопасная, если учесть, что у них на ферме кругом сплошные вилы.

Она сполоснула руки — обветренные, красные, грубые — и взглянула на себя в зеркало, проверяя, не мокрые ли у нее глаза. Ей тридцать два года, а выглядит она лет на десять старше: лоб напоминает детский бумажный веер, вокруг глаз разбегаются гусиные лапки, в коротких рыжих волосах уже мелькают седые нити. У нее было непривлекательное тело, тощее и угловатое, словно она наглotalась молотков, шариков нафталина да старых бутылок. Таковую не хочется обнимать — ее дети этого почти никогда не делают. Мишель нравится ее причесывать (как многое другое, она делала это нетерпеливо и напористо), Дебби прислоняется к ней, когда стоит в свойственной ей рассеянной манере. Бедняжка Либби прикасается к ней, только когда ей очень больно. Ничего удивительного: Пэтти была настолько измождена, что к двадцати пяти годам даже соски превратились у нее в твердые шишки — Либби почти сразу пришлось кормить из бутылочки.

В тесной ванной не было шкафчика для туалетных принадлежностей. (Что делать, когда девочки закончат начальную школу, — одна ванная на четырех женщин! Что делать Бену? Она вдруг представила сына, одинокого и несчастного, в номере убогого мотеля среди засаленных полотенец и со скисшим молоком на столе.) Все самое необходимое стояло тут же на раковине. Бен сдвинул в сторону аэрозоль, дезодорант, лак для волос, крошечную коробочку с детской присыпкой (когда она ее покупала?), и теперь все это было в тех же фиолетовых пятнах, что и раковина. Пэтти бережно, словно это были фарфоровые статуэтки, протерла каждую емкость. Она пока не готова к следующей поездке в универмаг. Месяц

назад в благодушном расположении духа она отправилась в город, надумав приобрести кое-что лично для себя: крем и лосьон для лица, помаду, — и специально на эти цели положила в нагрудный кармашек свернутую двадцатидолларовую бумажку. Конечно, это мотовство. Но ее ошеломило и совершенно обескуражило обилие кремов для одного только лица: увлажняющий, против морщин, солнцезащитный. Можно купить увлажняющий, но к нему хорошо бы иметь соответствующий крем для снятия макияжа, а еще нечто под названием «тоник» — и пятидесяти баксов как не бывало, а ведь еще не дошло до ночного крема. Она вышла из магазина с пустыми руками, чувствуя себя полной идиоткой и мучимая угрызениями совести.

— У тебя четверо детей, никому и в голову не придет ожидать от тебя свежести розы, — заявила ей тогда Диана.

Но как же иногда хотелось быть свежей, как роза. Несколько месяцев назад вернулся Раннер — неожиданно, как с неба свалился. Голубоглазый, загорелый, он возник на пороге в грязных джинсах, с рассказами о рыболовецких траулерах на Аляске и гонках во Флориде, не чувствуя никакой вины за то, что дети от него не получили ни цента за три года, когда о нем не было ни слуху ни духу, и спросил, нельзя ли ему у них перекантоваться, пока не устроится; денег, естественно, у него не было, но он протянул Дебби полбутылки теплой колы, как чудесный подарок. Он пообещал починить все, что сломалось, и сделать это просто так, раз она не хочет по-другому. Стояло лето, и она позволила ему спать на диване, а он по утрам, когда к нему прибегали девочки, лежал там развалившись, в засаленных и драных трусах, из которых чуть ли не наполовину вываливалось его хозяйство.

Но дочки были от него в восторге (он называл их куколками и ангелочками), и даже Бен внимательно за ним наблюдал, то общаясь с ним, то дичась. Раннер и не особенно старался завладеть его вниманием, но пробовал с ним шутить. Он говорил о себе и о нем как о мужчинах, что было хорошо. Например, скажет: «Это мужская работа» — и подмигнет Бену. Через три недели на своем грузовике он приволок откуда-то раскладной диван и попросил разрешения немного пожить у них в гараже. Это показалось ей приемлемым. Он помогал ей мыть посуду, открывал перед ней двери и вел себя так, чтобы она замечала, что он смотрит на ее попу, но тут же делал вид, что смущается. Однажды вечером, подавая ему чистое постельное белье, она позволила себя поцеловать. Он тут же сгреб ее, прижал к стене, залез под рубашку, начал лапать. Она оттолкнула его, сказала, что не готова, и слабо улыбнулась. Он зло пожал плечами, смерил

ее взглядом, поджав губы. Раздевшись перед сном, она чувствовала запах никотина там, где он ее хватал.

Еще с месяц он болтался на ферме, то и дело бросая на нее похотливые взгляды, начинал что-то делать по хозяйству, да так и не доделывал. Когда однажды утром за завтраком она попросила его съехать, он обозвал ее сукой и швырнул в нее стаканом — вон на потолке до сих пор пятна от сока, а когда все же убрался, она не досчиталась шестидесяти долларов — он их стащил; прихватил еще и шкатулку для драгоценностей, но, очевидно, очень скоро убедился, что там нет ничего ценного. Он переехал в заброшенную халупу где-то в миле от фермы. Видимо, единственным источником тепла там была печь, потому что из трубы постоянно шел дым. Иногда она слышала звуки выстрелов в небо.

Это стало ее последним романом с отцом ее детей, но сейчас не время об этом думать — нужно возвращаться к действительности. Пэтти заправила за уши сухие, непослушные волосы и открыла дверь ванной. Мишель сидела на полу прямо перед дверью и делала вид, что изучает покрытие. Она пытливо глянула на мать из-за серых дымчатых стекол.

— У Бена неприятности? — спросила она. — Зачем он это сделал? С волосами?

— Наверное, болезнь роста, — сказала Пэтти, но как только Мишель глубоко вздохнула (а она всегда набирала в легкие побольше воздуха, прежде чем заговорить — короткими предложениями, почти не разделяя слов, которые просто цеплялись одно за другое, пока не заканчивался воздух), они услышали звук свернувшей к ним с шоссе машины.

Подъездная дорога была длинной, и проходила еще пара минут, пока поворачивавшая машина останавливалась перед домом. И хотя дочери с радостными криками «Диана! Диана!» уже бежали к окну, Пэтти почему-то сразу поняла, что это не сестра. В конце концов, они печально повздыхают, и все. Пэтти почувствовала, что это Лен, представитель банка-кредитора. Даже в манере вести машину проявлялась его собственническая натура. Лен-прилипала. Лен-кровопийца. С восемьдесят первого года она ведет с ним бесконечный диалог. К тому времени Раннер, который поначалу смотрел на ферму как на свою собственность, а не на собственность, принадлежавшую ее деду и бабке, ее родителям, а потом и ей, уже сбежал, предварительно объявив, что подобная жизнь ему не по нутру.

Единственное, что он сделал, так это сначала на ней женился, а потом разорил ферму. Бедолага Раннер, он во всем разочаровался, а ведь в семидесятых у него были такие далеко идущие планы. Тогда люди наивно полагали, что можно разбогатеть, занимаясь фермерством. (Ха, можно

подумать! И она громко хмыкнула при этой мысли.) Они с Раннером получили ферму от ее родителей в семьдесят четвертом. Это стало грандиозным событием, куда более значительным, чем ее замужество и рождение первенца. Ни свадьба дочери, ни рождение у нее сына так не взволновали ее тихих и милых родителей — от Раннера даже тогда за милую душу несли бедой, но (земля им пухом!) они ни разу не сказали о нем ни единого дурного слова. Когда в семнадцать лет она сообщила, что беременна и собирается замуж, они лишь выдохнули: «Ох», и все. Но это сказало о многом.

С того дня, когда папа и мама передавали ферму, у Пэтти осталась размытая фотография: смущенные и гордые, они улыбаются в объектив; рядом она с Раннером с улыбками победителей, у обоих шапка волос на голове, невероятно молодые, с шампанским в руках. Родители никогда прежде не пробовали шампанского, а тут специально по столь торжественному случаю съездили за ним в город. Шампанское наливали в банки из-под желатина.

Дела очень быстро пошли плохо, но она не может во всем винить только Раннера. В то время все кругом думали, что цена на землю продолжит расти, так почему бы в таком случае не взять больше? «Ни клочка неосвоенной земли!» — этот боевой клич тех лет многим кружил голову. Полный вперед! Проявляйте инициативу, действуйте смело! Раннер со своими безмерными амбициями и полным отсутствием знаний решительно отправлялся с ней в банк (по этому случаю он всегда надевал галстук густо-зеленого цвета из толстой-толстой ткани) и что-то мычал, выпрашивая ссуду. Поход обычно заканчивался тем, что им давали в два раза больше, чем они просили. Наверное, не следовало брать такие деньги, но в банке подбадривали: не беспокойтесь — экономический подъем.

«Они деньги даром раздают!» — возбужденно вопил Раннер, и на ферме вдруг появлялся новый трактор и шестирядная сеялка, хотя достаточно было бы и четырехрядной. Через год на ферме красовался блестящий вездеход «Краузе» и новенький комбайн знаменитой компании по производству сельскохозяйственной техники Джона Дира. Верн Ивли, с его впечатляющими пятьюстами акрами земли, непременно комментировал каждое новое приобретение Дзев, осуждающе приподнимая бровь. Раннер приобрел еще землю и рыбацкий катер, а когда Пэтти спрашивала, надо ли это делать, он злобно зыркал на нее и орал, как это больно, что она в него не верит. Потом все в одночасье рухнуло. Словно чья-то злая шутка — в восьмидесятом президент Картер ввел эмбарго на экспорт зерна в Советский Союз (не до фермеров сейчас — время бороться с

коммунизмом!), банковские ставки выросли до восемнадцати процентов, цены на топливо сначала только ползли вверх, а потом взмыли, много банков обанкротилось, в конкуренцию на рынке вдруг вступили страны, о существовании которых она едва знала, какая-то там Аргентина. В конкуренцию с ней из крохотного Киннаки в штате Канзас. Несколько неудачных лет — и Раннер сломался. И заикнулся на Картере — говорил о нем всегда. Сидит перед телевизором с пивом, смотрит плохие новости, но как только заметит, что где-то блеснут эти большие кроличьи зубы, взгляд у него стекленеет и в нем закипает такая ненависть, что кажется, он знаком с Картером лично.

Итак, во всех бедах Раннер обвинял Картера, а все остальные в их убогом городишке винили ее. Теперь при встрече Верн Ивли все время укоризненно щелкал языком: ай-я-яй. У фермеров, как-то умудрявшихся оставаться на плаву, она не вызывала сочувствия, они смотрели на нее, словно она сначала голышом кувыркалась в снегу, а потом решила утереть сопливый нос о них. Как раз прошлым летом у фермера недалеко от Арканзас-Сити что-то там сломалось в загрузочной воронке, и на него высыпались почти две тонны пшеницы. Здоровенный мужик, он попросту утонул в зерне. Задохнулся, прежде чем его успели вытащить. В Киннаки все так горевали, так переживали из-за этого столь невероятного происшествия, пока не узнали, что фермер не мог выплачивать долги. Тогда вокруг заговорили: «Надо быть осторожней» — и пускались в рассуждения о том, как заботиться о технике, и о соблюдении правил безопасности. И тут же все ополчились на бедолагу, которого погубил собственный урожай.

В дверь позвонили, и (ее опасения оправдались) на пороге появился Лен, тут же вручил Мишель свою шерстяную шапку, а Дебби — несуразно большое пальто и начал тщательно очищать от снега новехонькие, чересчур блестящие туфли. Бен не одобрил бы такие, подумала она. Бен мог часами осматривать свои новые кроссовки и даже давал сестрам по очереди в них походить, но это было в то время, когда он еще допускал их к себе. Либби сердито зыркнула на Лена с дивана и снова отвернулась к телевизору. Она обожала Диану, а этот дядька обманул ее, потому что вошел в дверь вместо Дианы.

Лен всегда здоровался как-то странно, нараспев — на манер тирольских горцев, с переливами; приветствие в его устах звучало так глупо и не к месту, что Пэтти каждый раз приходилось к нему готовиться. На этот раз он его выкрикнул в коридоре, и она нырнула обратно в ванную, чтобы скрыть истинные эмоции и нацепить на лицо дежурную улыбку. Лен всегда ее обнимал, что наверняка не позволял себе ни с одним из фермеров,

с которыми общался по долгу службы. Она пошла навстречу его раскинутым рукам, он придержал ее за локти — пожалуй, чуть дольше, чем позволяли приличия, и потянул носом воздух, будто принюхивался к ней. От него несло сардельками и мятной жвачкой. Когда-то он всерьез решил за ней приударить и даже настаивал на том, чтобы она уступила его домогательствам, но его ухаживания были настолько жалкими, что хотелось плакать. Охотник и объект охоты, оба они — ошибка природы: он — самый слабый в помете койот о трех ногах, она — усталая хромая крольчиха. Потрясающая парочка, нечего сказать!

— Как поживает наша хозяйка фермы? — сказал он. Между ними существовало молчаливое согласие: то, что она управляет фермой в одиночку, — уже само по себе почти анекдот. Наверное, так оно и есть.

— Да вот, поживаю, худо-бедно, — ответила она.

Дебби и Мишель удалились к себе в комнату. Либби недовольно сопела на диване. Через пару недель после его прошлого визита у них на ферме устроили аукцион, и Дэи из окошка смотрели, как соседи по дешевке скупают необходимое в хозяйстве оборудование. Мишель и Дебби распереживались, увидев одноклассниц — сестер Бойлер: те разгуливали с родителями, как на пикнике, и всюду совали нос. «Почему мы не можем выйти на улицу?» — ныли они, сердились и умоляли, поглядывая, как сестрицы Бойлер по очереди катаются на качелях — может, уже и качели проданы?! Пэтти повторяла: «Среди тех людей за окном у нас друзей нет». Люди, которые присылали ей на Рождество поздравительные открытки, сейчас ощупывали ее дрель, точильный станок, все ее инструменты, даже половину цены предлагая неохотно. Верн Ивли забрал ту самую сеялку, которая когда-то так его раздражала, снизив первоначально заявленную цену. Безжалостный поступок. Через неделю она столкнулась с ним в магазине, куда заехала за кормами, — он отвернулся, затылок от стыда порозовел. Она подошла к нему сзади и прямо в ухо укоризненно пощелкала языком: ай-я-яй.

— Как тут у тебя вкусно пахнет, — почти с возмущением произнес Лен. — Кое-кто славно позавтракал!

— Блинами, — кивнула она.

«Только, пожалуйста, не заставляй меня спрашивать, почему ты здесь. Пожалуйста, хоть раз скажи сам, зачем ты приехал».

— Не возражаешь, если я присяду? — спросил он, присаживаясь на краешек дивана рядом с Либби. — Это кто? — спросил он, внимательно на нее глядя. Он раз десять видел девочек, но никогда толком не мог определить, кто есть кто, и даже не пытался запомнить. А однажды назвал

Мишель «Сьюзан».

— Это Либби.

— У нее такие же рыжие волосы, как у мамы.

Да, такие же. Но она не могла заставить себя сказать это вслух. Чем дольше Лен не переходил к теме своего визита, тем тревожнее ей становилось. Даже спина взмокла.

— Рыжие волосы у вас от ирландских предков? Вы родом из Ирландии?

— Нет, из Германии. Моя девичья фамилия Краузе.

— Надо же, как забавно. Потому что «краус» означает кудрявый, а не рыжий. У вас ведь ни у кого не выются волосы. Они скорее волнистые. А у меня тоже немецкие корни.

Такой разговор происходил между ними и раньше, он всегда развивался в одном из двух возможных направлений. При другом повороте беседы Лен говорил: забавно, что ее девичья фамилия Краузе, потому что так называется компания по производству сельскохозяйственной техники и инвентаря, и очень жаль, что она не родственница. Но и в том и в этом случае она испытывала страшное напряжение.

— Итак, — наконец сдалась она, — что-то случилось?

Лен, казалось, жалел, что она перешла к сути дела. Он нахмурился, будто посчитал, что она повела себя бестактно.

— Раз уж ты сама об этом заговорила... Боюсь, случилось нечто очень серьезное. Я решил приехать, чтобы сказать тебе об этом лично. Может, где-нибудь уединимся? — Он кивнул в сторону Либби, делая большие глаза. — Хочешь, пойдем к тебе в комнату или еще куда-нибудь? — У Лена имелось брюшко, круглое, как в начале беременности. Нет, уединяться с ним совсем не хотелось — ни у себя в комнате, ни в каком бы то ни было другом месте.

— Либби, пойдика глянь, что там делают девочки, хорошо? Мне нужно поговорить с мистером Вернером.

Либби вздохнула и медленно сползла с дивана: сначала ноги, потом попа, потом спина — словно клей из тюбика. Оказавшись на полу, несколько раз старательно перекатилась, немного проползла и наконец встала на ноги и потопала по коридору.

Пэтти и Лен посмотрели друг на друга, он вытянул губы дудочкой и покивал:

— Ферму собираются объявить банкротом и пустить с молотка.

У нее все сжалось внутри. Но нет, она не будет лить слезы перед этим человеком.

— Что мы можем сделать?

— Мы-ы-ы... Боюсь, у нас нет вариантов. Я и так полгода их придерживал, но больше не могу этого делать, потому что рискую потерять работу. Хозяйка фермы... — Он улыбнулся и сжал ей коленку. Захотелось вцепиться ему в лицо. В комнате девочек заскрипел матрац — это Дебби прыгает на кровати — ее любимое занятие, — потом она начнет перепрыгивать с одной кровати на другую.

— Пэтти, этот вопрос можно решить только при помощи денег. Срочно. Если, конечно, ты хочешь сохранить ферму. Возьми в долг, проси милостыню, укради, в конце концов. Слушай, времени для гордости не осталось. Поэтому реши, нужна ли тебе эта ферма?

Матрацы заскрипели сильнее. У Пэтти в животе перевернулась съеденная на завтрак яичница. Лен продолжал плотоядно улыбаться.

Либби Дэй

Наши дни

После того как моей матери снесли часть черепа выстрелами из ружья, а тело топором почти разрубили надвое, жители Киннаки начали задаваться вопросом, а не занималась ли она проституцией. Сначала это были только вопросы, затем предположения, а позже об этом говорили уже почти определенно. Люди припоминали, что по ночам у дома видели машины. И на мужчин-то она смотрела, как шлюха. А Верн Ивли в таких случаях всегда замечал, что в восемьдесят втором Пэтти, кажется, даже продала сеялку (будто этот факт доказывает, что она торговала собственным телом!).

Конечно, кого винить, если не жертву! Слухи обрастали новыми подробностями и становились все реальнее: у каждого непременно находился друг, у которого был двоюродный брат, а у того приятель, который и спал с моей матерью. У каждого имелось хотя бы незначительное пикантное доказательство: рассказывали о родинке на бедре, о шраме на правой ягодице. Вряд ли эти истории соответствовали действительности, но с уверенностью я утверждать не могу, как не могу с уверенностью говорить об очень многих событиях своего детства. Многие ли человек помнит из того времени, когда ему было семь лет? На фотографиях мама не похожа на неразборчивую в связях развратницу. На юношеских снимках она — воплощение привлекательности; забранные в пышный хвост рыжие волосы фейерверком рассыпаются по спине и плечам. Такие обычно напоминают соседскую девочку, которую родители иногда просят посидеть с детьми, — детям она всегда нравится. После двадцати, когда за нее цепляется сначала один ребенок, потом карабкается второй, а потом и все четверо, улыбка становится шире, но она какая-то затравленная; и на всех снимках мать как будто отстраняется от одного из нас. Как будто мы все время держим ее на осадном положении. Одним своим количеством. Но когда ей исполнилось тридцать, фотографий резко поубавилось. На немногих имеющихся она послушно улыбается в объектив, но это та самая улыбка, которая после вспышки тут же гаснет. Я много лет не разглядывала эти снимки, хотя когда-то не могла от них оторваться: изучала мамину одежду, выражение лица, все, что было на заднем плане. Чья там рука у нее на плече? Где это она? По какому случаю

фотографировалась? Но однажды, еще подростком, я вдруг убрала их подальше вместе со всеми остальными вещами из того времени.

И вот теперь я виновато стояла перед сгорбившейся под лестницей пирамидой коробок, собираясь с силами, чтобы заново узнать собственную семью. Записка Мишель, которую я понесла в Клуб, первой попалась под руку, когда, не в силах открыть коробки, я пошарила в уголке той, где ослабла бечевка, — жалкая попытка спрятать голову в песок. Нет, так дело не пойдет, — если я все-таки решилась взвалить на себя эту ношу, если действительно собралась размышлять над убийствами в моей семье после стольких лет, когда я тщательно обходила эту тему стороной, я должна научиться смотреть на вещи из дома моего детства без паники и ужаса: вот наш старый металлический венчик для взбивания яиц — его звук напоминал звон колокольчика на санной упряжке, если провернуть его быстро-быстро; вот погнутые ножи и кривые вилки, которые побывали в наших ртах; несколько книжек-раскрасок — с аккуратной рамочкой, нарисованной цветными карандашами, если это раскраска Мишель, с нетерпеливыми закорючками — на моей. Посмотреть на все как на обычные предметы.

А потом уж решить, что продавать.

Конечно, самое желанное из дома Дзев для членов этого Клуба Сумасшедших недоступно. Мамино охотничье ружье, из которого ее же и убили, припрятано в каком-нибудь специальном шкафу для улик вместе с топором из нашей кладовки. (Это тоже стало одной из причин, почему Бена осудили: орудия убийства были взяты прямо в доме. Убийца со стороны не приходит в спящий дом с голыми руками в надежде прямо на месте подыскать, чем бы убить.) Иногда я пытаюсь представить себе те топор и ружье, а еще простыни, на которых умерла Мишель. Где все это сейчас — в одном большом ящике, липкое или закаменевшее от крови и грязи? Или уже вычищенное? Чем будет пахнуть, если открыть ящик? Я помню тот ударивший в нос тошнотворный запах разложения и тлена через несколько часов после убийств. Стал ли он еще страшнее по прошествии стольких лет?

Когда-то в чикагском музее я увидела предметы, связанные со смертью президента Линкольна: пряди волос, фрагменты пули, узкая, жесткая кровать, на которой он умер, продавленный посередине матрац, будто навсегда сохранивший его последний отпечаток. Для меня экскурсия закончилась тем, что я помчалась в туалет и прижалась лицом к холодной двери кабинки, чтобы не потерять сознание. А как бы сейчас выглядел дом Дзев, если, собрав все предметы и улики, выставить их на всеобщее

обозрение? Кто придет на них смотреть? Сколько окровавленных маминых волос оказалось бы под стеклом? Осталось ли что-то от стен, исписанных отвратительными грязными словами? Можно ли собрать охапку камышей, в которых я пряталась столько часов? Или превратить в экспонат фалангу моего отмороженного пальца на руке? Или три ампутированных пальца ноги?

Я отвернулась от коробок (нет, пока не готова) и присела к письменному столу, одновременно служившему мне обеденным, разбирать почту. Ненормальная Барб прислала всякую хрень. Записанную в 1984 году видеокассету под названием «Угроза целомудрию: сатанизм в Америке»; целый пакет соединенных скрепкой вырезок из газет со статьями об убийстве моей семьи; несколько поляроидных снимков Барб возле здания суда, где судили Бена; руководство «Твоя тюрьма — твоя семья. Как научиться не замечать решетку» с загнутыми в нескольких местах страницами.

Скрепку я бросила в емкость для скрепок на кухне (никогда не покупайте ни скрепки, ни ручки — это добро имеется в свободном доступе в любом офисе), потом вставила видеокассету в древний проигрыватель. Щелчок, жужжание, глуховатый треск — и на экране замелькали изображения перевернутых пентаграмм и мужчин с козлиными рогами, оружие рок-группы и мертвые тела. Молодой человек приятной наружности с модной по тем временам симпатичной стрижкой, сбрызнутой лаком, шел вдоль стены, сплошь покрытой граффити, со словами: «Наше видео поможет вам распознавать сатанистов и даже замечать в самых близких и любимых людях признаки того, что они, вероятно, заигрывают с этой очень и очень реальной опасностью». На видео были представлены интервью ведущего со священниками, полицейскими и даже «самыми настоящими сатанистами». Два самых влиятельных сатаниста в черных балахонах с подведенными черным карандашом глазами и вытатуированными по всей шее пентаграммами отвечали на вопросы у себя в гостиной на дешевой кушетке, справа виднелась кухня с желтым холодильником, мерно гудевшим на линолеуме с веселеньким узором. Я представила, как после интервью мужики ринулись к холодильнику и начали в нем рыться в поисках салата с тунцом и бутылочки колы и как мешали им балахоны. Я выключила видик как раз в тот момент, когда ведущий начал советовать родителям тщательно проверять комнаты отпрысков на предмет обнаружения там символических фигурок и колдовских досок с нанесенными на них буквами и цифрами.

Вырезки из газет оказались столь же бесполезны, к тому же было

совершенно непонятно, для чего Барб прислала свои фотографии. Я сидела в полной беспомощности. А еще ничего не хотелось делать. Для изучения вопроса можно было бы, конечно, пойти в библиотеку, потому что я так и не установила у себя Интернет, хотя еще три года назад решила это сделать. Правда, сейчас я бы и в Интернет не стала залезать — что уж говорить о том, чтобы куда-то идти, — потому что чувствовала себя совершенно разбитой. И я позвонила Лайлу. Он поднял трубку после первого же гудка:

— Либби! Рад снова вас слышать. Я собирался вам звонить. Извините за то, что произошло в Клубе. Вам, возможно, показалось, что все против вас ополчились и начали травить, но, честное слово, все должно было пройти совершенно иначе.

Хорошие слова говорит парень, подумала я.

— Да уж, допекли.

— Я не учел, что у нас собственные версии, но ни одна не рассматривает Бена как убийцу. И не принял это во внимание, вот и все. А вы не можете не воспринимать это по-другому. То есть я хочу сказать, что мы вроде как всё знаем, но в то же время не знаем. И никогда не узнаем. Наверное. И не прочувствуем так, как вы. Вы в своей жизни столько раз об этом говорили и спорили, что это стало... но... В общем... прошу прощения.

Очень не хотелось, чтобы Лайл мне нравился, поскольку я уже решила для себя, что он козел и мудака. Тем не менее я в состоянии по достоинству оценить, если человек прямо и честно просит прощения. Сама я на такое не способна, но горячо приветствую это качество в других людях — точно так же, как человек, лишенный слуха, способен наслаждаться произведением музыкальной классики.

— Ну что ж...

— У нас очень многие по-прежнему готовы приобрести что-нибудь памятное, если вы захотите что-то продать. Если, конечно, вы звоните по этому поводу.

— Нет, я позвонила просто так. Я сейчас много думаю об этом деле, — сказала я и многозначительно замолчала.

Мы встретились неподалеку от моего дома в баре с названием «У Сары», что меня всегда смущало, но местечко было довольно милым и просторным. Не люблю, когда люди вокруг оказываются слишком близко. Лайл уже ждал и, увидев меня, привстал и подался вперед, чтобы обнять. Из-за этого его длинному телу пришлось изгибаться и складываться пополам. Дужка очков ткнулась мне в щеку. На нем был очередной

кургузый пиджачок в стиле восьмидесятых, на этот раз из джинсы, утыканный круглыми значками с лозунгами «Выпил — за руль не садись!», «Твори добро не по заказу», «Прокатим выборы». Когда он садился на место, значки нестройно позвякивали. Я решила, что Лайл лет на десять моложе меня, но не могла определить, с иронией ли он одевается в ретро или по глупости и недомыслию.

Он снова пустился в извинения, но мне хватило прежних. Спасибо, достаточно.

— Слушайте, я ведь даже не говорю, что меня вдохновляет мысль о невиновности Бена, и не признаю, что допустила какие-то ошибки в своих показаниях.

Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут же его захлопнул.

— Но если я вдруг решу глубже заняться этим делом, готов ли Клуб оплатить мне какие-либо расходы? Оплатить, так сказать, мое время.

— Либби, это же здорово! Здорово, что вы заинтересовались, — сказал Лайл.

Терпеть не могу этот снисходительный тон: неужели он не понимает, что разговаривает с человеком старше себя хотя бы по возрасту?! Он напоминал ребенка, который по окончании урока, когда остальные дети нетерпеливо переминаются под партами с ноги на ногу, на вопрос учителя, есть ли вопросы, действительно их задает.

— В общем, хочу сказать, что у всех у нас свои версии, но перед вами откроется куда больше дверей, чем перед любым из нас, — сказал Лайл, нервно дергая ногой под столом. — Дело в том, что с вами хотят говорить.

— Наверное, да.

Я махнула рукой в сторону кувшина рядом с ним, и он налил мне оттуда пива в пластиковый стакан, но получилось, что в стакане оказалась одна пена. Он тут же, приложив палец к носу, опустил палец в стакан и, сбив пену, подлил пива.

— Итак, какая компенсация вас устроит?

Он передал мне стакан, я поставила его перед собой, не решаясь сделать глоток после его манипуляций.

— Может быть, имеет смысл рассматривать каждый случай отдельно? — сказала я, делая вид, что раньше это не приходило мне в голову. — Наверное, в зависимости от усилий, которые придется затратить на поиски нужного человека, и от тех вопросов, которые вы захотите ему через меня задать.

— Знаете, список у нас будет длинным. А вы действительно совсем не общаетесь с Раннером? У большинства из нас он на первом месте.

Раннер, чтоб его, блин... За последние три года он один раз мне позвонил и сначала бормотал в трубку что-то нечленораздельное, а потом перешел на крик: срочно вышли денег! С тех пор ни слуху ни духу. Черт, да и до этого звонка он нечасто проявлялся. Время от времени он материализовывался во время судебного процесса над Беном, иногда в странном пиджаке и галстуке, но в основном в том же, в чем спал, — настолько пьяным он являлся. В конце концов адвокат Бена попросил его больше не приходить.

Сейчас он представал в еще худшем свете, ведь все в Клубе утверждали, что убийца — он. Еще до убийств он, насколько мне известно, трижды попадал за решетку, правда, по каким-то пустякам. И тем не менее Раннер вечно ходил в долгах из-за азартных игр, а ставки он делал везде — на спортивных соревнованиях, на собачьих бегах, в бинго — и на все, даже на прогноз погоды. К тому же его когда-то обязали платить алименты на наше содержание. Убийство семьи избавило бы его от этого.

Вот только я никак не могла представить, чтобы Раннер мог выкрутиться после такого: кишка тонковата, да и амбиций определенно не хватает. Он даже для несчастной оставшейся в живых собственной дочери был хреновым отцом. После убийств он несколько лет болтался в Киннаки и окрестностях, время от времени куда-то пропадая не на один месяц и присылая мне перевязанные изолентой коробочки то из Айдахо, то из Алабамы, то из Уиннера в Южной Дакоте с фигурками девочек то с зонтиком, то с котенком. Впрочем, до меня всегда доходили только черепки. Я знала, когда он возвращается в Киннаки, не потому, что он меня навещал, а потому, что в окнах убогого домика на горе зажигался такой же убогий огонек. Если Диана натыкалась на него где-то в городе, то дома, дымя сигаретой, бурчала что-то вроде «явился не запылится». Было в нем что-то жалкое и одновременно пугающее.

Вероятно, мне все-таки крупно повезло, что он лишил меня своего общества. Когда летом за полгода до убийств Раннер к нам вернулся, он только и делал, что дразнил меня и злил. Сначала бросал на меня косые взгляды или хватал за нос, но потом его шутки становились все злее. Однажды, придя с рыбалки, он протопал по всему дому в огромных мокрых сапогах и начал барабанить в дверь ванной, где я в это время купалась, и орать: «А ну, открывай! У меня для тебя сюрприз!» В конце концов он вышиб дверь, ввалился в ванную с узлом в руках и, дыша пивным перегаром, плюхнул мне в воду живую полуметровую зубатку. Больше всего меня тогда напугала бессмысленность этой выходки. В панике я начала биться и барахтаться в воде, потому что рыба разевала

усатый рот, как какое-то ископаемое чудовище, и противной скользкой кожей задевала тело. Мне казалось, она ухватит меня за пятку и двинется вверх по ноге, надеваясь на нее, как сапог.

Я выпрыгнула из ванны и, мокрая, в ужасе помчалась по ковру, а Раннер вопил вслед, чтобы я прекратила хныкать, как младенец. «Надо же, все дети у меня трусливые слабаки».

Мы тогда три дня не мылись, потому что рыбина жила в ванне, — Раннер, видите ли, устал и не мог ее убить. Наверное, моя лень — от него.

— Понятия не имею, где он может находиться. Для меня это всегда было загадкой. По последним из доходивших до меня слухов, он сейчас где-то в Арканзасе. Но это слухи годичной давности. В лучшем случае.

— Хорошо бы все-таки его найти. Некоторые абсолютно точно хотят, чтобы вы с ним поговорили. Я, правда, не считаю, что убийца — Раннер, — сказал Лайл. — Хотя, учитывая его долги и гадости, которые он делал, у него-то была прямая выгода пойти на убийство.

— А еще он псих.

— Без обид, — слегка улыбнулся Лайл (улыбка, надо сказать, у него была милая), — но я уверен, у него бы духу не хватило такое сотворить.

— Я не обижаюсь. В таком случае какова ваша версия?

— Я пока не готов ее озвучить. — Он похлопал по стопке папок возле себя. — Сначала дам вам ознакомиться с фактами, имеющими отношение к делу.

— Да помилуйте же! — сказала я и тут же поняла, что это мамино слово, — я точно так же сложила губы, произнося «п». Как она когда-то говорила: «Помилуйте же! Куда запропастились мои ключи!» — Помилуйте! Но если Бен не виновен, почему он не пытается выйти из тюрьмы?

В моем голосе зазвенели высокие требовательные нотки обиженного ребенка: почему, ну почему меня лишили сладкого? Я вдруг поняла, что где-то в глубине души надеюсь, что Бен невиновен, что мне его вернут — Бена, каким я его знала до того, как начала бояться. Я попробовала представить его на свободе: вот он решительно поднимается к моему дому, руки в карманах (еще одно воспоминание, которое вдруг всплыло, как только я позволила себе снова начать думать: вечно сконфуженный Бен с руками, засунутыми глубоко в карманы). Бен сидит у меня за обеденным столом, если бы у меня таковой имелся, счастливый, простивший: не переживай, ничего страшного не произошло! Если, конечно, он невиновен.

«Ах, если бы, ах, если бы все наши „но“ и „если бы“ конфетками стали, орешками, как славно провели б мы Рождество», — звучал у меня в

голове громоподобный голос тети Дианы. В детстве эти слова отравляли жизнь, вечно напоминая, что у всех, а не только у меня, все пошло прахом. Вот кто-то и придумал такую пословицу, чтобы жизнь медом не казалась, чтобы люди всегда помнили, что у них никогда не будет того, что нужно, чего хочется.

Потому что (и ни в коем случае об этом, Крошка Дэй, не забывай!) в ту ночь Бен все-таки находился дома. По пути в мамину комнату я заметила свет в щели под закрытой дверью его комнаты. А еще слышала голоса внутри. Он там был!

— А может, первым делом съездить к Бену и спросить его об этом напрямую?

Бен в тюрьме. Последние двадцать с лишним лет я только и делала, что старалась не думать об этом месте. А сейчас представила брата — за решеткой, в тесной камере с толстыми бетонными стенами. Интересно, у него где-нибудь хранятся семейные фотографии? Может, там и вовсе запрещено иметь что-либо подобное? Я снова поняла, что ничегошеньки не знаю о его жизни. И даже не имею понятия о том, как выглядит его камера, — тюремные камеры я видела только в кино.

— Нет, первым делом не к нему. *Пока* не к нему.

— Дело в деньгах? Но мы оплатим поездку.

— Если бы только в деньгах.

— Ну-у... в таком случае сначала к Раннеру? Или... к кому?

Мы оба замолчали. Оба не знали, куда девать руки, старались не смотреть друг другу в глаза. Когда-то работавшие со мной психологи настаивали, чтобы мне устраивали встречи с другими детьми, утверждая, что это пойдет мне на пользу, потому что я должна учиться общению со сверстниками. Наша встреча с Лайлом очень напоминала первые бестолковые и самые ужасные десять минут, когда взрослые вышли, а ты не знаешь, чего хочет ребенок, с которым оказался наедине, вот и стоишь возле телика — а к нему приближаться не велено, — стоишь и тыкаешь пальцами в антенну.

Я поковырялась в миске с арахисом в хрупкой воздушной скорлупе, который принесли нам бесплатно, бросила парочку себе в пиво, чтобы слегка подсолить, и потыкала в них пальцем. Они запрыгали по поверхности. Весь мой план вдруг показался мне глупейшей затеей. Неужели я и впрямь собралась вести разговоры с людьми, которые, возможно, причастны к убийствам в моей семье, и что-то там расследовать? В невиновность Бена можно поверить, только если выдавать желаемое за действительное. Да, но если он все-таки невиновен, не

превращает ли это меня в злодейку, каких свет не видывал? Внутри поднялось знакомое чувство, которое я испытываю, когда готова отказаться от задуманного, вдруг понимая, что мое гениальное прозрение имеет изъяны и у меня ни ума не хватает, ни энергии, чтобы с ними бороться.

В любом случае снова забираться в кровать и днями никуда не высовываться — не выход, потому что скоро платить за жилье, да и продукты понадобятся. Можно было бы сесть на шею государству, но это означает, что для получения пособия придется заполнять горы справок и документов, а я скорее буду голодать, чем соглашусь на бумажную канитель.

— Я съезжу к Бену, — пробормотала я. — Начинать надо оттуда. Но мне понадобятся триста долларов.

Я произнесла это просто так, вовсе не рассчитывая, что получу какие-то деньги, но Лайл полез в древний кошелек, который не разваливался только потому, что его скрепляла изолента, и отсчитал триста баксов. При этом несчастным он не выглядел.

— Лайл, откуда у вас все эти деньги?

Он многозначительно помолчал и выпрямился на стуле.

— Как казначей нашего Клуба, я располагаю определенной суммой, которую могу тратить по своему усмотрению, и я принял решение использовать деньги именно в этом направлении. — Ушки у него покраснели, словно рассерженные эмбрионы.

— Казенные деньги транжирите? — Я вдруг почувствовала, что он начинает мне нравиться.

Бен Дэй

2 января 1985 года

10:18

От фермы до Киннаки на велосипеде час езды, но при условии, что едешь с хорошей скоростью, легкие не стынут от холода, а по щеке не течет кровь. Он всегда старался, чтобы работа в школе приходилась на то время, когда там поменьше народу. Например, не ездил туда в субботу, потому что по субботам в спортзале занимались борцы. Неприятно шарахаться по залу со шваброй в руках, когда вокруг вразвалочку лениво слоняются шкафоподобные и громогласные качки и сплевывают на пол как раз в том месте, где он только что вымыл, а потом смотрят на него вроде бы виновато, а вроде бы ожидая, хватит ли у него духу сделать замечание.

Сегодня среда, но рождественские каникулы еще не закончились, значит, в школе будет относительно тихо — относительно, потому что в зале, где тренируются штангисты, всегда кто-то есть, оттуда постоянно раздается звук, похожий на биение стального сердца. Сейчас, правда, еще довольно рано. Вот и отлично. Обычно он приходит между восьмью и двенадцатью часами, как последняя шестерка, моет полы (хотя почему «как»?) и старается убраться оттуда прежде, чем его кто-то увидит. Иногда он чувствует себя эльфом из сказки, который, потихоньку проникнув в дом, наводит в нем чистоту и порядок. Школьники — народ неаккуратный: бросят пакет из-под молока в сторону мусорной корзины, а он не долетит, да еще по дороге из него выплеснутся остатки и заляпают пол, а они лишь пожмут плечами и идут себе дальше. А то вывалится из сэндвича густая мясная начинка, пропитанная кетчупом, — ну и фиг с ней, пусть валяется, кому надо, тот и уберет. Бен делал то же самое просто потому, что так поступали все вокруг: уронит на пол кусок сэндвича с тунцом и скорчит гримасу — подумаешь, делов-то! — будто не ему потом все это убирать.

В общем, уборка — занятие противное, особенно когда вокруг крутятся другие ребята, потому что все время пытаешься спрятать глаза. Но сегодня можно ничего и никого не опасаться и все убрать без спешки. Диондра утром отправилась по магазинам в Салину. У нее, кажется, пар двадцать джинсов — для него они все одинаковые, но ей понадобились еще одни, по ее словам, какие-то совершенно особенные. Иногда она подвертывает штанины до лодыжек, открывая для обозрения носки. Бен

старался не забывать и всегда хвалил на ней новые джинсы, а она тут же начинала тянуть: «А как тебе носо-о-о-чки?» Вроде бы и шутка, да не очень. Она носит исключительно фирменные эксклюзивные носки от Ральфа Лорена — долларов по двадцать за пару; от такой суммы у него все внутри переворачивалось. У нее целый комод с носками — в горошек, в полосочку, в ромбиках — и все с фирменной отметкой. Однажды только в одном ящике он насчитал у нее носков долларов на четыреста — наверное, половина месячного заработка его матери. Впрочем, должны же богатые что-то себе покупать, так чем носки не покупка! Диондра была из богатеньких, но среди прилизанных маменькиных и папенькиных сынков и дочек выделялась кричащей одеждой и диким нравом; к металлистам ее тоже отнести было трудно, хотя она на всю катушку врубала записи «Железной девы», обожала кожу, а травку выкуривала тоннами. Она не вписывалась ни в одну компанию и была просто «новой девчонкой». Ее все знали, и в то же время не знал никто. Где она только не жила! Подолгу — в Техасе, поэтому, если вытворяла нечто такое, что могло вызвать недовольство окружающих, она часто повторяла: «Так принято в Техасе». Что бы ни сделала, все было правильно, потому что именно так поступают в Техасе.

До Диондры Бен плыл себе по течению — мальчишка из бедной фермерской семьи, друживший с другими фермерскими детьми. На них никто в школе не обращал внимания. Они недотягивали до того, чтобы их презирать, — их вообще не выделяли из толпы. Они составляли общий фон, а для него это было хуже унижений. Хотя, наверное, все-таки нет, если вспомнить этого чудака в огромных очках с толстыми стеклами, которого он знает с детского сада. Перейдя к ним из начальной школы, парнишка сразу обкакался — ходило несколько версий того, как это произошло. Согласно одной, он навалил в штаны от натуги, когда пытался взобраться по канату; по второй — лажанулся, когда перед началом занятий их пересчитывала училка. А были еще третья и четвертая. Самое ужасное, что к парню с тех пор навечно приклеилась кличка Засранец. На переменах идет он куда-нибудь, круглые луноподобные очки упираются в пол, но все равно какой-нибудь ухарь мимоходом непременно стукнет его по башке со словами «Привет, Засранец!», а тот продолжает путь, не поднимая глаз, с мрачной и одновременно глуповатой улыбкой на лице, делая вид, что типа принимает участие в шутке. Так что, пожалуй, есть кое-что и похуже того, что тебя не замечают. Но Бена все равно это не устраивало: он больше не желал оставаться тем же «милым кротким рыженьким мальчуганом», которым слыл с первого класса. То есть никаким.

Как же он офигенно благодарен Диондре за то, что она с ним общается, пусть и не на людях. Они познакомились, когда она его фактически сбила на своей машине. Стояло лето — горячая пора для новеньких. После уборки, когда он пересекал парковку, на него налетела спортивная «хонда», и он упал прямо на капот. Из машины выскочила девчонка с криками: «Что за нафиг! Охренел, что ли, совсем!», обдавая его винными парами. Когда Бен извинился (он еще перед ней и извинился!) и она поняла, что он не собирается устраивать скандал, она рассыпалась в любезностях и предложила подбросить его домой, но вместо этого они выехали за город, припарковались и принялись опорожнять запасы легкого спиртного из багажника. Она сказала, что ее зовут Алексис, но через некоторое время сообразила, что соврала и на самом деле ее зовут Диондра. Бен сказал, что ни за что на свете не стал бы скрывать такое классное имя, она обрадовалась, а потом говорит: «Знаешь, а у тебя симпатичная мордашка», а потом через несколько секунд: «Хочешь, мы того-этого?» — и они тут же начали целоваться и занялись сексом по полной программе. Для него это был не первый сексуальный опыт, а... второй. Через час Диондре понадобилось куда-то ехать, она сказала, что у него удивительная способность слушать, просто класс, как он умеет слушать, а поскольку у нее не было времени отвезти его домой, она привезла его к тому месту, где сбила.

Так они начали встречаться. Бен не знал никого из ее друзей, да и сама Диондра с ним в школе не общалась. Яркой птичкой она внезапно появлялась после занятий перед выходными, а иногда нет. Но ему было достаточно видеть ее в субботу или воскресенье в их собственном укромном гнездышке, где школа не имеет никакого значения. Ему казалось, что только с ней он становится самим собой.

Когда он наконец подъехал к школьной парковке, там стояло несколько грузовичков и выдавших виды спортивных машин — он знал, какая кому принадлежит. Значит, сегодня здесь не только борцы, но и баскетболисты. Из-за этого он сначала почти передумал работать, но вспомнил, что Диондра будет отсутствовать не один час, а у него денег недостаточно, чтобы засесть в забегаловке с гамбургерами. Хозяин лопается от злости, если к нему заходят школьники, потому что они ничего не покупают. К тому же сидеть в одиночестве в дешевой кафешке во время рождественских каникул даже хуже, чем работать. Ну что, блин, за мать у него такая — вечно докапывается! Все из-за нее! Родителям Диондры, между прочим, вообще по барабану, чем занимается их дочь, — половину времени они живут у себя в тexasском доме. Даже когда в прошлом месяце она куда-то

пропала на две недели, ее мать только посмеялась: «Что, дружок, кошка за порог — мышке раздолье? Ты хоть уроки делай».

На двери черного входа висел огромный замок, поэтому пришлось входить через раздевалку — в нос тут же ударил запах потных тел и спрея для ног. Судя по звукам, доносившимся из спортзала, где играли в баскетбол, и из помещения с борцами, хотя бы в раздевалке, слава богу, никого нет. Из коридора до него долетел протяжный крик, похожий на боевой клич: «Ку-у-у-пер! Держи-и-и-сь!», потом по мраморному полу протопали ноги в кедах, дважды хлопнула, открывшись и закрывшись, металлическая дверь, после чего наступила относительная тишина. Ее нарушал только размеренный стук по мячу да металлический лязг падающей штанги.

Среди спортсменов у них в школе царил дух доверия — признак принадлежности к одной команде: на время тренировки они не закрывали свои шкафчики на замки, а продевали в ушки, где должен висеть замок, толстый шнурок. Белые шнурки сейчас висели на десятке шкафчиков; как всегда, захотелось сунуть нос хотя бы в один из них. Что там у этих ребят? Если в других помещениях шкафчики предназначались для того, чтобы держать в них учебники, что может находиться в этих, при спортзале? Дезодоранты? Крем для тела? Какое-то особое нижнее белье, которого у него самого никогда не было? Интересно, они все надевают одинаковую защиту для причинного места? Издалека продолжал доноситься стук мяча и падающей штанги. Шнурок на одном из шкафчиков завязать забыли: одно движение — он выскользнет из ушек, и дверка откроется. Он машинально потянул за один конец и аккуратно приподнял металлическую задвижку. Внутри ничего интересного: на дне валяются скомканные спортивные трусы, свернутый рулоном спортивный журнал; на крючке — спортивная сумка. В ней, похоже, все-таки что-то оставалось, поэтому Бен подался вперед и раскрыл молнию.

— Эй!

Он резко обернулся на голос, сумка дернулась на крючке и свалилась вниз. У него за спиной с газетой в руках стоял тренер борцов по фамилии Грюгер и кривился.

— Какого черта ты ошиваешься у шкафчика?

— Он... это... открыт он был.

— Что?

— Открыт... я видел, — сказал Бен и тихонечко прикрыл шкафчик. Только, блинблинблин, никто бы не зашел, думал Бен, представляя злобные лица вокруг и то, какими именами его начнут награждать.

— Открыт, говоришь? А почему сам туда залез?

Грюгер многозначительно замолчал и застыл. Что он собирается предпринять, каков масштаб беды — было неясно. Бен уставился в пол в ожидании возмездия.

— Я спрашиваю, почему ты залез в шкафчик? — Грюгер хлопал газетой по толстой ладони.

— Н-не знаю.

Грюгер продолжал стоять столбом, а Бен мысленно умолял: «Ну наори, и дело с концом».

— Хотел что-нибудь стащить?

— Нет.

— Тогда зачем залез?

— Я просто... — Бен смешался. — Мне показалось, там что-то мелькнуло.

— Мелькнуло, говоришь? И что же?

Мысль Бена заметалась среди того, что в школу проносить запрещено: домашних животных, наркотики, журналы с голыми сиськами. Он представил петарды и решил сказать, что шкафчик мог загореться, и тогда он окажется героем.

— Ммм... спички.

— Спички, говоришь? — Кровь от щек Грюгера поднялась к корням ежика волос на голове.

— Я хотел закурить.

— Ты ведь здесь убираешь? Как там тебя? Дэй?

Грюгер произнес его имя с издевкой в голосе, потом ткнул пальцем в волосы:

— Крашенные?

Одним лишь словом Грюгер его как будто забраковал, отнес к категории неудачников, наркоманов, слабаков, гомосеков. Бен увидел, как у Грюгера презрительно дернулись губы — будто он готов произнести все это вслух.

— Пшел вон отсюда! И чтоб духу твоего здесь не было. Убирай где-нибудь в другом месте, а сюда ни ногой, пока мы здесь. Понял?!

Бен кивнул.

— Повтори, чтобы я слышал!

— Пока вы здесь, я сюда ни ногой, — пробормотал Бен.

— А теперь марш отсюда. — Он произнес это так, словно Бен — пятилетний мальчишка, которого отправляют назад к мамочке.

В своем чулане он почувствовал, как по спине катится пот. Он не

дышал — как всегда, когда он был до такой степени зол, у него перехватило дыхание. Он вытащил казенное ведро, с силой грохнул в раковину, наполнил горячей водой, добавил чистящее средство жуткого цвета. Глаза обожгло парами нашатыря. В ведре оказалось слишком много воды, и, вытаскивая его из-под крана, он выплеснул на себя добрых литра два. Передняя часть джинсов и штанина сверху до колена намокли. Что — надул в штаны, сопляк? Джинсы прилипли к телу, встали колом. Придется в таком виде три часа ковыряться в дерьме.

— Урод, мудила, — сначала тихо произнес он, потом, пнув стену ногой так, что посыпалась штукатурка, и изо всех сил шарахнув по ней кулаком, заревел: — Уро-о-од!

Голос эхом отозвался в конце коридора. Он замер, трусливо ожидая, что Грюгер вычислит, где кричали, и решит с ним еще раз разобраться.

Но ничего не произошло. Ну кому интересно, что творится в чулане, где хранятся тряпки, ведра да швабры!

Он должен был убрать здесь еще неделю назад, но Диондра начала канючить, что у всех законные рождественские каникулы, поэтому фиг с ней, с работой. Из мусорного контейнера в столовой вываливались банки из-под содовой — лужицы под ними превратились в разводы на полу, — упаковки из-под сэндвичей с прилипшими остатками салата, заплесневевшие порции праздничного обеда по случаю Рождества и кануна нового, 1985 года. И все это отвратительно воняло. Он умудрился испачкаться всем, и вдобавок к хлорке из чистящего средства от него несло еще и тухлой едой. В таком виде он не может показаться у Диондры. Да и вообще, каким надо было быть идиотом, чтобы так распланировать свой день! Придется пилить домой, снова выслушивать от матери нотацию минут на тридцать, принять душ, на велик — и к Диондре. Конечно, мать в наказание может запретить ему покидать дом. Плевать, он все равно уедет — он сам себе хозяин, и это его волосы. Черные, как, блин, у педика.

Он вымыл пол, собрал в большой мешок мусор из всех мусорных корзин в учительской — ему это особенно нравилось, потому что, несмотря на значительность действия, мусор ограничивался скомканными бумажками, легкими, как сухая листва. В самую последнюю очередь он, как всегда, должен был вымыть коридор, соединяющий крыло, где располагались средние и старшие классы, с крылом начальной школы (а там тоже убирал школьник, который, как и он, стыдился своей работы и переживал, что о нем думают окружающие). Ближе к его крылу стены пестрели объявлениями о занятиях в футбольной секции и драмкружке,

постепенно уступая место территории малышей, где коридор покрывали стенды с алфавитом и докладами о детстве Джорджа Вашингтона. Дверь в крыло начальной школы была выкрашена в ярко-голубой цвет, но на ней даже не было замков, поэтому она играла скорее декоративную роль и существовала в угоду традиции. Вооружившись шваброй, он в который раз проделал путь из Королевства старшеклассников к Стране начальной школы, потом, швырнув швабру в ведро, пнул его от себя подальше. Оно прокатилось по полу и с легким всплеском ткнулось в противоположную стену коридора.

Восемь лет, если считать детский сад, он ходил в эту часть здания, и с ней у него были более глубокие связи, чем с его нынешним крылом.

Он открыл дверь и оказался в тишине когда-то родного для себя места — захотелось поздороваться с ним, пройти по его тихим коридорам. Дверь за ним закрылась, и он почувствовал себя куда лучше. Стены здесь были желтыми, а вход в каждый класс отмечало какое-нибудь дополнительное украшение. Киннаки — городишко небольшой, поэтому на каждый год обучения хватало одной классной комнаты. Противоположное крыло было раза в два больше, потому что сюда приезжали учиться подростки из других таких же небольших городков. Но начальная школа всегда отличалась уютной атмосферой небольшого дома. Взгляд упал на рисунок на стене, изображавший ярко светившее солнышко. Сбоку на картине надпись гласила об авторстве — «Мишель Д., 10 лет». На рисунке рядом улыбающийся кот в жилетке и туфлях с пряжкой и на каблуках вручает подарок мышке, которая держит в лапках торт по случаю дня рождения. Автор этой картины Либби Д., 1-й класс. Он безуспешно искал глазами какое-нибудь художество Дебби и впервые подумал, что она, наверное, и рисовать-то не умеет. Однажды она, отчаянно пытаясь, помогала маме печь печенье, явно не выдерживая рецептуру, а потом съела теста больше, чем намесила. Нет, Дебби не из тех детей, чьи произведения годятся для того, чтобы вешать на стену.

По всему коридору вдоль стен тянулись ряды тоже выкрашенных в желтый цвет ящичков, в которых ученикам разрешалось держать личные вещи, на каждом на полоске бумажного скотча было указано имя хозяина или хозяйки. В ящичке Либби он обнаружил обсосанную мятную карамельку и скрепку для бумаги; у Дебби оказался пакет из-под бутерброда с затхлым запахом ветчинной колбасы; а у Мишель — несколько засохших маркеров. Ради хохмы он решил заглянуть и в другие и понял, что у остальных детей куда больше этих самых «личных» вещей: наборы из шестидесяти четырех восковых мелков, стопки цветного

картона, брелоки, альбомы с наклейками, коробки конфет. Грустно. Вот что происходит, подумал он, когда у тебя детей больше, чем можешь обеспечить. Когда он сетует, что дома нет денег, Диондра всегда говорит: «Твоей матери в таком случае не стоило рожать столько детей». Диондра была единственным ребенком в семье.

Двинувшись в обратном направлении в сторону своего крыла, Бен поймал себя на том, что смотрит на фамилии на ящичках пятиклашек. Ага, вот она, влюбленная в него девочка по имени Крисси. Она написала свою фамилию яркими зелеными буквами и рядом пририсовала ромашку. Прелесть, да и только. Вообще эта девочка — воплощение того, что можно назвать прелестным, у нее и внешность как из рекламного ролика о пользе овсяных хлопьев: белокурые волосы, голубые глаза, ухоженный вид. В отличие от его сестер джинсы на ней сидят как влитые, чистенькие и отглаженные; кофточки всегда в тон носочкам или гольфам. От нее не пахнет хлебом, как от Дебби, у нее не исцарапаны руки, как у Либби. Да как у них всех. Ноготки всегда покрывает ярко-розовый лак — этим, наверное, занимается ее мама. Наверняка у нее в ящичке приятно пахнущие куколочки-землянички.

Даже имя у нее правильное — просто идеальное сочетание: Крисси Кейтс. В старших классах она наверняка станет участницей девчачьей группы поддержки какой-нибудь спортивной команды. Светлые волосы отрастут до талии, она, возможно, забудет, что когда-то сходила с ума по мальчику из старших классов по имени Бен. Сколько ему тогда будет лет? Двадцать? Возможно, они с Диондрой на машине заедут сюда из Уичито поболеть за свою команду, а она во время очередного выхода заметит его среди публики, улыбнется красивой белозубой улыбкой, помашет радостно рукой, а Диондра рассмеется, как всегда громко и грубо, и скажет: «Тебе мало, что по тебе сходит с ума половина женского населения Уичито, — ты поражаешь и воображение школьников?»

Он бы и знать ее не знал (она ведь училась всего на класс старше Мишель), но однажды в начале учебного года миссис Нейджел, которая всегда к нему хорошо относилась, попросила его помочь — остаться после уроков с малышами на занятие кружка по рисованию. Один разок. Потому что старшеклассник, который ей обычно помогал, в тот день в школе отсутствовал. Бен решил, что мать не станет сердиться, раз он помог младшим, — она ведь всегда заставляла его помогать младшим сестрам; к тому же смешивать краски куда приятнее, чем ворочать навоз. Крисси, похоже, было наплевать на изобразительное искусство — она рассеянно водила кисточкой по бумаге, пока лист не приобрел красноречивый

коричневый цвет.

«Знаешь, на что это похоже?» — спросил он.

«На кашку», — сказала она и рассмеялась.

Для своего возраста она была, пожалуй, чересчур кокетлива; а еще она, судя по всему, привыкла к тому, что ее с рождения считают милашкой, и полагала, что не может не нравиться окружающим. Ему она тоже понравилась. Между затяжными паузами они обменивались какими-то фразами.

«Где же ты живешь?»

Кисточка опускается в воду, потом в краску, шлепок по бумаге — длинная полоса, и действия повторяются в том же порядке.

«Недалеко от Салины».

«Ездишь в такую даль?»

«У нас школу достраивают. На будущий год буду учиться рядом с домом».

«Далековато сейчас».

Поскрипывание стулом, движение плечиком.

«Ага, ненавижу эту дорогу. После школы приходится долго ждать, пока папа за мной приедет».

«Зато можно заниматься рисованием. Это же здорово».

«Не знаю. Мне больше нравятся бальные танцы — я на них хожу в выходные».

Бальные танцы по выходным говорили о многом. Наверное, у них еще и бассейн в саду, а если не бассейн, то, по крайней мере, батут. А что, если сказать ей, что у него есть коровы, и посмотреть на реакцию — любит ли она животных? Нет, пожалуй, не стоит, — он и без того уделяет ей слишком много внимания. Это ведь она как ребенок должна стараться произвести впечатление.

Потом он уже по собственной инициативе приходил помогать на занятия кружка и подшучивал над художествами Крисси («Что это у тебя такое, черепаха?» — «Дурак, что ли! Это же папин „БМВ“!») и выслушивал ее рассказы о балльных танцах. Однажды она, не побоявшись, пробралась в его крыло и встала возле его шкафчика; на ней были джинсы с поблескивавшими бабочками на карманах и розовая кофточка, которая оттопыривалась в положенном месте на груди. Одна старшеклассница попыталась проявить заботу и отправить ее назад в крыло младших классов.

— Не волнуйся, у меня все нормально, — сказала ей Крисси, тряхнув светлыми кудряшками, и повернулась к Бену. — Я тебе вот что пришла

отдать.

Она протянула сложенный треугольником листок с его именем, написанным круглыми буквами, и тут же удалилась, подпрыгивая на ходу. Она была почти в половину меньше большинства окружающих ее в этой части здания подростков, но, казалось, этого не замечала.

На занятии кружка по рисованию
Я познакомилась с мальчиком по имени Бен.
У него рыжие волосы,
И кожа красивая,
И доброе сердце.
Оно станет моим.

Внизу красовалось: «Лети с приветом, вернись с ответом». Он видел такие записки у друзей, но сам ничего подобного, пожалуй, не получал. Три прошлогодние валентинки не считаются, потому что одна была от учительницы (ей положено), другая — от воспитанной девочки (та написала всем), а третья — от назойливой толстухи, которая вечно ходит с несчастным видом.

Иногда ему пишет Диондра, однако ни одну ее записку прелестной не назовешь — они всегда или злые, или неприличные по содержанию; она их пишет, когда в наказание ее оставляют после уроков. Но никогда ни одна девчонка не посвящала ему стихов, а это было еще восхитительнее, потому что Крисси, кажется, даже не представляла, что он для нее слишком взрослый. Это был стих о любви от девочки, которая не имеет понятия ни о сексе, ни об объятиях и поцелуях, которые к нему ведут. (Или он ошибается? В каком возрасте обычные дети начинают всем этим не только интересоваться?)

На следующий день она дождалась его у дверей класса, где у них проходили занятия по рисованию, и спросила, не посидит ли он с ней на лестнице, он сказал, хорошо, только недолго, после чего они целый час болтали на этих полутемных ступеньках. В какую-то минуту она вдруг схватила его за руку и наклонилась к нему близко-близко — он понимал, что должен запретить ей так поступать, но это было так приятно и мило с ее стороны и совсем не похоже на визги и царапанье сдвинутой на сексе Диондры или грубоватые щипки и тычки сестер. Такой милой, наверное, и должна быть девочка. На губах у нее был блеск с запахом жвачки. У Бена никогда не хватало денег на жвачку — как же это ужасно! — от нее у него

рот всегда наполнялся слюной.

Последние пару месяцев они частенько так сидели на лестнице в ожидании, когда за ней приедет отец. Они никогда не болтали по выходным, иногда она и в обычные дни забывала его подождать, и он как придурок стоял на лестнице с пакетиком теплых от собственных рук разноцветных «Скитлс», которые находил во время уборки в столовой. Крисси обожала сладкое. Сестры у него такие же — готовы целый день виться вокруг сахара. Однажды он пришел домой и увидел, как Либби поглощает сладкое желе прямо из банки.

Диондра о Крисси ничего не знает. Она всегда после школы летит домой, чтобы успеть к своим сериалам и к любимому телешоу (она смотрит телевизор, уминая пирожные, — ну почему девчонки так сходят с ума по сладкому!). Но даже если бы и знала, в этом ничего предосудительного нет. Для этой девочки из пятого класса он стал кем-то вроде наставника — что плохого в том, что он как старший товарищ советует ей, как делать домашнее задание, и рассказывает, что ждет ее по окончании начальной школы. Может, в будущем ему надо заняться психологией, а может, стать учителем? Между прочим, отец старше матери на пять лет.

Правда, как раз накануне Рождества приключилось нечто такое, что больше никогда ни за что не должно повториться. Они, как обычно, сидели на ступеньках с яблочными карамельками во рту, шутливо толкая друг друга, и вдруг она оказалась совсем рядом, гораздо ближе, чем когда бы то ни было до сих пор, — он даже почувствовал на руке бусинку соска. Она прилепилась к нему, горячо дыша куда-то в шею и не произнося ни слова, пальчики двигались где-то у него под мышками, и он чувствовал, как бьется ее сердечко. Потом ее губы переместились к его уху — от горячего яблочного дыхания ухо тут же взмокло — и двинулись по щеке вниз, от чего по рукам пошел озноб. Они оба не соображали, что происходит, ее лицо очутилось прямо перед его лицом, она прижалась губами к его губам, они так и застыли с одинаково бешено колотящимися сердцами, все ее тело оказалось у него между ног, он покрылся испариной, руки одеревенели и не двигались, потом он чуть-чуть шевельнул губами — и тут же ее язык, настойчивый, требовательный, сладкий от яблочной карамельки, оказался у него во рту. От этого он возбудился так, что подумалось, джинсы с треском разойдутся по швам, его руки на секунду задержались у нее на талии, он оттолкнул ее от себя, помчался вниз по лестнице в мужской туалет, крикнув на бегу: «Прости, прости», заскочил в кабинку, дважды дернулся и кончил прямо себе на руки.

Либби Дэй

Наши дни

Итак, я еду к брату, совсем взрослому человеку. После встречи с Лайлом «У Сары» я прямиком отправилась домой и открыла руководство «Твоя тюрьма — твоя семья. Как научиться не замечать решетку», которое прислала Барб Эйчел. После нескольких глав путаного повествования о том, как действует пенитенциарная система штата Флорида, я вернулась к году издания — 1985-й. Совершенно бесполезное чтение. Она прислала мне имевшие еще меньшее отношение к делу брошюры о вышедших из строя аквапарках в Алабаме, проспекты с красноречивыми снимками разрушенных гостиниц в Лас-Вегасе, статьи со страшилками о проблеме 2000 года.

В конце концов организацию поездки я перепоручила Лайлу, сказав, что никак не могу связаться с нужным человеком и это совершенно выбило меня из колеи. Но по правде сказать, у меня не было ни сил, ни желания заниматься тягомотиной: нажимать на кнопки, ждать ответа, что-то говорить, снова ждать, потом вести учтивый разговор со злой теткой с тремя детьми и ежегодно принимаемым решением вернуться в колледж — эта зараза просто ждет не дождется повода сорвать на ком-нибудь зло. Она, конечно, стерва, но ведь ни с того ни с сего ее так не назовешь, потому как если брякнешь что-либо подобное, тут же вернешься в исходную позицию — и начинай сначала. А это значит, что когда снова до нее дозвонишься, придется с ней еще больше миндальничать. Нет уж, пусть этим займется Лайл.

Тюрьму, в которой сидит Бен, построили в 1997 году прямо рядом с Киннаки после очередной серии укрупнений фермерских хозяйств. Городок находится недалеко от Небраски и почти посередине штата Канзас, если говорить о его западной и восточной границах, и когда-то присвоил себе звание географического центра сорока восьми смежных штатов Америки. Сердце Америки! В восьмидесятые годы, когда всех нас захлестнула волна патриотизма, по этому поводу ломалось много копий. Высокое звание пытались отстоять и другие города, однако жители Киннаки с гордым упрямством игнорировали их притязания. Больше ничего интересного в городе не было, и местные власти пускали в продажу плакаты и футболки с названием города, красиво вписанным в сердечко. Каждый год Диана

покупала племянницам по новой футболке: отчасти потому, что нам нравились сердечки в любом виде и любой формы, отчасти потому, что «киннаки» — старое индейское слово и на языке местных индейцев означает «маленькая фея». Диана всегда пыталась заставить нас встать на путь феминизма. Мама отшучивалась, говоря, что лично она бреется редко, а это уже кое-что. Я не помню, что она говорила именно это, зато помню, как об этом рассказывала Диана в своем трейлере, большая и сердитая, какой она стала после убийств, с дымящейся сигаретой в руке и стоявшей перед ней пластиковой чашкой холодного чая.

В конце концов, однако, выяснилось, что мы все ошибались и официальный центр США — город Лебанон, тоже в Канзасе. А Киннаки, как оказалось, делал выводы, основываясь на недостоверной информации.

Я думала, что пройдет не один месяц, прежде чем удастся получить разрешение на свидание, но исправительное учреждение Киннаки, похоже, не затягивает с оформлением разрешений на визиты. («Мы полагаем, что общение с друзьями и родственниками благотворно влияет на заключенных, помогая им не терять связи с внешним миром, с обществом».) Я оформила необходимые документы, заполнила какие-то бланки, и у меня осталось еще несколько дней, которые я провела за чтением собранных Лайлом документов и стенограмм судебных заседаний, на что раньше у меня никогда не хватало мужества.

Я читала, и меня бросало в пот. Мои показания представляли собой невразумительный детский лепет («Мне кажется, Бен привел в дом ведьму, вот она нас и убила», — выдала я, на что прокурор только и сказал: «Гм, давай поговорим о том, что произошло на самом деле») и явно заранее отработанные ответы на вопросы («Я стояла у маминой двери и видела, как Бен грозил маме нашим ружьем»). Сторона защиты обращалась со мной бережнее некуда, оставалось разве что завернуть меня в мягкие салфетки и нежно уложить на перину из лебяжьего пуха («Либби, может быть, ты немножко путаешь?», «Ты точно-точно помнишь, что это был твой брат?», «А не рассказываешь ли ты нам то, что, как тебе кажется, мы хотим от тебя услышать?» На что я, соответственно, отвечала: «Нет», «Да», «Нет».) В конце концов мои ответы свелись к «наверное», а это свидетельствовало о том, что меня доконали.

Адвокат Бена упирал на пятна крови на простыне Мишель и кровавый след на полу от таинственной мужской туфли, но не предложил убедительной альтернативной версии. Там мог находиться кто-то еще, но во дворе не нашли ни следов от обуви, ни следов от колес, чтобы

подкрепить это предположение: утром 3 января резко потеплело — снег растаял, и двор превратился в грязное месиво, в котором утонули все следы.

Помимо моих показаний, были и другие обстоятельства, говорившие не в пользу Бена: глубокие царапины на лице, происхождение которых он не смог внятно объяснить; рассказ о каком-то заросшем человеке, который, как Бен сначала утверждал, и совершил убийства, он быстро заменил на немногословное «ниче не знаю — дома не ночевал»; клочок волос Мишель, обнаруженный на полу в его комнате; плюс его совершенно неадекватное поведение накануне днем. Он перекрасил волосы в черный цвет, что всем показалось чрезвычайно подозрительным. Согласно показаниям нескольких учителей, он «что-то вынюхивал» возле школы, и они предположили, что он пытается незаметно вытащить из своего шкафчика часть фрагментов мертвых животных, которые он там держал (фрагменты мертвых животных?!), или собирает для дьявольской мессы личные вещи других учеников. А несколько позже в тот день он, судя по всему, отправился в какую-то забегаловку на отшибе, где похвалялся жертвоприношениями Сатане, которые совершал.

Бен и сам здорово себе навредил. Алиби на время совершения преступления у него не было; у него имелись ключи от входной двери (ее не взламывали); утром второго января он поссорился с матерью. Да и вообще вел себя как идиот. Когда сторона обвинения объявила его убийцей-сатанистом, он принялся с энтузиазмом рассуждать о ритуалах сатанистов, называть любимые песни, которые воспевают преисподнюю и великую силу сатанизма. («Сатанизм позволяет делать то, что хочется, ведь все мы по своей сути животные».) А один раз прокурор даже попросил его «оставить в покое свои волосы и вести себя серьезно — разве ты не понимаешь всю серьезность положения?!»

— Насколько я понимаю, серьезным его считаете вы, — отвечал Бен.

Это и вовсе не было похоже на того Бена, каким я его когда-то знала, — моего тихого и всегда такого скованного брата. В папке Лайла нашлось несколько снимков Бена во время процесса, которые тогда появлялись в газетах: черные волосы забраны в хвост (ну почему адвокаты не заставили его подстричься!), кривобокий пиджак, — и на всех он либо нагло ухмыляется, либо сидит с безучастным выражением лица.

Конечно, он себе навредил, но все равно чтение стенограммы заставило меня краснеть от стыда. С другой стороны, я почувствовала и некоторое облегчение: оказывается, не одна я виновата в том, что брат в тюрьме (если он, конечно, невиновен, действительно невиновен). Все

внесли свою лепту — все были немного виноваты.

Встреча с Беном состоялась через неделю после того, как я на нее решилась. Я возвращалась в родной город, где не была по крайней мере лет двенадцать; независимо от моей воли он превратился в тюрьму. Разрешение на свидание было получено так быстро, что я не успела морально подготовиться и заставила себя сесть за руль, лишь постоянно успокаивая себя: я еду не в сам город и совсем не по той длинной грязной дороге, которая ведет к дому. Хотя моего дома там тоже уже не было — много лет назад участок с постройками кто-то купил. Новый хозяин тут же снес дом — больше нет стен, которые мама украшала дешевыми плакатами с цветочками; окон, в которые мы дышали, высматривая, кто к нам едет; косяков, где мама карандашом отмечала, как растут Бен и сестры (на меня у нее не хватило сил — там была всего одна отметка: Либби 96 см 52 мм).

Три часа я ехала вглубь Канзаса, двигаясь сначала то вверх, то вниз по Каменным холмам, потом по равнине. Придорожные щиты приглашали посетить Музей-выставку борзых, Музей телефонии, крупнейший в мире клубок шпагата, и я ощутила всплеск патриотизма внутри: следует побывать во всех этих местах хотя бы ради того, чтобы посшибать идиотские вывески на дороге. Наконец я свернула с автомагистрали и по сложному переплетению проселочных дорог среди пасторального многоцветья сельского пейзажа начала подниматься к северо-западу, то и дело переключая радиоканалы с выбивающих слезу мелодий «кантри» на христианский рок, гитарный перебор, и обратно. Еще не набравшее силы, но очень яркое мартовское солнце согрело машину и зажгло жуткий красный венец у моих рыжих корней. Это тепло и этот цвет снова напомнили о крови. Рядом на пассажирском сиденье лежал мерзавчик с водкой, которую я для храбрости хотела выпить по приезде на место. Я сама определила нужную дозу, но всю дорогу мне стоило немалых усилий сдерживаться и не опрокинуть ее в себя прямо в пути.

Словно по волшебству, едва я подумала, что приближаюсь к месту назначения, как вдали у плоской линии горизонта показалась крохотная точка дорожного указателя. Я точно знала, что на нем написано: «Добро пожаловать в Киннаки — сердце Америки!» — эту надпись сделали еще в пятидесятых годах. Так оно и было, я, кажется, даже различила россыпь дырочек от пуль в левом нижнем углу, куда Раннер стрелял из своего пикапа лет тридцать назад; правда, подъехав ближе, поняла, что это всего лишь игра воображения. Щит подремонтировали, покрасили, и он выглядел как новый — только надпись оставалась прежней. Молодцы ребята,

продолжают настаивать на лжи — мне это нравится. Почти сразу после приветственного щита показался другой: «Исправительное учреждение Киннаки (штат Канзас)» — со знаком следующего левого поворота. Я подчинилась указателю и поехала западнее через земли, на которых когда-то располагалась ферма семейства Ивли.

«Так вам и надо, негодяи», — подумала я мстительно, так и не припомнив, почему наградила их подобным эпитетом.

По этой новой незнакомой дороге на дальнем конце города я ехала медленно, почти ползком. Киннаки никогда не был процветающим местом — вокруг него располагались фермы, по большей части находившиеся в бедственном положении, да оптимистичные особняки из клееной фанеры из кратковременного периода нефтяного бума. Тюремный бизнес не спас городок — сейчас все это смотрелось еще хуже. По обеим сторонам улицы тянулись ломбарды и хрупкие строения лет десяти от роду, но уже покосившиеся и кривобокие. В неопрятных дворах слонялись неулыбчивые дети. Повсюду валялся мусор: окурки, разноцветные соломинки, упаковки от еды. У кромки тротуара какой-то горе-едок оставил целую пластиковую коробку с обедом. В грязной луже неподалеку веером валялись чипсы, которые кто-то сначала успел обмакнуть в кетчуп. Даже деревья имели жалкий вид: костлявые и низкорослые, они как будто не желали давать почки. На холодной скамейке придорожного кафе сидела упитанная молодая парочка и тарасилась на проезжающие машины, как в телевизор.

На телеграфном столбе неподалеку развевалась на ветру зернистая ксерокопия снимка неулыбчивой девушки лет шестнадцати-семнадцати, пропавшей в октябре 2007 года. Через два квартала я увидела, как мне показалось сначала, изображение той же девушки, но выяснилось, что это еще одна — пропавшая в июне 2008-го. У обеих был неряшливый, угрюмый вид, наверное, поэтому с ними не носились, как с Лизетт Стивенс. Я тут же про себя решила, что на случай собственного исчезновения нужно непременно запастись снимком в выигрышном для себя ракурсе.

Через несколько минут на выжженной солнцем лысой площадке возникло здание тюрьмы.

Я представляла себе куда более впечатляющее строение. Это же — вытянутое и скучное — могло сойти за региональный офис какого-нибудь хладокомбината или телекоммуникационной компании, если бы не колючая проволока вокруг стен — своими завитушками она почему-то вызвала в памяти телефонный шнур, из-за которого незадолго до конца мама и Бен вечно ругались. Он все время попадался под ноги. Когда Дебби

кремировали, у нее на запястье оставался шрам, который она из-за него получила. Я начала кашлять, чтобы услышать хоть какой-то живой звук.

После часа тряски по ухабам и кочкам заасфальтированная парковка показалась удивительно ровной. Я припарковалась и замерла, уставившись в никуда. Машина потрескивала, остывая после поездки, из здания неслись возбужденные мужские голоса: у заключенных было время отдыха. С усилием, как лекарственный препарат, я влила в себя приготовленную водку, пожевала мятную жвачку и выплюнула в упаковку от сэндвича. В ушах слегка зашумело. Под радостные возгласы убийц, бросающих в баскетбольную корзину мяч, я залезла под свитер и расстегнула бюстгальтер, чувствуя, как грудь ухнула вниз и повисла собачьими ушами. Это, заикаясь и тщательно подбирая слова, посоветовал сделать Лайл: «Там не аэропорт. В твоём распоряжении одна-единственная попытка пройти через металлоискатель, поэтому все металлическое оставляй в машине... мм, в том числе, как это там у вас называется... короче, лифчик — там вроде есть металлические элементы. Из-за них возникнут... могут возникнуть сложности».

Ладно — и я сунула эту деталь туалета в бардачок.

Охрана внутри здания держалась вежливо, словно они досконально изучили видеоруководство по воспитанности и хорошим манерам: да, мэм... пожалуйста, в эту дверь, мэм. На меня бесстрастно смотрели глаза роботов. Неоднократный личный досмотр, вопросы, да, мэм, и ожидание, ожидание, ожидание. Открывались и закрывались двери, снова открывались и закрывались, затем следующие, — меняясь в размерах, прямо как в Алисиной Стране чудес, только металлической. От пола несло хлоркой, откуда-то проникал влажный тошнотворный мясной дух — наверное, где-то рядом столовка. На секунду у меня возникло ностальгическое воспоминание: мы, четверо Дэев, в нашей школьной столовой держим подносы, на каждом — тарелка с гуляшом и стакан молока комнатной температуры, грудастая буфетчица кричит в сторону кассы: «Это бесплатники!»

Бен все правильно рассчитал, подумала я: когда произошли убийства (тут я мысленно осеклась от неожиданности, поняв, что привычную фразу «когда Бен всех убил» впервые сформулировала иначе), на смертную казнь (а ее в Канзасе то отменяли, то снова вводили) был объявлен мораторий. Его приговорили к пожизненному тюремному заключению — спасибо, что из-за моих показаний хотя бы не убили.

Перед похожей на люк подводной лодки металлической дверью в комнату свиданий я замешкалась. «Ничего не поделать — надо делать, —

крутилась в голове присказка Дианы, — ничего не поделать — надо делать». Нет, ни к чему сейчас семейные фразы. Строгий и немногословный охранник жестом дал понять: «Только после вас!» Я распахнула дверь и заставила себя переступить порог. Внутри в ряд выстроились пять кабинок, одну занимала грузная женщина-индианка, разговаривавшая с сыном-заключенным. Гладкие черные волосы женщины имели зловещий вид. Она что-то монотонно гудела, а парнишка время от времени тряс головой, прижимая трубку к уху и опустив глаза.

Я заняла кабинку через две от индианки и не успела перевести дыхание, как в дверь стремительно вошел Бен — так кошки вырываются на волю из надоевшего помещения. Он был невысокого роста — метр семьдесят, не больше, — с волосами цвета потемневшей ржавчины. Они закрывали плечи, он по-девичночьи заправил их за уши. Очки в тонкой металлической оправе, оранжевая форма — он очень напоминал увлекающегося чтением автомеханика. Комнатка была небольшой, поэтому он дошел до своего места в три шага, все время тихо улыбаясь. Даже сияя. Он сел, приложил ладонь к стеклу и кивком пригласил меня сделать то же самое. Я не смогла заставить себя прижать руку к стеклу со своей стороны кабинки — только робко ему улыбнулась и взяла трубку.

С трубкой в руке он откашлялся, потом, глядя вниз, начал что-то говорить и остановился. Где-то с минуту я не могла оторвать взгляд от верхней части его головы. Когда он поднял глаза, они были полны слез, две слезинки одновременно выкатились и побежали вниз по щекам. Он смахнул их тыльной стороной ладони, улыбнулся дрожащими губами.

— Господи, как же ты похожа на маму, — выдохнул он и закашлялся, снова вытирая слезы. — Я и представить себе не мог. — Он переводил взгляд с моего лица на свои руки. — Как ты, Либби?

— Кажется, ничего, — сказала я, тоже сначала покашляв. — Вот, решила, что пора увидаться.

«Я действительно похожа на маму», — думала я. Потом я мысленно произнесла «мой старший брат» и почувствовала такую же, как в детстве, распиравшую изнутри гордость. Мы были так похожи: та же бледность, тот же вздернутый нос картошкой — нос Дэев. С тех пор Бен тоже не очень-то вырос, словно после той ночи кто-то не давал расти нам обоим. Мой старший брат... и он рад нашей встрече. «Он знает, как обвести тебя вокруг пальца», — предупредил внутренний голос. Но я отбросила эту мысль.

— Я рад. Очень рад, — сказал Бен, продолжая рассматривать свою руку. — Все эти годы я много о тебе думал, пытался представить, как ты живешь. Здесь этим можно заниматься сколько угодно... думать и

представлять. Время от времени мне в письмах о тебе рассказывают. Но это совсем не то.

— Не то, — согласилась я. — С тобой нормально обращаются? — задала я глупый вопрос, глядя прямо перед собой стеклянными глазами, и вдруг начала плакать. Хотелось сказать только одно: «Простипростипрости!» Но вместо этого я молча уставилась на созвездие прыщиков в уголке его губ.

— У меня все нормально, Либби. Либби, посмотри на меня. — (Я глянула в его глаза.) — Правда нормально. Я здесь получил среднее образование — на воле мне вряд ли удалось бы это сделать. Скоро колледж закончу. Факультет английского языка. Читаю, блин, Шекспира. — Он издал утробный звук, который всегда пытался выдать за смех. — Воистину, вонючка.

Я не поняла, что означает последняя фраза, но улыбнулась, потому что он, похоже, ждал от меня улыбки.

— С ума сойти, Либби, я бы только и делал, что смотрел на тебя и слушал твой голос! Не представляешь, какое счастье тебя видеть. Ты вылитая мама — тебе, наверное, все время об этом говорят?

— Кто скажет? Некому. Раннер неизвестно где, а с Дианой мы не общаемся.

Мне захотелось, чтобы он меня пожалел, чтобы заполнил жалостью пространство вокруг меня. Вот они мы — последние из Дэев. Если он меня пожалеет, обвинять меня будет не так просто. Слезы продолжали литься — я их не сдерживала. Через две кабинки от нас индианка прощалась с сыном, глухо рыдая:

— Никто с тобой не водится, говоришь? Нехорошо это. Надо, чтобы за тобой тут лучше смотрели.

— Родился заново? — брякнула я, не вытирая слез. Бен нахмурился, не понимая. — Неужели это значит, что ты меня прощаешь? Ты ведь вовсе не обязан быть добрым по отношению ко мне. — Но как же я нуждалась в том, чтобы он простил, просто физически ощущала эту потребность, словно хотела избавиться от раскаленной на огне тарелки.

— О нет, я совсем не добрый, — сказал он. — И злоба во мне кипит по отношению к очень многим людям. Просто ты в их число не входишь.

— Но... — Как ребенок, я проглотила рыдание. — А мои показания? Я ведь, наверное... не знаю, то есть...

«Это должен быть он!» — снова мысленно предостерегла я себя.

— Ах вот ты о чем. — Он произнес это так, как говорят о мелком неудобстве — мелкой неприятности во время летнего отпуска, о которой

лучше забыть. — Наверное, ты не читаешь моих писем?

Я неуклюже пожала плечами и попыталась что-то объяснить.

— Твои показания, говоришь?.. Меня тогда удивило одно — что тебе поверили. Меня не удивило, *что* ты говорила: ты ведь такое пережила. К тому же ты всегда немножко привирала. — Он снова коротко рассмеялся, я подхватила — мы оба понимали, о чем речь. — Раз тебе поверили, что это могло значить? Только то, что меня собирались посадить, что я не мог сюда не попасть. А что можно взять с семилетней козявки! Ты же была совсем крохой... — Он мечтательно поднял глаза к потолку. — Знаешь, о чем я на днях почему-то вспомнил? О фарфоровом крольчонке — том самом, которого мама заставляла нас ставить на крышку унитаза.

Я покачала головой, не понимая, о чем он говорит.

— Ты не помнишь? Не помнишь крольчонка? У нас плохо работал унитаз — не справлялся, если мы за час там бывали дважды. Вода не успевала набираться, и смыть было невозможно. Поэтому если кто-то какал как раз в то время, когда он не работал, мы должны были закрывать крышку и ставить на нее крольчонка. Чтобы никто случайно ее не открыл, когда в унитазе полно какашек. Потому что вы, девчонки, стали бы визжать. Неужели не помнишь? Я ужасно злился, считая это идиотизмом. Злился, что приходится пользоваться одним туалетом с вами. Злился, что живу в доме с одним-единственным туалетом, который к тому же не работает. Злился из-за этого несчастного кролика. — Он засмеялся своим сдавленным смехом. — Я считал, что крольчонок вроде как унижает мое достоинство. Что из-за него я не чувствую себя мужчиной. Можно подумать, специально для меня мама должна была найти фарфоровую машинку или ружье. Господи, как же меня это изводило! Я, бывало, стоял над унитазом с упрямой мыслью: «Не буду его ставить» — и уже готов был уходить, но потом думал: «Черт побери, придется все-таки поставить эту фигню, а то сейчас кто-нибудь из мелюзги зайдет и развопится (а повопить вы были большие мастерицы!), а я не хочу связываться, поэтому вот вам ваш уродский кролик на ваш уродский унитаз!» — Он снова засмеялся, но это воспоминание далось ему нелегко: лицо покраснелось, а на носу выступили капельки пота. — Дурацкие мысли меня посещают.

Я попыталась отыскать крольчонка в своей памяти, вспомнить туалетную комнату и что там стояло, но, кроме воды, ничего не вспомнила.

— Прости, Либби, что заставил тебя такое вспоминать.

Я приставила палец к нижней части разделяющего нас стекла и сказала:

— Все нормально.

Некоторое время мы сидели молча, делая вид, что прислушиваемся к шуму, которого на самом деле не было. Мы только что начали разговаривать, но свидание уже подходило к концу.

— Бен, можно, я тебя кое о чем спрошу?

— Наверное, да. — Его лицо сделалось бесстрастным, словно он к чему-то готовился.

— Ты ведь хочешь отсюда выбраться?

— Конечно.

— Почему же ты сейчас не сообщишь полиции о своем алиби на ту ночь? Ты же ни в каком сарае не ночевал.

— Просто у меня не очень хорошее алиби, и все. Так бывает.

— Потому что это оправдание на ноль целых ноль десятых? Как же, помню. — Я потеряла под столом култышку на руке и пошевелила двумя оставшимися пальцами на правой ноге.

— Ты не представляешь... — Он отвернулся. — Ты не представляешь, сколько недель, лет я здесь провел, изводя себя за то, что не повел себя по-другому. Мама, Мишель и Дебби могли бы остаться в живых, если бы я просто... поступил по-мужски, а не как сосунок. Сидел в сарае, злился на маму. — На трубку в его руке упала слеза, мне даже показалось, что я услышала «кап!». — Я заслужил наказание за свое поведение в ту ночь... заслужил. Так что все правильно.

— Не понимаю. Не понимаю, почему ты не... не оказал содействия следствию?

Бен дернулся, лицо стало похоже на посмертную маску.

— Господи! Да просто. Я был неуверенным в себе мальчишкой. Либби, мне было пятнадцать лет. Всего пятнадцать! Я понятия не имел, что значит быть мужчиной. Раннер мало чему меня научил. До этого я был ребенком, на которого никто особо и внимания-то не обращал, а тут вдруг ни с того ни с сего люди стали на меня смотреть так, будто я их напугал. Я в одночасье сделался взрослым.

— Взрослым, которого обвиняют в убийстве членов своей семьи.

— Хочешь назвать меня идиотом, придурком — называй, твое право. Но для меня все было просто: я сказал, что этого не делал, я знал, что этого не делал, и — не знаю, может, сработал защитный механизм — я не отнесся к этому с должной серьезностью. Если бы я реагировал так, как того от меня ожидали, я, возможно, не оказался бы здесь. По ночам я выл в подушку, но днем, когда меня могли увидеть, изображал из себя крутого парня. Поверь, я знаю, что вел себя как последний кретин. Но разве можно

ожидать слез от пятнадцатилетнего подростка, который дает показания в суде в присутствии знакомых! Я считал, что меня, конечно, оправдают, а потом в школе все будут восхищаться моей крутизной. Дурак, я себе это все время представлял. Я и подумать не мог, что нахожусь в реальной опасности... оказаться в этих стенах. — Он плакал. — Видишь, меня теперь не очень заботит, что меня видят плачущим.

— Мы должны все исправить, — наконец произнесла я.

— Ничего не исправишь, Либби, — по крайней мере, пока не найдут того, кто это сделал.

— Тебе нужны новые адвокаты, — пустилась я в рассуждения. — Сейчас можно столько всего при помощи исследования ДНК сделать... — ДНК мне казалась чем-то вроде волшебной палочки, способной выволить из тюрьмы.

Бен засмеялся, не разжимая губ, точно так же как делал в детстве, от этого смеха становилось не по себе.

— Ты сейчас говоришь, как Райнер, — сказал он. — Приблизительно каждые два года я получаю от него письмо: «ДНК! Нам нужно раздобыть немного ДНК». Как будто у меня где-то залежи этого добра, а я не хочу делиться. «Д-Н-К», — повторил он тоном Раннера, так же, как папенька, энергично трясая головой и выпучивая глаза.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— В последнем письме сказано, что его можно найти в мужском приюте Берта Нолана — это где-то в Оклахоме. Он попросил прислать ему пятьсот долларов, чтобы продолжить исследования от моего лица.

Приподняв рукав, Бен почесал руку, и я успела заметить, что там вытатуировано женское имя, которое заканчивалось то ли на «олли», то ли на «алли». Я постаралась сделать так, чтобы он понял, что я заметила татуировку.

— А-а, это? Бывшая любовь. Мы сначала были друзьями по переписке. Я думал, что люблю ее, думал жениться, но она не захотела связываться с человеком, осужденным пожизненно. Жаль только, что не сказала об этом до того, как я сделал татуировку.

— Больно было, да?

— Скорее щекотно.

— Я имею в виду ваш разрыв.

— Вообще-то хреново.

Охранник предупредил, что в нашем распоряжении осталось три минуты, и Бен вздохнул:

— Трудно решить, что сказать за три минуты. За две минуты можно

начать строить планы на следующее свидание. За пять минут — закончить разговор. А что за три? — Он вытянул губы дудочкой и присвистнул. — Я очень-очень надеюсь, что ты снова приедешь ко мне. Благодаря тебе я понял, как соскучился по дому... Вы с мамой — просто одно лицо.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

11:31

После ухода Лена Пэтти снова заперлась в ванной. Перед глазами стояла его плотоядная улыбка, словно предлагавшая нечто отвратительное — помощь, которая, она это точно знала, ей не нужна. Дочери высыпали из детской, как только услышали, что дверь за ним закрылась, но после короткого совещания громким шепотом за дверью ванной решили оставить ее в покое и вернуться к телевизору.

Тело покрылось холодной испариной: родительская ферма погибла. Где-то в животе шевельнулось то самое чувство вины, которое когда-то помогало быть послушной и хорошей девочкой, — этот вечный страх расстроить, разочаровать родителей («Пожалуйста, Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы они не узнали»). Они доверили ей ферму, а она не оправдала доверия. Они сейчас смотрят на нее с небес — папа обнял маму за плечи — и укоризненно качают головами: «Ну как такое могло произойти, что в тебя вселилось!» Так говорила мама, когда ее ругала.

Придется переехать в другой, совершенно незнакомый город. В Киннаки квартир нет, и ютиться им теперь в какой-нибудь тесной квартирке, пока она не подыщет работу, если вообще ее найдет. Ей всегда было жаль людей, которые жили в квартирах и были вынуждены слушать, как за стеной ссорятся соседи или как их мучает отрыжка. Ноги подкосились, она осела на пол. Нет сил покидать ферму и никогда не будет. За последние несколько лет Пэтти выжала из нее все, что могла. Иногда по утрам она была физически не в состоянии выползти из-под одеяла, дочерям приходилось, упиравшись ногами в пол, буквально вытаскивать ее из постели; а пока она готовила завтрак и как-то собирала их в школу, она мечтала о смерти. Что-нибудь такое очень быстрое, скажем сердечный приступ среди ночи или дорожное происшествие. Мать четверых детей попала под автобус. Детей вырастит Диана — она не потерпит, чтобы они весь день проводили в пижамах, она непременно будет вызывать им врача, когда они заболеют, и проследит, чтобы они как следует выполняли свои обязанности по дому. А Пэтти, слабая и нерешительная, не женщина — ошибка природы. Она быстро воодушевляется, но еще быстрее приходит в уныние. Ферму должна была наследовать не она, а Диана. Но Диана категорически

этого не хотела, а в восемнадцать лет и вовсе уехала из родительского дома и начала самостоятельную жизнь, легко и радостно, и в конце концов устроилась администратором у какого-то врача в Шибетоне всего в тридцати милях от Киннаки — вроде и близко, но так далеко.

Родители мужественно перенесли отъезд старшей дочери, сделав вид, что так и было задумано. Пэтти вспомнила, как однажды дождливым октябрьским днем, когда она училась в средней школе, родители и Диана приехали посмотреть на ее выступление в группе поддержки команды Киннаки. Пришлось три часа ехать на машине почти до штата Колорадо; пока шла игра, все время моросил дождь. А когда игра закончилась (команда Киннаки тогда проиграла), к ней на поле поспешили ее седые мама с папой и сестра в теплых пальто; глаза за тремя парами забрызганных дождем очков радостно светятся, они улыбаются с такой гордостью и благодарностью, словно ей удалось спасти человека от рака.

Родители умерли рано, но их смерть не была неожиданностью, Диана по-прежнему работала администратором у того же врача и жила в доме на колесах в аккуратном и чистеньком трейлерном парке, окруженном цветами.

— Эта жизнь как раз по мне, — всегда говорила она. — Не представляю себя ни в каком другом месте.

Такова Диана. Способная, все знающая и умеющая. Она всегда помнит о мелочах, которые так нравятся дочкам, и ни разу не забыла про футболки, покупает их каждый год: Киннаки, сердце Америки! Диана придумала, будто на местном индейском наречии «киннаки» означает «маленькая фея» — это вызывает у девочек ликование, и Пэтти так и не хватило духу рассказать им, что это всего лишь камень, или ворона, или нечто столь же безрадостное.

Ее мысли прервал звук клаксона Дианиной машины — обычный радостный троекратный сигнал.

— Диана! — взвизгнула Дебби, и три пары ног бросились к двери.

Пэтти представила, как они выскакивают на улицу и, мелькая косичками, несутся к машине, как Диана сажает их всех в машину и везет кататься, оставив ее одну, и как дом вдруг погружается в тишину.

Она заставила себя подняться с пола, вытерла лицо чьей-то брошенной в стирку рубашкой с легким запахом плесени. У нее всегда красное лицо, всегда красные глаза, трудно понять, плакала она или нет. Вот, пожалуй, единственное преимущество того, что выглядишь как освежеванная крыса.

Когда она открыла дверь, сестра разбирала три пакета с продуктами и

посылала девочек к машине забрать остальное. Запах коричневых бумажных пакетов у Пэтти прочно связан с Дианой — так давно сестра привозит им продукты. Чем не типичный пример из жизни неудачницы: живет на ферме, а еды в доме не хватает.

— Я привезла им еще книжку с наклейками, — сказала Диана и шлепнула ее на стол.

— Ты их балуешь, Ди.

— Но я же купила одну на троих, им придется делиться. Разве плохо? — Она рассмеялась и начала готовить кофе. — Не возражаешь?

— Конечно нет. Я должна была сама заняться, прости.

Пэтти пошла к буфету за любимой тяжелой чашкой Дианы размером с голову — когда-то эта чашка принадлежала их отцу. Услыхав за спиной вполне ожидаемый плюющий звук, Пэтти обернулась и ударила по проклятой кофеварке, которая после третьего ручейка кофе всегда останавливается.

Дочери вернулись, с усилием водрузили пакеты на стол в кухне и под руководством Дианы начали их разбирать.

— Где Бен? — спросила Диана.

— Мм, — промычала Пэтти, накладывая в чашку Дианы три чайные ложки сахара.

Она подошла к детям — они уже без прежнего энтузиазма извлекали банки из пакетов и нетерпеливо поглядывали на взрослых, делая вид, что их разговор им совсем не интересен.

— Он попал в беду, — не выдержав, выпалила Мишель не без злорадства. — Опять.

— Расскажи ей о его... ну этом самом... сама знаешь... — толкала Дебби сестру в бок.

Диана повернулась к Дебби с таким выражением, словно ожидала услышать рассказ как минимум о функциональном половом расстройстве, а то и об увечье.

— Девочки, тетя Ди привезла вам книжку с наклейками...

— Идите играть к себе в комнату, чтобы я могла поговорить с мамой.

Диана всегда разговаривала с ними жестче, чем Пэтти, подражая манере рассерженного отца: тот, когда они сами были детьми, так преувеличенно-шумно на них ворчал и с такой напускной суровостью, что они уже тогда понимали, насколько это несерьезно. Пэтти, в свою очередь, просительно посмотрела на Мишель.

— О, книжка с наклейками! — В восклицании Мишель было лишь чуть-чуть больше восторга, чем она на самом деле испытывала.

Она всегда охотно приобщалась к любым тайнам взрослых. А как только Мишель делала вид, что ей чего-то хочется, Либби, сосредоточенно сжав зубы, тут же была готова это у нее отнять. Либби родилась в Рождество, а это означает, что ей всегда будет мало подарков. Пэтти обычно откладывала для нее лишний — а теперь мы поздравим Либби с днем рождения! — но все прекрасно знали, что Либби почти всегда чувствует себя обделенной.

Пэтти знала все это о своих дочерях, но почему-то всегда забывала. Нет, с ней определенно что-то не так, ведь ее каждый раз удивляют эти их особенности.

— Хочешь, пойдем в гараж? — спросила Диана, хлопая по пачке сигарет в нагрудном кармане.

— А-а... — начала было Пэтти.

С тех пор как Диане исполнилось тридцать, она бросала и вновь начинала курить по крайней мере дважды в год. Сейчас ей тридцать семь (и выглядит она куда хуже Пэтти), но Пэтти давно поняла, что лучшая поддержка для сестры — не комментировать ее решения и идти в гараж. Так же вела себя мама с отцом. Он умер от рака легких вскоре после того, как ему исполнилось пятьдесят.

Пэтти последовала за сестрой, готовясь рассказать, что ферма потеряна, и ожидая, что сестра, возможно, начнет ругать Раннера за то, что он тратил деньги направо и налево, и ее за то, что позволяла ему тратить деньги направо и налево. А может, будет молчать и просто кивнет, как она это умеет делать.

— Так что там у Бена с «этим самым, сама знаешь»? — процитировала Диана племянницу, садясь на любимый скрипучий раскладной стул. Она прикурила и тут же отогнала дым от Пэтти.

— Ничего страшного. Странно — да, он покрасил волосы в черный цвет. Что бы это могло значить?

Она ждала, что Диана рассмеется, но та молчала.

— Как у Бена дела, Пэтти? В целом? Как он себя ведет?

— Не знаю. Ходит угрюмый.

— Он сроду такой. Даже крохой вел себя как кошка. То ласковый, то вдруг смотрит на тебя, будто понятия не имеет, кто ты такая.

Так оно и было. Уже в два года Бен был поразительным существом. Вдруг немедленно требовал любви и нежности — хватал ее за грудь, за руку, но как только получал нужное (а это случалось быстро), обмякал и ни на что не реагировал, пока его не отпускали. Она возила его к врачу, Бен там сидел неподвижно, плотно сжав губы, — мальчик-стойк в водолажке и с

удручающей способностью никого не пускать в душу. Кажется, тогда даже врач не на шутку перепугался и, сунув Бену дешевый леденец на палочке, велел прийти через полгода, если в поведении ребенка ничего не изменится. Ничего не изменилось.

— Угрюмый вид — это не преступление, — сказала Пэтти. — Раннер тоже угрюмый.

— Раннер мудака, а это не одно и то же. Бен на него не похож.

— Ему пятнадцать лет, — начала Пэтти и замолчала.

Взгляд упал на банку со старыми гвоздями на полке, банку, которую вряд ли передвигали с тех пор, как ее туда поставил отец. На банке была прилеплена бумажка с надписью «Гвозди» прямым отцовским почерком.

От цементного пола в гараже тянуло холодом сильнее, чем с улицы. В одном углу стояла старая пластиковая бутылка с замерзшей водой, деформировавшей стенки. Воздух, который они выдыхали, да и сигаретный дым, прежде чем раствориться, долго стоял столбом. Но все равно она чувствовала себя удивительно хорошо среди всех этих старых инструментов, которые до сих пор мысленно представляла в руках отца: грабли, топоры самых разных размеров; на полках теснились банки с шурупами, гвоздями и шайбами. Добрые чувства вызывал даже металлический ящик для льда с проржавевшим дном: в нем отец остужал пиво, когда слушал здесь радиорепортажи с бейсбольных и баскетбольных матчей.

Вот только было тревожно оттого, что Диана так мало говорит, ведь обычно она предлагает множество версий, даже если не придерживается никакой конкретной точки зрения. Еще больше тревожило, что сестра сидит почти неподвижно, а не озирается вокруг, примечая, что бы поправить или переставить, потому что Диана — натура деятельная и не может просто так сидеть и разговаривать.

— Пэтти, я должна тебе рассказать то, что слышала собственными ушами. Я сначала вообще не хотела ничего тебе говорить, потому что это конечно же неправда. Но ты мать, и тебе следует быть в курсе и... черт, не знаю, просто ты должна знать.

— Говори.

— Играл ли Бен когда-нибудь с сестрами так, чтобы это выглядело подозрительно?

Пэтти молча смотрела на Диану, не понимая, о чем она толкует.

— Так, чтобы люди могли заподозрить... сексуальные намерения?

Пэтти чуть не задохнулась:

— Он их ненавидит! — Она удивилась облегчению, с которым это

произнесла. — Он старается общаться с ними как можно меньше.

Диана прикурила следующую сигарету, коротко кивнула:

— Это хорошо. Но это не все. Одна приятельница рассказала мне, что ходят слухи, будто кто-то жалуется на поведение Бена в школе. Несколько девочек из начальных классов, ровесницы Мишель, сказали, что целовались с ним, а он вроде бы то ли трогал их, то ли еще что. Может, и того хуже. То, о чем я слышала, — это еще хуже.

— Бен?! Ты понимаешь, что это полная чушь!

Пэтти подскочила, не зная, что делать с ногами, куда девать руки. Она дернулась направо, потом налево, как потерявшаяся собака, и тяжело опустилась обратно на стул. Ремень, удерживавший ножки, лопнул.

— Я прекрасно понимаю, что это полная чушь. Или какое-то недоразумение: кто-то что-то недопонял, неверно истолковал.

Это было худшее, что могла сказать Диана. Едва она произнесла последние слова, как Пэтти поняла, что боялась именно этого. Что-то неверно истолковать — этакая тонкая грань между возможным и невозможным, — и невинное действие превращается в нечто ужасное: погладишь кого-то по голове, а это воспринимают как поглаживание по спине, а там уже и поцелуй в губы, а там, глядишь, уже и стены рушатся.

— Неверно истолковать? Но Бен не способен на такое! На то, чтобы целоваться с маленькими девочками или как-то особенно к ним прикасаться! Он такого не допустит! Он не извращенец. Да, не без странностей, но он не больной. И не сумасшедший. — Пэтти столько лет доказывала, что Бен — обычный ребенок, без странностей. Она вдруг поняла, что сейчас готова согласиться с обратным. — Ты там сказала, что он никогда такого не сделает? — У нее по щекам катились слезы.

— Я готова сказать об этом всему Киннаки, даже всему штату Канзас, но, боюсь, на этом история не закончится. Не знаю... я услышала об этом вчера днем, но дело принимает все более серьезный оборот. Я хотела приехать еще вчера. Но потом остаток вечера провела, убеждая себя, что это какая-то ерунда. И ночью тоже думала. А утром встала и поняла, что не ерунда.

Пэтти знакомо это ощущение; она частенько подскакивает часа в два ночи от приснившегося кошмара и пытается себя успокоить: с фермой все нормально, в этом году она поднимется, дела наладятся. А когда через несколько часов просыпается от будильника, ей становится еще хуже, чем было ночью, и она чувствует себя виноватой и обманутой. Удивительно, как ночью можно часами притворяться, что все не так плохо, а утром, едва рассветает, знать, что это не так.

— Значит, ты везла продукты и книжку с наклейками и все это время у тебя на уме была эта история с Беном, которую ты собиралась мне рассказать?

— Я же говорю... — Диана сочувственно посмотрела на сестру.

— И что теперь? Ты не знаешь, как зовут этих девочек? Собирается ли кто-то мне звонить, или поговорить со мной, или поговорить с Беном? Я должна найти Бена.

— Где он?

— Не знаю. Мы поссорились... из-за его волос. Он куда-то уехал на велосипеде.

— А что там с его волосами?

— Не знаю, Диана, не знаю! Какое значение это имеет сейчас?!

Но Пэтти, конечно, понимала, что это имеет значение. Отныне везде и во всем люди будут искать скрытый смысл.

— Мне кажется, можно подождать до завтра, — тихо произнесла Диана. — Вряд ли так уж необходимо разыскивать его прямо сейчас, если, конечно, он не нужен тебе прямо сейчас.

— Он мне нужен прямо сейчас.

— Хорошо, давай тогда начнем обзванивать людей. Дай мне список его друзей, и я начну звонить.

— Я не знаю его нынешних друзей. Сегодня утром он разговаривал с кем-то по телефону, но так и не сказал с кем.

— Давай нажмем на повторный набор.

Диана крикнула, раздавила окурок сапогом, поднялась и повела Пэтти за собой в дом. Когда скрипнула дверь в комнате девочек, Диана цыкнула на них и велела никуда не выходить. Подойдя к телефону, она ткнула в кнопку повторного набора — аппарат послушно выполнил задачу, но, не дождавшись гудков, Диана повесила трубку.

— Это мой номер.

— Ах да. Я же звонила тебе после завтрака, чтобы узнать, когда ты приедешь.

Сестры сидели за столом. Диана сварила себе еще кофе. За окном завьюжило.

— Нужно найти Бена.

Либби Дэй

Наши дни

В грусти и печали, как схватившая двойку второклашка, я ехала домой с мыслями о Бене. С семи лет я представляла его жуткими вспышками: черные волосы, плотно сомкнутые губы на каменном лице, в узком коридорчике он с топором набрасывается на Дебби, издавая низкие утробные звуки. Забрызганный кровью, с диким воем вскидывает ружье...

А ведь когда-то в моей жизни был совсем другой Бен — застенчивый и серьезный, с весьма своеобразным чувством юмора и шутками. Мой родной брат, который просто не мог сделать то, в чем его обвинили. В чем обвинила его я.

Остановившись на красный свет, я судорожно порылась за своим сиденьем, выхватила конверт, в котором мне прислали какую-то квитанцию, и над прозрачным окошечком написала: «Подозреваемые». Потом: «Раннер». Остановилась. «А может быть, это кто-то, у кого был на него зуб?» Ага: «Кто-то, кому Раннер задолжал деньги». Раннерраннерраннер. Снова Раннер. Мужской голос, гремевший в нашем доме в ту ночь, мог принадлежать не только Бену, но и Раннеру. И врагу Раннера. Хочу, чтобы именно так и было. И чтобы это можно было доказать. Меня вдруг охватила паника: я больше не могу жить с этой своей виной — с тем, что Бен в тюрьме. Хочу, чтобы с этим было покончено. Мне нужно знать. Я, моя, мне... Тот же предсказуемый эгоизм.

Я миновала поворот к нашей ферме, но так и не смогла взглянуть в ту сторону.

На окраине Канзас-Сити я завернула на заправку и там же в круглосуточном магазине купила белый хлеб, плавленый сыр, колу, а для своего старого голодного кота — кошачий корм и поехала домой «вон туда по вон той дороге». Оказавшись на своей горе, я вышла из машины. На крыльчке напротив, несмотря на холод, восседали все те же две пожилые дамы, глядя прямо перед собой и упорно меня не замечая. Уперев руки в боки, я смотрела на них, пока одна из них не бросила взгляд в мою сторону. В духе ковбоев Дикого Запада я величаво помахала рукой, старушенция кивнула в ответ. Чувствуя, как меня распирает от торжества, я вошла в дом и накормила бедолагу Бака.

Пока оставались силы, я намазала на хлеб ярко-желтую горчицу,

уложила сверху куски липкого сыра и начала поглощать бутерброд, одновременно ведя телефонные переговоры с тремя одинаково недовольными операторами подряд, — с их помощью я пыталась дозвониться до мужского приюта имени Берта Нолана. (Кстати, еще одно потенциальное место работы, чтобы успокоить старину Джеффриза, — телефонный оператор. Не помню почему, но многие девочки в мое время мечтали, когда вырастут, стать телефонистками.)

Кусочек хлеба пристал к нёбу, но тут мне ответил голос из приюта — к моему удивлению, это был Берт Нолан собственной персоной. Странно, а я-то полагала, что если приют носит имя человека, то этот человек уже умер. Я сказала, что пытаюсь найти Раннера Дэя, на другом конце замолчали.

— Знаете, он то исчезает, то возвращается, а за последний месяц почти все время отсутствовал, но я с удовольствием ему все передам. Слушаю внимательно, — сказал Нолан голосом, напоминающим звук клаксона старой машины. Я назвала свое имя (оно, судя по всему, ему ни о чем не говорило) и стала диктовать номер телефона, но он меня остановил: — Не надо, сразу предупреждаю: он вряд ли сможет оплатить звонок в другой город. Наши постояльцы предпочитают общаться посредством почты. Они пишут письма. Менее пятидесяти центов — и нечего беспокоиться о том, что придется выстаивать в очереди к телефону. Не хотите оставить адресок?

Я не хотела: меня бросило в дрожь от одной мысли, что Раннер появится у меня на пороге, уперев испачканные руки в бока и победно улыбаясь, словно обыграл меня в какой-то игре.

— Если хотите, на словах можете через меня передать ему все, что угодно, а адрес я запишу, но ему не сообщу, — сказал Нолан рассудительно. — Я перешлю вам от него письмо, и он даже индекса не узнает. Многие родственники так и поступают — грустная, но необходимая мера. — Где-то в глубине помещения гудел автомат, выплескивая газировку с сиропом, кто-то спросил Нолана, не хочет ли он содовой, на что он ответил: «Нет, спасибо, я пытаюсь себя ограничивать» — голосом доброго провинциального врача. — Вы не против, мисс? В противном случае с ним будет сложно связаться. Он совсем не из тех людей, кто сядет у телефона и будет ждать, когда ему перезвонят.

— Электронной почты у вас тоже нет?

В трубке хмыкнули:

— К сожалению, нет.

Насколько я помню Раннера, он никогда не был большим любителем

писать письма, но все же писал больше, чем звонил, поэтому я решила, что, пожалуй, рискну — тогда не придется тащиться в Оклахому и там, в приюте, еще и высиживать в ожидании Раннера.

— Вы не могли бы ему передать, что мне необходимо поговорить с ним о Бене и той ночи? Я к нему приеду, если он укажет день.

— Хорошо... Вы сказали, о Бене и той ночи?

— Да.

Я была убеждена, что Лайл будет торжествовать по поводу того, что я изменила (точнее — могу изменить) мнение о Бене. Я представляла, как он в одном из своих тесных пиджачков с победным видом рассказывает соратникам, что убедил меня поехать к Бену в тюрьму. Она, дескать, сначала наотрез отказывалась, наверное, из боязни узнать о Бене... да и о себе самой что-то неожиданное. И все будут восхищенно на него смотреть и радоваться тому, чего он добился. Это раздражало.

С кем мне действительно хотелось поговорить, так это с тетей Дианой. Дианой, которая заботилась обо мне в течение семи из моих одиннадцати сиротских лет, пока я не достигла совершеннолетия. Она первая забрала меня к себе в свой трейлер. В чемодане у меня лежала одежда да любимая книжка — и ни одной игрушки. Обычно всех кукол Мишель забирала на ночь к себе — у нее это называлось ночным девичником, но, когда ее задушили, куклы оказались в моче. Накануне убийств Диана подарила нам книжку с наклейками — цветочками, котятами и носорогами (не в одной ли она из коробок под лестницей?).

Диана не могла себе позволить новое жилье. Вся мамина страховка пошла на приличного адвоката для Бена. Диана сказала, что мама именно так распорядилась бы этими деньгами, но говорила она это с таким убитым лицом, что казалось, будь у нее возможность, она бы очень серьезно потолковала с сестрой. Поэтому на нас денег не осталось. Я была совсем мелкая и помещалась в чулане, куда, если бы не я, поставили бы стиральную машину. Диана ради меня даже его покрасила. Она работала сверхурочно, а еще регулярно возила меня в Топику на сеансы психотерапии, пыталась проявлять нежность и ласку, хотя ей тяжело было обнимать меня — жалкое подобие убитой сестры. Ее руки окружали меня таким хулахупом — словно в какой-то игре, где нужно заключить человека в объятия, но прикасаться как можно меньше. И все равно каждое утро она повторяла, что любит меня.

В течение следующих десяти лет я дважды полностью выводила из строя ее машину, дважды ломала ей нос, однажды выкрала и продала все ее

кредитные карточки, а еще убила ее собаку. Это ее и доконало. Грейси, похожая на обросшую шерстью помесь швабры с собакой, появилась вскоре после убийств. Собачонка была маленькая и вздорная, она без конца визгливо лаяла, но Диана любила ее больше меня — по крайней мере, мне так казалось. Много лет я ревновала Диану к собаке, наблюдая, как тетка расчесывает Грейси, а потом с розовым пластиковым гребнем в большой, как у мужчины, руке собирает шерстку в прядь и увенчивает заколкой; как вытаскивает из кошелька фото Грейси, а не мое. Собачонке не давала покоя моя искалеченная нога с оставшимися на ней двумя пальцами, тощими и шишковатыми. Она их всегда обнюхивала, словно понимая, что с ними что-то не так. Любви к ней это не внушало.

Это произошло летом перед десятым классом. Меня за что-то наказали, и, пока Диана была на работе, я сидела в раскаленном трейлере и злилась на собачонку, а та распалялась все больше и больше. Я не желала идти с ней гулять, поэтому она принялась бешено накручивать круги, прыгая с дивана и несясь на кухню, оттуда в чулан, затем обратно, все время твякая, повизгивая и нападая на искалеченную ногу. Я сидела перед телевизором, не в силах справиться с гневом и отвлечься на мыльное действие на экране. На очередном вираже Грейси резко затормозила передо мной, вцепилась острыми зубками в мизинец на больной ноге и начала мотать головой. Помню, подумав: «Если эта дрянь отхватит еще один...», я пришла в ярость при мысли, какое убогое зрелище собой представляю: девушка с обрубком пальца на левой руке — обручальное кольцо надеть не на что — и морской походкой из-за недостающих пальцев на ноге — в городе, со всех сторон окруженном сушей. Девчонки в школе называли культю на руке кочерыжкой и хихикали в сторону, что было еще обиднее. (Недавно один врач сказал, что можно было обойтись и без ампутации: «Вам, должно быть, попался провинциальный эскулап с непомерными амбициями».) Я схватила Грейси, чувствуя под пальцами хрупкую грудную клетку. Дрожание тщедушного тельца разозлило еще больше, я с трудом оторвала ее от пальца на ноге и швырнула в сторону кухни. Она ударилась об угол стола и дергающейся кучкой шлепнулась на пол, заливая линолеум кровью.

Убивать я ее не хотела. Она умирала минут десять (могла бы и побыстрее), а я в это время ходила вокруг трейлера, пытаюсь придумать, что делать. Когда Диана вернулась домой с жареными цыплятами из церковных пожертвований, Грейси так и лежала на полу, а я только и сумела выдать: «Она меня укусила».

Я хотела сказать что-то еще, объяснить, почему здесь нет моей вины,

но Диана выставила передо мной трясущийся палец: «Молчи!» — и вызвала по телефону лучшую подругу по имени Валери, женщину до такой же степени хрупкую и заботливую, до какой Диана была грузной и грубоватой. Диана стояла, сгорбившись над раковиной, и смотрела в окно, пока Валери заворачивала Грейси в одеяльце. Потом, поговорив о чем-то за закрытой дверью спальни, они возникли в комнате, и Диана велела мне паковать вещи; заплаканная Валери молча стояла с ней рядом и зябко ежилась. Оглядываясь сейчас назад, я предполагаю, что они были больше чем подругами: каждый вечер Диана забиралась в постель и перед сном долго разговаривала с Валери по телефону. Они ничего не скрывали друг от друга, у них даже стрижки были одинаковые. Впрочем, в то время меня нисколько не занимало, кем они друг другу приходятся.

Последние два года средней школы я жила у вежливой супружеской пары в Абилине, моими то ли троюродными, то ли четвероюродными родственниками; их я терроризировала не слишком сильно. Диана звонила каждые несколько месяцев. В ухо неслись вечные помехи на линии и дыхание курильщицы Дианы. Я представляла ее полуоткрытый рот возле микрофона, пушок на подбородке и круглую светлую родинку у нижней губы, которая, если ее потереть, как однажды со смехом сказала Диана, исполняет желания. Я слышала неприятный скрип и знала, что Диана открывает дверцу среднего стола на кухне. Я знала ее трейлер лучше, чем наш дом на ферме. Мы обе производили много ненужного шума, делали вид, что чихаем или кашляем, после чего без всякого на то основания, поскольку обе до этого молчали, Диана произносила: «Погоди, Либби». Обычно рядом с ней всегда находилась Валери, и они тихо переговаривались, голос Валери мягкий, уговаривающий, Дианы — ворчливый; потом Диана еще с полминутки со мной говорила и, сославшись на дела, прощалась.

Она прекратила телефонное общение со мной после выхода в свет книги «советов Либби Дэй» «Начните новую жизнь!», сказав лишь: «Как такое могло произойти, что в тебя вселилось!» Для грубоватой Дианы это было чересчур мягким высказыванием, но ранило большее площадной брани.

Я не сомневалась, что у нее тот же номер телефона и она продолжает жить в своем трейлере, который прирос к ней, как раковина к моллюску. Минут двадцать я копалась в стопках бумаг по всему дому в поисках тетрадки с адресами и телефонами, которую завела еще в начальной школе; с обложки смотрела похожая на меня рыжеволосая девчонка с двумя косичками, но в отличие от меня она улыбалась. Телефон Дианы был

записан моим круглым, как воздушные шарики, почерком, а имя я когда-то подчеркнула фиолетовой ручкой.

Каким тоном с ней говорить? Как объяснить, почему я звоню? Отчасти хотелось услышать в трубке ее свистящее дыхание и голос футбольного тренера, которым она прогремит в ухо: «Ну-у, и почему же тебе понадобилось столько времени, чтобы перезвонить?» Отчасти — узнать, что она думает о Бене. За все время она ни разу не сказала о нем ни одного плохого слова, она вообще всегда аккуратно о нем высказывалась — за что я ей теперь тоже очень благодарна.

Я набрала номер, вжимая голову в плечи. В горле пересохло, дыхание перехватило, но я это поняла, только когда после третьего гудка включился автоответчик и я наконец выдохнула.

Голос Валери попросил оставить сообщение для нее или Дианы.

— Привет, мм... Это Либби. Вот звоню поздороваться и сказать, что у меня все нормально. — Повесила трубку. Снова набрала номер. — Считайте, что я еще ничего не сказала, хорошо? Это Либби. Я звоню, чтобы попросить прощения за... за... да много за что. И еще я хотела бы поговорить... — Не закончив фразу, я оставила свой номер телефона и отсоединилась, продолжая сидеть на краешке кровати, готовая в любую минуту подняться, но не зная зачем.

За этот день я сделала больше, чем за весь предыдущий год. Пока телефон оставался в руках, я заставила себя позвонить Лайлу, рассчитывая услышать автоответчик, но, как обычно, он ответил сам. Не дожидаясь, когда он меня разозлит, я сказала, что встреча с Беном прошла нормально и я готова услышать, кто, по его мнению, убийца. Я говорила с ним сухо, тщательно взвешивая каждое слово, словно выдавала информацию мерной ложкой.

— Я знал, что он тебе понравится и ты изменишь свое мнение о нем, — не без гордости произнес он, и я снова порадовалась за себя, потому что после этих слов не повесила трубку.

— Я этого не говорила, Лайл. Я сказала, что, если хочешь, я готова выполнить следующее задание.

Мы снова встретились в «Гриль-баре Тима Кларка». Очередная престарелая официантка, а может быть, и прежняя, но уже в рыжем парике, теннисисткой-профи порхала между столами в спортивных тапочках на пористой подошве, и мини-юбка на ней разлеталась в разные стороны. За столиком, где в прошлый раз толстяк любовался приобретенной на барахолке вазой, сейчас сидели четверо длинноволосых мужиков и, рассматривая игральные карты семидесятых годов, потешались над

волосатыми лобками изображенных на них голых теток. Лайл напряженно застыл за соседним столиком, неловко отодвинув свой стул подальше. Я под села к нему и налила себе пива из его графина.

— Ты ожидала увидеть его таким? Что он говорил? — Лайл, как всегда, тряс под столом ногой.

Я рассказала, умолчав лишь о фарфоровом кролике.

— Ты поняла, что имела в виду Магда, когда говорила, что он потерял надежду?

Я понимала.

— Мне кажется, он смирился с тюремным заключением. — Я поделилась этим наблюдением только потому, что в прошлый раз парень выдал мне триста долларов, и я хотела, чтобы финансирование продолжалось. — Он считает его искуплением за то, что его не было рядом и он не смог нас защитить, — что-то в этом духе. Толком не поняла. Вообще-то я ожидала, что он обрадуется, когда услышит от меня, что мои показания... того... несколько преувеличены, но нет, он не прыгал от радости.

— Столько времени прошло, и сейчас с юридической точки зрения это не очень повлияет на ситуацию. Магда говорит, если ты хочешь помочь Бену, мы должны собрать больше доказательств, а потом после обращения в вышестоящую инстанцию ты можешь публично отказаться от прежних показаний — тогда это действительно наделает шуму. Ведь на этом деле очень многие сделали головокружительную карьеру.

— Магда, похоже, знает немало.

— Она возглавляет группу, которая борется за освобождение Бена из тюрьмы. Я иногда у них бываю, но там в основном женщины. Поклонницы.

— А ты, случайно, не слышал, что у Бена были с кем-нибудь серьезные отношения? Из этой группы фанаток. И чтобы ее звали или Молли, или Салли, или Полли. У него на руке татуировка с именем.

— Никаких Салли нет — это точно. Полли больше напоминает кличку — у моей двоюродной сестры так зовут собаку. Есть одна Молли, но ей под семьдесят.

На столе перед Лайлом появилась тарелка с жареной соленой смесью — официантка определенно отличалась от прежней своим дружелюбием, их роднил только возраст. Мне нравится, когда официантки, обращаясь ко мне, говорят «милок», «дорогуша», эта так и говорила.

Лайл некоторое время молча поглощал смесь, предварительно выдавив на тарелочку кетчуп, который он еще посолил и поперчил. В него он обмакивал каждую хрустяшку и с девчачьей аккуратностью клал в рот.

— Ну и кто, по-твоему, это сделал?

— Сделал что?

Я вытаращила глаза и обхватила голову руками, как будто для меня это было слишком. Впрочем, так оно и было.

— Ах да! Я считаю, что это сделал Лу Кейтс, отец Крисси Кейтс. — Он удовлетворенно откинулся на стуле, словно только что разгадал тайну убийства мистера Бодди в очередной партии настольной игры «Улика».

Крисси Кейтс — имя отозвалось во мне чем-то давно забытым.

— Ты ведь знаешь о Крисси Кейтс? — Когда я промолчала, он продолжил несколько покровительственным тоном: — Крисси Кейтс училась в вашей школе в пятом классе. Днем перед убийствами полиция хотела допросить Бена — Крисси обвинила его в сексуальных домогательствах.

— Что?!

— Да, именно так.

Я уставилась на него как на сумасшедшего.

— Но она не давала показаний против Бена... — начала я.

— Верно. Это заслуга его адвоката, благодаря которому удалось сделать так, что эти два дела — сексуальные домогательства и убийства — в суде не связывали. Но на присяжных это повлияло. У вас там не было человека, который бы не слышал, что Бен грязно приставал к славной малышке из хорошей семьи, и это, вероятно, и привело к тому, что он совершил «убийства во славу Сатаны». Мы же знаем, как распространяются слухи.

— Дело Крисси Кейтс дошло до суда? — спросила я. — Доказали, что Бен так с ней поступил?

— Оно ни во что не вылилось — Бену не предъявили обвинений, — сказал Лайл. — От районной школьной администрации Кейтсы получили какую-то материальную компенсацию за моральный ущерб и вскоре переехали. Но знаешь, что я думаю? Лу Кейтс в ту ночь отправился к вам, чтобы потолковать с Беном. И вот этот качок приходит в ваш дом, и тут...

— Впадает в такую ярость, что решает перебить всех?! Но это же лишено всякого смысла.

— Мне удалось раскопать, что в молодости этот парень отсидел три года за убийство: он со всей силы кому-то зарядил футбольным мячом, и человек умер. Крутого нрава парень — могу представить его ярость, когда он узнал, что его дочери кто-то гнусно домогался. А потом, чтобы отвести подозрения, изрисовал стены.

— Мм, тут нет никакого смысла. — Я действительно силилась увидеть

в версии Лайла хотя бы долю здравого смысла.

— Не имеет смысла как раз то, что убил твой брат. Это безумное преступление, абсурдное. В нем вообще много такого, что лишено смысла. Именно поэтому оно владеет умами стольких людей. Если бы в нем был хоть какой-то смысл, то и тайны бы никакой не было.

Я промолчала, про себя согласившись с его последним замечанием, и начала нервно вертеть в руках солонку и перечницу, удивительно подходившие для того, чтобы их прикарманить.

— Но разве ты не считаешь, что эту версию хотя бы не нужно сбрасывать со счетов? — настаивал Лайл. — Прямо в день убийства твоей семьи вдруг всплывает столь чудовищное обвинение!

— Возможно. Ты начальник — тебе и решать.

— Слушай, давай ты попробуешь поговорить с кем-нибудь из Кейтсов, пока ищешь Раннера. Пятьсот долларов, если это будет Крисси или Лу. Очень хочется услышать, продолжают ли они и сейчас настаивать на своем. И при этом сохраняют мир в душе, понимаешь? Я уверен, что они лгали. Согласна?

Меня вновь терзали сомнения. Только этого еще не хватало. Тем не менее я цеплялась за косвенное доказательство невинности брата: Бен в жизни не проявлял сексуального интереса ко мне. Будь у него склонность приставать к малолетним девочкам, разве бы он не начал с собственной младшей сестры?

— Да.

— Вот именно, да, — повторил Лайл.

— Не уверена, что мне удастся узнать больше, чем удалось бы тебе. Я ведь сестра человека, который, как они считают, приставал к их дочери.

— Я пробовал, но ничего не добился, — пожал он плечами. — У меня не очень хорошо это получается.

— Что?

— Действовать хитростью.

— Да, это явно мой хлеб.

— Вот и отлично. Если тебе удастся договориться о встрече, я бы хотел поехать с тобой.

Я молча пожала плечами и поднялась, намереваясь оставить его разбираться со счетом, но он окликнул меня, не дав сделать и трех шагов:

— Либби, ты в курсе, что у тебя в кармане солонка и перечница?

Я секунду поколебалась — может быть, всплеснуть руками: «Ну надо же, угораздило, я такая рассеянная». Но вместо этого я просто кивнула и выскользнула за дверь. Они мне нужны.

Лайлу удалось выяснить, что мать Крисси Кейтс живет в Эмпории, что между Топикой и Уичито, от второго мужа у нее тоже была дочь, появившаяся на свет через двадцать лет после рождения первой. За прошедший год он много раз ей звонил, оставлял сообщения с просьбой перезвонить, но безрезультатно. Дальше он не продвинулся.

Если до кого-то действительно необходимо дозвониться, сообщения оставлять нельзя — надо звонить и звонить до тех пор, пока не поднимут трубку (от злости или из страха), и тогда очень важно, успеешь ли сказать то, что заставит человека не бросить ее.

Я звонила матери Крисси двенадцать раз, она ответила на тринадцатый, после чего я тут же выпалила:

— Это Либби Дэй — младшая сестра Бена Дэя — вы его помните?

На другом конце облизали губы, и слабый голос пробормотал:

— Да, я помню Бена Дэя. А что такое?

— Я бы хотела поговорить с кем-нибудь из вашей семьи о тех обвинениях, которые против Бена выдвинула ваша дочь Крисси.

— Мы об этом не говорим... Лиззи, так вас, кажется, зовут? Я снова вышла замуж и практически не общаюсь с прежней семьей.

— Вы не знаете, как я могу отыскать Лу или Крисси?

Она выдохнула, как будто до этого затянулась сигаретой:

— Вероятно, Лу сидит в баре где-нибудь в Канзасе. А Крисси? Езжайте по семидесятому шоссе в западном направлении и сразу после Колумбии сверните налево к одному из тамошних стрип-клубов. И больше сюда не звоните.

Бен Дэй

2 января 1985 года

12:51

На розовом листочке картона из ящичка Крисси он написал: «Угадай, кто сейчас о тебе вспоминает» — и поставил внизу букву «Б». Она наверняка запрыгает от радости. А если взять что-нибудь из ее ящичка и подбросить Либби? Нет, пожалуй, не стоит: если у Либби вдруг обнаружится симпатичная вещица, это покажется подозрительным. Можно себе представить, какие шутки отпускают в школе у них за спинами по поводу его самого и сестер. Почти всю одежду девчонки донашивают или за ним, или друг за другом. Мишель бегаёт в его старых свитерах, Дебби носит то, что переходит от Мишель, а Либби приходится довольствоваться тем, что остается после Дебби: штопанные-перештопанные мальчишеские джинсы, застиранные, с въевшимися пятнами футболки, дешевые трикотажные платишки, которые Дебби вытянула на животе. У Крисси все по-другому — у нее шикарные наряды. И у Диондры, с ее классными джинсами. Если джинсы у нее выцветшие, то только потому, что это последний писк моды; если на них пятна, похожие на следы от хлорки, значит она с этими пятнами их и купила. Родители щедро снабжали ее деньгами на карманные расходы, иногда она брала его с собой в магазины и там пыталась напаять на него все подряд, как на маленького. Невинно моргая, она говорила, что он может отдать долг, когда заработает. Он не знал, могут ли парни разрешать девчонкам покупать им одежду, не знал, круто это или нет. О’Малли, учитель с продленки, всегда шутит по поводу новых рубашек, которые его заставляет носить жена, но ведь это жена. В общем, Диондре нравится, когда он надевает черное, а у него нет денег ни на что новое. Блин, она всегда добивается своего.

Вот и еще одна причина, почему ему так клёво с Крисси: она считает его классным, потому что ему пятнадцать лет и он ей кажется невероятно взрослым. К тому же она совсем не похожа на Диондру, которая вечно над ним хихикает в щекотливых ситуациях. Он ее спрашивает: «Что тут смешного?» — а она в ответ, давясь от смеха: «Ничего. Ты просто прелесть». Когда они в первый раз пытались заняться сексом, он настолько неловко начал возиться с презервативом, что она расхохоталась — и эрекции у него как не бывало; во второй раз она вырвала презерватив у

него из рук, швырнула в сторону и сама все куда надо запихнула.

При одном этом воспоминании он страшно возбудился — джинсы в паху встали колом. И тут, в совершенно неподходящий момент, в дверь вошла миссис Дарксилвер, которая учит второклашек. Он как раз опускал записку в ящичек Крисси.

— Здравствуй, Бен, — улыбнулась она, — что ты у нас делаешь?

На ней были джинсы и свитер, на ногах шлепанцы, а в руках какой-то плакат и ленточка. Она двинулась в его сторону.

Он повернулся к ней спиной и рванул к двери в свой корпус:

— Так... ничего... просто хотел кое-что положить в ящичек сестры.

— Ну куда ты так заторопился? Подойди, я тебя обниму. Ты совсем перестал у нас появляться.

Она неумолимо приближалась, стуча шлепками по бетонному полу, с улыбкой во весь рот. В младших классах он даже был в нее влюблен и обожал эту ее черную челку. Он неуклюже заковылял к двери со все так же рвущимся наружу членом. Уже поворачиваясь к ней спиной, он понял: она догадалась, что с ним происходит, — радостная улыбка на лице уступила место брезгливой гримасе, и она больше ни слова не произнесла. Обо всем догадалась. И теперь стоит перед ящиком, где только что находился он, и видит, что это ящик Крисси Кейтс, а не его сестры.

Он почувствовал себя подстреленным кроликом, которого нужно добить еще одним выстрелом. Иногда ему мерещатся ружья, он даже ощущает прикосновение дула к виску. Однажды, пока ждал, когда из здания школы уйдут футболисты, чтобы начать уборку, Бен записал в одну из своих тетрадок слова Ницше, которые вычитал в бартлеттовской книжке знаменитых изречений: «Мысль о самоубийстве утешает — именно она помогает пережить не одну тяжелую ночь».

Нет, он ни за что на свете не наложит на себя руки. Совсем не хочется оказаться жалким придурком, по которому при этой новости начнут лить слезы девчонки, хотя при его жизни они с ним ни разу даже не заговорили. Это почему-то казалось еще более унижительным, чем вся его жизнь. И все же по ночам, когда было особенно хреново и он чувствовал, что вляпался по полной, приятно было представлять, как он залезает в материн сейф с оружием, набрав код 12-5-69 (между прочим, это дата свадьбы родителей, что теперь кажется чуть ли не насмешкой), извлекает оттуда ружье, ощущая приятную металлическую тяжесть в руках, легким движением, словно выдавливая зубную пасту из тюбика, отправляет в патронник пару патронов, приставляет дуло к виску и тут же стреляет. Выстрелить непременно нужно сразу, иначе можно передумать. Все должно делаться на

одном дыхании — и тогда упадешь на пол, как пальто с вешалки: р-раз! — и вот оно, бездыханное тело на полу, и теперь ты чья-то, а не собственная, головная боль.

Нет, он не собирается делать с собой ничего подобного, но, когда хотелось расслабиться, а сбросить напряжение не получалось или он уже сбрасывал напряжение и хотелось расслабиться еще больше, он частенько думал именно об этом. Его тело валяется на полу кучей грязного белья в ожидании, когда его заберут стирать.

Он метнулся на территорию средней школы, и в паху тут же все обмякло, словно один лишь факт пребывания здесь лишил его мужества. Он подхватил ведро, сунул обратно в чулан и вымыл руки с мылом.

А когда спускался вниз к двери черного хода, мимо него к парковке прошли старшеклассники. Голова под черными волосами вспотела, когда он представил, что они, как и тренер, считают его полным придурком. Но никто ничего ему не сказал — они, кажется, вообще не посмотрели в его сторону. Секунд через тридцать он пошел следом, рывком распахнул дверь на улицу — его ослепило игравшее на снегу яркое солнце. Будь это фильм, картинку сопровождал бы сложный гитарный аккорд — бдр-р-ы-ыммм!..

На парковке парни забрались в грузовик, и машина, петляя, двинулась на выезд. Он снимал цепь с велосипеда, когда в голове застучала пульсирующая боль и на руль капнула кровь. Он смахнул ее кончиком пальца, потом потрогал лоб и, не задумываясь, отправил палец в рот, словно измазался в невесть откуда взявшемся там желе.

Нужно срочно сбросить напряжение. Очень бы кстати оказалось пиво, а то и косячок. Попытать счастья можно только у Трея. Нет, не у него дома — он вообще не рассказывал, где живет. Но если Трей не торчал у Диондры, он почти наверняка сидел в Бараке, до которого можно доехать по длинной грязной дороге, съехав на нее с 41-го шоссе. Едешь-едешь, вокруг деревья, и вдруг перед глазами открывается пустырь, а на нем — заброшенный склад с толстыми жестяными стенами. Вся эта конструкция на ветру скрипела и дребезжала. Зимой внутри гудел генератор — его мощности хватало на несколько обогревателей — и телик со слабой антенной. На грязном, вонючем полу лежали десятки ковриков, кто-то расстарался и даже притащил сюда парочку старых драных диванов. Люди устраивались группками вокруг обогревателей, словно вокруг костров, с пивом в руках (банки держали в ящиках снаружи на морозе) и гоняли косяки. Заведение обычно было открыто с семи утра до одиннадцати вечера, часто кто-нибудь привозил несколько десятков буррито — и разогретых, и в замороженном

виде. Если оставались лишние, их складывали прямо на снегу, рядом с пивом.

Без Диондры он туда не совался — это была ее компания, но куда, блин, он в таком случае может сейчас отправиться? Разбитый лоб там почти наверняка вызовет сдержанный одобрителный кивок; возможно, он на халяву даже получит банку пива. Наверное, особого дружелюбия в их поведении не будет, но они никогда никого не выгоняют — это не в их правилах. Конечно, Бен окажется самым юным из посетителей, хотя там бывали люди и помоложе: однажды туда пришла молодая пара с малышом, на котором были только джинсики. Пока взрослые вокруг тащились, ребятишек молча сидел на диване и сосредоточенно сосал палец, не сводя глаз с Бена. И все-таки основную массу посетителей составляла молодежь от двадцати до двадцати двух лет — возраст, когда люди получают высшее образование, если доучились в средней школе. Он туда зайдет — кто знает, может, его и примут, и тогда Диондра, возможно, перестанет звать его «конфеткой»: она так к нему обращалась, когда брала его с собой. По крайней мере, они не станут возражать, если он на пару часов устроится с пивом где-нибудь в уголке.

Может, конечно, правильнее было бы вернуться домой? Нет, пошло все на фиг!

Здание склада сотрясилось, стены вибрировали от бешеных гитарных аккордов. Иногда пацаны притаскивают с собой электрогитары и до полного изнеможения лупят по ушам посетителей. Сейчас там явно играл не новичок — что-то из репертуара группы «Веном», на сто процентов соответствовавшее его настроению: приближаясь, скакали всадники — мародеры, грабители и поджигатели. Это был звук хаоса.

Он бросил велосипед прямо на снегу, размял руки, потер шею. Голова болела, но это была не простая головная боль — она прошивала насквозь. И еще страшно хотелось есть. Он несколько раз проезжал поворот, пока не уговорил себя повернуть. Нужно убедительное объяснение, почему у него рана на лбу — что-нибудь такое, что не заставит окружающих затащить: «Ой-ой-ой, посмотрите, малыш упал с велика!» Он думал, как было бы хорошо, если бы тут вдруг оказалась Диондра (или Трей): тогда они вместе вошли бы внутрь — подумаешь, делов-то! — и народ начал бы улыбаться и предлагать выпить.

Не тут-то было — придется входить самостоятельно: на много миль вокруг блестел снег, и сюда ни с какой стороны не приближалась ни одна машина. Он открыл дверь и осторожно протиснулся внутрь. Бешеные

аккорды бились о стены, как загнанный в угол зверь. Бен и раньше видел этого гитариста. Тот заявлял во всеуслышание, что входил в группу технического сопровождения «Ван Халена», с которым мотался по гастролям, но как-то не очень распространялся о том, что именно входило в круг его обязанностей и что это за штука такая — гастроли. Парень посмотрел куда-то мимо Бена; кажется, он его даже не заметил: взор блуждал по толпе фанатов, которую он представлял у своих ног. Четверо парней и девчонка — все старше Бена, у всех волосы мелким бесом после химии, — развалившись на полу, курили косяк, передавая друг другу, и тоже едва на него взглянули. Самый страшненький из парней облапил деваху, которая на нем почти лежала. У нее был маленький носик и красное прыщавое лицо. Похоже, она находилась под глубочайшим кайфом.

Бен пересек огромное пространство, которое отделяло его от коврик-квадратиков, сел на тонкий зеленый квадратик метрах в полтора от живописной группы и начал украдкой поглядывать в их сторону: вдруг придется кивнуть. Никто ничего не жевал, так что с мыслью о том, чтобы что-то перехватить, пришлось расстаться. Если бы он был не он, а Трей, то мотнул бы головой и небрежно бросил: «Мне там оставьте затынуться, лады?» — и тогда смог бы с ними хотя бы покурить.

Гитарист, которого звали Алекс, кстати, очень неплохо играл. Гитара была еще одной мечтой Бена. Когда они с Диондрой как-то заехали в магазин музыкальных инструментов в Канзас-Сити, он никак не мог от них оторваться. Он, пожалуй, сумел бы ее освоить — по крайней мере, выучил бы достаточно аккордов, чтобы исполнять парочку действительно офигенных мелодий, вернулся бы сюда и поставил на уши эту дыру со всеми ее посетителями. У всех, кого он знал, хотя бы что-то в жизни получалось очень хорошо, даже если это что-то было просто тратой денег, как у Диондры. Едва он заговаривал с ней о том, что ему хотелось бы узнать и чему научиться, она принималась хохотать и говорила: что ему действительно нужно, так это получать приличные бабки.

— Ты должен понять, что все стоит денег: и продукты, и электричество, — говорила она.

Сама Диондра оплачивала кучу счетов — это точно, потому что родители часто отсутствовали, но ведь она выкладывала не свои деньги, а их. Он, правда, не мог точно сказать, так ли это здорово — подписывать чек. Интересно, который час? Может, нужно было просто поехать к ее дому и подождать там? Но теперь придется поторчать здесь еще часок, чтобы эти типы не подумали, что он уходит, потому что никто с ним не разговаривает. Джинсы в том месте, где на них попала вода из ведра, все еще были

влажными, а от переда футболки несло несвежим тунцом.

— Эй, — подала голос девица. — Але, привет, малыш!

Он поднял голову, черная прядь упала на один глаз.

— Разве ты не в школе должен сейчас сидеть? — Слова выходили из нее ленивыми кучками. — Почему ты здесь?

— Потому что каникулы.

— Говорит, у него каникулы, — передала она его слова своему другу, покрытому коростой парню со впалыми щеками и пробивающимися усиками. Тот с трудом поднял глаза.

— Ты здесь кого-нибудь знаешь? — спросил парень.

— Его знаю. — Бен махнул рукой в сторону Алекса.

— Эй, Алекс, ты знаешь этого паренька?

Алекс прекратил играть, но так и остался стоять в позе рокера с широко расставленными ногами и глянул в сторону сгорбившегося на полу Бена.

— Не-а, не знаю. Я не вожу дружбу с малолетками.

Вот так они с ним всегда. А ведь он надеялся, что черные волосы помогут ему выглядеть старше. Над ним обычно или подтрунивают, или просто не обращают внимания. Может, телосложение виновато или походка, а может, с ним самим что-то не так? В любой игре, где подбирают команду, он всегда оказывался третьим с конца, на кого падал выбор: типа так себе парнишка, но, так и быть, сойдет, раз всех крутых уже разобрали. Парни, похоже, это чувствовали сразу — они заигрывали с Диондрой прямо в его присутствии. Будто знали, что у него душа уходит в пятки, куда бы он ни вошел. Как же, гребаный блин, это ему осточертело.

— Отсоси! — пробормотал он.

— У-у-у! Наш малыш сердится!

— Он вроде бы с кем-то подрался, — заметила девица.

— Что, чувачок, правда подрался?

Музыка совсем перестала играть. Алекс прислонил гитару к ледяной стене и курил с остальными, улыбаясь и покачивая головой. Голоса фейерверком бились в потолок и отскакивали от него, рассыпаясь.

Бен кивнул.

— И с кем же?

— Ты все равно не знаешь.

— Может, скажешь мне? Я ведь почти со всеми хорошо знаком. С кем? Может, с младшим братом? Не братишка ли тебя так отоварил?

— Трей Типано.

— Не свисти, — сказал Алекс. — Трей бы тебя знаешь как отделал!

— Ты дрался с этим долбанутым индейцем? Он, кажется, индеец только наполовину, да? — сказал спутник девчонки, на этот раз пропуская мимо ушей замечание Алекса.

— Майк, какая, блин, разница? Тебе не по фигу? — подал голос еще один парень.

Он затаился, ярко-розовое перышко дыма плыло над ними в холодном воздухе. Девушка докурила косяк и засунула картонный мундштук в волосы, отчего сбилась набок завитушка ее волос невзрачного мышинного цвета.

— Я слышал, он занимается какими-то жуткими делами, — сказал Майк. — Типа играет с дьяволом в опасные игры.

Насколько Бен мог судить, Трей любил пускать пыль в глаза. Разглагольствовал об особых сборищах в полночь в Уичито, где при проведении каких-то там ритуалов они проливают кровь. Однажды, еще в октябре, он появился у Диондры на взводе и без рубахи; с него капала кровь. Он клялся и божился, что вместе с какими-то приятелями завалил быков где-то под Лоуренсом. Сказал, что они даже собирались нагрянуть в местный университетский городок и похитить какого-нибудь студента, чтобы и его принести в жертву, но вместо этого перепились и обкурились. Возможно, в тот раз он и не соврал, потому что на следующий день во всех новостях писали и говорили о том, как кто-то зарубил мачете четырех коров, а потом вытащил из них внутренности. Бен видел снимки: туши лежали на боку огромными кучами с печально вытянутыми узловатыми ногами. А ведь убить корову или быка невероятно трудно — может, поэтому при выделке кожи из нее получается такой прочный материал. Вообще-то можно допустить, что с такой грудой мышц, которыми Трей так гордится, он в состоянии убить корову при помощи мачете, и придурок он каких поискать, чтобы сделать это так, ради хохмы, но при чем здесь Сатана? Дьявола скорее устроило бы нечто менее бесполезное, чем коровьи внутренности. Золото, например. Или даже младенец. В доказательство преданности, что ли: как у преступников, когда банда требует, чтобы новенький кого-нибудь пристрелил.

— Да, действительно он... то есть мы связаны с темными силами, — сказал Бен.

— А мне показалось, ты говорил, что просто с ним подрался, — сказал Майк и (наконец! вот оно, счастье!) потянулся назад, где за спиной у него стоял ящик с пивом, извлек оттуда запотевшую холодную банку и вручил Бену. Бен залпом влил в себя пиво, протянул руку за следующей порцией и, к своему удивлению, получил вторую банку. И при этом никто не вылил на него кучу дерьма!

— Драки, конечно, случаются. Знаешь, если заниматься тем, чем занимаемся мы, дело непременно закончится потасовкой. — Эта его сентенция прозвучала так же неопределенно, как рассказы Алекса о гастрольных турах.

— Ты, случайно, не из тех, кто осенью замочил коров? — задала вопрос девица.

Бен кивнул:

— Пришлось, куда деваться! Это был приказ.

— Странные вам отдают приказы, чувак, — раздался голос парня, до этого тихонько сидевшего в уголке. — Это ведь был мой гамбургер.

Все засмеялись, Бен попытался принять непринужденный, но суровый вид. Он потрянул головой так, что волосы упали на глаза, и почувствовал расслабляющее действие пива. Две опрокинутые залпом банки пива на пустой желудок — и его повело, но ему не хотелось, чтобы его приняли за слабака.

— Так почему вы убиваете коров? — спросила девица.

— Это приятно делать, да и принято. Нельзя просто принадлежать к какой-то организации — нужно еще и выполнять возложенную на тебя миссию.

Бен бывал на охоте: однажды его взял с собой отец, а мать и вовсе настаивала, чтобы он с ней ходил. Она считает, что охота сближает. Ей и невдомек, до чего неприятно охотиться с собственной матерью. Правда, именно она научила его метко стрелять, смягчать отдачу, определять, когда лучше всего жать на спуск, часами терпеливо ждать в укрытии. На его счету не один десяток зверей, от зайцев до оленя.

Вдруг вспомнился случай с мышами. Их кот однажды разорил мышиную нору с новорожденными детенышами, сожрал парочку, а еще полдюжины разбросал по земле. Раннер тогда только что отбыл — это был его второй отъезд, — поэтому добивать несчастных выпало на долю Бена. С закрытыми, словно склеенными, глазами они беззвучно извивались, как розовые червячки, и пока он дважды бегал от сарая к дому, решая, что предпринять, их облепили муравьи. Наконец, вооружившись лопатой, он одним ударом вогнал их в землю, отчего на руки попали брызги плоти, его это разозлило, и он начал молотить по земле, с каждым ударом распаляясь все больше и приговаривая: «Что, Райнер, думаешь, я девчонка, слабак, сосунок несчастный?! Ты так думаешь?!» Когда все было кончено, на земле осталось только липкое пятнышко. Он обливался потом, а когда поднял глаза, заметил, что из-за сетки на двери за ним наблюдает мать. В тот день за ужином она сидела молча и глядела на него печально и встревоженно.

Так и хотелось повернуться к ней и сказать: «Знаешь, иногда так приятно кого-то отыметь. Вместо того, чтобы кто-то, как всегда, имел тебя».

— Типа? — Девушка нетерпеливо толкнула его локтем.

— Типа... это... короче, иногда твари не могут не умирать. Приходится их убивать. Сатане нужны жертвы не меньше, чем Христу.

Он произнес слово «Сатана», словно это всего лишь имя какого-то знакомого пацана. Очень естественно и без всякого страха. Как-то буднично, со знанием дела. Сатана. И легко его представил: вот он, рядом, этот длиннолицый, увенчанный рожками парень с раскосыми козлиными глазами.

— И ты в эту белиберду всерьез веришь, как там тебя?

— Бен. Дэй.

— Бен-гей, говоришь?

— Это ты сейчас о ком?

Ни у кого не спрашивая разрешения, Бен выудил из ящика очередную банку пива. С тех пор как завязался разговор, он на несколько футов приблизился к компании этих ребят, пиво снимало напряжение, и все, что он сейчас говорил, вся та хрень, которую он нес, казалась чем-то значительным и непререкаемым. Он может — да-да, конечно, может! — стать для них непререкаемым авторитетом. Вон как обернулось то, что начиналось с шутки.

Они раскурили очередной косяк, девушка снова извлекла из волос мундштук, и непослушный завиток вернулся на свое законное место — нет, так ей определенно хуже! Бен затаился поглубже (только не кашлять! ни в коем случае не кашлять!), но все равно не так глубоко, как надо, поэтому в горле застряли частицы травы. Трава-то у них дрянь — небось, росла где-то у сточной канавы. Такая будоражит, развязывает язык, превращает в параноика, вместо того чтобы приятным кайфом разливаться по телу. У него на этот счет было собственное объяснение: химическая отравка со всех ферм оказывается в земле, а оттуда ее втягивают в себя эти злобные, жадные растения. Химия их отравляет — а теперь и инсектицид, и ярко-зеленое удобрение оседают уже в его легких и мозге.

Девушка теперь смотрела на него осоловелыми глазами (точно такой же взгляд появляется у Дебби, когда она слишком долго торчит у телика), словно хотела что-то сказать, но ей жутко лень было двигать губами. Его мучил голод — бросить бы внутрь что-то съедобное.

«Дьявол никогда не бывает голодным». Эта мысль возникла вдруг, словно появилась из ниоткуда, и зазвучала в голове, как молитва.

Алекс снова забренчал на гитаре. Сначала что-то из репертуара группы

«Ван Хален», потом «Эй-Си/Ди-Си», потом из битлов, и вдруг перешел к рождественской «О малый город Вифлеем» — от умиротворяющих нот у Бена еще сильнее разболелась голова.

— Эй, але! Не надо рождественских песен — они Бену не по вкусу, — громко сказал Майк.

— Ни хрена себе! Гляньте-ка, у него кровь! — воскликнула девица.

Из открывшейся на лбу раны кровь стекала по щеке струйкой и капала на джинсы. Девчонка протянула ему бумажную салфетку, но он отмахнулся и размазал кровь рукой, прямо через все лицо, как боевую раскраску.

Алекс прекратил играть. Все молча уставились на Бена, слегка отпрянув и смущенно улыбаясь. Майк протянул ему косяк, держа его кончиками пальцев, чтобы Бен, не дай бог, до него не дотронулся. Бену, хотя он совершенно этого не хотел, пришлось снова затянуться до жжения в легких.

В эту минуту тонкая дверь жалобно скрипнула, и вошел Трей. Вошел, остановился на пороге в ленивой позе, расставив ноги и скрестив руки на груди, обвел глазами помещение и, увидев Бена, дернул головой, словно наткнулся на протухшую рыбину.

— Ты что здесь делаешь? Ты с Диондрой?

— Она в Салине. А я вот решил зайти... ну, чтобы убить время. Мне тут ребята не дают скучать.

— Мы слыхали, что вы подрались, — сказала девица, расцветая лукавой улыбкой в два тонких полумесяца. — И про другую жуть тоже.

Лицо Трея, словно высеченное из мрамора, оставалось непроницаемым: невозможно было понять, о чем он думает. Он смотрел на расположившуюся на полу группу и устроившегося рядом Бена и, похоже, впервые в жизни не знал, как реагировать.

— Ну и о чем же он вам рассказал? — Он выхватил у девчонки банку с пивом, даже не удостоив ее взглядом, — он не спускал глаз с Бена. Бен вдруг подумал, а не спал ли Трей с ней: он однажды стал свидетелем того, с каким пренебрежением тот бросил своей бывшей подружке: «Я встрече с тобой не рад, но и не злюсь из-за этого. Мне вообще по фигу, есть ты или нет».

— Он рассказывал какие-то страсти про дьявола и чем вы занимаетесь, чтобы его ублажить, — сказала девица.

При этих словах ухмылка сошла с лица Трея, он сел почти напротив, но Бен старался на него не смотреть.

— Слушай, Трей, — подал голос Алекс, — ты вроде как индеец, да?

— Да. Хочешь, чтобы я снял с тебя скальп?

— Но ты ведь только наполовину индеец? — сказала девчонка.

— У меня мать белая, и я не кадрусь с индейским бабьем.

— Почему? — спросила она, проводя мундштуком по волосам.

— Потому что Сатана предпочитает трахать белых цыпочек. — Он усмехнулся и посмотрел на нее, слегка наклонив голову; она было захихикала, но он не менял выражения лица, и она замолчала, а ее страшенький парень снова обхватил рукой ее ягодицу.

Конечно, треп Бена им понравился, но у Трея был куда более зловещий вид. Он сидел перед ними, скрестив ноги, и смотрел на них, казалось, вполне дружелюбно, но в этом взгляде не было теплоты. И сидел-то он вроде как в простецкой позе, но и руки и ноги были устрашающе напряжены. Во всем его облике было что-то очень недоброе. Никто больше не отваживался передавать косяк по кругу.

Несколько минут они сидели в напряженной тишине. Трей своим видом напрочь лишал их присутствия духа. Обычно он вел себя шумно — этакий крутой парень, большой охотник до пива и помахать кулаками, но когда бывал не в духе, казалось, он сотней невидимых пальцев тычет всех в плечо. И опускает. Всех.

— Ты остаешься или как? — вдруг обратился он к Бену. — Я на колесах. Можем поехать к Диондре, ключи у меня есть. Чем торчать в этой дыре, подождем ее дома.

Бен кивнул, неловко помахал присутствующим и последовал за Треем; тот, выйдя на улицу, швырнул в снег банку из-под пива. Что-то внутри у Бена определенно изменилось. Слова застревали в горле. Залезая в кабину, он попытался извиниться перед Треем, который по какой-то непонятной причине спас его от позора. Кстати, а почему у него ключи от дома Диондры? Может быть, потому что он их у нее попросил?

— Ну что, готов доказать, что способен на то, о чем ты там трепался? — сказал Трей, сдавая назад. Его грузовик больше напоминал танк, поэтому Трей направил машину прямо через чье-то поле: она запрыгала по пенькам от прошлогодней кукурузы, то и дело перемахивая через ирригационные каналы. Бен чуть язык себе не откусил — пришлось ухватиться за подлокотники. Трей бросил многозначительный взгляд на его побелевшие от напряжения руки.

— Конечно готов.

— Что ж, может, сегодня вечером ты станешь мужчиной. Может быть.

Он щелчком включил магнитофон. Из динамиков прямо в лицо Бену ударили слова из песни «Железной девы»: «Число Зверя шесть-шесть-шесть... Сатана... жертвоприношение...»

Музыка билась в голове, мозг кипел, как горячее масло на сковородке, внутри просыпалась дикая злоба — эти ощущения возникали всегда, когда он слушал тяжелый рок. Гитара не отпускала, заводила все сильнее, и голова в такт заходила ходуном — вперед-назад, вперед-назад; звуки ударных били в позвоночник, поднимаясь вверх. Дикая злоба перерастала в безумную ярость, не давая здраво мыслить и заставляя трястись, как заводную куклу. Казалось, тело сжато в кулак и готово распрямиться и нанести удар.

Либби Дэй

Наши дни

Дорога между Канзас-Сити и Сент-Луисом выливается в скучное многочасовое сидение за рулем, которое ничего, кроме отвращения, не вызывает. Унылая мертвенно-желтая равнина утыкана придорожными щитами. Свернувшийся котенком человеческий эмбрион на щите «Аборт останавливает биение сердца»; комната, озаренная кроваво-красным светом огней «скорой помощи» на щите с надписью: «Специалисты по очистке места преступления»; весьма несимпатичная особа призывно строит глазки водителям со щита «Джимми приглашает в свой потрясающий мужской клуб». Количество щитов, навязывавших путникам любовь Христа, было прямо пропорционально рекламировавшим порно, а в названиях придорожных забегаловок с удивительным постоянством появлялись кавычки в самых неподходящих местах: «Кафе Герба — „лучшая“ еда в округе», «Жареные ребрышки от Джолин — заходите на „восхитительные“ ребрышки молодых барашков».

Лайл сидел рядом на пассажирском сиденье. Накануне он позвонил и разразился пространной тирадой, взвешивая «за» и «против» совместной поездки. (С одной стороны, мне как женщине будет легче наладить контакт с Крисси, поэтому лучше ехать одной; с другой — он лучше владеет этим вопросом. Но опять же — он может увлечься, начнет задавать слишком много вопросов и загубит поездку, его же, бывает, заносит — есть у него этот недостаток: он иногда не поспевает за собственными мыслями; однако не стоит забывать, что пятьсот долларов — сумма немалая, и он считает себя некоторым образом вправе поехать.) В конце концов, не выдержав, я рывкнула в трубку, что через полчаса подхватываю его «У Сары», если он успеет, и отключилась. И вот он нервно суетится рядом и то щелкает замком на двери, то меняет волну радиоприемника, то вслух зачитывает текст на щитах, словно пытаюсь унять беспокойство. Мы миновали склад фейерверков размером с добрый собор и по меньшей мере три места со свидетельствами произошедших здесь ДТП — собиравшими пыль и грязь когда-то белыми крестами и искусственными цветами на них. Бензозаправки заявляли о себе более тощими и длинными шестью, чем у накренившихся флюгеров близлежащих ферм.

В одном месте со щита смотрело знакомое лицо: Лизетт Стивенс

улыбалась своей радостной улыбкой, там же внизу был указан номер телефона, куда можно звонить в связи с ее исчезновением. Интересно, когда его снимут? Как скоро погаснет надежда или закончатся деньги?

— Боже, снова она, — сказал Лайл.

И хотя он меня раздражал, я испытывала похожие чувства. Столько времени прошло, и сейчас почти бестактно ожидать, что люди будут беспокоиться о человеке, которого уже явно нет в живых. Если, конечно, этот человек тебе не родственник.

— Лайл, скажи, пожалуйста, из-за чего ты так... увлечен делом моей семьи?

Пока я произносила эту фразу, за окном как-то сразу потемнело. Впереди, насколько хватало глаз, зажглись фонари и в два ряда замигали белым светом, словно заинтригованные моим вопросом.

Но Лайл внимательно изучал собственную коленку и, казалось, слушал боком. У него вообще была привычка ухом подаваться к собеседнику, кто бы тот ни был, потом несколько секунд молчать, будто сказанное он сначала переводит на какой-то другой язык.

— Классический образец детективного жанра — кто преступник? — вот и всё. Возможных версий — куча, их интересно обсуждать, — сказал он, по-прежнему глядя куда-то вниз. — А еще ты... и Крисси... дети, из-за которых что-то происходит.

— Из-за которых что-то происходит, говоришь?

— Да, нечто такое, с чем они сами не в состоянии справиться, что влечет череду не поддающихся контролю серьезных последствий. Цепную реакцию. Мне это интересно.

— Почему?

— Потому что, — сказал он, помолчав.

Ни один из нас не подходил на роль человека, который ради получения информации в состоянии расположить к себе собеседника. Двое убогих, чувствующие неловкость всякий раз, когда приходится выражать свои мысли. Впрочем, меня не очень-то и заботило, насколько много или мало удастся выудить у Крисси, потому что чем больше я думала о версии Лайла, тем большим бредом она мне казалась.

Мы ехали еще минут сорок, прежде чем на пути начали попадаться стрип-клубы: унылые, приземистые цементные блоки, в основном не имеющие никакого названия, а лишь неоновые призывы вроде «Стрип живьем!». Безусловно, это удачнее, чем, скажем, «мертвый стрип», на который вряд ли кто-то клюнет. Я представила, как Крисси Кейтс заезжает на гравиевую парковку и готовится снять с себя одежду в стрип-клубе без

названия. Грустно, если никого не волнует имя. Поэтому, когда я узнаю, что где-то родители убили собственного ребенка, я задаю себе вопрос: как же так? Они ведь когда-то позаботились о том, как его назвать. В их жизни были мгновения (хотя бы мгновения), когда, обсудив кучу имен, они остановились на одном-единственном. Как можно уничтожить то, что потрудился назвать!

— Первый в моей жизни стрип-клуб, — сказал Лайл и улыбнулся красивыми губами.

Я свернула с шоссе налево, как посоветовала мать Крисси, и позвонила по номеру единственного зарегистрированного стрип-заведения. Липкий мужской голос в трубке сказал, что Крисси «где-то здесь». Вскоре я въехала на просторную парковку для трех стоявших в ряд стрип-баров. В дальнем углу расположилась бензозаправка и стояли грузовики. В ярком свете неоновых ламп я разглядела женские фигуры; часто, по-кошачьи перебирая ногами, они сновали между кабинами; открываясь и закрываясь, хлопали двери; из окон время от времени вдруг высовывалась голая нога, очевидно, перед сменой позы. Я предположила, что большинство стриптизерш, как только стрип-бар теряет к ним интерес, начинают обслуживать водителей грузовиков.

Я вышла из машины с листочком, который дал мне Лайл, с аккуратным списком вопросов, которые нужно задать Крисси, если мы ее найдем. (Вопрос первый: вы по-прежнему настаиваете, что в детстве подвергались сексуальным домогательствам со стороны Бена Дэя? Если да, расскажите почему.) Я начала просматривать остальные вопросы в списке, когда справа уловила какое-то движение. Из кабины одного из грузовиков выскользнула маленькая тень и направилась ко мне, держась неестественно прямо, — так обычно ходит человек, одурманенный наркотиками и пытающийся это скрыть. Девчонка выдвинула плечи вперед, словно у нее не было иного выхода, кроме как двигаться в моем направлении. Это действительно была совсем девчонка — я это поняла, когда она поравнялась с моей машиной, — с круглым кукольным личиком, пылавшим в свете фонарей, каштановыми волосами, забранными в хвост с выпуклого лба.

— Сигаретки не найдется? — спросила она, трясая головой, как при болезни Паркинсона.

— Тебе плохо? — спросила я, стараясь ее рассмотреть.

Сколько ей может быть лет? Пятнадцать? Шестнадцать? Она дрожала всем телом. Из-под тонкого свитера торчала коротенькая юбочка, а сапожки, которые, вероятно, должны были делать ее сексапильной, смотрелись на ней ужасно глупо: детсадовка, корчащая из себя ковбоя.

— Так как насчет сигаретки? — повторила она, глядя на нас влажно блестящими глазами, потом качнулась на каблуках и перевела взгляд с меня на Лайла, который внимательно изучал асфальт под ногами.

Где-то на заднем сиденье у меня вроде бы завалялась пачка, я наклонилась и принялась шарить среди старых оберток от хот-догов и бигмаков, целого ассортимента чайных пакетиков, которые я позаимствовала в каком-то кафе (вот что еще вообще никогда не стоит покупать — чай в пакетиках), и дешевых металлических ложечек (на них распространяется то же замечание). В пачке оставались три сигареты — правда, одна сломанная. Я вытащила две целые, щелкнула зажигалкой. Девчонка, скрючившись и несколько раз потыкавшись в никуда, наконец прикурила со словами: «Очень извиняюсь, но без очков ничегошеньки не вижу». Я тоже закурила, после первой затяжки, как всегда, почувствовав легкое головокружение.

— Коллин, — представилась она, не выпуская сигарету изо рта.

С заходом солнца температура резко упала, мы стояли друг напротив друга и подпрыгивали, чтобы не замерзнуть.

Надо же — Коллин! Для проститутки имя слишком симпатичное. Наверняка для этого создания у кого-то когда-то были совершенно другие планы.

— Сколько тебе лет, Коллин?

Она оглянулась на грузовики и улыбнулась, вобрав голову в плечи.

— Не волнуйся, я там не работаю. Я работаю во-он там. — Средним пальцем она ткнула в стрип-бар посередине. — Все по закону. Мне совсем не нужно... — Она мотнула головой в сторону грузовиков, снаружи совершенно безжизненных, независимо от того, что там происходило внутри. — Просто ради девчонок, они там сейчас пашут, а мы на улице следим, чтобы ничего не случилось. Вроде как из женской солидарности. А ты новенькая?

На мне была кофточка с глубоким вырезом, которую я надела, полагая, что Крисси, когда я ее найду, не будет чувствовать неловкость: мое декольте даст понять, что и я не святая. Коллин сейчас оценивала мой бюст глазами ювелира, прикидывая, для какого клуба он подойдет больше всего.

— Нет-нет, мы разыскиваем знакомую. Ее зовут Крисси Кейтс, знаешь такую?

— У нее сейчас может быть другая фамилия, — вставил Лайл и посмотрел в сторону шоссе.

— Я знаю одну Крисси. Она старше меня.

— Ей лет тридцать пять — тридцать шесть.

Я решила, что Коллин наглоталась стимуляторов — она вся как будто гудела. Но может быть, ей просто холодно?

— Короче, — сказала она, приканчивая сигарету одной глубокой затяжкой, — она иногда у Майка выходит в дневную смену. — И показала на самый дальний клуб, неоновые огни которого сообщали, что там только «Д-В-ШКИ».

— Какая досада...

— Конечно, но когда-то приходится и на пенсию выходить. Ей это не приносит большого дохода, потому что она тратит много денег, чтобы держать себя в форме. А Майк все равно считает, что ее время ушло. Но по крайней мере, не приходится платить налоги. — Коллин говорила с веселой беззаботностью и безжалостностью юного существа, знающего, что его от подобного унижения отделяет не одно десятилетие.

— Значит, нужно сюда вернуться во время дневной смены? — продолжил Лайл свою мысль.

— Гм... Можете и здесь подождать. Она должна скоро освободиться. — Коллин показала в сторону грузовиков. — А мне пора готовиться к работе. Спасибо за сигарету.

Все так же выставив вперед плечи, она потрусила в сторону погруженного в темноту здания посередине и скрылась внутри.

— Наверное, сегодня ничего не выйдет, — сказал Лайл.

Я уже собралась на него цыкнуть за то, что он несет чушь, и приказать ему просто посидеть в машине, когда из кабины самого дальнего в ряду грузовика на землю спустилась еще одна фигура и двинулась в сторону парковки. Женщины тут двигались так, словно шли против ветра чудовищной силы. У меня внутри что-то екнуло, потому что я представила в подобном месте себя. Не так уж это и невозможно для женщины без семьи, без денег, без какой бы то ни было профессии и с определенной долей странного, лишенного здравого смысла прагматизма. За несколько месяцев бесплатной кормежки я не раз раздвигала ноги перед мужчинами. И ни разу не видела в этом ничего зазорного. Много ли времени мне понадобится, чтобы оказаться здесь? На секунду я почувствовала ком в горле, но он тут же растворился: у меня теперь есть источник дохода.

Фигура скользила тенью, но можно было разглядеть нимб взлохмаченных волос, кромку шортов, безразмерно-бесформенную сумку сбоку и толстые накачанные ноги. Она вынырнула из темноты, и теперь на свету мы увидели загорелое лицо с близко посаженными глазами. Личико симпатичное, но хищноватое. Лайл слегка толкнул меня локтем в бок, вопрошая взглядом, узнаю ли я ее. Я в ней никого не признала, но на

всякий случай махнула рукой, и она резко остановилась. Я спросила, не Крисси ли она Кейтс.

— Да, это я, — сказала она, при этом на лисьем лице тут же отразилось желание помочь, оказать содействие, будто она решила, что вот-вот произойдет что-то хорошее. Странное выражение лица, если учесть, откуда она шла.

— Я бы хотела с вами поговорить.

— Валяй. — Она пожала плечами. — О чем? — Она не могла определить, кто я такая. По виду вроде не коп, не соцработник, не стриптизерша, не учительница ее ребенка (если, конечно, он у нее имеется). На Лайла она едва взглянула, поскольку он то удивленно на нее смотрел, то вовсе от нас отворачивался. — Хочешь устроиться на работу? Или ты журналистка?

— Откровенно говоря, речь пойдет о Бене Дэе.

— Ладно. Мы можем зайти в бар к Майку. Угостишь коктейлем?

— Вы замужем? Ваша фамилия по-прежнему Кейтс? — выпалил Лайл.

Крисси глянула на него сердито, потом вопросительно посмотрела на меня. Я округлила глаза и скривилась, изобразив взгляд, которым обмениваются женщины, когда их спутники-мужчины говорят или делают что-то невпопад.

— Ну, была я замужем один раз. Сейчас моя фамилия Кванто. Неохота было снова менять на девичью. Знаешь, какая это морока, прямо ужас.

Я понимающе улыбнулась, будто мне это тоже знакомо, и покорно последовала за ней по парковке, стараясь держаться подальше от мотавшейся у нее на бедре кожаной сумки и делая Лайлу знаки не болтать лишнего. Перед дверью в заведение она остановилась, пробормотав: «Надеюсь, вы не против?» — взяла щепотку какого-то порошка из серебристого пакетика, который вытащила из заднего кармана шортов, отвернулась, резко и громко втянула в себя воздух, отчего лично мне стало даже больно.

Когда она снова ко мне повернулась, на ее лице играла широкая улыбка. «Сойдет все, что поможет ночь пережить...» — замурлыкала она, весело помахивая пакетиком, но запнулась, очевидно забыв слова, и шмыгнула миниатюрным носиком, похожим на пупок беременной женщины.

— Майк с этим делом очень строг, прямо фашист, — сказала она и распахнула дверь.

Раньше я бывала в стрип-клубах — в девяностых это было особым шиком: женщины считали сексуальным притворяться, будто интересуются

женщинами, потому что им казалось, будто мужчинам нравятся женщины, интересующиеся женщинами. Правда, в столь низкопробных бывать не доводилось. Он был какой-то тесный, а стены и пол чересчур сильно блестели, будто покрытые дополнительным слоем лака. На низенькой сцене без всякого намека на грациозность танцевала юная дева. Она маршировала на месте и кружилась вокруг чересчур тонкого и низкого шеста. Через каждые несколько тактов она поворачивалась спиной к мужской аудитории, складывалась в талии и смотрела на них снизу через широко расставленные ноги; от резкого притока крови к голове лицо у нее тут же багровело. В ответ мужчины (а их в зале было всего трое, они сидели в разных местах, сгорбившись над пивом) неопределенно хрюкали или кивали. Дюжий вышибала со скучающим видом изучал собственное отражение в зеркале на стене. Мы уселись в ряд у барной стойки, я села посередине. Лайл сложил руки на груди, засунув ладони под мышки и стараясь ни к чему не прикасаться, он вроде как смотрел и не смотрел на танцующую девицу. Я отвернулась от сцены и поморщилась.

— Знаю-знаю, о чем вы подумали! — сказала Крисси. — Настоящая дыра. Чур, платите вы, потому что у меня при себе наличных нет.

Я даже кивнуть не успела, как она уже заказывала себе водку с клюквенным сиропом. Я заказала то же самое. С Лайла бармен потребовал документ, удостоверяющий личность, — он начал изображать из себя невесть кого, приклеив на лицо глупую улыбку и переходя на заговорщицкий шепот. Несколько секунд понаблюдав за его кривляньем, бармен отвернулся.

Я тоже.

— Так о чем же ты хочешь узнать?

Крисси улыбнулась и наклонилась ко мне. Я сначала хотела назваться, но ей, судя по всему, это было настолько неинтересно, что я решила не трудиться. Передо мной была женщина, которой просто нужна была компания. Я смотрела на ее грудь — у нее она была даже больше моей; запакованная в тугий лифчик, она вываливалась наружу. Я представила под одеждой два блестящих круглых шара, похожих на замороженных бройлерных цыплят в целлофановой упаковке.

— Нравится? — прочиткала она и тряхнула своим богатством. — Почти новая. По-моему, ей около года. Надо будет справить день ее рождения. Правда, она мне здесь не очень помогает. Майк, паразит, заставляет выходить в дневную смену. Ну и хрен с ним, все равно я всегда хотела, чтобы у меня была большая грудь. Теперь она у меня есть. Мне бы вот от этого избавиться. — Она схватила себя за не очень большую складку

жира чуть ниже талии, всем видом показывая, насколько все серьезно. Под складкой обнажился белесый шрам от кесарева сечения. — Бен Дэй, говоришь? — продолжала Крисси. — Рыжий подонок. Он изуродовал мою жизнь.

— Значит, ты настаиваешь, что он тебя совратил? — по-беличьи выглянув из-за моей спины, бросил Лайл.

Я резко повернулась и гневно на него зыркнула, но Крисси, похоже, было все равно. Ее отличало отсутствие любопытства, свойственное людям, принимающим наркотики. Она продолжала обращаться только ко мне.

— Да-да. А все из-за этого его сатанизма. Думаю, он принес меня в жертву — таков был план. Он бы меня убил, если бы его не взяли за то, что он сделал с родственниками.

Все вокруг почему-то всегда хотели хоть как-то приобщиться к тому, что случилось с моей семьей. Подобно тому как каждый в Киннаки знал кого-то, кто спал с моей матерью, не было человека, который в той или иной степени не пострадал бы от общения с Беном. Кого-то он угрожал убить, у кого-то избил собаку, на кого-то однажды посмотрел так, что до смерти напугал. Кто-то видел, как у него пошла кровь при звуках рождественской песни. Кому-то он показывал знак Сатаны у себя за ухом, а потом сказал, что приглашает в свою секту. Крисси переполняло то же желание поделиться собственной историей. Она нетерпеливо открыла рот.

— Расскажи, что именно произошло, — попросила я.

— С мельчайшими подробностями?

Она заказала вторую порцию водки с клюквенным сиропом, а потом попросила еще и три порции сладкого коктейля с «Айриш-крим». Бармен вопросительно приподнял бровь и, прежде чем приступить к приготовлению коктейля, поинтересовался, обратившись ко мне, не открыть ли для нас баночку пива.

— Не волнуйся, Кевин, у моей подруги деньги есть, — сказала Крисси и рассмеялась. — Как тебя зовут-то, подруга?

Я сделала вид, что не услышала вопроса, потому что тут же спросила у бармена, сколько я ему должна, и вытаскала купюру в двадцать долларов из пачки, чтобы Крисси знала, что у меня деньги есть. Халявщика можно подкупить только халявой.

— Тебе этот коктейль очень понравится, его пьешь как пирожное, — сказала она. — Твое здоровье!

Она подняла стакан и, оттопырив средний палец, повернула руку в сторону темного окна сзади, где, как я подозреваю, сидел Майк. Коктейль

встал у меня поперек горла, а Лайл издал такой звук, словно опрокинул в себя виски.

После нескольких глотков Крисси поправила одну грудь и глубоко вздохнула:

— Да-а... Мне тогда исполнилось одиннадцать лет, а Бену пятнадцать. После школы он начал вокруг меня ошиваться и все время за мной наблюдал. У меня ведь уже имелась приличная грудь. Всегда, сколько себя помню. Я была очень хорошенькой. Я не хвастаюсь, честное слово. И денег у нас хватало. Мой отец... — по ее лицу скользнула тень горечи, — в жизни добивался всего сам. Он занялся видеобизнесом с самого его возникновения. На Среднем Западе он был крупнейшим оптовым поставщиком видеокассет.

— С фильмами?

— Нет, чистых видеокассет, чтобы на них записывать всякое изображение. Помнишь, такие раньше были? Хотя ты, наверное, тогда еще пешком под стол ходила.

Нет, не ходила.

— В общем, я, наверное, показалась ему легкой добычей. Не то чтобы я была из тех детей, которые предоставлены самим себе, потому что родители работают, но мама не всегда как следует за мной следила. — На этот раз на лице у нее отразилась еще большая горечь. — погоди, а зачем ты все это спрашиваешь? — задала она вопрос.

— Я занимаюсь изучением этого дела.

Уголки ее рта грустно опустились.

— А то уж я подумала, что тебя прислала мама. Я точно знаю, что ей известно, где меня искать.

Она застучала по прилавку длинными коралловыми ногтями, а я спрятала левую руку с пальцем-обрубок под своим бокалом. Наверное, надо как-то ей посочувствовать, проявить заботу, но я этого не сделала. Зато я хотя бы позаботилась о том, чтобы не брякнуть, что ее мама никогда не станет ею интересоваться.

Какой-то постоянный клиент за пластмассовым столиком неподалеку беспрестанно оглядывался и бросал в нашу сторону пьяные взгляды. Очень хотелось уйти, оставив и Крисси, и ее проблемы.

— Так вот, — снова начала она. — Бен со мной обошелся очень подло. Он... это... типа... Чипсов хочешь? Здесь чипсы просто классные.

С полок на стене за барной стойкой смотрели чипсы в дешевой упаковке с надписью: «Здесь чипсы просто классные». Приходилось делать вид, что мне приятно с ней общаться, я кивнула, и Крисси, надорвав

упаковку, поделилась со мной пахучим содержимым со сметаной и луком. Желтые крошки прилипли к розовой помаде на ее губах.

— В общем, Бен завоевал мое доверие и стал меня совращать.

— И как же ему удалось заслужить твое доверие?

— Ну, это... всякие там жвачки, конфеты, добрые слова.

— А как он тебя совращал?

— Приводил к себе в чулан, где держал всякие причиндалы для уборки — он же убирал в школе... Помню, от него всегда ужасно воняло хлоркой. После занятий он меня туда заводил и заставлял заниматься с ним оральным сексом, а потом сам занимался оральным сексом со мной. А еще заставлял клясться в верности Сатане. Мне было так страшно. Он говорил, что расправится с моими родителями, если я кому-нибудь расскажу.

— Как он заставлял тебя входить в чулан? — спросил Лайл. — Этот чулан был в школе?

При этих словах Крисси по-черепашьи сердито втянула голову в плечи — я делаю то же самое, когда кто-то ставит под сомнение мои показания против Бена.

— Просто он... угрожал. Там у него был алтарь, он его выдвигал. Перевернутый крест. Вроде у него там и мертвые животные были, которых он убивал. Для жертвоприношения. Так он, мне кажется, готовился убить и меня. Но на моем месте оказались его родственники. Я слыхала, что вся их семейка занималась поклонением Сатане. Они и обряды соблюдали, в общем все такое. — И она слизнула с толстых пластиковых ногтей прилипшие к ним крошки от чипсов.

— Сомневаюсь, — пробормотала я.

— Откуда тебе знать! — разозлилась Крисси. — А я через все это прошла, понятно!

Я ждала, когда она поймет, кто перед ней: может быть, лицо (очень похожее на лицо Бена) всплывет у нее в памяти, может, заметит рыжие корни волос у меня на голове.

— Сколько же раз он с тобой это проделывал?

— И не сосчитать. Очень много раз. — И она печально покачала головой.

— Как поступил твой отец, когда ты рассказала, что с тобой сделал Бен? — спросил Лайл.

— Боже, он чуть с ума не сошел, пришел в такую ярость! Он ведь так меня оберегал. Как зеницу ока. Он целый день ездил по городу — искал Бена. Мне всегда кажется, что если бы он его нашел — убил бы, и тогда бы семья Бена не погибла. Правда, грустно?

Внутри у меня как будто что-то сжалось, и я почувствовала, как меня охватывает злоба.

— У Бена семья занималась сатанизмом?!

— Ну, может, я чуток преувеличила. — Крисси склонила голову набок, как делают взрослые, когда пытаются утихомирить рассердившегося ребенка. — Наверное, они были добрыми христианами. Но только подумай, если бы отец добрался до Бена, тогда бы...

А если подумать, что твой папаша вместо Бена добрался до моей семьи? Нашел ружье, топор и всех уничтожил. Почти всех.

— Твой отец в ту ночь вернулся домой? — спросил Лайл. — Ты видела его после полуночи?

Крисси опустила голову, глянула на меня исподлобья, и я уточнила вопрос Лайла более спокойным тоном:

— То есть откуда ты знаешь, что он в ту ночь не видел никого из Дзев?

— Но я же вам говорю, он бы тогда сделал что-нибудь ужасное. Я для него была... ну как свет в окошке. Его это просто убило — то, что со мной произошло. Прямо убило.

— Он далеко отсюда живет? — Своей напористостью Лайл выводил ее из равновесия.

— Мм... Мы сейчас не общаемся, — сказала она, озираясь на барную стойку, чтобы заказать очередную порцию спиртного. — Наверное, для него это было слишком тяжелым испытанием.

— Кажется, твои родители потребовали от школы денежной компенсации?

Лайл подался вперед, у него кровожадно заблестели глаза. Я подвинулась на табуретке, чтобы слегка заслонить его от Крисси, надеясь, что он поймет намек.

— Да, черт побери! Школу следовало наказать. У них же прямо под носом грязно преследовали малолетнюю девочку. Как они такое допустили! Я, между прочим, из очень хорошей семьи...

— Позволь полюбопытствовать, — перебил ее Лайл, — как же ты при таком семействе... в результате оказалась здесь?

Клиент за столиком теперь полностью развернулся в нашу сторону и наблюдал за нами недобрым взглядом.

— У родителей возникли некоторые трудности с бизнесом. Проблемы с деньгами. А работать здесь вовсе не так плохо, как многие считают. Я сама себе хозяйка, радую людей, получаю удовольствие от того, что делаю. Многие ли могут сказать о своей работе то же самое? То, чем я занимаюсь, вовсе не означает, что я проститутка.

Не сдержавшись, я хмуро кивнула в сторону стоянки грузовиков.

— Ах это? — Крисси перешла на трагический шепот. — Я там сегодня просто должна была кое-что забрать. Я не занималась... о господи... Нет, конечно. Да, некоторые девушки промышляют этим, но я — ни под каким видом. Есть тут одна бедная девочка по имени Коллин, лет шестнадцати, она обслуживает водителей вместе с матерью. Я стараюсь за ней присматривать. Все думаю, что надо, наверное, позвонить в какую-нибудь службу, которая занимается несовершеннолетними. Кому в таких случаях обычно звонят?

В вопросе звучала озабоченность, которую проявляют, подыскивая нового гинеколога.

— Где живет твой отец?

Крисси встала (я, надо сказать, подхватила бы куда раньше).

— Я же сказала, что мы не общаемся.

Лайл начал что-то говорить, но я повернулась к нему, ткнула его пальцем в грудь и одними губами произнесла: «Заткнись». Он открыл рот, закрыл, глянул в сторону сцены, где девица теперь изображала секс с полом, и вышел из зала.

Было очень поздно, и Крисси стала говорить, что ей нужно успеть на какую-то там встречу. Когда я рассчитывалась с барменом, она попросила у меня двадцать долларов займа.

— Угощу Коллин ужином, — солгала она и тут же увеличила сумму до пятидесяти долларов. — А то я не успела снять деньги с карточки. Но я обязательно все тебе верну. — Для убедительности она протянула мне клочок бумаги и ручку и попросила записать адрес: она непременно перешлет по почте все деньги до последнего цента.

Мысленно отнеся эти деньги на счет Лайла, я отдала их Крисси, и она тут же при мне начала их пересчитывать, словно я могла ее обмануть. Она раскрыла сумку, и оттуда вывалилась детская чашка-поилка.

— Фиг с ней, — махнула она рукой, когда я нагнулась, чтобы ее поднять. Чашка так и осталась валяться на полу.

Я взяла засаленную бумажку и написала свой адрес и имя — «Либби Дэй». Я — Либби Дэй, лживая ты шлюха.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

13:50

Пэтти иногда задумывалась, сколько времени, если его сложить, они с сестрой провели за рулем? Тысячу часов? Две? Может, два года, если учесть все поездки (как, например, считают фирмы по изготовлению матрацев: треть жизни человек спит, так почему бы не поспать на нашей продукции — она сделает сон особенно сладким!). Говорят, восемь лет мы стоим в очередях. Шесть лет уходит на то, чтобы справлять малую нужду. До чего отвратительна жизнь, если взглянуть на нее с этой точки зрения! Два года перед кабинетом врача, и только три часа на то, чтобы смотреть, как за завтраком Дебби хохочет до тех пор, пока молоко не польется у нее по щекам. Две недели — чтобы давиться комковатыми блинами с сырой серединой, которые напекли для нее дочери. Всего час видишь, как Бен водружает на голову бейсболку, с поразительной точностью повторяя движения деда, а ведь дед умер, когда он был еще крохой. Шесть лет унавоживания земли в поле; три года неприятных звонков из налоговой службы. Наверное, месяц секса, — хорошо, если день такого, который доставил удовольствие. За всю свою жизнь она спала с тремя мужчинами. Первым стал милый и добрый одноклассник; потом Раннер — удалой парень, который отбил ее у милого и доброго одноклассника и оставил с четверьмя (замечательными!) детьми на руках; с третьим она несколько месяцев встречалась, после того как ушел Раннер. Трижды они спали, когда дома были дети, и каждый раз это заканчивалось ужасно глупо. Одиннадцатилетний Бен, в то время страшно ревнивый, с мрачным видом усаживался на кухне и бросал на них недобрые взгляды, когда утром они выходили из ее комнаты и она шла в ванную, с ужасом думая, что от нее несет мужским семенем, которое пахнет так резко и агрессивно. С самого начала было совершенно ясно, что этот ее роман обречен, заводить кого-то еще у нее пока не хватает храбрости. Может быть, когда-нибудь потом, через одиннадцать лет, когда Либби закончит школу. Ей будет сорок три года — возраст сексуального расцвета женщины. Или в сорок три наступает климакс?

— Едем в школу?

Вопрос Дианы вернул ее из минутного транса к жуткой

действительности и тому, что они должны сделать. Найти сына — а дальше что? Спрятать его, пока не пройдет буря? Отвезти в дом, где живет эта девочка, и все выяснить на месте? В фильмах мать семейства всегда ловит сына на краже, после чего отправляет обратно в магазин, где тот дрожащей ручонкой протягивает кассиру украденную конфету и жалобным голосом просит прощения. Она всегда знала, что Бен подворовывает какую-то мелочь. До того как он начал закрывать свою дверь на замок, она иногда натыкалась в его комнате на неожиданные предметы, которые помещаются в карман: свечу, батарейки, пакетик с пластмассовыми солдатиками, но, как это ни ужасно, ни разу ни слова ему об этом не сказала. Одна ее часть просто не хотела с этим связываться — тащиться куда-то в город и разговаривать в магазине с мальчишкой, который получает смешные деньги, и его эта кража совершенно не волнует. Другая же (и худшая) думала: а почему, черт побери, и нет! У мальчика так мало игрушек, так почему не сделать вид, что она посчитала это подарком приятеля? Пусть эта украденная мелочь у него остается — это такая малость во всеобщем обмане, который творится вокруг.

— Нет, в школу не поедем. Он работает только по воскресеньям.

— А куда?

Они подъехали к светофору, пристроившись в хвост очереди из машин, как перед прачечной. Если ехать прямо, дорога заканчивалась у самого пастбища жившей в соседнем штате Колорадо семьи, владевшей огромным земельным участком. Повернуть направо — и они двинутся в сторону самого Киннаки и школы. А если свернуть налево, то поедешь вглубь Канзаса, где, насколько хватает глаз, лежат земли фермеров. В этой стороне и живут двое друзей Бена, застенчивые ребята из «Будущих фермеров Америки», те самые, которые стесняются позвать его к телефону, когда трубку берет она.

— Давай налево — заедем к Мюллерам.

— Он продолжает с ними дружить? Это хорошо. Никому и в голову не придет заподозрить этих мальчишек...

— А Бена, стало быть, можно?

Диана со вздохом свернула налево:

— Я тебя полностью поддерживаю, Пи.

С самого рождения братья Мюллеры на Хеллоуин одевались в костюмы фермеров, родители отвозили их в Киннаки на одном и том же широкозадом грузовике, высаживали на Булхардт-авеню, и они в одежде и кепках с неизменным логотипом компании Джона Дира стучались в двери и, как полагается, предлагали взрослым откупиться конфетами, если они не

хотят, чтобы над ними подшутили. Братья, как и их родители, разговаривали исключительно о пшенице и погоде, по воскресеньям ходили в церковь, и молитвы у них, наверное, тоже были о богатом урожае. Мюллеры — хорошие люди, но без воображения и настолько привязаны к своей земле, что даже кожа у них бугрится и морщится, как земля Канзаса.

— Знаю. — Пэтти потянулась к сестре, чтобы положить ладонь на ее руку как раз в тот момент, когда Диана переключила передачу, — рука повисела над рукой сестры и вернулась на колено.

— Ах ты, придурок! — в сердцах бросила Диана в адрес водителя машины впереди, которая плелась, мешая им ехать быстрее, подтянула свою машину почти вплотную, резко крутанула руль и пролетела мимо.

Пэтти смотрела вперед, не поворачивая головы, но боковым зрением почувствовала на себе взгляд водителя. Кто он? Небось, слышал о том, что произошло? Может, поэтому и смотрит, а то и пальцем показывает? «Ага, вот она — женщина, которая вырастила того парня». Если Диана узнала вчера вечером, сколько же телефонов разрывалось сегодня утром! А дома три ее девочки, наверное, сидят перед телевизором и бегают к непрерывно звонящему телефону, который отрывает их от мультиков. Им велено брать трубку, потому что может позвонить Бен. Но они вряд ли будут следовать указаниям — им передан его утренний страх. Если кто-то вдруг приедет, то увидит, что в доме на полу в гостиной сидят три зареванные, перепуганные стуком в дверь, оставленные без присмотра девочки десяти лет и младше.

— Может, кому-то из нас надо было остаться дома... на всякий случай, — сказала Пэтти.

— Пока эта история не закончится, я тебя одну не пущу, а сама я не знаю, куда ехать. Мы всё сделали правильно. Мишель — большая девочка, я за тобой смотрела, когда мне было меньше, чем ей.

Да, но в то время люди могли себе позволить уйти в гости на весь вечер, оставив детей одних дома, и никому при этом и в голову ничего дурного не приходило. В пятидесятые и шестидесятые годы, когда в старых добрых прериях ничего такого никогда не случалось. А сейчас маленьким девочкам нельзя кататься на велосипеде в одиночку или идти куда-то в группе меньше трех человек. Однажды Пэтти присутствовала на вечеринке, которую устраивала одна из коллег Дианы, — с продажей пластиковых контейнеров, которые распространяют исключительно на подобных мероприятиях, только на этой вместо контейнеров, не содержащих химических соединений, продавали приправу из мускатного ореха и протестовали против изнасилований. Она еще тогда пошутила насчет того,

каким же надо быть кретином, чтобы тащиться в Киннаки кого-то насиловать, на что блондинка, с которой она там познакомилась, сказала: «Мою подругу однажды изнасиловали». Из чувства вины Пэтти тогда приобрела несколько баночек мускатного ореха.

— Меня считают плохой матерью. Так оно, наверное, и есть.

— Никто не считает тебя плохой матерью. Лично я считаю, что ты вообще супергероиня: содержишь ферму, ежедневно отправляешь в школу четверых детей и при этом капли в рот не берешь.

Пэтти тут же вспомнила об очень холодном утре две недели назад, когда от изнеможения она чуть не рыдала. Натянуть на себя одежду и отвезти девочек в школу показалось ей таким невозможным делом, что она оставила их дома, — они вчетвером целый день сидели перед телевизором, смотрели мыльные оперы и какую-то чушь. Бену пришлось ехать в школу на велосипеде, она закрывала за ним дверь, обещая, что обратится к администрации, чтобы в следующем году к ним заезжал школьный автобус.

— Нет, я плохая мать.

— Не говори глупости.

Дом Мюллеров стоял на приличном участке земли площадью не меньше четырехсот акров. Домик казался крошечным — ярко-желтое пятнышко на километры зелени озимых и снежной белизны. Ветер усилился, а по радио передали, что ночью ожидается обильный снегопад, после которого температура резко поднимется до весенней. Это обещание застряло у нее в голове: температура резко поднимется до весенней.

Они свернули с шоссе и поехали к дому по узкой негостеприимной дорожке мимо культиватора, который диковинным животным притаился в амбаре: его крючковатые лопасти отбрасывали на землю когтистую тень. Чтобы заполнить тишину, Диана громко покашляла, что она делала всегда, когда чувствовала себя не в своей тарелке. Они вышли из машины, не глядя друг на друга. На деревьях без умолку сварливо перекликались бдительные граклы. Один пролетел у них над головой, за птицей блестящей серебряной нитью плескалось на ветру рождественское украшение, которое она тащила в клюве. В остальном все вокруг было неподвижным — ни шума мотора, ни щелканья задвижки на заборе, ни звука телевизора внутри — тишина погребенной под снегом земли.

— Что-то я нигде не вижу велосипеда Бена, — только и сказала Диана, когда они постучались в дверь.

— Он мог оставить его за домом.

Дверь открыл Эд. Джим, Эд и Бен учились в одном классе, но братья

не были близнецами, один из них (кажется, Эд) однажды оставался на второй год. А может, и дважды. Несколько секунд он удивленно на нее смотрел — мальчишка невысокого роста, но атлетического сложения, — потом засунул руки в карманы и оглянулся.

— Здравствуйте, миссис Дэй.

— Здравствуй, Эд. Извини, что беспокою во время каникул.

— Ничего страшного.

— Я ищу Бена, он не у вас? Ты его не видел?

— Бе-е-на? — протяжно произнес он, словно эта мысль его заинтересовала. — Не-а, я его в этом году вижу только в школе. Он сейчас с другой компанией.

— С какой компанией? — спросила Диана, и Эд первый раз посмотрел на нее.

— Ну как ее...

Из глубины дома к ним двигался Джим — его силуэт вырисовывался на фоне кухонного окошка у него за спиной. Он выглядел неуклюжим и был больше и шире брата.

— Чем мы можем вам помочь, миссис Дэй?

Он подошел ближе и медленно оттеснил брата таким образом, что вместе они практически закрыли собой проход. Пэтти даже захотелось вытянуть шею и посмотреть, что там за ними находится.

— Я тут спрашивала Эда, не видели ли вы сегодня Бена, а он говорит, что в этом учебном году вы мало общаетесь.

— Мм, его у нас нет. Жаль, что вы не позвонили, а то столько времени потеряли.

— Нам очень нужно его найти, не знаете, где он может быть? Дела семейные, так сказать, — вмешалась Диана.

— Мм, нет, — снова сказал Джим. — К сожалению, тут мы вам ничем не поможем.

Эд уже успел отойти назад и теперь подал голос из тени гостиной.

— Пусть звонит в справочную и узнает, как связаться с дьяволом, — фыркнул он.

— Что?

— Ничего. — Джим смотрел на дверную ручку, словно размышляя, не пора ли закрыть дверь.

— Джим, помоги нам, пожалуйста, — бормотала Пэтти. — Пожалуйста.

Мальчишка нахмурился и постучал носком о пол, как балерина. Он упорно не поднимал глаз.

— Он сейчас в этой компании, которая общается с дьяволом.

— Что это значит?

— У них там главный один парень, не знаю, как его зовут. Он постарше нас. Наркотики у них там, кактусы с дурью — не знаю точно. А еще они убивают коров и других тварей. По крайней мере, я так слышал. Они все из другой школы, кроме Бена, конечно.

— Но может, ты все-таки кого-нибудь из них знаешь?

— Честное слово, не знаю, миссис Дэй. Мы не связываемся с этой фигней. Ничем не могу помочь, извините. Мы старались оставаться с Беном друзьями, но... Мы в церковь ходим, родители у нас строгие. Мм... честное слово, ничем не могу помочь.

Он уставился себе под ноги и замолчал. Пэтти не нашлась, о чем еще его спросить.

— Ладно, Джим, спасибо.

Он закрыл за ней дверь, но не успели они отойти, как услышали внутри злобный окрик:

— Ты, кретин, на фига было это говорить! — и тяжелый удар в стену.

Либби Дэй

Наши дни

Когда мы снова оказались в машине, Лайл произнес всего три слова: «Вот где кошмар». В ответ я только промычала нечто невразумительное. Крисси напомнила мне меня саму: алчная, беспокойная, что-то куда-то запихивающая про запас, на всякий случай. Взять хотя бы этот пакетик с чипсами. Нам, попрошайкам, нравится еда в небольших упаковках, потому что люди легче с ними расстаются.

Минут двадцать мы ехали почти молча. Наконец тоном телекомментатора, который подводит итог передачи, он сказал:

— Итак, совершенно очевидно, что она лжет: Бен ее не совращал и не растлевал. Отцу она тоже солгала. У Лу Кейтса после этого едет крыша, он убивает твою семью, а позже узнает, что дочь лгала. Значит, он ни за что ни про что уничтожил ни в чем не повинную семью. И что дальше? Распадается его собственная семья. Лу начинает пить.

— И что дальше? — передразнила его я.

— Версия убедительная, не находишь?

— Я нахожу, что тебе больше не следует со мной ездить. Ты создаешь лишние проблемы.

— Либби, я же обеспечиваю финансовую сторону дела.

— Да, но самому делу только мешаешь.

— Прости, — сказал он, и мы снова замолчали. Когда вдалеке показался кусок неба тошнотворно-оранжевого цвета от огней Канзас-Сити, Лайл снова произнес, не глядя в мою сторону: — И все-таки это убедительная версия.

— Вокруг столько версий, поэтому тайна остается нераскрытой! — снова передразнила я. — Кто убил Дзев? Величайшая тайна всех времен! — провозгласила я бодрым голосом, потом неохотно добавила: — Версия как версия, но Раннера тоже нельзя сбрасывать со счетов.

— Согласен, хотя лично я продолжу заниматься Лу Кейтсом.

— Флаг тебе в руки!

Я высадила его «У Сары», не предложив подбросить до дому. В зеркале заднего вида я наблюдала, как он стоит на тротуаре, похожий на ребенка, ошеломленного тем, что родители сумели-таки оставить его в летнем лагере. Домой я добралась поздно, в паршивом настроении, и стала

нетерпеливо пересчитывать деньги. Пока Клуб заплатил тысячу долларов, еще пятьсот Лайл задолжал за разговор с Крисси, хотя Крисси, очевидно, поговорила бы с кем угодно. В глубине души я, однако, понимала, что это не так: со мной она разговаривала, потому что у нас много общего — стыд, озлобленность, жадность. Неоправданная ностальгия.

Деньги заработаны честно, подумала я, ощущая внутри какую-то сердитую горечь. Лайл, похоже, ничего не имеет против того, чтобы мне платить, так в чем же дело? Я начала вести с собой спор, нападала на себя, защищалась. И злилась на то, что еще не произошло. Пока не произошло.

Нет, деньги действительно заработаны честно. Я немного успокоилась. Если объявится Раннер и я с ним поговорю, то заработаю еще больше и обеспечу себя минимум месяца на четыре. Если, конечно, буду жить скромно.

Нет, пожалуй, на все пять — дома выяснилось, что Лайл уже успел оставить на автоответчике сообщение: кто-то там из его Клуба Сумасшедших хочет, чтобы я поделилась чем-нибудь «памятным» из вещей моей семьи. Если предложение меня заинтересует, то встреча состоится дома у Магды. У той самой Магды — пещерного тролля, которая на снимке пририсовала мне рога. «О да, Магда, с удовольствием приду к тебе в гости, кстати, где там у тебя серебро?»

Я отключила автоответчик. Его я стырила у девицы, с которой жила в одной комнате два переезда тому назад. Снова вспомнилась Крисси. Наверняка у нее дома тоже полно краденого барахла. У меня имеется чужой автоответчик, почти полный набор столового серебра, который я умыкнула в каком-то ресторане, и с полдюжины наборов солонки и перечницы, включая последний — из «Тима Кларка», от которого я была не в силах отказаться. В углу гостиной у старого телевизора стоит целая коробка с сотней, а то и больше, украденных в разное время бутылочек с кремами и лосьонами. Мне нравится смотреть на них — вот так, когда они все в одной коробке: розовые, фиолетовые, зеленые. Знаю, любому, кто ко мне придет, это покажется бредом, но ко мне никто не ходит, а мне они слишком дороги, чтобы их выбрасывать. У мамы кожа на руках была всегда сухая и грубая, она все время смазывала руки, только без толку. Мы любили ее дразнить: «Ой, мам, не дотрагивайся до меня — у тебя кожа как у крокодила!» В туалетной комнате церкви, куда мы ходили к службе, всегда стоял крем для рук с запахом роз. Мы просто его обожали, а потом по очереди нюхали друг у друга руки и говорили, что кожа пахнет замечательно, как у настоящих дам.

От Дианы ни звука. Без сомнения, она уже прослушала автоответчик,

но не перезвонила. Как странно, ведь Диана всегда вела себя так, что мне было несложно перед ней извиняться. Даже после прошедших шести лет молчания. Определенно, следовало подарить ей злополучную книгу с автографом.

Я оглянулась на гору коробок под лестницей. Бывало, чем больше я позволяла себе думать об убийствах, тем более зловещей казалась эта гора. Но это всего лишь вещи, начала я себя убеждать. Они не причинят тебе боли.

В четырнадцать лет я очень много думала о самоубийстве. Сейчас это, пожалуй, хобби, а тогда это было не иначе как родом занятий. Как-то сентябрьским утром в самом начале учебного года я взяла в руки Дианин револьвер и несколько часов держала его на коленях, как ребенка. Так хотелось поддаться искушению и одним выстрелом снести себе башку с плеч, сдуть, как созревший одуванчик, и разом избавиться от злобной сущности внутри. Но я вспомнила о Диане и представила, как она придет домой и увидит мое тщедушное тельце и окровавленную стену, — и не смогла этого сделать. Неужели я и вела с ней себя столь отвратительно, потому что из-за нее не могла получить то, чего больше всего хотела? Ну не могла я поступить с ней подобным образом, поэтому в тот раз заключила с собой договор: застрелюсь, если буду чувствовать ту же черноту внутри первого февраля. Первого февраля все было так же гнусно, но я снова пошла на сделку: покончу с собой, если так же мерзко будет на душе первого мая. И так продолжалось очень долго. Что ж, я до сих пор жива.

Взглянув на коробки под лестницей, я заключила с собой менее кровавую сделку: если через двадцать минут не выдержу, сломаюсь, то сожгу всю эту кучу, к чертовой матери.

Первая коробка открылась легко, едва я потянула за бечевку. Сразу под крышкой лежала мамина футболка, мягкая-мягкая и вся в следах от жирных пятен.

Прошло восемнадцать минут.

Под футболкой оказалась перехваченная тонкой резинкой стопка тетрадок Дебби. Я полистала их наугад:

«Гарри С. Трумэн, 33-й президент Америки, был родом из штата Миссури.

Сердце — это насос, он непрерывно качает кровь, которая обращается по всему организму».

Под тетрадками куча записок: от Мишель мне, от меня Дебби, от

Дебби — Мишель. Внимательно их рассматривая, я наткнулась на поздравительную открытку с днем рождения с аппетитными шариками мороженого в высоком стеклянном бокале, увенчанными вишней с блестками.

Дорогая Дебби, — было написано маминым почерком с лепившимися друг к другу мелкими буквами, — как же нам повезло, что в нашей семье есть такая чудесная, добрая и заботливая девочка. Ты моя сладенькая вишенка! Мама.

Она никогда не писала «мамочка», вдруг вспомнила я, да и мы всегда говорили: «хочу к маме», а не «хочу к мамочке», даже в самом раннем детстве. Я почувствовала, как внутри что-то вдруг ослабло, слегка отпустило, нечто доселе завязанное тугим узлом. Прошло еще четырнадцать минут.

Я продолжала ковыряться в записках, откладывая для Клуба скучные и бессодержательные; вспоминала сестер, грустила, смеялась над некоторыми нашими письменами, над дурацкими мыслями, которые нас тогда занимали, над нашими детскими шифровками, неумелыми рисунками, списками людей, которые нам нравились и не нравились. Я ведь совершенно забыла, какими близкими мы были, какими дружными сестрами. В то время я бы вряд ли такое сказала, но сейчас, изучая написанное много лет назад, как антрополог, которому больше нечем в жизни заняться, я понимала, что это было именно так.

Еще одиннадцать минут. Перехваченная бечевкой стопка дневников Мишель. Каждое Рождество ей дарили по две тетрадки: ей нужно было в два раза больше, чем любой другой девочке ее возраста. Она всегда тут же под елкой начинала новый дневник, тщательно фиксируя полученные каждой из нас подарки.

Я наугад раскрыла один из ее дневников 1983 года. До чего же она даже в девять лет была жуткой любительницей совать нос в чужие дела! В начале дня она пишет, что слышала, как в учительской ее любимая учительница мисс Бердалл говорит по телефону неприличные слова про секс какому-то мужчине — а ведь она не замужем! И Мишель спрашивает у дорогого дневника, а не сказать ли об этом мисс Бердалл, тогда та, быть может, угостит ее на обед чем-нибудь вкусненьким. (Судя по всему, мисс Бердалл когда-то поделилась с Мишель половинкой булочки с джемом, что и заставляло сестру уделять особое внимание и ей, и ее коричневым бумажным пакетам с едой. Если долго смотреть на учительницу, можно

рассчитывать на половинку бутерброда или кусочек яблока. Жаль, что нельзя делать это слишком часто, а то маме посылают записку и мама плачет.) Дневники Мишель наполнены описаниями ярких событий и намеками, заполняющими жизнь типичной ученицы начальной школы. На перемене мистер Макнейни курил в коридоре прямо у входа в раздевалку мальчиков, а потом, чтобы никто не догадался, воспользовался аэрозолем, освежающим дыхание (три последних слова подчеркнуты несколько раз). Миссис Джоукеп из церкви пила в своей машине... а когда Мишель спросила, не болеет ли та гриппом, иначе почему же она пьет из такой бутылки, миссис Джоукеп рассмеялась и дала Мишель двадцать долларов на печенье для девочек-скаутов, хотя Мишель не входит в эту организацию.

Черт возьми, она даже обо мне написала. Оказывается, она знала, что я соврала маме о том, что не толкала Джессику О'Доннелл. Я тогда поставила девчонке синяк под глазом, но поклялась, что она упала с качелей. «Либби мне рассказала, что соврать ее заставил дьявол, — писала Мишель. — Как ты думаешь, Дневник, я должна рассказать об этом маме?»

Я закрыла тетрадку, просмотрела дневники за 1982 и 1984 годы. Дневник второй половины 1984-го я читала особенно внимательно: вдруг Мишель написала что-нибудь важное о Бене. Нет, как оказалось. Если не считать нескольких упоминаний о том, что он настоящий придурок и никто его не любит. Интересно, у копов сложилось о нем такое же впечатление? Я представила, как какой-нибудь новичок, поглощая «доширак», читает среди ночи о том, что у лучшей подружки Мишель начались месячные.

Еще девять минут. Снова поздравительные открытки с днем рождения и письма. И вдруг из этой кучи я выудила записку, сложенную куда искуснее всех остальных, оригами почти фаллической формы, что, наверное, было сделано неспроста, поскольку вверху красовалось слово «ФАЛЛОС». Внутри я прочла написанное круглым девчачьим почерком:

5 ноября 1984 года

Мой обожаемый Фаллос!

Сажу на биологии и так тебя хочу, что под партой щекочу себя пальцем. Представляешь, где сейчас мой пальчик? Девочка еще не остыла после того, как ты в ней побывал. Она по-прежнему хороша. Давай после школы ко мне, лады? Я прямо готова не слезать с тебя часами!!! Ну почему ты не живешь у меня, когда мои родители уезжают! Твоя мать и не узнала бы, она ведь чокнутая. Зачем тащиться домой, если можно остаться у меня? Наберись же смелости и пошли ее к чертям собачьим. А то

однажды явишься ко мне, а я с другим. Как же хочется кончить!
Встретимся после школы. Моя машина припаркована на улице
Пасселя.

Пока-а!

Диондра

Да нет же, не было у Бена никакой подружки! Ни о какой такой подружке ни разу не упоминал ни один человек, включая самого Бена. Имя было совершенно незнакомое. На дне коробки лежала стопка школьных фотоальбомов по годам начиная с 1975-го, когда Бен пошел в школу, вплоть до 1990-го, когда Диана в первый раз отослала меня к другим родственникам.

Я открыла альбом за 1984/85 учебный год: среди одноклассников Бена никакой Диондры, но при взгляде на его фотографию сжалось сердце: волосы, коротко подстриженные впереди и по бокам, длинные сзади; острые плечи; строгая рубашка, которую он всегда носил по особым случаям. Я вспомнила, как он надевает ее в день, когда класс должны фотографировать, и тренируется перед зеркалом, как будет улыбаться в объектив. В сентябре 1984-го он еще ходил в купленных мамой рубашках, а к январю превратился в озлобленного пацана с выкрашенными в черный цвет волосами, которого обвиняют в убийстве. Я посмотрела на лица и подписи под снимками класса старше на год, вздрагивая, когда натыкалась на Диан и Дин, но Диондры среди них тоже не было. Потом еще на класс старше и уже приготовилась оставить эту затею, когда вдруг увидела ее — Диондру Верцнер. Жуткое имя, я ожидала увидеть этакую будущую буфетчицу, грубое и вульгарное существо, но на меня смотрела симпатичная круглощекая девочка с копной темных кудряшек. У нее были мелкие черты лица, которые она еще сильнее подчеркивала густым макияжем, но даже на фотографии она чем-то выделялась из всех девчонок. Каким-то бесстрашием и дерзостью во взгляде глубоко посаженных глаз, что ли. Слегка приоткрытые губы обнажали остренькие, как у волчонка, зубки.

Я вытащила альбом за предыдущий год, но там ее не было. Не оказалось ее и в альбоме за следующий учебный год.

Бен Дэй

2 января 1985 года

15:10

В кабине воняло смесью травы, нестираных носков и сладкого фруктового сидра — его, наверное, пролила Диондра (она доводила себя до невменяемого состояния, не выпуская из рук бутылку: пила до тех пор, пока не вырубалась, а бутылка в руке — так, на всякий случай, вдруг не хватит). Какой только фигни здесь не было: валялись и упаковки от давно съеденных гамбургеров, и рыболовные крючки, и старый номер «Пентхауса», а еще прямо под ногами у Бена оказался открытый деревянный ящик с коробками мексиканских прыгающих бобов — на каждой красовался подпрыгивающий боб в сомбреро.

— Попробовать не желаешь? — спросил Трей, ткнув в них пальцем.

— Вообще-то нет. Там, кажется, какие-то жучки?

— Да, настоящие личинки, живые, — сказал Трей и рассмеялся своим отрывистым смехом, больше напоминавшим звук отбойного молотка.

— Нет уж, благодарю. Очень остроумно.

— Да ладно тебе, я ведь шучу, расслабься, чувак!

Они остановились у какого-то магазинчика, Трей приветственно помахал парню-мексиканцу за прилавком, нагрузил Бена упаковкой с банками пива, сказав: «Вот тебе твои бобы», замороженными начосами, любимой едой Диондры, а сам, как букет, взял полоски вяленого по-индейски мяса.

Продавец улыбнулся Трею и издал боевое улюлюканье индейцев, на что Трей, приложив руку к груди, галантно расшаркался:

— Ты мне просто позвони, Хосе.

Хосе ничего не сказал, Трей оставил ему сдачу бакса на три, не меньше. Весь остальной путь к Диондре Бен не переставал об этом думать. О том, что больше всего в этом мире людей таких, как Трей, которые легко расстаются с тремя долларами. И как Диондра. Однажды в конце сентября ей пришлось остаться с двумя детишками не то родной, не то двоюродной тетки; стояла жара, и они с Беном отвезли их в аквапарк недалеко от границы с Небраской. Диондра сидела за рулем «мустанга» своей матери (ей тогда до чертиков надоела собственная машина). Заднее сиденье было завалено взятыми с собой предметами, приобретать которые Бену и в

голову бы не пришло: там были три вида крема то ли для, то ли против загара, пляжные полотенца, бутылки с прыскалками, надувные матрацы и круги, пляжные мячи, пластиковые ведерки. Детишки были маленькие, лет шести-семи, их втиснули на заднее сиденье между всей этой фигней, и при малейшем их движении матрацы издавали пукающие звуки, а где-то на подъезде к Лебанону дети со смехом пробрались к окошку — матрацы заскрипели еще активнее, будто в бешеном акте пластмассового спаривания достигли оргазма. Бен оглянулся и понял, что так веселит ребятишек. Из всех щелей и складок на полу они сгребали сдачу, которую после посещения магазинов всегда разбрасывает Диондра, швыряли из открытого окна и смотрели, как монетки искрами осыпаются за машиной. Это были уже не центы, а четвертаки — монеты в двадцать пять центов.

Получается, разница между людьми вовсе не в том, что одни обожают собак, другие — кошек, одни готовы не отрываясь смотреть детективные сериалы, другие — вестерны, а в том, имеют ли для них значение двадцатипятицентовые монеты. Для него четыре такие монетки означают доллар. Аккуратная горка — обед. Мелочь, которую эти маленькие говнюки выбросили в тот день из окна автомобиля, для него составила бы половину стоимости новых джинсов. Он все время просил детей прекратить хулиганить, говорил, что так вести себя опасно, противозаконно, что их всех сейчас оштрафуют, просил сидеть спокойно и не вертеться во время движения. Но они только смеялись, а Диондра зло бросила через плечо: «Из-за вас Бен не получит сегодня недельное содержание». И он понял, что разоблачен. Он-то полагал, что все шито-крыто, но Диондра, оказывается, в курсе, что он собирает за ней монетки. Он тогда почувствовал себя девочкой, у которой ветер задрал подол платья. И что же можно сказать о девчонке, которая знает, что ее парень рыщет у нее в машине в поисках мелочи, но не подает вида? Что она поступает хорошо? Или отвратительно?

На огромной скорости они подкатали к дому Диондры — гигантской бежевого цвета коробке, окруженной сеткой-рабицей, чтобы питбули ненароком не загрызли почтальона. У Диондры было три таких пса, один — белая груда сплошных мышц с огромными яйцами и бешеными глазами. Бену он не нравился больше всех. Когда родители отсутствовали, она разрешала им бегать по дому, они запрыгивали на столы и гадили на полу, где придется. Диондра за ними не убирала — она поливала изгаженный ковер освежителем воздуха. Когда-то красивого голубого цвета, ковер в гостиной превратился в минное поле, утыканное собачьим дерьмом, а его нынешний цвет Диондра называла фиолет с налетом. Бен старался никак на

это не реагировать. Его это не касается, о чем она, кстати, неоднократно ему напоминала.

Стоял мороз, но дверь черного хода была нараспашку, и собаки то вбегали в дом, то на бешеной скорости снова выскакивали на улицу, как в детской считалке: один, второй — и вот их трое. Лихая тройка нарезала десяток кругов по двору, а потом снова пулей неслась в дом, на бегу повизгивая и покусывая друг друга.

— До чего же я ненавижу этих мерзких псов, — вздохнул Трей и нажал на тормоз.

— Она им все позволяет.

Собаки разразились истошным лаем и, пока Бен и Трей шли к главному входу в дом, с маниакальным упорством бежали за ними вдоль забора, ни на секунду не затыкаясь и время от времени просовывая морды в дырки в заборе.

Передняя дверь тоже оказалась настежь — тепло волнами покидало дом. Они прошли через оклеенную розовыми обоями прихожую (Бен не устоял и прикрыл за собой дверь с улицы, чтобы зря не расходовать энергию) и спустились на этаж Диондры. Она танцевала в своей гостиной, без штанов, в носках сочного розового цвета и свитере, в который можно было засунуть еще одного человека. Правда, сейчас все девчонки в школе носят рубашки, которые им велики. Это у них называется «рубашка моего парня» или «папин свитер». Диондра, конечно, носит то, что ей супервелико, да еще надевает вниз кучу другой одежды: длинную футболку, потом какой-нибудь жилет или майку. Как-то раз Бен предложил ей взять один из его больших черных свитеров, который она могла бы надеть как свитер своего парня (раз она его девушка), но она, наморщив носик, заявила: «Этот не подходит. К тому же в нем дырка». Как будто дырка в свитере или рубашке хуже собачьего дерьма по всему ковру. Может, Диондре известны какие-то особенные, не известные ему правила поведения, или она попросту им манипулирует — этого Бен точно определить не мог.

С зажженной сигаретой в руках, но на безопасном от новой одежды расстоянии, она скакала под музыку австралийской рок-группы «Эй-Си/Ди-Си», а за ней в камине плясало пламя. Она прикупила себе дюжину новых вещей — они валялись кругом в яркой огненной упаковке или уже висели на вешалке. А еще он увидел пару коробок с новой обувью и крохотные коробочки — это, он знал, драгоценности. Завидев его черные волосы, она расцвела в улыбке и подняла вверх оба больших пальца на руках: «Обалдеть!» — и ему тут же стало немного лучше; он перестал чувствовать

себя круглым идиотом.

— Говорила же я, Бен, что тебе пойдет.

— Что ты там накупила, Дио? — спросил Трей, роясь в пакетах. Он прикурил от ее сигареты, которую она продолжала держать в руках, а она ведь без штанов. Она поймала взгляд Бена, задрала свитер, под которым оказались мужские семейные трусы (тоже, между прочим, не его).

— Ну ты чего, ду-у-у-рик!

Она подошла к нему, чтобы поцеловать. Смесь исходившего от нее запаха грейпфрутового лака для волос и сигарет ударила в нос, но подействовала на него успокаивающе. Он нежно ее приобнял — он теперь всегда так поступал, — но, когда почувствовал, что ее язык требовательно уперся в его, дернулся.

— Господи, да прекрати ты свои сантименты и телячьи нежности, давай сразу к делу! — зло бросила она. — Или я для тебя старовата?

— Тебе всего семнадцать, — засмеялся Бен.

— Если бы ты знал то, что знаю я! — Ее голос теперь звенел, она распалялась все больше.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что на твой вкус семнадцать не фонтан — тебе помоложе подавай.

Бен растерялся. Когда Диондра в таком настроении и что-то скрывает, у нее трудно узнать, в чем дело, потому что это обычно заканчивается бесконечными: «Нет-нет, ничего», или «Потом скажу», или «Не бойсь, сама разберусь». Она тряхнула головой, волосы упали на лицо — и продолжила танец, выхватив банку с пивом из-за коробки с обувью. Ее шею покрывали фиолетовые подтеки от засосов, которые он оставил там в воскресенье. Он впивался в кожу, как Дракула, а она требовала, чтобы он делал это еще и еще: «Сильнее, сильнее! А то не останется следов. Не сжимай губы, язык не нужен. Сильнее! Давай! Неужели ты до сих пор не научился ставить засосы!» — и, с остервенением схватив его за волосы, рывком повернула его голову набок и принялась за шею, в бешеном ритме то захватывая плоть, то отпуская. «Вот так! — и заставила его посмотреть в зеркало. — А теперь сделай то же самое».

И вот теперь, как следы от пиявок, эти фиолетовые с коричневыми разводами пятна вызывают в нем чувство неловкости и смущения. Он вдруг заметил, что Трей тоже на них смотрит.

— Ой, миленький мой, ой, у тебя кровь, — наконец заметив его рану, запричитала, засюсюкала она, лизнула палец и начала вытирать кровь. — Тебя кто-то обидел?

— Наш малыш упал с велика, — заухмылялся Трей.

Бен ему этого не говорил и страшно разозлился на Трея за то, что тот его не просто подначивает, а фактически выдает то, что на самом деле случилось.

— Отцепись ты, блин!

— Ой-ой-ой, — захныкал Трей, поднимая обе руки вверх.

— Нас кто-то толкнул? Кто-то нас хотел обидеть? — продолжала хлопотать над ним Диондра.

— Ты Бену что-нибудь прикупила? А то он еще месяц будет ходить в этих отстойных рабочих штанах.

— А то!

Она улыбнулась во весь рот, тут же позабыв о его ране, забота о которой, как он надеялся, займет куда больше времени, метнулась к огромной красной сумке и выудила оттуда сначала черные кожаные штаны, толстые, как коровья шкура, потом полосатую футболку и черную джинсовую куртку, поблескивавшую металлическими заклепками.

— О-па! Кожаные штаны! Уж не вообразила ли ты, что кадришься с Дэвидом Роттом?

— Ему будет классно. Поди примерь. — Когда Бен попытался притянуть ее к себе, она презрительно хмыкнула: — Ты о душе когда-нибудь слыхал? От тебя несет столовкой. — Она сунула ему в руки одежду, подтолкнула его в сторону ванной и крикнула вдогонку: — Между прочим, это подарок. Может, все-таки поблагодаришь?

— Спасибо! — отозвался он.

— Только, ради бога, сначала встань под душ, а уж потом надевай.

Значит, она не шутила — от него действительно воняет. Сам он это, конечно, чувствовал, но надеялся, что другие не замечают. У нее собственная ванная комната напротив спальни, у родителей — своя, огромная, с двумя раковинами. Он снял с себя грязную одежду и бросил ее в кучу тряпья на ярко-розовом коврике. Джинсы так и не высохли, член скукожился и был каким-то влажным. Душ оказался очень кстати — он помог немного снять напряжение. В этом душе они с Диондрой много раз занимались сексом в теплой мыльной пене. Здесь всегда есть мыло, и не нужно мыться детским шампунем только потому, что мать, блин, никак не доедет до магазина.

Он вытерся и снова надел длинные семейные трусы — эти ему тоже когда-то купила Диондра (когда они впервые разделись в присутствии друг друга, она так хохотала над его белыми плавками в обтяжку, что подавилась собственной слюной). Он начал записывать трусы в тугую кожу — сплошь

в застёжках, крючках и молниях — и одновременно, извиваясь и крутясь, натягивал её на задницу — по словам Диондры, лучшее, что в нём есть. С трусами была настоящая беда — они задрались до талии, отчего под штанами в самых неподходящих местах образовались волдыри. Он сорвал с себя штаны, снял трусы и бросил их в ту же кучу поверх своих старых джинсов. Страшно злило, что Трей и Диондра шепчутся и хихикают в соседней комнате. В конце концов уже без трусов он снова влез в штаны — они тут же облепили его, как костюм для подводного плавания. Круто, но очень жарко — задница, по крайней мере, вспотела сразу.

— Показывайся! И пройдишь-ка перед нами, милый, — крикнула Диондра.

Он надел футболку и вошел в её спальню, чтобы оглядеть себя в зеркале. С плакатов и афиш на стенах и даже на потолке прямо над её кроватью на него взирали её обожаемые металлисты с копнами торчащих в разные стороны волос, в косухах, перепоясанные ремнями в заклепках и шипах, как у роботов-пришельцев. Ему показалось, что он неплохо смотрится: то, что надо. В самый раз. Когда он вернулся в гостиную, Диондра, взвизгнув, бросилась ему на шею:

— Я не ошиблась! Я так и знала! Ты настоящий мачо, мой Фаллос. — Она откинула с его лба густые, достававшие уже до подбородка волосы. — Нужно их ещё немного отрастить, но в остальном — просто супер!

Бен взглянул на Трея, но тот пожал плечами:

— Нечего на меня пялиться, я с тобой трахаться не собираюсь.

На полу высилась горка мусора — пустые упаковки от привезенной еды.

— Вы все съели? — спросил Бен.

— Теперь, Трей, твоя очередь устраивать показ мод, — объявила Диондра, вытаскивая руку из волос Бена.

Трей взял утыканную металлическими заклепками рубашку, которую Диондра купила ему (Бен никак не мог взять в толк, почему Трею тоже что-то перепадает), и отправился в ванную переодеваться. Сначала все было тихо, потом из коридора послышался звук открываемого пива и раздался истеричный, прямо до слез, до колик в животе, смех.

— Диондра! Скорей сюда!

Она бросилась на голос, уже смеясь по дороге, а Бен так и остался стоять столбом и потеть в новых тесных штанах. А тут и Диондра зашла от смеха, после чего они оба появились в проеме, безудержно веселясь. Трей шел с его трусами в руках.

— Чувак, ты влез в этот презерватив голым?! — выдохнул Трей между

приступами хохота, дико вытаращив глаза. — А тебе известно, сколько голых задниц побывало в них до тебя? С десятков, не меньше! И у всех там потели яйца — теперь и твои в том же поту. А задницей ты упираешься ровно в то место, куда упиралась чужая задница, которую плохо подтирали.

Они снова захохотали, а Диондра еще и заохала: «Ах, бедный-бедный Бен!»

— Мне кажется, Диондра, кое-кто тоже плохо подтирал задницу, и в этих трусах тоже имеются следы, — сказал Трей, заглядывая в трусы в своих руках. — С этим надо что-то делать, женщина!

Диондра подцепила трусы двумя пальцами, подошла к камину и швырнула в огонь. Материал скукожился, но не загорелся.

— Даже в огне не горят, — прохрипел Трей. — Из чего они, Бен? Из полиэстера?

С этими словами Трей шлепнулся на диван, где, все еще смеясь, свернулась Диондра, и положил голову ей прямо на ляжки. Она хохотала, закрыв лицо руками, затем, все еще полулежа, взглянула на него одним глазом, словно оценивая. Он уже был готов вернуться в ванную, чтобы снова переодеться в свою одежду, но она вскочила и схватила его за руку:

— Ну, Бен, ну, миленький, не злись! Ты так классно смотришься, честное слово! Плевать на нас — не обращай внимания!

Они правда классные, дружище. Подумаешь, приходится тушить яйца в чужих выделениях! Может, это в аккурат то, что тебе нужно, а?

Трей снова начал ржать, но Диондра на этот раз его не поддержала, поэтому он уже молча ретировался к холодильнику и извлек оттуда еще одно пиво. Он так и не надел новую рубашу, кажется, ему очень нравилось ходить с обнаженным торсом: везде у него бугрились мускулы, на груди в окружении черной поросли темнели соски размером с пятидесятицентовые монеты, от пупка вниз сбегала, исчезая под джинсами, дорожка коротеньких волосков — Бену такую иметь не суждено. Бену, светлокожему, узкокостному и рыжеволосому, так не выглядеть никогда — ни через пять лет, ни через десять. Он посмотрел на Трея, решив, что сейчас выдержит его взгляд, но понимал, что это неудачная затея.

— Ну же, Бен, не дуйся! Давай не будем ссориться, — сказала Диондра и потащила его к себе на диван. — После тех гадостей, которые я о тебе сегодня наслушалась, злиться и обижаться должен не ты, а я.

— Да? Что все это значит? Опять ты говоришь загадками. У меня сегодня был тяжелый день, просто отвратительный. И настроение у меня хреновое.

Вечно она так: сначала доведет до белого каления подначками и

насмешками, а потом — раз! — и: «Ну чего ты сердишься!»

— Ну-у-у, — зашептала она ему в ухо. — Зачем нам ссориться! Мы же вместе, мы рядом. Пойдем в спальню и все уладим.

Она дышала пивом, а пальцы с длинными ногтями задержались у него между ног. Он возбудился.

— Но здесь же Трей.

— Ну и что! Ему по фигу, — сказала она, а потом громче: — Трей, посмотришь какой-нибудь фильмец без нас?

Трей издал мычание, даже не глянув в их сторону, с размаху плюхнулся на диван, выплеснув фонтан пива.

Настроение у Бена было мерзкое, что Диондру в нем, кажется, вполне устраивало. Захотелось отыметь ее так, чтобы она взвыла, поэтому, когда они закрыли за собой дверь (тонкую фанерную дверь, через которую все слышно, — ну и плевать!), Бен попытался ее схватить, но она обернулась и широким резким взмахом провела ногтями по лицу, сильно, до крови.

— Какого черта, Диондра!

У него на лице теперь еще одна рана, но он не возражал. Эти его пухлые детские щеки заслуживают того, чтобы их исполосовать. Диондра отступила на секунду, приоткрыв рот, а потом рванула его на себя, и они оба свалились на кровать, как две ожившие мягкие игрушки, готовые друг друга уничтожить. Она снова полоснула его ногтями, на этот раз по шее, он озверел (как говорится, так, что в глазах потемнело), она помогла ему высвободиться из штанов, сдирая их с него как обгоревшую на солнце кожу, член выпрыгнул и, как всегда, встал металлическим стержнем. Он сорвал с нее свитер — обнажилась огромная голубовато-молочная грудь, — а потом и трусы, и остановился, уставившись на живот. Она тут же развернулась к нему спиной, показала, куда вводить в этом положении, и завопила: «И это все?! Все, что у тебя для меня есть?! Давай же еще! Сильнее, сильнее!» Он задвигался быстро и методично, до боли в яичках, до ослепления, а когда все было кончено, повалился навзничь, думая, что вот сейчас откажет сердце. Он судорожно хватал ртом воздух, одновременно пытаясь справиться с депрессией, которая всегда наваливалась на него после секса: «Вот и все? А дальше-то что?»

У него на счету двадцать два траха — он вел учет, — и все с Диондрой. Если верить телику, то мужчины после этого мирно засыпают. Он не заснул ни разу. Наоборот, становился возбужденным, как после чрезмерной дозы кофеина, и злобным. А разве секс не должен остужать пыл, умиротворять, снимать напряг? Что ж, сам процесс был хорош, момент оргазма — тоже, но потом минут десять хотелось плакать. Он мысленно задавал себе

вопрос: и это все? Величайшее чудо на свете, ради которого мужики друг друга убивают, заканчивается в течение нескольких минут, оставляя страшную пустоту внутри! Он не понимал, нравится ли это Диондре, кончает она или нет. Она стонала и кричала, но никогда после этого не выглядела счастливой. Сейчас она лежала рядом, не касаясь его, с возвышающимся над ней холмиком животом, и, казалось, вообще не дышала.

— Сегодня в торговом центре я столкнулась с девчонками, — заговорила она. — Говорят, ты в школе трахаешь девочек из начальной школы. Им лет по десять, что ли.

— Что за ерунду ты болтаешь? — сказал Бен, еще не полностью отрешившись от грустных мыслей.

— Ты знаком с малышкой по имени Крисси Кейтс?

Бен едва подавил желание сорваться с места. Он завел одну руку за голову, потом снова вытянул вдоль тела, потом положил на грудь.

— Ну... знаю. Она занимается в кружке рисования, а я им помогаю после занятий.

— Ты не рассказывал мне ни о каком таком кружке.

— Да не о чем здесь рассказывать. Это и было-то всего несколько раз.

— Несколько раз было что?

— На занятиях я у них был. Я там детишкам помогал. Меня об этом попросила одна из моих прежних учительниц.

— Говорят, тобой интересуется полиция. Потому что с этими девочками, которым лет почти столько же, сколько твоим сестрам, ты вытворяешь что-то ужасное. Хватаешь их за интимные места. Тебя называют извращенцем.

Он сел, перед глазами возникли парни из школьной баскетбольной команды — они закрывают его в чулане, издеваются над ним, смеются над черными волосами, пока им не надоедает это занятие и они не уезжают на своих здоровенных машинах прочь.

— Ты тоже считаешь меня извращенцем?

— Не знаю.

— Не знаешь?! Если ты считаешь, что я могу им быть, зачем ты тогда затащила меня сейчас в постель?

— Хотела посмотреть, получится ли у тебя со мной, как раньше. Способен ли ты кончать несколько раз подряд. — Она повернулась на другой бок и подтянула ноги к груди.

— Но ведь это ужасно, Диондра. — (Она молчала.) — Клянусь, я ничего плохого ни с кем не делал. С тех пор как мы начали встречаться, я

ни с кем, кроме тебя, дела не имею. Я люблю тебя. И ни с какими маленькими девочками заниматься сексом не хочу. Слышишь? — (Снова молчание.) — Ты меня слышишь?

Диондра повернулась к нему частью лица и уставилась на него одним глазом, не выражавшим никаких чувств:

— Тсс. Ребенок толкается.

Либби Дэй

Наши дни

По дороге к Магде Лайл хранил напряженное молчание. Наверное, оценивал меня. Меня и кучку бумаг, которые я собиралась продать. Ничего из того, с чем я решилась расстаться, особого интереса не представляло: пять поздравительных открыток, которые мама на несколько дней рождения подарила Мишель и Дебби, с бодрыми строчками внизу, а еще у меня была с собой поздравительная открытка от мамы Бену, которая, по моим предположениям, могла принести приличные деньги. (Все равно я чувствовала себя не просто виноватой, а ужасно виноватой. Но панический страх остаться без денег пересилил чувство вины.) На открытке по случаю его двенадцатилетия маминой рукой было написано: «Ты растешь прямо на глазах. Я и оглянуться не успею, как ты сядешь за руль!» Пришлось брать себя в руки: мамы не будет в живых, когда Бен мог бы научиться водить машину. Но он так и не научится водить, потому что не за руль сядет, а за решетку.

Мы пересекли Миссури — в воде не отражалось даже послеполуденное солнце. Чего мне точно не хотелось, так это становиться свидетелем того, как эти люди начнут читать записки: все-таки они были очень личными. Может, стоит выйти, пока они будут их рассматривать, оценивая, как старые подсвечники на дворовой распродаже?

Лайл показывал дорогу. Мы ехали к Магде через довольно благополучные районы, где проживает средний класс. Здесь на многих домах до сих пор реяли вывешенные несколько дней назад по случаю Дня святого Патрика флаги с изображениями трилистника и бородатого гнома-лепрекона в зеленом камзоле. Лайл елозил рядом, не в силах усидеть на месте, потом нетерпеливо ко мне повернулся, чуть не выбив коленями рычаг из коробки передач.

— Короче... — начал он.

— Ну?

— В общем, как часто бывает с Магдой, эта ее встреча, похоже, будет несколько отличаться от того, что изначально планировалось.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты ведь знаешь — она входит в группу, которая борется за освобождение Бена. Короче, она пригласила к себе кое-кого из... тех

женщин.

— Господи, ну зачем! — воскликнула я и затормозила у тротуара.

— Слушай, ты же сама сказала, что хочешь рассмотреть версию с Раннером. Вот тебе и случай. Они заплатят, а ты... ты его найдешь, задашь вопросы. Поговорите как отец с дочерью.

— Дочь с отцом, — поправила я.

— Да. Дело в том, что у меня кончаются деньги. А тут тебе еще один источник наличности.

— Значит, придется выслушивать от них грубости? Как уже было однажды?

— Да нет же. Они поделятся тем, что накопили на Раннера. Облегчат тебе задачу. Ты ведь теперь считаешь, что Бен не виновен, да?

Перед глазами промелькнула картинка из прошлого: Бен смотрит телевизор, мама, проходя мимо с кучей белья под мышкой, одной рукой взъерошивает ему волосы, он улыбается, не оборачиваясь. И только когда она выходит из комнаты, приглаживает волосы рукой.

— Я пока не зашла настолько далеко. — Я снова завела мотор, по радио как раз звучала полная светлой грусти песня Билли Джоэла. — Ладно, едем, — сказала я и сменила волну.

Мы проехали еще несколько кварталов. Район, где жила Магда, был таким же дешевым, как мой, но симпатичнее. Домики здесь строили уже убогими, но у хозяев хватало чувства собственного достоинства, и они обновляли краску, вывешивали флаги, разводили цветы. Строения напоминали не блещущих красотой девиц, в пятницу вечером разодевшихся в пух и прах. Кажется, в такой толпе отыщется хотя бы одна не столь невзрачная — ан нет, нечего надеяться. Вот и дом Магды — самая страшненькая девица в этой компании, зато с наибольшим количеством пошлых украшений и дешевых изысков. Садик перед домом был утыкан садовыми фигурками: гномы покачивались на коротких проволочных ножках, фламинго — на длинных, утки при каждом дуновении ветра свертывали пластиковые крылья; там же, забытый с Рождества, мок картонный северный олень, а земля представляла собой грязное месиво с бестолковыми заплатками реденькой травки. Я заглушила двигатель, и мы оба воззрились на дергающихся обитателей палисадника.

Лайл повернулся ко мне с видом тренера, инструктирующего упрямого игрока:

— Не волнуйся. Мне кажется, самое главное — помнить, что о Бене нужно высказываться осторожно. Они очень остро реагируют на все, что с ним связано.

— Что ты имеешь в виду?
— В церковь ходишь?
— Когда маленькая была, ходила.
— Представь, кто-то входит в твою церковь и говорит, что ненавидит Бога.

Обстановка действительно напоминала церковную службу. Или вечернее бдение у гроба покойника накануне погребения. Очень много кофе, десятки что-то бормочущих людей в темной закрытой одежде, скорбные улыбки. От дыма сигарет воздух в помещении был сизым. Родной, почти забытый запах: я ведь росла в прокуренном трейлере Дианы. И я с удовольствием глубоко вздохнула.

Мы несколько раз постучались в приоткрытую дверь, но поскольку никто не отреагировал, просто вошли, и пока на нас не начали обращать внимание, несколько секунд стояли столбом, как двое со знаменитой картины Гранта Вуда «Американская готика». Пожилая дама с волосами в заколках и с застывшей на лице широкой улыбкой энергично мне подмигнула, словно подавая тайный знак. Невероятно хорошенькая брюнетка двадцати с небольшим лет оторвала взгляд от ребенка, которому скармливала кусочки персика, и тоже улыбнулась. Присутствующие явно следовали инструкции проявлять любезность, за исключением, пожалуй, одной бабищи с комплекцией снеговика, которая метнула в нашу сторону гневный взгляд и сжала губы, крутя в пальцах крестик на шее.

Здесь были одни женщины, больше десяти человек, и среди них ни одной мулатки или чернокожей. У большинства были усталые от бесчисленных жизненных забот лица, но несколько дам имели цветущий вид людей из высшего общества, которые не один час проводят перед зеркалом. Они этим и выделяются — не одеждой или машинами, а дополнительными штрихами: старинной брошью (у богатых дам всегда имеется такая брошь) или подводкой для губ нужного тона и в нужном количестве. Возможно, они прибыли сюда из благополучного и весьма престижного восточного пригорода Канзас-Сити и теперь упиваются собственным великодушием, поскольку снизошли до убогого и непрестижного района на северном берегу Миссури.

Ни одного мужика. Диана назвала бы это сборище курами на насесте (и сопровождала бы свое замечание осуждающим хмыканьем). Интересно, как все они вышли на сидящего в тюрьме Бена и что в нем может их привлекать? Лежат в ночи на смятых простынях рядом с похрапывающими

мужьями и мечтают о жизни с Беном, когда они его освободят? А может, считают его несчастным мальчиком, который остро нуждается в их заботе и участии, и между теннисными матчами и сеансами фитнеса носятся со своим альтруизмом — чем не занятие, с которым можно носиться, пока не играешь в теннис!

Из кухни притопала высоченная Магда в широченном ореоле торчащих в разные стороны волос. Я бы не узнала ее после первой встречи в клубе: все лица смазались в памяти, как на нерезком поляроидном снимке. На ней был джинсовый сарафан поверх водолазки и неуместное количество драгоценностей: длинные золотые сережки в ушах, толстая золотая цепь на шее и кольца почти на всех пальцах, кроме пальца для обручального кольца. Кольца смущали, как моллюски, присосавшиеся там, где их быть не должно. Но протянутую руку все равно пришлось пожать. Рука была теплая и сухая. Магда издала звук, похожий на мычание, и притянула меня к себе, чтобы обнять, — я оказалась накрытой ее грудью, как волной. Я напряглась, подалась назад, но Магда мою руку не отпустила.

— Не будем ворошить прошлое. Добро пожаловать в мой дом, — сказала она.

— Добро пожаловать, — почти в унисон произнесли женщины у нее за спиной.

— Тебе здесь всегда рады, — заверила Магда. — Проходи-проходи.

А что мне остается делать, раз меня пригласили, подумала я.

— Прошу внимания всех присутствующих! Знакомьтесь: Либби Дэй, младшая сестра Бена.

— Единственная сестра Бена, — уточнила я.

Дамы вокруг закивали с торжественно-печальным видом.

— Мы сегодня собрались, — обратилась Магда к присутствующим, — отчасти затем, чтобы внести ясность в сложившуюся ситуацию. И помочь. Вернуть. Бена. Домой!

Я глянула на Лайла: он слегка поморщился. По лестнице в гостиную спускался мальчишка лет пятнадцати, не худой, но гораздо менее упитанный, чем мать. На нем были плотные брюки защитного цвета, концы воротника пристегнуты к рубашке, он ни на кого в комнате не смотрел и поглаживал пряжку ремня.

Магда посмотрела на сына, но вместо того, чтобы его представить, сказала:

— Нед, поди в кухню и приготовь еще кофе.

Мальчишка покорно прошел сквозь круг стоявших женщин, уставившись в только ему видимое пятно на стене.

Магда потянула меня за собой в гостиную. Чтобы высвободиться из ее рук, я сделала вид, что закашлялась. Она усадила меня на диван между двумя женщинами. Не люблю сидеть посередине, когда ко мне с двух сторон прикасаются чужие руки и колени. Я попыталась не утонуть в подушке, сначала сидя на одной ягодице, потом на другой, но я такая маленькая, что все равно чувствовала себя Дюймовочкой, затерявшейся где-то в глубине дивана.

— Либби, меня зовут Кейтрин, — представилась одна из богатых дам, глядя на меня сверху и распространяя запах дорогих духов. — Я так вам сочувствую.

— Спасибо, Кэтрин. — Интересно, имеется ли срок давности для выражения соболезнований по поводу смерти в семье незнакомого человека? Наверное, нет.

— Нет, я Кейт-рин, — произнесла она по слогам сладким голосом, качнув золотой брошью в виде цветка.

(Вот и еще один признак, выделяющий богатую женщину: она тут же начинает поправлять, как произносится ее имя. А-ли-си-я, а не А-ли-ша; Де-бо-ра, а не Деб-ра.) В ответ я промолчала. Напротив, в другом конце комнаты, Лайл разговаривал с пожилой женщиной, повернувшись к ней в профиль. Я представила, как она что-то горячо шепчет в его миниатюрное ушко. Все кругом разговаривали и поглядывали в мою сторону. Шептались и поглядывали в мою сторону.

— Ну что, продолжим? — сказала я и хлопнула в ладоши. Конечно, получилось грубовато, но мне совсем не хотелось мучиться ожиданием.

— Что ж, Либби... Нед, унеси-ка, пожалуйста, отсюда этот кофе, — начала Магда. — Либби, мы сегодня собрались, чтобы поговорить о твоём отце как главном подозреваемом в убийствах, в которых ложно обвинили твоего брата.

— Да, в убийствах членов моей семьи.

Магда нетерпеливо выдохнула, недовольная тем, что я предъявляю права на собственную семью.

— Но прежде, чем начать работу, — продолжила она, — мы хотим поделиться с тобой тем, что знаем о твоём брате, которого любим.

С места поднялась стройная женщина пятидесяти с небольшим лет и причёской администратора.

— Меня зовут Глэдис, я познакомилась с Беном три года назад через свою благотворительную организацию. Он изменил мою жизнь. Я переписываюсь со многими заключёнными. — При этих словах я скривилась, и она это заметила. — Я переписываюсь с заключёнными,

потому что для меня христианское милосердие воплощается в любви к тем, кого другие не любят. Уверена, все вы смотрели фильм о приговоренном к смертной казни настоящем убийце и о монахине, которая становится его духовным наставником, даже провожает его к месту казни и не оставляет до последней минуты. Но когда я начала переписываться с Беном, я почувствовала в его письмах удивительную чистоту души и помыслов. В его случае в огне испытаний оказалась истинная добродетель. И при этом он еще способен заставлять меня смеяться над тем ежедневным кошмаром, в котором ему приходится находиться. Меня, хотя я призвана помогать ему. Это так удивительно.

Отовсюду посыпалось: «Он такой милый... да, это так... он чудо...» Появился Нед с кофейником и начал наполнять тут же потянувшиеся к нему пластиковые чашки; дамы, не глядя в его сторону, жестами показывали, сколько им наливать.

С места, дрожа всем телом, поднялась молоденькая женщина, по виду ровесница Лайла:

— Меня зовут Элисон. Я познакомилась с Беном благодаря моей маме — она сегодня не смогла приехать...

— Ее мать сейчас проходит курс химиотерапии, у нее рак яичников, — шепнула мне Кейтрин.

— ...у нас обеих одинаково теплое к нему отношение. Мама считает, что сможет спокойно умереть, только когда Бен выйдет на свободу. — При этих словах со всех сторон раздались хлопки. — Просто, просто... — Девушка разразилась слезами. — Он такой замечательный! А то, что с ним произошло, так несправедливо. Не могу поверить, что мы живем в мире, где такие чудесные люди ни за что ни про что оказываются в тюрьме!

Я сжала зубы, чувствуя, что к горлу подступает комок, а глаза на мокром месте.

— Лично я считаю, что ты должна восстановить справедливость, — гневно бросила снежная баба — обладательница крестика. Она вообще казалась настроенной наименее дружелюбно и даже не потрудилась подняться. — Тебе, как и многим другим, нужно исправить свои ошибки. Я искренне соболезную тому, что ты потеряла семью, действительно понимаю, через что тебе пришлось пройти, но сейчас ты должна поступить как взрослый человек и исправить положение.

Я не заметила, чтобы в продолжение этой небольшой речи кто-то из присутствующих кивнул, но молчаливое согласие было таким мощным, что казалось, я слышала звук «мм». Так гудят рельсы, когда поезд еще очень далеко, но неумолимо приближается. Я глянула на Лайла — тот незаметно

для остальных округлил глаза.

Магда переместилась к центру дверного проема и заговорила громко и вдохновенно, как оратор на трибуне, который своей предвыборной речью пытается убедить слушателей отдавать за него голоса:

— Либби, мы простили тебе ту роль, которую ты сыграла в этом позоре, и считаем, что ужасное преступление совершил твой отец. У него имелся мотив, была возможность. У нас... много фактов, — сказала она, не в силах больше говорить юридическим языком. — Мотив: за две недели до убийства твоя мать Патрисия Дэй подала иск на взыскание с него алиментов. Впервые Роналда «Раннера» Дэй юридически связали с его семьей. К тому же у него были карточные и другие долги на несколько тысяч долларов. Избавление от семьи в такой ситуации серьезно поправило бы его финансовое положение — когда он шел к вам в ту ночь, он предполагал, что по-прежнему упомянут в завещании твоей матери. Но Бена дома не оказалось, а ты сбежала. Он убил всех остальных.

Я представила, как Раннер, сдвинув на затылок засаленную шляпу и тяжело дыша, с маминым ружьем наперевес рыщет по дому. Снова в голове зазвучал рык, который я слышу всегда, когда вспоминаю ту ночь, и я подумала, что его мог издавать и Раннер.

— Там, где он жил, обнаружили волокна и нити из вашего дома, хотя на эти факты все время закрывали глаза, потому что летом он то появлялся в вашем доме, то снова исчезал. Но факт остается фактом. На теле Бена не нашли ни следов крови, ни фрагментов ткани, хотя обвинение во многом строилось на том факте, что в самом доме кровь Бена была обнаружена.

— Ну не идиотизм ли! Можно подумать, нельзя порезаться, когда бреешься по утрам, — сказала злюка с крестиком.

Как по команде, женщины засмеялись.

— Итак, наконец мы вступаем в самую волнующую стадию нашей сегодняшней встречи, Либби. Стадию, которая сулит нам новые возможности. Как тебе, конечно, известно, алиби твоего отца тогда подтвердила его пассия, некая Пегги Бэннион. Так вот, чтобы ты убедилась, что нет ничего зазорного в том, чтобы исправлять ошибки, хочу сказать, что в настоящее время Пегги готовится официально отказаться от своих показаний, чем лишит Раннера Дэй его алиби. Несмотря на то, что это может ей стоить пяти лет лишения свободы.

— Нет, мы этого не допустим! — воскликнула Кейтрин.

Остальные принялись аплодировать, когда с места поднялась высокая тонкая женщина в облегающих джинсах. У нее были короткие волосы с химией, покрытой лаком в верхней части головы. Глазки у нее были

маленькие и тусклые, как десятицентовые монетки, слишком долго пролежавшие в кошельке. Она глянула на меня и тут же отвела взгляд, вертя в руках чересчур крупный голубой камень на цепочке в тон голубой полоске на свитере. Я представила, как дома в ванной перед затуманенным зеркалом она подбирала его под свитер.

Стараясь не мигать, я уставилась на подружку отца — сегодняшнюю особую гостью в доме Магды.

— Хочу всех вас поблагодарить за поддержку, которую вы мне оказываете последние несколько месяцев, — сказала она пронзительным голосом. — Раннер Дэй меня использовал, как и всех других. Уверена, вы об этом знаете.

Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что она обращается ко мне. Я кивнула, но сразу об этом пожалела.

— Поделитесь с нами, Пегги, пожалуйста, — сказала Магда. Она, судя по всему, насмотрелась ток-шоу с Опррой Уинфри — нотки-то она переняла, но до теплоты Опры ей было далеко.

— Вот как все было на самом деле. Вечером второго января я готовила ужин в домике Раннера — китайское рагу с рисом, ну и, конечно, как всегда у Раннера, с морем пива. Он всегда пил пиво из банок, там крышка открывалась, оставляя острые углы, как клешни у краба, и он всегда обрезал пальцы, когда открывал эти банки. Ты помнишь, Либби? У него были вечно порезанные пальцы и кровоточащие ранки.

— Что произошло после ужина? — перебил ее Лайл.

Я ждала, что он сейчас посмотрит на меня в ожидании одобрительной улыбки, но он этого не сделал.

— Ну... у нас же были отношения. Потом у Раннера кончилось пиво, и он пошел за новым. Кажется, около восьми вечера, потому что я как раз смотрела «Козла отпущения», но серию повторяли, и я расстроилась.

— Она смотрела «Козла отпущения», — вставила Магда. — Ну не ирония ли судьбы?

Пегги взглянула на нее, не понимая намека.

— В общем, Раннер ушел и не вернулся. Зима была, поэтому я быстро заснула, а когда проснулась, он оказался дома, но в какое время вернулся, не знаю, потому что часов в доме не было. Но абсолютно точно стояла глубокая ночь, я несколько раз просыпалась. А когда мне приспичило в туалет, уже вставало солнце, то есть прошло несколько часов.

Значит, эта женщина справляла малую нужду, потом искала туалетную бумагу, возможно, так ее и не нашла, потом брела назад к кровати среди двигателей, лопастей и внутренностей от телевизоров, которые Раннер, как

он утверждал, ремонтировал, может, по дороге даже споткнулась обо что-нибудь и выругалась, а я в это время ползла по снегу к своему утопленному в крови дому, где лежали мертвые тела моих родных. Я мысленно выставила ей счет.

— Утром зашли полицейские, спрашивали, где находился Раннер между двенадцатью ночи и пятью утра. Они у меня спрашивали. Но он сам все время настойчиво повторял: «Я вернулся домой рано, задолго до двенадцати ночи». Я в этом очень сомневаюсь, но тогда подтвердила его слова. Просто подтвердила, и все.

— В общем, с этой дамочкой все ясно, — сказала брюнетка с ребенком.

— Я уже год ничего о нем не знаю!

— Хороша, нечего сказать, — сказала я и тут же пожалела о своих словах.

Интересно, стала бы она все это рассказывать, если бы Раннер прожил с ней дольше? Если бы звонил каждые три месяца, а не каждые восемь?

— У него были исцарапаны руки, но я не могу сказать, что это были царапины от крышек. Я просто не помню, порезал ли он руки до того, как ушел, или кто-то его исцарапал.

— Только под ногтями одной жертвы — Мишель Дэй — обнаружены следы эпителия другого человека, что естественно, потому что ее задушили, а значит, физически она находилась к убийце ближе всех, — сказал Лайл. Мы все замолчали на несколько секунд; воркование младенца становилось все громче, постепенно переходя в плач. — К сожалению, этот фрагмент кожи из-под ногтей Мишель где-то затерялся, так и не дойдя до лаборатории.

Я представила Раннера, и его подозрительный взгляд, и его выпученные глаза, и то, как он своим весом вдавливал Мишель в матрац, как Мишель силится вздохнуть, как пытается оторвать его руки от горла и оставляет глубокую царапину на его маленьких, потемневших от машинного масла руках, а они давят все сильнее...

— Вот что я хотела вам рассказать, — произнесла Пегги и развела руками: что, дескать, поделать!

— Нед! Неси десерт! — крикнула Магда в сторону кухни, и Нед спешно вошел, втянув голову в плечи, с крошками на губах и большой тарелкой сухого печенья с застывшей сладкой серединкой. — Господи, да хватит же трескать мое печенье! — рявкнула Магда, гневно оглядывая тарелку.

— Я взял всего две штучки.

— Не ври! — Магда прикурила. — И сходи-ка в магазин, а то у меня кончаются сигареты. Заодно купишь печенья.

— Но машина у Дженны.

— Прогуляйся пешком, тебе это не повредит.

Дамы явно собирались задержаться надолго, но это в мои планы не входило. Я пристроилась у двери, присматриваясь к кондитнице из перегородчатой эмали: слишком она хороша для Магды. Я опустила ее себе в карман как раз в тот момент, когда Лайл вел переговоры с Магдой, вопрошавшей: «Она это сделает? Она его нашла? Она действительно так считает?», открывая чековую книжку. Я заметила, что Пегги коротенькими движениями, как в странной шахматной игре с гигантскими фигурами, перемещается в мою сторону. Только я собралась зайти в туалетную комнату, как она оказалась рядом.

— Ты совсем не похожа на Раннера, — сказала она, щурясь. — Разве что нос.

— Я похожа на маму.

У Пегги появилось на лице озадаченное выражение.

— Ты долго с ним общалась? — задала я вопрос.

— Мы то разбегались, то снова сходились. В перерывах я встречалась с другими мужчинами. У него была манера возвращаться как ни в чем не бывало. Как будто мы чуть ли не заранее обсуждали его исчезновение и последующее возвращение. И вроде как все должно идти как прежде. Не знаю. Я всегда жалела, что мне не попался какой-нибудь бухгалтер или кто-то в этом роде. Никогда не умела находить правильных мужчин. Никогда в жизни.

Она посмотрела на меня вопросительно, будто интересуясь, где же находится такое место, в котором держат всех бухгалтеров и клерков.

— А ты все в Киннаки? — спросила я.

Она кивнула.

— Я бы на твоём месте для начала оттуда уехала.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

15:10

Она рывком села за руль вместо Дианы, не спуская глаз с ключей в замке зажигания: «Скорее отсюда, скорее, скорее!» Диана прыгнула на место рядом, Пэтти повернула ключ, и машина с диким визгом развернулась и помчалась прочь от дома Мюллеров, вихляя задом из стороны в сторону. Все, что находилось в кузове — бейсбольные мячи, садовые инструменты и куклы девочек, — каталось и бешено колотилось о борта. Машина скакала по гравию, поднимая столб пыли, то западая на левую сторону, то резко бросаясь вправо, к кювету. Сильная рука Дианы опустилась на руль.

— Полегче-полегче.

Только выбравшись с участка Мюллеров, Пэтти широко ушла влево, остановила машину и, не отпуская руль, упала головой вперед, отчего машина издала протяжный вопль.

— Что, черт возьми, происходит? — пронзительно выкрикнула она. Так кричит обиженный ребенок, сбитый с толку и на грани отчаяния.

— Все это очень странно, — сказала Диана и потрепала ее по спине. — Поехали домой.

— Не поеду. Я должна найти сына.

При слове «сын» она снова затряслась в судорожных рыданиях от мыслей, которые кололи острыми иголками. Понадобится адвокат. Денег на адвоката нет. Ему назначат какого-нибудь провинциального неумеху. Они проиграют дело. Его посадят. Что она скажет дочкам? Сколько за такое дают? Пять лет? Десять? Она представила огромную тюремную парковку, открываются ворота, из них осторожно выходит двадцатипятилетний Бен, ее мальчик; он боится внешнего мира, щурится на свету. Приближается к ней и плюет в лицо — за то, что она его не спасла. Как жить, если не можешь спасти собственного сына? Может, спрятать его, организовать побег? Сколько денег она способна наскрести, чтобы дать ему с собой? В декабре, дойдя до крайней степени отчаяния, она продала Линде Бойлер отцовский армейский кольт. Она представила, как Дейв Бойлер, который никогда ей не нравился, рождественским утром открывает коробку, а там оружие, к которому он не имеет никакого отношения. Поэтому прямо

сейчас дома припрятано почти триста долларов. Эти деньги она собиралась потратить на то, чтобы сегодня внести первую за месяц оплату, но теперь они пойдут на другое, хотя этой суммы Бену хватит всего на пару месяцев.

— Бен поостынет и вернется домой, — рассуждала Диана. — В январе на велосипеде далеко не уедешь.

— А что, если его найдем сначала не мы?

— Сестренка, за ним не гонится толпа. Мюллеры даже не слышали об... обвинении и говорили о других идиотских слухах. Чтобы все выяснить, нам надо поговорить с самим Беном, он, возможно, уже дома.

— Что за семья его обвиняет?

— Никто не сказал.

— Но ты попробуешь узнать? Не может быть, чтобы эти люди говорили такое и считали, что мы ничего не предпримем. Узнай. Мы имеем право знать, кто это говорит. Бен имеет право посмотреть на того, кто его обвиняет. Я имею такое право.

— Ладно, давай вернемся домой, посмотрим, как там девочки, а я сделаю несколько звонков. Пустишь меня теперь за руль?

Они вошли в дом под неумолчный гул. Мишель пыталась поджарить на сковороде кусочки салями и кричала на Дебби, чтобы та отошла от плиты. У Либби на щеке и на руке атели пятна в тех местах, куда попало стрелявшее горячее масло, и она сидела на полу, широко раскрыв рот, и плакала точно так же, как Пэтти плакала в машине: горько и безутешно, словно не осталось никакой надежды, а если что-то и осталось, она не в силах надеяться. Пэтти и Диана задвигались, как фигурки людей в немецких часах. Диана пошла на кухню, за руку, как куклу, притащила Мишель в гостиную и, легонько шлепнув ее по попке, усадила на диван. Пэтти подхватила на руки Либби, та обвила ее, как обезьянка, и продолжала плакать, уткнувшись матери в шею.

Мишель роняла крупные молчаливые слезы.

— Я же предупреждала, что плиту можно включать, только чтобы разогреть суп. Ты могла поджечь дом, — сердито повернулась к ней Пэтти.

Мишель обвела глазами убогую кухню и гостиную, словно задавая себе вопрос, такой ли уж серьезной была бы потеря.

— Мы проголодались, — пробормотала она. — Тебя так долго не было.

— Значит, ты решила сделать сэндвич с жареной салями, хотя мама тебе запретила это делать? — недовольно бросила Диана, заканчивая жарку. — Сейчас маме нужно, чтобы вы слушались.

— Ей всегда нужно, чтобы мы слушались, — пробормотала Дебби.

Она сидела, обняв мягкую розовую панду, которую несколько лет назад Бен выиграл на ярмарке, сбив ряд бутылок из-под молока, — у него тогда как раз дали о себе знать предподростковые мускулы. Девочки отмечали это событие так, словно он получил высшую военную награду — Почетную медаль Конгресса. Дэи ведь никогда ничего не выигрывают, поэтому все время повторяют эти слова, когда им хоть чуточку везет: «Мы же никогда ничего не выигрываем!» Девиз семьи.

— И что же, так сложно быть послушными?

Диана легонько пощекотала Дебби под подбородком. Дебби заулыбалась, еще больше опуская глаза:

— Нет.

Сказав, что пора звонить, Диана подхватила с кухни телефон и потащила за собой в гостиную, насколько хватало шнура. По дороге она успела сказать Пэтти, чтобы та накормила детей. Ее слова обидели, даже разозлили: можно подумать, Пэтти пренебрегает своими обязанностями и часто об этом забывает. Да, она готовит томатный суп из кетчупа и порошка. Да, она поджаривает черствый хлеб, слегка смазывает его горчицей и называет это сэндвичем. Но это в худшие дни. Никогда она не забывает покормить детей! В школе им положены бесплатные обеды, так что там они, по крайней мере, всегда что-то едят. При мысли о бесплатной еде стало еще горше. Потому что в детстве Пэтти ходила в ту же школу, но ей самой не приходилось получать ни бесплатное питание, ни питание с пятидесятипроцентной скидкой. У нее сжималось сердце, когда она вспоминала о детях, которых у них в школе кормили бесплатно, и о том, как снисходительно она на них поглядывала, когда они протягивали через стойку свои карточки с загнутыми концами, и столовские дамы с аппетитными формами громогласно объявляли: «Бесплатный обед!» Коротко стриженный и самоуверенный мальчишка рядом тут же шепотом делал глупое замечание: «Бесплатных обедов не бывает». И ей становилось жаль этих детей, но то была жалость, при которой не помочь им хотелось, а больше никогда не смотреть в их сторону.

Либби продолжала постанывать и плакать у нее на руках, от горячего дыхания дочери шея вспотела. Она дважды попросила Либби на нее посмотреть, и только тогда дочь, всхлипнув, повернулась к ней лицом:

— Я обожгла-а-а-ась. — И снова расплакалась.

— Девочка моя, у тебя всего несколько розовых пятнышек. Ты переживаешь, что они останутся навсегда? Нет, доченька, через неделю ты о них и не вспомнишь.

— Случится что-то плохое.

Либби всегда вызывала у нее особое беспокойство и тревогу. Она с самого рождения такая настороженная и подозрительная. Ночью ее мучают кошмары, а днем съедает беспокойство. Ни Пэтти, ни Раннер не радовались этой последней беременности, которая и случилась-то непонятно как. Они так устали от деторождения, что даже не потрудились устроить праздник по случаю скорого рождения Либби; беременность стала сплошным недоразумением — с ней были одни проблемы. Наверное, все девять месяцев Либби впитывала эти ощущения. Приучать малышку к горшку было настоящим кошмаром: она вопила каждый раз, когда видела, что из нее вышло, и голая, обезумев, бежала прочь. Когда Пэтти начала возить ее в детский сад, дочь считала, что за ней больше никогда не приедут, — она прижималась лицом к стеклу, распахнув огромные, полные слез глаза, а воспитательница в это время безуспешно призывала ее к порядку. Прошлым летом она неделю отказывалась от еды, побледнела от голода и переживаний и наконец (слава богу!) продемонстрировала Пэтти россыпь бородавок на коленке. Битый час Пэтти выуживала из нее объяснение: опустив глаза и с трудом выжимая из себя слова, Либби сказала, что приняла бородавки за такой ядовитый плющ, который постепенно покроеет все тело, и (судорожное всхлипывание) больше никто никогда не увидит ее лица. Когда Пэтти спросила, почему же Либби не рассказала ей об этих страхах раньше, та лишь посмотрела на нее как на сумасшедшую.

При малейшей возможности Либби изрекала мрачные пророчества. Пэтти это знала, но от слов дочери сердце все равно екнуло. Плохое уже случилось. Но будет еще хуже.

С Либби на руках она присела на диван, глядя ее по голове и по спине. Дебби и Мишель суетились рядом, приносили и уносили бумажные платочки, что нужно было делать минимум час назад. Панда голосом Дебби говорила, что все хорошо, но Либби оттолкнула игрушку и отвернулась. Мишель спросила, а что, если она приготовит для всех суп. Они ели суп всю зиму, Пэтти хранила для него заготовки в ящике со льдом в гараже. К концу февраля от них обычно ничего не оставалось. Февраль вообще был самым тяжелым месяцем.

Забыв о салями, Мишель уложила в кастрюлю большой замороженный брикет говядины с овощами и начала откалывать лед. Вернулась Диана, прикурила, буркнув что-то вроде: «Честное слово, мне нужна сигарета», и села на диван, отчего Пэтти вместе с Либби, как на детских качелях, подскочили вверх. Диана отправила девочек во главе с Мишель на кухню, дети испуганно подчинились.

— Короче, все началось с семьи неких Кейтсов — они живут где-то между фермой и Салиной. Девочка у них ходит в школу в Киннаки, потому что рядом с ними школу еще не достроили. Бен после школы помогал ей на добровольных началах. Ты про это знала?

— Про добровольное начало? — Она покачала головой.

Диана вытянула губы дудочкой: ей это тоже ни о чем не говорило.

— В общем, неважно, по какой причине, но он помогал детям из начальной школы, и родители этой девочки говорят, что между ними началось что-то не то. Есть и другие, утверждающие то же самое. Хинкели, Патчи и Кахиллы.

— Что?!

— Все они уже беседовали со школьной администрацией и сейчас решают, что делать дальше. Насколько я поняла из того, что мне сейчас рассказали, в дело уже вмешалась полиция, сегодня следует ожидать, что к тебе придут. Поговорить с тобой и с Беном. Это последние события. В школе об этом пока знают не все — нам повезло, что сейчас каникулы, — но уже завтра, боюсь, все будет по-другому. Администрация собирается пообщаться со всеми родителями, чьим детям Бен помогал после занятий. Это где-то десять семей.

— Что мне делать?

Пэтти зажала голову между коленей. Ее колотил истеричный смех, настолько все было нелепо, настолько абсурдно.

«Я, наверное, сойду с ума, — думала она. — Может быть, и надо бы — тогда не придется ни с кем разговаривать».

Она будет сидеть в белой охраняемой палате, ее, как ребенка, начнут водить на завтрак, обед и ужин, ее действиями будут руководить разговаривающие ласковым шепотом люди, а она будет шаркать по полу, едва поднимая ноги, как умирающая.

— Насколько я поняла, сейчас все собрались в доме Кейтсов, — сказала Диана. — Я записала адрес.

Пэтти молча смотрела в никуда.

— Мне кажется, нам надо туда ехать, — сказала Диана.

— Ехать? А разве ты не сказала, что кто-то приедет к нам?

— Телефон прямо разрывался, — сказала объявившаяся в кухне Мишель, которой не следовало все это слышать.

Пэтти и Диана одновременно повернули головы в сторону телефона в ожидании, когда он начнет разрываться.

— Ну и почему же ты не сняла трубку, как мы просили? — поинтересовалась Диана.

Мишель пожала плечами:

— Я забыла, нужно снимать или нет.

— Может, подождать здесь? — предположила Пэтти.

— Пэтти, эти люди болтают там всякую... чушь о твоём сыне. Неизвестно, имеется в их рассказах зерно правды или нет, но разве ты не хочешь встать на его защиту? Неужели не хочешь узнать, *что* они говорят? Пусть всё скажут в лицо.

Нет, не хочет. Она хочет, чтобы обо всей этой истории забыли, чтобы она сгинула, словно ее и не было. Она не желает слышать, что эти люди (господи, да они с Мэгги Хинкель учились в одной школе) говорят о Бене. Она боялась, что не сдержится, когда вокруг замелькают разгневанные лица. Она разрыдается и будет молить о прощении. Она уже хочет прощения, а ведь они ничего плохого вообще не делали.

— Пойду надену что-нибудь попримечнее.

Она нашла свитер без вытертых подмышек и брюки цвета хаки, расчесалась и вместо малюсеньких золотых сережек-гвоздиков вдела в уши сережки под жемчуг и повесила на шею такие же бусы. Даже не подумаешь, что не настоящие, — между прочим, они даже тяжелые.

Они с Дианой направились к двери, одновременно отдавая дальнейшие распоряжения о пользовании плитой, о том, чтобы вовремя выключить телевизор и сделать что-то по дому, и тут Либби вновь завывала и помчалась к ним, махая руками, как крылышками. Мишель скрестила руки на груди поверх покрытого жирными пятнами свитера и топнула ножкой.

— Я с ней не справляюсь, когда она так себя ведет, — сказала она тоном, в точности повторяющим тон Пэтти. — Я не выдержу.

Пэтти вздохнула, решила сначала уговорить Мишель, потом подумала о том, чтобы ее заставить, но Либби плакала все громче, выла, как волчонок, и кричала сквозь слезы: «Хочусвамихочусвамихочусвами!» Мишель вопросительно выгнула бровь. Пэтти представила, как в ее отсутствие сюда войдет полицейский и увидит на полу безутешного ребенка со следами ожогов на лице. Может, взять с собой всех троих? Но кто-то непременно должен остаться, чтобы отвечать на звонки, и, видимо, лучше, чтобы оставались и Дебби, и Мишель, чем...

— Либби, иди надевай сапожки, — распорядилась Диана. — Мишель, остаешься за старшую. На телефонные звонки отвечать, двери не открывать. У Бена ключ есть, а если придет кто-то другой, это уже не ваша забота. Мишель!

— А? Что такое?

— Мишель, я не шучу. Мишель?

— Ладно.

— Вот так, — сказала Диана, и это действительно было последнее слово.

Пэтти бестолково торчала в коридоре, наблюдая, как Либби натягивает сапоги, рукавички с засохшей на них грязью, после чего подхватила дочь за руку и повела к машине. Может, и неплохо напомнить людям, что у Бена есть младшие сестры, которые его любят.

Либби не была большой охотницей поговорить — наверное, все ее слова достались Мишель и Дебби. Зато она изрекала. Люблю пони. Ненавижу спагетти. Ненавижу тебя. Как у матери, все, что она думала и чувствовала, тут же отражалось на лице. Когда она не злилась и не грустила, она просто мало говорила. Сейчас, когда ее все-таки взяли с собой, она молча сидела, пристегнутая на заднем сиденье, и смотрела в окошко, водя по стеклу пальчиком и повторяя очертания верхушек деревьев.

Пэтти и Диана тоже молчали, радио было выключено. Пэтти попыталась представить себе встречу (встречу? разве можно назвать встречей нечто столь отвратительное?), но в ушах стоял только собственный крик: «Оставьте в покое моего сына!» Она никогда не дружила с Мэгги Хинкель, но в магазине они непременно перебрасывались парой фраз, а Патчей знала, потому что они встречались в церкви. Они не злые люди, от них не нужно ждать плохого. Что же до родителей первой девочки, Крисси Кейтс, то тут Пэтти ничего не могла сказать. Она почему-то представила закончивших престижную школу ярких блондинов; наверное, дома у них стоит аромат сухих цветочных лепестков, все блестит и сверкает. Миссис Кейтс может и догадаться, что жемчуг на Пэтти вовсе не жемчуг.

Они свернули с шоссе к недостроенному поселку и проехали огромный голубой щит, хвастливо заявлявший о совершенно новом жилье прямо с мебелью в Оленьем парке. Правда, пока это были лишь ряды деревянных скелетов, в которых только угадывались очертания будущих жилищ, зато все они просматривались насквозь. На втором этаже одного такого дома-скелета, в том, чему предстояло превратиться в спальню, как Чудо-Женщина в самолете-невидимке, курила юная девица. Когда она затушила сигарету, пепел полетел вниз, в столовую.

И все же эти преддома, или недодома, действовали на нервы, пугали.

— Хороши, нечего сказать, — сказала Диана, осуждающе кивнув в их сторону.

Еще два поворота, и они в настоящем поселке с настоящими чистенькими домами; у одного из них стоит целая вереница машин.

— Будто в гости приехали, — фыркнула Диана, опустила стекло и сплюнула.

Несколько секунд они сидели молча, тишину в машине нарушало лишь покашливание Дианы.

— Солидарность, — сказала Диана. — Не волнуйся, худшее, что они могут сделать, — наорать.

— Может, останешься в машине с Либби? — предложила Пэтти. — Не хочу, чтобы они орали в присутствии ребенка.

— Нет. В машине никто не останется. Мы справимся, правда, Либби? Ты хоть маленькая, но сильная, да? — Скрипнув курткой, Диана повернулась к сидящей на заднем сиденье Либби, потом снова к Пэтти. — Пусть они ее увидят, пусть знают, что у него есть младшая сестренка, которая его любит. — В Пэтти сразу окрепла уверенность, потому что она думала то же самое.

Диана первая вышла из машины, подошла с другой стороны, освободила Либби и широко распахнула перед ней дверь. Они втроем пошли по тротуару, Пэтти подташнивало. Некоторое время язва ее не беспокоила, но сейчас в желудке бушевало пламя. Зубы были сжаты так плотно, что пришлось заставить себя разжать челюсть. Они остановились перед дверью — Пэтти и Диана впереди, Либби стояла за спиной у матери и озиралась по сторонам. Пэтти представила, что проезжающие мимо, наверное, думают, что они пришли в этот дом в гости продолжить праздник. На двери все еще висел рождественский венок. Пэтти подумала: «У людей было веселое Рождество, а теперь они перепуганы и обозлены и, наверное, думают: „У нас ведь было такое веселое Рождество“». Дом был похож на картинку из каталога, рядом стояли две «БМВ». Эти люди явно не знакомы с чувством, что в их жизни может произойти что-то плохое.

— Не хочу к ним идти, нам не следует этого делать, — выпалила она.

Диана позвонила в дверь и посмотрела на нее взглядом их отца — спокойно, невозмутимо, так, как он смотрел на нытиков. А потом в точности повторила его слова:

— Ничего не поделать — надо делать.

Дверь открыла миссис Кейтс, действительно оказавшаяся блондинкой. У нее были красные, заплаканные глаза, в руках она держала бумажный носовой платок.

— Здравствуйте, вы к кому?

— Я... вы... мама Крисси Кейтс? — начала Пэтти, но тут же

расплакалась.

— Да, — сказала женщина, теребя жемчуг на шее и переводя взгляд с Пэтти на Диану. Ее взгляд упал на Либби. — Ваша малышка... неужели он... и с вашей девочкой?

— Нет. Я его мать. Я мать Бена Дэя. — Она смахнула слезы тыльной стороной ладони, потом вытерла мокрый след рукавом свитера.

— О господи! О господи! Лу-у-у-у, сюда! Скорее.

Ее голос усилился и задрожал, как звук приземляющегося самолета. Из гостиной выглянуло несколько незнакомых лиц. Из кухни мимо них в комнату прошел мужчина с газировкой на подносе. В коридоре замаячила хорошенькая девочка со светлыми волосами в джинсах с цветочками.

— Кто это? — прочирикала она.

— Сходи за отцом. — Женщина загородила собой проход, чуть ли не выталкивая их за порог. — Лу-у-у-у! — снова крикнула она вглубь дома. У нее за спиной каменной глыбой возник мужчина под два метра ростом и с видом человека, который всегда получает то, чего хочет.

— Это она, это мать Бена Дэя, — произнесла его супруга с таким отвращением, что Пэтти почувствовала, как у нее перевернулось все внутри.

— Не стойте на пороге, — сказал детина, а когда Пэтти и Диана переглянулись, нетерпеливо добавил, словно они непослушные домашние питомцы: — Входите же, кому говорят.

Создавалось ощущение, что они попали на празднование детского дня рождения. Четыре девочки пребывали в разных состояниях игры. На руках и на лицах поблескивали звездочки из фольги — такими стикерами обычно пользуются учителя, чтобы оценить по заслугам хорошую работу школьника. Кто-то сидел с родителями и ел торт, девочки смотрели на сладкое с жадностью, а у родителей за храбрым выражением лиц проглядывала плохо скрываемая паника. Крисси Кейтс, плюхнувшись на пол, играла в куклы с крупным темноволосым молодым мужчиной, который сидел напротив нее, скрестив ноги по-турецки, и пытался снискать ее расположение. Очень несимпатичные куклы из пористого материала, Пэтти видела таких в сериалах, где Мередит Бакстер-Берни и Патти Дьюк Астин играют или решительно настроенных матерей, или полных решимости адвокатов. При помощи таких кукол дети показывают, какому насилию подвергались. Крисси сняла одежду с обеих, положила куклу-мальчика на куклу-девочку и начала поднимать и опускать верхнюю куклу, бормоча бессмысленные слова. За этим действием наблюдала с коленей матери черноволосая девочка, одновременно слизывая с ногтей сахарную

пудру. Она казалась слишком взрослой, чтобы сидеть на материнских коленях.

— Вот так, — заключила Крисси то ли зло, то ли нетерпеливо и отшвырнула куклу.

Молодой человек (судя по всему, психиатр и соцработник, до сих пор, поди, учится в колледже) поднял куклу и снова попытался завладеть вниманием Крисси.

— Давай, Крисси... — сказал он, держа куклу на весу, так что пенис у нее уныло уткнулся в пол.

— Кто это? — спросила Крисси, показывая на Пэтти пальцем.

Пэтти пошла к ней через всю комнату, не обращая внимания на родителей, которые начали подниматься с мест, размахивая руками, как порванными струнами.

— Крисси, — сказала она, опускаясь перед ней на пол. — Меня зовут Пэтти. Я мама Бена Дэя.

У Крисси округлились глаза, затряслись губы, она попятилась от Пэтти. На несколько секунд повисла тишина — они молча смотрели друг на друга. Потом Крисси запрокинула голову и завопила:

— Я не хочу, чтобы она здесь была! Не хочу! Вы же говорили, что мне не надо будет с ней встречаться!

Она упала на пол и начала рвать на себе волосы. Черноглазая девочка подбежала к ней, обхватила ее сверху и тоже завопила:

— Я не чувствую себя в безопасности!

Пэтти поднялась, обернулась и увидела перепуганные лица родителей и Диану, которая прятала Либби за собой и двигалась с ней в сторону выхода.

— Мы слышали о вас, — сказала мать Крисси, и ее милое усталое лицо сделалось похожим на мяч. Она отступила назад к однокласснице Пэтти Мэгги Хинкель, и та, взглянув на Пэтти, покраснела. — У вас четверо детей, — продолжала мать Крисси готовым сорваться голосом, глядя на Пэтти сквозь слезы, — а вы и с одним справиться не в состоянии. Отец у них пьяница. Вы существуете за счет социальной помощи. И оставляете маленьких девочек одних с этим... шакалом. Вы позволяете сыну глумиться над ними. Господи! Вы позволили сыну так поступить! Одному богу известно, что там у вас в доме происходит!

После этих слов дочь Патчей встала и расплакалась, слезы текли мимо ярких звезд на щеках. Она присоединилась к подругам в середине комнаты, где молодой человек бормотал утешительные слова, стараясь добиться того, чтобы девочки посмотрели ему в глаза.

— Я не хочу, чтобы они здесь находились! Пусть уходят! — снова завопила Крисси.

— Где Бен, Пэтти? — спросила Мэгги Хинкель. Ее дочь с плоским, как лопата, лицом сидела совершенно безучастная ко всему, что происходило вокруг. — Полиция очень хочет побеседовать с Беном. Надеюсь, ты его не прячешь.

— Я? Я пытаюсь его найти. Я пытаюсь во всем разобраться и все уладить. Пожалуйста. Пожалуйста, помогите. Простите меня. Пожалуйста, не кричите.

Дочь Мэгги Хинкель как будто очнулась и потянула мать за рукав:

— Мама, я хочу уйти.

Остальные девочки продолжали голосить, наблюдая друг за другом. Пэтти посмотрела на Крисси на полу, потом на психолога, который по-прежнему бережно держал в руках голую куклу-мальчика, изображавшую Бена. Желудок скрутило, и она почувствовала во рту привкус кислоты.

— Думаю, вам следует уйти, — сказала мать Крисси, поднимая дочь, как маленькую; ноги девочки доставали до пола, и мать согнулась под ее весом.

Молодой психолог поднялся, встал между Пэтти и миссис Кейтс. Он почти положил руку на плечо Пэтти, но потом перенес на плечо миссис Кейтс. Диана начала звать Пэтти от двери — если бы не она, Пэтти, наверное, не поняла бы, что надо идти. Она все ждала, когда все на нее набросятся, чтобы выцарапать глаза.

— Простите, простите, — неистово кричала она в комнату, чувствуя, что все плывет перед глазами. — Это ошибка, простите.

Перед ней снова возник Лу Кейтс, схватил ее под руку (будто не он только что приглашал их войти) и силком повел к двери под аккомпанемент четырех голосащих сзади девочек. Кругом были отцы и матери — взрослые, которые хлопотали над своими чадами, и Пэтти вдруг ощутила себя дурой. Не глупой, не смущенной, а именно совершенной, круглой дурой. Родители ворковали над дочками: «Ты молодец, все хорошо, она уходит, тебе больше ничего не угрожает, все будет хорошо, тише, тише, доченька».

Прежде чем Лу Кейтс выставил ее из комнаты, Пэтти обернулась и увидела Крисси в объятиях матери. Прядь светлых волос закрывала один глаз, девочка посмотрела на нее другим и произнесла как-то очень просто и буднично:

— Бен отправится в ад.

Либби Дэй

Наши дни

Итак, я уполномочена найти Раннера, но бурная деятельность на прошлой неделе совершенно меня вымотала, решимость выплеснулась и несвежей ночнушкой валялась рядом с кроватью. Я не смогла подняться, даже когда услышала, что под окнами сонными уточками топают смешные малыши. Я представила, как, обутые в высокие резиновые сапожки, они оставляют круглые следы в мартовском месиве, но все равно не смогла пошевелиться.

Мне приснился кошмар — из тех, про которые сам себе говоришь, что это всего лишь дурной сон — не более, он ничего не значит и не стоит из-за него беспокоиться. Дело было на нашей ферме, правда мало похожей на реальную — во сне это было чистое, ухоженное место. И все-таки это была наша ферма, и на фоне оранжевого горизонта я увидела скачущего ко мне галопом Раннера с улюлюканьем ковбоя Дикого Запада. Когда он приблизился, спустившись с нашей горы, и въехал в ворота, я увидела, что галоп вовсе не галоп, а движение рывками и толчками, потому что его лошадь передвигалась на колесах. Верхняя часть была из плоти и крови, а вот нижняя оказалась металлической, с длинными прутьями, как раздолбанная больничная каталка. Лошадь тревожно заржала, глядя на меня, шея напряглась, потому что она пыталась отделиться от металлического низа. Раннер прыгнул на землю, странное существо откатилось в сторону, остановилось у пня, но по дороге потеряло одно колесо. Глаза у него побелели, но оно не оставляло отчаянных попыток оторваться от металлической основы.

— Не обращай внимания, — сказал Раннер, с улыбкой глядя на лошадь. — Я за нее заплатил.

— Неудачное приобретение, — сказала я.

Раннер сжал зубы и встал чересчур близко ко мне.

— А твоя мать говорит, что лошадка нормальная, — буркнул он.

«Ага! — подумала я. — Значит, мама жива!» Мысль была абсолютно реальна и осязаема, как камешек в кармане. Мама жива. Надо же быть такой дурой, чтобы все эти годы считать, что ее нет в живых.

— Ты лучше сначала приведи в порядок руку, — сказал Раннер, тыча в обрубок вместо безымянного пальца на моей руке. — Смотри, что я тебе

привез. Надеюсь, это тебе понравится больше, чем лошадка. — Он потряс над головой матерчатым мешочком, похожим на мешочек для хранения лото или фишек.

— Нет-нет, лошадь мне очень нравится, — сказала я, пытаюсь подавить в себе неприязнь. Лошадь между тем уже выдрала филейную часть из металлического остова и истекала густой, как нефть, темно-красной жидкостью.

Раннер извлек из мешочка восемь или девять пальцев. Каждый раз, когда я брала палец, похожий на собственный, он оказывался либо мизинцем, либо пальцем от мужской руки, либо не подходил мне по цвету или размеру.

— Взяла бы хоть какой-нибудь! — Раннер обиженно поджал губы. — Подумаешь, делов-то!

Я взяла палец, имевший весьма отдаленное сходство с ампутированным, и Раннер пришил его к моей руке. Истерзанная лошадь кричала позади нас, как перепуганная и обозленная женщина. Раннер швырнул в нее невесть откуда взявшейся лопатой и разрубил ее на две части — они продолжали дергаться на земле.

— Глянь-ка, — причмокнул губами Раннер, — почти как новенький.

У меня на руке между двумя небольшими пальцами торчал похожий на картофелину большой палец ноги, пришитый грубыми ленивыми стежками. Рядом вдруг оказалась подружка Раннера Пегги:

— Милый, ты что, забыл — ее матери здесь нет? Мы же ее убили.

Раннер стукнул себя по лбу, как человек, который забыл купить домой молока:

— Ах да! Надо же, из головы вылетело! Я же их всех того. Всех, кроме Либби.

Мы стояли втроем и хлопали глазами, глядя друг на друга; в воздухе запахло опасностью. Раннер вернулся к лошади, подобрал лопату. В его руках она превратилась в топор.

В этом месте я пробудилась, дернувшись так, что сбросила лампу с прикроватной тумбочки. Рассвет только-только занимался, я опустила голову вниз и посмотрела на валявшуюся у кровати включенную лампу, решив, что она, наверное, прожжет в ковре дыру.

И вот за окном уже самое настоящее утро, а я по-прежнему не в состоянии двигаться.

Но в комнате Бена горел свет! Это была сегодня первая имевшая отношение к реальности мысль: в ту ночь в комнате у Бена горел свет и кто-то разговаривал. Хотелось прекратить об этом думать, но мысль

назойливо возвращалась. С чего бы это не владеющий собой убийца зашел в его комнату, закрыл за собой дверь, включил свет да еще начал болтать?

Да, в комнате Бена горел свет. Можно забыть обо всем другом: о жаждущем мести Лу Кейтсе, об обезумевшем от долгов Раннере, об отморозках, которые хотели его проучить и поэтому уничтожили его семью. Бог с ним, с тем рыком, который я слышала, — он мог и не принадлежать Бену. Но когда мы легли спать, Бена дома не было, а когда я проснулась, у него горел свет. Помню, я даже вздохнула с облегчением: Бен дома и их с мамой ссора закончилась хотя бы на сегодня, потому что у него горит свет и он там у себя за дверью разговаривает, может быть, по своему новому телефону, может, сам с собой. Но свет горел!

И кто она, эта Диондра?!

Приготовившись подняться, я откинула одеяло. От постели тянуло затхлостью, простыни посерели. Когда же я последний раз меняла белье? Да и вообще, как часто его нужно менять? Этому не научишься. Я начала менять постель после секса, потому что несколько лет назад подсмотрела это в кино по телику: в каком-то ужастике Гленн Клоуз сделала это сразу после постельной сцены. Не помню, что там было дальше, потому что подумала только об одном: ага, значит, белье меняют после секса. Вполне логично, но раньше я почему-то об этом не задумывалась. Я росла дикой, впрочем, такой по большей части и осталась.

Я выбралась из кровати, водрузила лампу обратно на тумбочку и демонстративно (оставалось только беззаботно посвистывать) прошла в гостиную мимо автоответчика, чтобы он не заподозрил, что меня интересует, не звонил ли один человек. Надо же, от Дианы — ни звука. А ведь прошло целых четыре дня.

Ну и ладно, у меня есть и другая родня.

На этот раз Бен уже ждал меня в комнате для свиданий. Он неподвижно сидел по ту сторону стеклянной перегородки и смотрел в одну точку, этакий манекен в комбинезоне. Я хотела ему сказать, чтобы он так себя со мной не вел, потому что у меня от этого мороз по коже, но промолчала, потому что раз у меня мороз по коже, значит, я не убеждена в его невинности.

Хотя так оно, наверное, и было.

Стул, на который я села, хранил влажное тепло предыдущего посетителя, что в этой обстановке создавало неприятное ощущение невероятной близости. Стараясь скрыть отвращение, я покрутилась на

месте, изгоняя из пластика память о предшественнике, но телефонная трубка тоже была потной. Не знаю, что отразилось у меня на лице, но Бен нахмурился.

— У тебя все нормально? — спросил он, и я кивнула: да, конечно, все в полном порядке.

— Значит, ты снова здесь.

Он улыбнулся. Настороженно, но Бен и раньше всегда был настороже. Во время семейного торжества, в последний день учебного года — у него всегда был вид ребенка, который живет в библиотеке, поэтому он готов к тому, что его попросят не шуметь.

— Да, я снова здесь.

Красавцем его не назовешь, но у него приятное лицо, причем лицо порядочного человека. Заметив, что я его разглядываю, он опустил глаза вниз, на свои руки, пожалуй чересчур крупные для его невысокого роста и тонкой кости. Руки пианиста, хотя в нашей семье никто никогда не играл на пианино. Многочисленные шрамы, неглубокие, несерьезные, темно-розовые конфетти следов от укусов и царапин. Он поймал мой взгляд, поднял одну руку и показал на палец:

— Видишь, в поло сыграл.

Я засмеялась, поняв, что он тут же пожалел о своей шутке.

— Вообще-то ты должна знать, откуда этот шрам. Это память о Желтом-пять, помнишь того юного мерзавца?

Ферма у нас была небольшая, но мы все равно не давали бычкам имена. Сколько себя помню, никогда не хотела привязываться ко всяким Солнышкам, Хэнкам и Брюшкам, потому что, как только они немного подрастали, их отправляли на бойню. Через шестнадцать месяцев после рождения — как сейчас помню. Как только им исполнялся год, их начинали обхаживать и посматривать на них с нетерпением и неприязнью, как на громко пукающего гостя. Вместо имен во время рождения бычков мы присваивали им цвет и номер в зависимости от коровы-матери: Зеленый-1, Рыжий-2, Синий-3. Они выскальзывали из материнской утробы прямо на грязный пол коровника, дрыгали ногами в воздухе, сразу же пытались встать в навозной жиже. Люди считают скот покорным и легко управляемым. Но это никоим образом не распространяется на телят и молодых бычков! Они любопытны и игривы, как котята, и по этой причине мне никогда не разрешали входить к ним в загон — я смотрела на них из-за перекладины ограды. Помню, как Бен в резиновых сапогах осторожно к ним подбирается, двигаясь медленно и с трудом, как космонавт, подходит совсем близко, а потом делает движение руками, будто пытается схватить

рыбину в реке. Желтый-5 — по крайней мере, имя всплыло в памяти — наш знаменитый бычок, который ни в какую не хотел, чтобы его кастрировали. Бедные мама и Бен! Они каждый день пытались с ним сладить, но каждый раз возвращались к ужину побежденными. Бычок оказывался хитрее. В первый вечер мы шутили, обращаясь к бифштексу, как будто он Желтый-5: «Ох, как ты пожалеешь, Желтый-5». На второй вечер это был смех сквозь слезы, а на пятый мы все хранили угрюмое молчание, а маму и Бена это заставляло задуматься, что у них толком ничего не получается: они слабые, ничтожные, нерасторопные неумехи.

Если бы не Бен, я бы так и не вспомнила о непокорном бычке. Хотелось попросить брата составить список того, что стоит вспомнить и что без его помощи я не смогу извлечь из памяти.

— Он тебя укусил?

— Нет, все было куда прозаичнее. Он оттолкнул меня как раз в тот момент, когда я решил, что он у меня в руках. Взял и боднул, я отлетел к забору и наткнулся на торчавший гвоздь. Между прочим, тот самый, который мама раз пять просила меня забить. Так что это случилось исключительно по моей собственной вине.

Я пыталась придумать, что сказать, — наверное, Бен ждет от меня чего-нибудь остроумного, чего-нибудь сочувственного, но он прервал мои мысли:

— В общем, этот шрам — от Желтого-пять. — На его лице мелькнула улыбка, потом он со вздохом опустил плечи. — Помню, как Дебби хлопотала вокруг: наложила на ранку пластырь с пропиткой, а сверху прилепила один из своих ярких стикеров — нечто с сердечками или чем-то в этом духе.

— Она обожала эти стикеры, — сказала я.

— Мне кажется, она цепляла их на все подряд.

Я вздохнула, решая, не коснуться ли еще какой-нибудь безобидной темы, скажем погоды, но передумала:

— Послушай, Бен, можно, я задам тебе один вопрос?

Он тут же напрягся, глаза сделались чужими и холодными, как у акулы, и я снова увидела перед собой осужденного, в любую минуту готового к тому, что на его голову посыплются неприятности или один за другим вопросы, а сам он задавать их не имеет права. Я вдруг поняла, какая же это роскошь, если можно себе позволить игнорировать вопрос: «О нет, увольте, об этом я говорить не желаю». Самое страшное, что за этим может последовать, — тебя просто посчитают грубиянкой.

— Ту ночь помнишь?

Он посмотрел на меня с удивлением. Конечно, помнит.

— Может, я что-нибудь и напутала насчет того, что именно тогда произошло... — сбивчиво начала я.

Он подался вперед, руки вцепились в трубку, словно это был экстренный ночной звонок.

— Но что я доподлинно помню, в чем жизнью могу поклясться... у тебя горел свет. В твоей комнате. Я заметила внизу под дверью. И еще там разговаривали. У тебя в комнате.

Я замолчала, надеясь, что он придет на помощь. Он не пришел, предоставив мне несколько секунд пребывать в состоянии свободного падения, — точно так же, поскользнувшись на льду, прежде чем шлепнуться, только и успеваешь подумать: «Ой, падаю».

— Что-то новенькое, — наконец произнес он.

— Что?

— Новый вопрос. Вот уж не думал, что появятся новые вопросы. Поздравляю.

Я вдруг заметила, что мы сидим в одинаковой позе, уперев ладонь в ребро стола, словно вот-вот готовы оттолкнуть от себя еду, оставшуюся с предыдущего приема пищи. Это поза Раннера, я вспомнила, что он так сидел, когда мы последний раз виделись лет пять или шесть тому назад. Ему нужны были деньги, и он сначала всячески подлизывался: «Либби, детка, может, ты сумеешь помочь своему бедному отцу?» Я тут же ответила «нет» — нерешительно, но неожиданно для себя. «А почему?» — разозлился он, отрывая от стола только локти и продолжая упираться в него ладонями, а я начала прикидывать в уме, сколько времени уйдет на то, чтобы он встал.

— Накануне вечером я сбежал, — сказал Бен. — Мы с мамой снова поругались, когда я был дома.

— Из-за Крисси Кейтс?

Он вздрогнул, но не стал отрицать:

— Да. Но мама мне поверила, она полностью встала на мою сторону. Вообще в этом плане она была удивительным человеком: даже если очень сердилась, в глубине души ты всегда знал, что она все равно на твоей стороне. Она мне поверила. Но очень рассердилась и... просто была напугана. Я ведь невольно продержал ее в полном неведении часов шестнадцать — я и сам не знал, что происходит, тогда же не было мобильной связи. Это сейчас, я слышал, можно целый день находиться где угодно и разговаривать по телефону.

— Да, но...

— Да, мы поругались, точно не помню, кажется, из-за Крисси Кейтс, или мы с нее начали, а потом пошло-поехало. Она меня вроде как наказала, запретила выходить из дома и велела идти в комнату. Я пошел, а через час ссора возобновилась, и я сбежал, оставив радио и свет включенными, чтобы она думала, что я дома, если ночью выйдет в туалет. Ты ведь знаешь, если уж она засыпала, то спала беспробудно и вряд ли отправилась бы меня проверять.

В устах Бена эти тридцать с чем-то шагов для мамы звучали невероятно трудным путешествием, но это была чистая правда: едва она засыпала, она была совершенно ни на что не годна. Даже почти не двигалась во сне. Помню, я неоднократно испуганно простаивала над ней, глядела на бездыханное тело не мигая, до слез в глазах, пытаюсь заметить хоть какое-то колыхание, услышать хоть какой-нибудь звук. Подтолкни ее и отпусти — и она снова окажется в прежнем положении. У каждого из нас, детей, были в запасе истории о том, как мы ночью встречались с ней во время походов в туалет: она сидела на унитазе, смотрела на нас и не видела, словно мы сделаны из стекла. «Я просто ничего не знаю о сорго» или «Семена уже взошли?» — говорила она при этом и, шаркая, удалялась к себе комнату.

— Ты рассказывал об этом в полиции?

— О чем ты говоришь, Либби?! Что толку!

— Рассказывал или нет?

— Нет. И какое это имело бы значение? Они уже знали, что у нас была ссора. Говорить им, что было две? А смысл?! Я пробыл дома, наверное, всего час. Больше ничего не произошло, ни к каким последствиям это не могло привести.

Мы посмотрели друг на друга.

— Кто такая Диондра?

Я заметила, что он еще больше старается не реагировать. Я заметила, что он задумался. То, что он сбежал из дома, могло быть или не быть правдой, но сейчас я точно знала, что он собирается солгать. Имя на него явно подействовало. Он слегка наклонил голову вправо, будто говоря: «Странно, что ты об этом спрашиваешь», и взял себя в руки.

— Диондра? — Он тянул время, силясь понять, много ли мне известно. Я сделала каменное лицо. — А, Диондра... девчонка из школы... Откуда ты взяла это имя?

— Я нашла записку, которую она тебе написала. Судя по содержанию, она была для тебя больше, чем «девчонкой из школы».

— Ха! Да она, помню, была явно не в себе и вечно писала какие-то

записки. Очень ей хотелось, чтобы ее считали неуправляемой.

— А мне казалось, у тебя не было подружки.

— Конечно не было. Господи, Либби, как можно связать какую-то там записку с наличием подружки?

— На основании содержания записки. — Я внутренне напряглась, зная, что меня вот-вот постигнет разочарование.

— Не знаю, что тебе ответить. Жаль, что не могу сказать, что она была моей подружкой. Она была совершенно не моего поля ягода. Я даже не помню, что получал от нее какую-то записку. Ты уверена, что там стояло мое имя? Да и где ты ее нашла?

— Неважно, — сказала я, отодвигая от уха телефонную трубку, чтобы он понял, что я собираюсь уходить.

— Либби, погоди! Пожалуйста, не уходи.

— Не вижу смысла оставаться, раз ты ведешь себя со мной, как... как зэк.

— Либби, погоди же ты! Извини, что не могу дать тебе такой ответ, который ты бы хотела от меня получить.

— Я хочу знать правду.

— Я тоже хочу рассказать тебе правду, а ты будто все время ищешь... какой-то подтекст. Просто я... господи, после стольких лет ко мне наконец приходит младшая сестра, и мне кажется, что все не так плохо. Двадцать четыре года назад она не могла мне помочь, но я это пережил, причем настолько, что, когда ее увидел, страшно обрадовался. Сижу здесь, в этом гребаной загончике, жду встречи с тобой, нервничаю, как перед свиданием с девушкой, ты появляешься, и я думаю, что, может быть, не так все плохо в этой жизни. Может быть, теперь, когда ко мне приходит родной человек, я не буду чувствовать себя так безумно одиноко, потому что... Я знаю, ты общалась с Магдой, поверь, я слышал об этом в мельчайших подробностях, то есть, конечно, имеются люди, которые сюда приезжают, проявляют заботу, но они не ты. Они меня знают только как человека с... и мне казалось, как здорово, что я имею возможность поговорить с сестрой — она меня знает, она помнит нашу общую семью, ей известно, что мы были нормальными, обыкновенными людьми. И как здорово, что мы можем посмеяться над нашими быками и коровами. Вот и все, я больше ничего у тебя не прошу. Только это. Поэтому мне и хочется рассказать тебе такое, от чего ты... снова меня не возненавидела бы. — Он опустил глаза на собственное отражение в стекле. — Но я не могу.

Бен Дэй

2 января 1985 года

17:58

У Диондры обозначился небольшой живот, это вызывало смятение, пугало до смерти; и вот уже несколько недель она говорит о «шевелении». Ребенок начал двигаться, и это было особенное, очень важное событие, поэтому Бену приходилось все время класть руку ей на живот — иначе он не почувствует, как ребенок толкается. Про себя он гордился, что и живот, и ребенок появились благодаря ему, но прикасаться к животу и даже на него смотреть совсем не нравилось. Странно и непривычно — плоть твердая, но в то же время какая-то комковатая, как испортившийся окорок, и дотрагиваться до этого было занятием не из приятных. На протяжении этих недель она беспрестанно хватала его руку и прижимала к животу, внимательно глядя ему в лицо в ожидании реакции, а потом начинала на него кричать, что он ничего не чувствует. Поначалу он даже думал, уж не очередная ли это ее шутка — беременность? Чтобы он чувствовал себя идиотом. Рука, лежавшая на этом бугре под кожей, потела, и, ощущая урчание под ладонью, он думал: может, это никакой не ребенок, а всего лишь несварение желудка? Он переживал. Переживал, что, если ничего не почувствует (а он действительно ничего не чувствовал в первые недели шевеления), Диондра развопится: «Да здесь же! Как можно ничего не чувствовать, если у меня в матке словно пушка стреляет!» Переживал, что, если в конце концов скажет — да, чувствует, она будет долго смеяться прямо ему в лицо, и покрытые лаком кудряшки будут трястись, как ветки деревьев на ветру после снегопада, потому что какая она, к черту, беременная — разве он не понимает, что она попросту его разыгрывает?

Он даже искал доказательства ее лжи в виде этих огромных окровавленных прокладок, которые его мать, например, тщательно заворачивала, прежде чем выбросить в мусор, но которые в течение дня сами разворачивались. Какие еще доказательства можно искать, он не знал, как не знал и того, вправе ли задать вопрос, его ли это ребенок. Диондра говорит — его, остается верить.

Но за последний месяц стало совершенно ясно, что она действительно беременна, особенно если увидеть ее голой. Она по-прежнему ходила в школу, по-прежнему надевала эти свои огромные мешковатые свитера, но

джинсы не застегивала на пуговицу и не до конца закрывала молнию — холмик живота становился все больше, она держала его обеими руками и постоянно гладила, словно магический кристалл их неясного и безрадостного будущего. Однажды она снова схватила его руку, и он почувствовал, что его толкают, и вдруг заметил, как под кожей на мгновение обозначилась крохотная ступня и тут же исчезла.

— Господи! Да что с тобой? Ты же у коров роды принимаешь! А это всего лишь младенец! — воскликнула Диондра; когда он тут же отдернул руку, снова подхватила ее и приложила к дергающемуся чему-то внутри себя.

Бен в это время подумал: «Легко сказать, отел — это совсем не то что младенец», а потом мысленно взмолился: «Ну отпусти руку. Отпусти, отпусти», словно ЭТО нечто, как в ночном ужастике, которые показывают по телику, может затащить его к себе. Он так и думал: «ЭТО», а не «ребенок».

Может, когда началось шевеление, нужно было больше об этом разговаривать, но она вдруг надулась и несколько дней подряд хранила гордое молчание. Оказывается, по столь значительному случаю он должен был ей что-то подарить, потому что беременным дарят подарки, когда плод начинает шевелиться, а ее родители, между прочим, когда у нее первый раз пришли месячные, подарили ей золотой браслет — вот так-то. Раз он не подумал о подарке, чтобы заслужить прощение, он должен был десять раз подряд кончить — таково было ее условие. Наверное, она выбрала именно этот способ отработки долга, потому что, в принципе, ему не очень нравится этим заниматься: специфический запах вызывает тошноту, особенно сейчас, когда все там кажется каким-то побывавшим в употреблении, подержанным, сильно изношенным. Это больше походило на наказание, потому что ей, судя по всему, тоже не доставляло удовольствия, она орала на него, требовала давить сильнее, лезть глубже и в конце концов, раздраженно и шумно вздохнув, хватала его за уши и тянула к тому нужному ей месту, а он в это время думал, какая же она сука, и, кончив, вытирал после нее рот. Но оставалось еще восемь раз (вот зараза!)... «Может, тебе водички, солнышко?» А она в ответ: «Нет, водичка скорее нужна тебе, а то от тебя знаешь чем сейчас несет» — и хохочет.

Конечно, ему известно, что у беременных часто случаются перепады настроения, но в остальном она вела себя совсем не как беременная. По-прежнему курила и пила, чего во время беременности делать нельзя, но она заявляла, что от этого отказываются только заикленные на своем здоровье идиотки. И планов никаких не строила. Она вообще мало что говорила о

том, что они будут делать, когда она родится. Диондра так и не пошла к врачу, но не сомневалась, что будет девочка, потому что в первый месяц ее мучил ужасный токсикоз, а это бывает только с девочками. Она с уверенностью говорила о девочке, которая из нее выйдет, но более ни о чем, что было бы как-то связано с будущим. Он сначала даже предположил, что она сделает аборт, и однажды сказал, *если ты родишь, вместо когда*, отчего она совершенно слетела с катушек, — он больше ни за что на свете не хочет повторения той сцены. Она непредсказуема и в своем самом спокойном состоянии — а тут на его глазах развернулась самая настоящая природная катастрофа: она царапалась, кричала, налетала на него с кулаками, вопя, что никто никогда в жизни не говорил ей ничего ужаснее, это же и твоя плоть и кровь, что ты такое несешь, ты, говнюк и мразь?!

Ни о каком другом будущем речь не велась, да и не могут они строить планы, потому что отец буквально ее убьет, если узнает, что она забеременела, не выйдя замуж. Убьет уже за то, что она вообще спит с парнем, не будучи замужем. У ее родителей одно-единственное условие: дотронуться до себя она сможет позволить только мужу. Когда ей исполнилось шестнадцать, отец подарил ей совершенно особенное кольцо — золотое, похожее на те, которые дарят по случаю помолвки, с огромным красным камнем. Она носила его на пальце, где носят обручальные кольца, и для отца это означало, что и ему и себе она дает зарок до замужества оставаться девственницей. Этот идиотизм выводил Бена из себя — очень уж это было похоже на то, что человек замужем за собственным отцом. Но Диондра говорила, что это скорее нечто вроде способа контроля для папиного спокойствия. Он взял с нее одно-единственное обещание, он на нем настаивал, и — черт возьми! — лучше уж сохранять видимость. От этого у него легче на душе — и на несколько месяцев подряд он может оставлять ее исключительно под присмотром собак. Только в этом он и видит свой отцовский долг: пусть дочь пьет, пусть балуется наркотиками, зато она девственница, поэтому меня не могут считать неудачником, хоть я и произвожу такое впечатление.

Она произносила это сквозь слезы и обычно незадолго до той стадии, когда вырубалась. Папа всегда говорит: если узнает, что она нарушила обещание, за волосы выволочет ее из дома и пристрелит. Так и будет, ведь он воевал во Вьетнаме, вот она ничего и не планирует. Поэтому Бен сам составил список того, что может понадобиться, и как раз накануне Рождества на барахолке в Делфосе купил кое-что, пусть и не новое, зато по дешевке. Было ужасно неудобно рассматривать вещи, поэтому он приобрел у женщины весь ассортимент за восемь долларов. В свертке оказалось

нижнее белье для маленькой девочки от годика и старше, целая куча ношенных штанишек (женщина все время называла их рейтузиками) — вот и славно, потому что малышам совершенно точно необходимо нижнее белье. Он сложил покупки у себя под кроватью, порадовавшись, что может закрывать комнату на замок, потому что иначе сестры, обнаружив запасы, умыкнут все, что им подойдет. Но все равно он, наверное, мало думает о будущем ребенке. Впрочем, Диондра, кажется, думает и того меньше.

— Нам нужно отсюда уехать, — вдруг совершенно неожиданно подала она голос. Волосы по-прежнему прикрывали часть ее лица, в животе под рукой Бена, словно по проложенным тоннелям, туда-сюда сновал ребенок. Она слегка повернулась к Бену, на его руке лениво развалилась правая грудь. — Я больше не могу это скрывать. В любой момент вернутся родители. Ты уверен, что Мишель не догадывается?

Однажды Диондра прислала ему записку о том, как сильно она его хочет *даже сейчас*, а везде сующая свой любопытный нос Мишель ее нашла, когда шарила у него по карманам. Маленькая паршивка потом его шантажировала: десять долларов за то, что она не скажет маме. Когда Бен рассказал об этом Диондре, та рассвирепела. «Эта дрянь в любую минуту может на нас настучать — считаешь, это нормально? Это на твоей совести, Бен. Все из-за тебя». Диондра не могла избавиться от страха, что по этим двум словам «даже сейчас» Мишель каким-то образом догадается, что она беременна, и их разоблачат «из-за, блин, малолетки, как вам это нравится!»

— Нет, она больше об этом не заговаривала.

Он лгал, потому что не далее как вчера Мишель, заглядывая ему в глаза и уперев руки в боки, затынула с издевкой в голосе: «Ну что, Бе-э-эн, как там твой се-э-экс?» Мишель такая вредная, такая противная. Она и раньше его шантажировала — или он чего-то по дому не сделал, или стырил из холодильника лишний кусок. По мелочам. Всегда находились какие-то мелкие гадости — и Мишель тут как тут, одним своим видом напоминающая, до чего убога его жизнь. А деньги она тратила на пончики со сладкой начинкой.

Рядом в комнате Трей громко рыгнул и смачно сплюнул. Бен представил, как собаки слизывают желтый плевок, стекающий вниз по стеклу в двери. Трей с Диондрой часто плевали направо-налево. А Трей, бывало, плевал прямо в воздух, и собаки ловили плевки на лету. (Диондра говорит: «Подумаешь, часть содержимого из одного тела переходит в другое — только и всего. Что-то не похоже, что тебя очень волнует, когда ты перебрасываешь в меня часть своего содержимого».)

Телевизор в соседней комнате звучал все громче — «Эй вы там, хорош, а то надоело», — и Бен пытался придумать, что бы такое ей сказать. Иногда ему казалось, что он никогда ничего не говорит Диондре просто так — между ними происходят не разговоры, а бесконечные словесные перепалки, стычки и кулачные бои, во время которых он постоянно пытается защититься от ее вечного раздражения и сказать то, чего она от него ждет. Но он ее любит, действительно любит, а как поступает мужчина с любимой женщиной? Говорит то, что она хочет услышать, и закрывает рот. Он сделал ей ребенка, теперь он ее раб и обязан ее полностью обеспечивать. Придется уйти из школы и устроиться на работу, что очень хорошо. Знакомый пацан в прошлом году бросил школу, устроился на кирпичный завод и за год заработал двенадцать тысяч долларов. Трудно даже представить, на что можно потратить такую прорву денег. В общем, он уйдет из школы, что тоже хорошо, если учесть, что там Диондра себе напридумывала после услышанного о Крисси Кейтс.

Чушь собачья, заставившая его поначалу даже попереживать, что поползли какие-то слухи, но потом он ощутил нечто вроде гордости. Она совсем ребенок, но какой! Ее знают даже старшеклассницы — вон ведь как она их интересуется. Ничего удивительного — хорошенькая, воспитанная девочка, так что это даже круто, что такая девчонка по уши влюбилась в него. Конечно, все, что Диондра ему сейчас наговорила, — не более чем ее обычное преувеличение. Что ж, у нее иногда случаются истерики.

— Эй, алё, очнись! Витаешь в облаках?! Я говорю, нам придется отсюда уехать.

— Хорошо, значит, уедем. — Он попытался ее поцеловать, но она его оттолкнула.

— Да ты что?! Так просто?! Куда мы поедem?! Как ты нас будешь обеспечивать?! У меня, знаешь ли, больше не будет денег, которыми меня сейчас снабжают родители. Тебе придется устроиться на работу.

— Хорошо, значит, устроюсь. Да вот хотя бы в Уичито к твоему дяде — или кто он там тебе.

Она посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Ну... в этот... его магазин спорттоваров, — продолжал он гнуть свое.

— Тебе всего пятнадцать лет — ты не можешь там работать. Ты не водишь машину. Мне вообще кажется, что без разрешения матери ты не можешь устроиться работать. Когда там тебе стукнет шестнадцать?

— Тринадцатого июля. — Он сказал это, чувствуя себя так, словно надул в штаны.

Она расплакалась:

— Боже мой, боже мой, что же нам делать?!

— Дядя помочь не сможет?

— Он все расскажет родителям — какая там помощь!

Она поднялась, голая, живот так опасно выпирал и казался настолько лишенным поддержки, что хотелось подставить снизу руку. Он смотрел на нее и думал, что она еще больше раздастся вширь. Она пошла принимать душ, так и не накинув ничего сверху, хотя, если Трей до сих пор на диване, он ее со своего места увидит. В ванной утробно загудели трубы и полилась вода. Все — разговор закончен. Бен обтерся махровым полотенцем, которое взял возле корзины для белья, втиснулся в кожаные штаны, надел футболку и присел на краешке кровати, представляя, как Трей начнет упражняться в остроумии, когда они вернутся назад в гостиную.

Через несколько минут в спальню впорхнула Диондра с красным полотенцем на голове и, не глядя в его сторону, уселась перед туалетным столиком с зеркалом, выдавила в ладошку пену размером с кучку собачьего дерьма и начала наносить на волосы, тут же прядь за прядью подсушивая их феном: кучку на волосы — сушка, кучку на волосы — сушка.

Он не знал, выйти из спальни или остаться, поэтому тихо сидел на кровати, пытаясь поймать ее взгляд. Она влила в ладошку темную массу тонального крема (так, наверное, художник разводит краски) и начала втирать в кожу. (Некоторые девчонки — он слышал собственными ушами — говорят, что у нее не лицо, а маска. Но ему нравится: оно становится таким гладким и загорелым, хотя при этом шея кажется блее — прямо как ванильное мороженое, политое карамельным сиропом.) Потом она принялась за ресницы — и нанесла три слоя туши. (Она всегда говорит, что нужны три: первый — чтобы сделать ресницы темнее, второй — гуще и пушистее, а третий — для пущего эффекта.) Наконец очередь дошла до помады: нижний слой, верхний слой, блеск для губ. Она заметила его взгляд, остановилась и начала промокать губы о крошечные белые треугольнички, оставляя на них фиолетовые следы, словно от поцелуев.

— Ты должен попросить денег у Раннера, — сказала она, глядя на него из зеркала.

— У отца?

— Да. Они ведь у него есть? Трей всегда покупает у него траву.

Она бросила полотенце, выдвинула из комода ящик с нижним бельем — настоящими залежами ярких кружавчиков, оборочек и блестящего атласа, — покопалась в нем и вытащила трусики и лифчик алого цвета, отделанные черным кружевом, как в вестернах у девиц из салунов.

— Ты уверена, что мы с тобой имеем в виду одного и того же человека? — спросил Бен. — Мой отец занимается мелким ремонтом на фермах — вот его работа.

Диондра вытаращила на него глаза, одновременно безуспешно пытаюсь застегнуть лифчик, из чашечек которого гигантскими яйцами вываливалась грудь. В конце концов она отшвырнула неслушающийся предмет туалета: «Гребаная фигня! нужен другой!» — и гневно воззрилась на Бена, но тут прямо на глазах с нее начали сползать трусики. Ничего из ее соблазнительного нижнего белья ей больше не подходит. Бен подумал: какая пузатая, но потом мысленно поправил себя: беременная.

— Ты это серьезно? Ты не в курсе делишек своего папеньки? Он еще на прошлой неделе продал дурь нам с Треем. — Она отшвырнула и трусики, потом надела другой — простенький — лифчик и новые джинсы, больше подходившие под ее новые размеры.

Бен ни разу не покупал наркоту самостоятельно. Трей, Диондра, да и все в их компании, у кого было что покурить, давали затянуться, иногда он участвовал в складчине, добавляя пару долларов в общий котел. В его представлении у человека, который это продает, золотая цепь на шее, пальцы в кольцах и прилизанные волосы — отец, в старой бейсболке, далеко не новых рубашках и в ковбойских сапогах, не вписывался в этот образ. Нет, он никак не может этим заниматься. И потом, у тех, кто торгует наркотой, водятся деньги, так что весь этот спор — полная чушь. Но даже если бы он и торговал наркотой и у него действительно водились деньги, он бы не дал Бену ни цента. Он бы поднял его на смех, возможно, даже протянул ему двадцатидолларовую бумажку, но так, чтобы он не мог до нее дотянуться, а потом посмеялся бы и сунул ее обратно в карман джинсов. У Раннера никогда не было бумажника, он совал скомканные доллары в передние карманы джинсов; разве это не достаточное доказательство, что денег у него нет!

— Трей! — крикнула Диондра в сторону коридора.

Она рывком вошла в новый свитер, оторвала ценник, швырнула на пол и тяжело вышла из спальни. Бен снова оказался в окружении плакатов с рок-музыкантами и астрологическими знаками (Диондра — Скорпион и очень серьезно к этому относится), магических кристаллов и книг по нумерологии. Вокруг зеркала было полно высохших букетиков на булавках, чтобы прикалывать к платью, которые дарил Диондре не он — почти все были от старшеклассника из Хайаваты по имени Гэри. Даже Трей говорил, что он редкий мудак. Естественно, Трей его знает.

Эти букетики с розово-фиолетовыми изгибами и складочками

выбивали Бена из колеи, потому что были похожи на органы. Сейчас они напомнили о вонючих комочках плоти в его ящике в школе — жуткий подарочек, который оставила ему Диондра, это были женские органы какого-то животного. Она так и не призналась, где их раздобыла, лишь намекнув, что это — часть кровавого жертвоприношения, которое они совершили с Треем. Но Бен решил, что, скорее всего, это то, что осталось после опытов на уроке биологии. Как же ей нравится над ним издеваться! Когда они на уроке препарировали новорожденного поросенка, она притащила ему хвостик, посчитав, что это невероятно смешно. Но это было не уморительно, а отвратительно. Он поднялся и пошел в гостиную.

— Эх ты, дурачина и простофиля! — Трей подал голос с дивана. Он только что раскурил косяк, не отрываясь от клипа. — Ты правда не знаешь, чем занимается твой папашка? Ну ты, чувак, даешь! — Линии его голого, чуть впалого смуглого живота отличались совершенством. Под головой, свернутая валиком, лежала рубашка, которую ему подарила Диондра. — На, затянись, жалкий ты недоделок! — Он протянул ему косяк, и Бен сделал глубокую затяжку, чувствуя, как немеет затылок. — Ответь-ка мне, Бен, сколько младенцев понадобится, чтобы покрасить дом?

«Истребление и смерть...»

Снова эти слова. Он представил, как через огромный каменный камин к ним вламывается орда варваров, топор сносит Трею башку как раз в середине его очередной кретинской садистской шуточки о мертвых младенцах, голова катится по собачьему дерьму и останавливается прямо у ног Диондры в черных туфлях с пряжкой. А потом, возможно, настанет и ее очередь. Пропади все пропадом! Бен снова затянулся — мысли в голове путались — и вернул косяк Трею. Самый крупный пес — белый — подплыл к Бену и уставился на него глазами, в которых не было прощения.

— Все зависит от того, с какой силой их метать, — сказал Трей. — А почему в блендер младенца суют ногами вперед?

— Трей, лично мне не до шуток. — Диондра, видимо, продолжала разговор, в который Бен не был посвящен. — Он не верит, что его папашка приторговывает наркотой.

— ...чтобы видеть его реакцию. Чувак, то, что ты сейчас куришь, — от него! — Трей наконец повернулся к нему. — Качества дерьмового, но очень сильная зараза. Поэтому-то мы и говорим, что он при деньгах. Он и цены задирает. Кажется, он сказал, что добывает товар в Техасе. Он туда в последнее время ездил?

Из жизни Бена Раннер исчез после того, как Пэтти дала ему пинка под зад. Он вполне мог умотать в Техас. Блин, а почему бы и нет: если

постараться, туда и обратно можно обернуться в один день.

— У меня его расписки имеются, — сказал Трей пьяно-прокуренным голосом. — Короче, он мне денег должен. Все мне здесь должны. Любит у нас народ делать ставки, а платить не желает.

— Эй, почему у меня в руках ничего нет! — надула губы Диондра и принялась заглядывать подряд во все ящики на крошечной кухоньке (у нее и такое имеется — надо же! — отдельная комната для бургеров и чипсов), потом приоткрыла холодильник, достала себе пива и даже не спросила, может, Бен тоже хочет. Он успел заметить, что в холодильнике, который месяц назад был забит продуктами, сейчас стояла лишь большая стеклянная банка, в которой плавал одинокий маринованный огурец.

— Вытащи-ка мне тоже пивка, — попросил он нерешительно.

Она посмотрела на него искоса и отдала свое, потом вернулась к холодильнику и взяла еще.

— Короче, найдем Раннера — у нас появятся и курево, и деньги, — сказала Диондра, облокачиваясь на стул рядом с ним. — И тогда можно отсюда валить.

Бен заглянул в этот синий глаз (Диондра всегда смотрит на него как-то сбоку — он, кажется, ни разу не видел оба ее глаза одновременно), и ему стало по-настоящему страшно за будущее. Пока ему не исполнится шестнадцать, он без разрешения матери даже школу не может бросить. Что уж говорить о работе на кирпичном заводе или в другом месте, где бы он зарабатывал достаточно денег, чтобы Диондра не начала его ненавидеть, чтобы не вздыхала, когда он вечером приходит домой. Сейчас он мысленно представлял не маленькую уютную квартирку в Уичито, а убогую фабрику где-то на границе с Оклахомой, где очень мало платят, где нужно вкалывать по шестнадцать часов в день, вкалывать по выходным, а Диондра в это время будет оставаться с ребенком, которого возненавидит. У нее напрочь отсутствует материнский инстинкт, ребенок будет плакать, а она — спать и даже не подойдет на крик, она будет забывать его кормить, начнет везде за собой таскать, будет там знакомиться с парнями и выпивать (она вечно знакомится с какими-то типами и в торговом центре, и на заправках) и оставлять ребенка где попало. Бен представлял, как она говорит: «А что с ним может случиться! Он же в пеленках, ходить не умеет! Куда он может деться!» — и начнет обвинять его во всех смертных грехах: он будет уродом и мерзавцем, который не может их обеспечить.

— Ладно, — согласился он, решив, что, как только они выйдут из дома, вопрос как-нибудь отпадет. Сам он уже терял нить разговора, голова становилась ватной и отказывалась соображать, мысли путались. Хотелось

домой.

Позвякивая ключами от грузовика, в комнате возник Трей со словами: «Я знаю, где его найти», и они втроем уже почему-то топали по снегу, и Диондра требовала взять ее под руку, чтобы не упасть, и Бен начал думать, а что, если она сейчас упадет и умрет или потеряет ребенка? Он однажды слышал, как девчонки в школе говорили, что если съесть по лимону в день, можно спровоцировать выкидыш, — а не выдавливать ли ей потихоньку лимон в кока-колу? Нет, это нечестно делать без ее ведома; ладно, а что, если она упадет? Но она не упала, они сели в кабину к Трею, вентилятор обогревателя обдувал лицо, Бен, как всегда, оказался на заднем сиденье, хотя на самом деле это и сиденьем-то не назовешь — там только ребенок может поместиться, а ему приходится прижимать ноги к груди. Рядом он заметил сморщенную хворостинку картошки фри, сунул в рот и начал шарить, не заваялось ли еще хоть что-нибудь съедобное, несколько не заботясь о возможных комментариях. Он был под сильнейшим кайфом и страшно голоден.

Либби Дэй

Наши дни

Еще в начальной школе психотерапевты пытались направить мою злобность и агрессию в конструктивное русло, поэтому я резала тяжелую дешевую ткань, которую Диана покупала рулонами. Я кромсала тряпку старыми садовыми ножницами, приговаривая: «Ненавижу ненавижу ненавижу ненавижу». Ткань урчала под лезвием, большой палец краснел и раздувался, а плечи болели от напряжения — режешь, режешь, режешь... наконец желанный финиш: свобода, занавес раскрылся. А дальше-то что? Сейчас я себя чувствовала так же: я что-то резала, ткань закончилась — и я снова совершенно одна в убогом домике — без работы, без семьи, держу в руках два конца разрезанной материи и не знаю, что делать дальше.

Бен лжет, и это невозможно отрицать. Но лгать из-за какой-то глупой девчонки из школы? Мысли носились, как птицы, случайно залетевшие на чердак. Вдруг он все-таки не врет и записка от Диондры предназначалась не ему, а была всего-навсего частью того, что наполняет жизнь школьников помимо уроков. Мишель могла вытащить ее из мусорной корзины, после того как ее туда бросил какой-нибудь старшеклассник: для маленькой шантажистки это весьма полезный мусор.

Или все-таки Бен был с Диондрой знаком, любил ее и пытался сохранить это в тайне, потому что ее нет в живых?

Вдруг она стала частью его жертвоприношения Сатане и он убил ее в ту же ночь? Закопал где-нибудь на необъятных просторах сельскохозяйственных угодий штата Канзас. Снова вернулись мысли о том Бене, который наводил на меня ужас, я представила костер, льющееся рекой спиртное, Диондру из школьного альбома: она смеется и от этого подпрыгивают спиральки кудряшек у нее на голове, она закрывает глаза и... или поет — в огне костра лицо становится оранжевым, — а в это время у нее за спиной Бен, глядя на корону ее волос, медленно поднимает лопату...

Да, но где же тогда остальные из этой компании дьяволопоклонников? Если имелся некий круг бледных юнцов с темными миндалевидными глазами, которые завербовали в свою секту Бена, где они? Куда делись? Я успела изучить каждую мелочь из материалов судебного процесса над

Беном. Полиция так и не обнаружила никого, кто вместе с Беном поклонялся Сатане. Все эти нечесаные, баловавшиеся марихуаной дети дьявола из Киннаки в считанные дни после ареста Бена вновь превратились в славных деревенских мальчишек. Повезло ребятам, что и говорить. Два «пристрастившихся к наркотикам» двадцатилетних молодых человека дали в суде показания, что в день убийств Бен появился на одном заброшенном складе. По их словам, он завопил нечеловеческим голосом, когда кто-то сыграл рождественскую песню. Согласно их утверждениям, он им говорил о том, что собирается принести жертву. А еще они сказали, что он ушел с парнем по имени Трей Типано, который, кажется, изуверски убивает скотину и поклоняется дьяволу. Но Типано заявил, что Бена знает плохо, а на время убийств у него имелось алиби: его отец Грег Типано под присягой заявил, что Трей находился с ним дома в Уомиинго, а это в шестидесяти милях от Киннаки.

Так, может, Бен сумасшедший одиночка? Или он все-таки не виновен? И снова по чердаку заматались птицы, ударяясь о стены и разбрасывая в разные стороны пух и перья. Кажется, я не один час бестолково просидела на диване, соображая, что теперь делать, когда услышала тяжелую поступь почтальона, поднимавшегося на крыльцо. Мама всегда заставляла нас печь рождественское печенье для нашего почтальона. Но здешний (почтальон или почтальонша) менялся каждые несколько недель — какое уж тут печенье!

В трех конвертах содержались предложения завести кредитные карты, в четвертом лежал счет на имя какого-то Мэтта с улицы, которой и близко в нашей округе нет, а пятый как будто вытащили из груды грязного белья — настолько он был сморщенным и мягким. И побывавшим в употреблении. Чьи-то имя и адрес были замазаны черным маркером, а мои — написаны на оставшемся мятом поле внизу. Миссис Либби Дэй.

Письмо от Раннера.

Я поднялась наверх, села на край кровати, чтобы его прочесть, но потом забила в небольшое пространство, как я делаю всегда, когда нервничаю. На этот раз я села на пол спиной к стене, втиснувшись между кроватью и прикроватной тумбочкой, и извлекла из замусоленного конверта листочек с пошлыми розочками по краям. Почерк у отца мелкий, какой-то неистовый, буквы остренькие, сотнями паучков неаккуратно разбросанные по странице. И как всегда, куча ошибок.

Дорогая Либби!

После стольких лет в странных мы оказываемся местах. По

крайней меры я. Разви думал я, что когда-то состарюсь, так сильно устану и буду один-одинешинек! Рак у меня. Говорят осталось всего несколько месяцев. Ну и правильна — я и так уж на этом свете стока, скока и не заслуживаю. Очень я обрадовался твоему письму. Доча, знаю, что мало тобой занимался, но когда ты у нас родилась, я был очень молод и ни стал хорошим отцом хоть и пытался тебя обиспечить и заботица, когда мок. Все из-за матери. Я был незрелым, а она и того хуже. А потом на мне очень сильна сказала то, что их убили. Вот как. Я должен тебе рассказать что знаю. Только не нада лекций, что это нада было сделать давно. Сам знаю. Я хоть игрок и алкоголик, а совесть меня мучиит. Я знаю кто настоящий убийца, и это не Бен. Хочу до того как умру рассказать тебе правду. Если выйдешь мне немнога денег, я к тебе приеду и все расскажу. 500 долларов хватит.

Жду с нетирпением атвета.

Твой папа Раннер Дэй

12 Доннерэн роуд

Мужской приют Берта Нолана

Лиджервуд (штат Оклахома)

P. S. Спроси у когонибудь индекс, а то я не знаю.

Схватив за тонкую шейку настольную лампу у кровати, я отшвырнула ее со злостью; пролетев с метр на длину шнура, она грохнулась на пол. Я выдернула вилку из розетки, снова подхватила лампу и бросила. На этот раз она ударилась о стену, абажур слетел и пьяно покатился по полу, а из цоколя сломанным зубом торчал осколок лампочки.

— Да чтоб тебя! — завопила я.

Мое проклятие в равной степени адресовалось и отцу, и мне. То, что на этом этапе своей жизни я ожидала от него разумных действий, было глупостью на грани идиотизма. Письмо было всего-навсего протянутой через много миль рукой в поисках очередной подачки, вот он меня и обрабатывал. Ну дам я ему эти пятьсот долларов, поклявшись себе никогда больше его не видеть, а потом мне снова понадобится его помощь и он снова попыбует обвести меня вокруг пальца. Что и говорить — я достойная дочь своего отца.

Значит, еду в Оклахому? Я дважды с силой пнула стену так, что задребезжали стекла, и уже приготовилась сделать это в третий раз, как внизу раздался звонок. Я невольно выглянула в окно, но со второго этажа увидела лишь верхушку платана да кусок хмурого неба. Я постояла

неподвижно в надежде, что посетитель уйдет, но в дверь снова позвонили, причем пять раз подряд: из-за моей вспышки гнева там, на крылечке, поняли, что дома кто-то есть.

Я была одета так же, как дома зимой одевалась мама: огромный бесформенный свитер, теплые пижамные штаны с отвисшей задницей, толстые колючие носки. Я сунулась было в шкаф, но, когда в дверь еще раз позвонили, решила, что мне все равно, как я выгляжу.

Входная дверь у меня без окошка; чтобы понять, кто за ней, пришлось накинуть цепочку. Я приоткрыла дверь и в образовавшуюся щель увидела затылок — копну свалывшихся светло-каштановых волос. Голова повернулась, и я узнала Крисси Кейтс.

— Там у тебя такие грубиянки-старухи, — сказала она, презрительно махнув рукой.

Точно так же я поступала еще неделю назад, заносчиво думая про бабушек: «Имела я вас в виду!» Им кто-нибудь когда-нибудь говорил, что неприлично таращить глаза на человека? Ни грамма вежливости!

Я продолжала смотреть на нее поверх цепочки, ощущая себя такой же невоспитанной старухой.

— Помнишь, в клубе ты мне записала свой адрес, — сказала она, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в глаза. — Я, правда, пока не могу отдать долг. Гм... но я хотела с тобой поговорить. Ну почему я тебя не узнала, когда ты приехала! Все-таки многовато я пью. — Последнюю фразу она произнесла без особого чувства, тем же тоном человек может объявить, что у него аллергия на пыльцу пшеницы. — Твой дом очень трудно найти. Я по дороге не пила, просто очень плохо ориентируюсь. Доезжаю, например, до какой-нибудь развилки и непременно поверну не в ту сторону. Типа надо послушать внутренний голос и сделать наоборот. Но я так не делаю. Прямо не знаю, почему у меня так получается.

Она продолжала в том же духе, добавляя предложение за предложением и не спрашивая разрешения войти. Наверное, поэтому я ее и впустила.

Она вошла, уважительно сцепив руки, как входит воспитанная девушка, и попыталась в моем запущенном жилище углядеть что-нибудь такое, за что его можно было бы похвалить. Наконец, когда она заметила у телевизора коробку с разноцветными кремами, взор у нее просветлел:

— Тоже просто обожаю всякие кремы, у меня есть один с запахом персика — он мне сейчас особенно нравится. А ты не пробовала крем для вымени? Им когда-то смазывали дойных коров, в смысле вымя. Он такой нежный; в аптеках продается.

Я неопределенно пожала плечами и предложила ей кофе, хотя в банке его оставалось только на доньшке.

— Мм, неудобно говорить, но не найдется ли у тебя чего-нибудь выпить? Дорога долгая: устала за рулем.

Мы обе сделали вид, что два часа за рулем могут измотать настолько, что кому угодно понадобится алкоголь, чтобы снять напряжение. Я отправилась на кухню, надеясь, что где-нибудь в холодильнике затерялась банка спрайта.

— Есть джин, — крикнула я, — но его не с чем смешать.

— Ничего страшного. Так даже лучше, — отозвалась она.

Кубиков льда тоже не нашлось (мне всегда лень заливать форму даже для себя самой), поэтому я наполнила два стакана джином комнатной температуры и вернулась в гостиную. Крисси торчала возле коробки с кремами. Я была почти уверена, что она успела сунуть в карман парочку бутылочек. На ней был черный брючный костюм и бледно-розовая водолазка под пиджаком — для стриптизерши наряд, мягко говоря, неожиданный. Ладно, не буду говорить, чтобы она положила крем на место.

Я протянула ей стакан — надо же, лак на ногтях она подобрала в тон водолазки, — и поняла, что она, в свою очередь, заметила отсутствие пальца у меня на руке.

— Это после той?.. — начала она и впервые закрыла рот.

Я кивнула.

— Итак? — произнесла я как можно любезнее.

Она вздохнула, села на диван, устроилась поудобнее, с грацией и утонченностью гостьи на званом чаепитии. Я села рядом.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказала она, делая глоток.

— Начни сначала.

— В общем, когда я поняла, кто ты... ты же в тот день приходила ко мне домой...

— Я никогда не была у тебя дома, — сказала я, не понимая, о чем она говорит.

— Нет-нет, не в тот раз, а тогда — давно. В тот день, когда убили твою семью. Ты приходила к нам со своей мамой.

— Мм, — промычала я и прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться.

Тот день ничем особенным примечателен не был — день как день. Мне было известно, что у Бена неприятности, но я не знала ни причин, ни насколько это серьезно. Мама ни с кем из нас не поделилась растущей тревогой: берегла нас. А в тот день... Я вспомнила, что вместе с мамой и

Дианой искала Бена. Мы поехали его искать, я сидела на заднем сиденье одна и была вполне довольна судьбой, потому что мне никто не мешал. Помню, у меня горело лицо после того, как Мишель жарила салями. Помню, мы заезжали в дома, где туда-сюда сновали люди: мама думала, что Бен у кого-то на дне рождения. Помню, ела кекс. Бена в тот день мы так и не нашли.

— Ладно, неважно, — вмешалась в мои мысли Крисси. — Я просто... после всего, что случилось, я забыла... О тебе забыла. Можешь долить?

Она нетерпеливо протянула стакан, как будто он у нее давно пуст. Я налила джина доверху, чтобы она могла продолжить не прерываясь.

Она пригубила джин, вздрогнула:

— Может, надо куда-нибудь пойти?

— Нет-нет, рассказывай.

— Я тебе солгала, — выпалила она.

— Где именно?

— Бен меня не развращал и не растлевал.

— Я в этом не сомневалась, — сказала я, пытаюсь придать голосу мягкость.

— И уж конечно не домогался никого из моих подружек.

— Я в курсе: они все это признали. Все, кроме тебя.

Она заерзала на месте, скосила глаза вправо — видимо, вспомнила тот свой дом и свою жизнь.

— Все остальное правда, — сказала она. — В детстве я была очень хорошенькой, и у нашей семьи водились деньги, и в школе я хорошо училась, и бальными танцами занималась, и получалось у меня хорошо... Я часто думаю, что было бы, если бы тогда я не сочинила эту дурацкую историю. Отвратительная ложь... если бы я в первый раз это не брякнула, моя жизнь могла сложиться совершенно иначе. Стала бы домохозяйкой, а может, имела бы собственную танцевальную студию или что-нибудь в этом роде.

Она ткнула себя пальцем в живот в том месте, где в прошлый раз я заметила след от кесарева сечения.

— Но ведь у тебя есть дети?

— Типа да, — сказала она, округлив глаза.

Я не стала углубляться.

— Так что же произошло? С чего все началось? — спросила я, не в силах взять в толк, как ее ложь могла повлиять на судьбу моей семьи. Но за ней, этой ложью, действительно чувствовалось что-то очень весомое и значительное и, говоря словами Лайла, волнами событий

распространившееся дальше. Если в тот день полиция хотела побеседовать с Беном в связи с историей, которую рассказала Крисси, значит, у них были на то основания. Не могло не быть.

— В общем, я влюбилась. По уши влюбилась. Знаю, Бену я тоже нравилась. Мы вместе проводили время, но, честно говоря, это, наверное, было неправильно. Конечно, он тоже был тогда ребенком, но все-таки достаточно взрослым, чтобы... чтобы меня не поощрять. Однажды мы поцеловались — и все сразу изменилось...

— Ты его поцеловала?

— Мы поцеловались.

— Как?

— Нехорошо, по-взрослому. Так, как я точно бы не хотела, чтобы мою дочь-пятиклассницу поцеловал мальчишка-подросток.

Я ей не поверила:

— Продолжай.

— А где-то через неделю во время рождественских каникул я отправилась с ночевкой к подружке и рассказала девчонкам о своем мальчике-старшекласснике. С гордостью рассказала. Да еще и присочинила, что у нас все по-взрослому. Одна из них выложила это своей матери, а та позвонила моей. До сих пор помню этот телефонный звонок. Мама говорила по телефону, а я сидела у себя в комнате и ждала, что она сейчас войдет и начнет на меня кричать: она всегда была чем-то недовольна. Но она вошла и заговорила ласково-ласково: «Девочка моя, доченька, солнышко», и руку-то не отпускает, и говорит типа: «Доверься мне, расскажи, мы вместе что-нибудь придумаем», и спрашивает, трогал ли меня Бен там, где трогать нельзя.

— И что же ты рассказала?

— Я рассказала о поцелуе и больше ничего говорить не собиралась. Только правду. Она поднялась, вроде как ничего плохого не произошло, и, помню, сказала: «И это все? Больше ничего не произошло?» Будто мой рассказ ее чуть ли не разочаровал, и я вдруг ни с того ни с сего, когда она уже выходила из комнаты, ляпнула: «Он меня вот здесь трогал. И заставлял делать нехорошее». И мама вернулась.

— Что было дальше?

— А дальше пошло-поехало. Мама рассказала папе, когда он пришел домой, и он повторял: «Моя малышка, моя бедная девочка», они позвонили в школу, оттуда к нам прислали детского психотерапевта. Помню, это был парень из университета, который повел себя так, что было уже невозможно сказать правду. Он хотел услышать, что меня совратили.

Я сердито сдвинула брови.

— Честное слово, я собиралась рассказать ему все, как было, и попросить, чтобы он сказал об этом моим родителям, но... он начал расспрашивать, заставлял ли меня Бен делать то, что дети не делают, я сказала «нет», и он как будто рассердился и стал говорить: «Ты ведь храбрая девочка. Я-то думал, ты мне расскажешь все, как было. Оказывается, ничего не случилось? Жаль. Лично я думал, что ты не трусиха. Я всерьез полагал, что у тебя хватит мужества мне помочь. Может, ты хотя бы помнишь, что он вот так до тебя дотрагивался или вот то тебе говорил? А помнишь, что вы играли вот в такую игру, можешь сказать, что помнишь хотя бы это? Ну, молодец, умница. Я знал, что ты справишься. Какая замечательная, отважная девочка». Не знаю, но когда в этом возрасте куча взрослых что-то говорит, в чем-то ребенка поощряет и к чему-то подталкивает, начинает казаться, что все так и было. Что Бен меня домогался и совращал, потому что, если бы все было не так, разве стали бы взрослые добиваться от меня, чтобы я это сказала? И родители очень серьезно повторяли: дескать, не волнуйся, надо сказать правду, надо сказать правду.

Я вспомнила доктора Брунера — психотерапевта, который вел беседы со мной. На встречу он всегда одевался в мой любимый синий цвет и угощал чем-нибудь вкусненьким, когда я говорила то, что он хотел услышать. «Расскажи о том, как ты видела, что Бен из ружья убивает твою маму. Знаю, Либби, как это трудно, но если ты скажешь это вслух, ты сможешь и маме, и сестричкам, и себе самой — тебе станет легче. Не держи правду внутри себя, Либби, не держи ее в себе. Ты можешь помочь нам как следует наказать Бена за то, что он сделал с ними». И я вела себя как храбрая малышка и говорила, что видела, как Бен бил сестру топором и как убивал маму. После этого я получала хлеб с маслом и любимым абрикосовым желе, которое доктор Брунер всегда приносил с собой. Наверное, он всерьез полагал, что делает доброе дело.

— Они пытаются успокоить, считают, что чем сильнее в тебя верят, тем тебе легче, — сказала я. — Пытаются тебе помочь, и ты тоже начинаешь им помогать.

После того как своим признанием я разоблачила Бена, доктор Брунер даже подарил мне значок в форме звезды со словами на ней «СуперКлассная СуперЗвезда».

— Да-да, именно так! — воскликнула Крисси, распахнув глаза. — Этот психолог еще и помог мне наглядно представить все сцены. Мы их разыгрывали с куклами. А потом он начал беседовать с моими подружками,

которые даже не целовались с Беном. И буквально за несколько дней мы придумали целую эпопею с дьяволопоклонником Беном, который убивал кроликов и заставлял нас есть их внутренности, тем временем проделывая с нами всякие развратные манипуляции. Конечно, это было безумием, но нам было... весело. Ужасно, но мы с подружками часто собирались, а однажды снова собрались у кого-то дома, закрылись в ванной, сели в кружок и, подначивая друг друга, придумывали истории, все неприличнее и неприличнее и даже... Ты духов когда-нибудь вызывала?

— В детстве.

— Вот-вот! Всем ужасно хочется, чтобы все происходило на самом деле, поэтому кто-нибудь потихоньку возьмет да подвинет стрелку, и ведь знаешь, что кто-то ее двигает, но какая-то часть внутри думает, а может, это и правда дух. И никто не возмущается, как будто все молчаливо договорились верить в то, что происходит.

— Но ты так и не сказала правду?

— Сказала... родителям. Как раз в тот день, когда вы приходили. У нас была полиция, собрались все девчонки — нас кормили пирожными, просто ужас что творилось. Родители, чтобы меня утешить, даже пообещали купить мне, блин, щенка. А потом копы ушли, и девчонки ушли, и психолог; я поднялась к себе в комнату и начала плакать, и вот тогда до меня наконец начало доходить. Только тогда я начала соображать.

— Но ты же говорила, что твой отец искал Бена.

— Не-а, это я придумала, — сказала она и снова уставилась в противоположный угол комнаты. — Когда отец узнал правду, он начал так меня трясти, что у меня чуть голова не оторвалась. А после всех тех убийств девчонки страшно испугались и тоже во всем признались. Мы решили, что сами накликали Сатану: придумали жуткую историю про Бена, вот она отчасти и сбылась.

— Но ведь твоя семья получила приличную компенсацию от школы.

— Не такие уж большие это были деньги. — Она внимательно рассматривала дно своего стакана.

— Даже после того, как ты рассказала правду, родители все равно от них не отказались?

— У папы был бизнес. Он решил, что имеет право хоть на какую-то компенсацию.

— Но он же в тот день точно знал, что Бен тебя не совращал?

— Да, знал, — сказала она и, словно обороняясь, по-цыплячьи втянула голову в плечи. Подошел Бак и потерся о ее ногу. Это ее как будто успокоило, и она запустила длинные пальцы в пушистый кошачий

загрибок. — В том же году мы переехали. Папа сказал, что это нехорошее место. Но деньги, которые мы получили, пользы не принесли. Отец купил-таки мне щенка, но, как только я пыталась о нем заговаривать, поднимал обе руки вверх, вроде как это уже перебор. Мама? Она меня так и не простила. Я приходила домой и рассказывала ей о том, что случилось в школе, а она лишь повторяла: «Правда?», словно я лгу, что бы ни говорила. Скажу, например, что на обед ела картофельное пюре, а она мне: «Правда?» И замолкает. Когда я приходила из школы, она смотрела на меня, потом выходила на кухню, открывала бутылку вина, а дальше только успевала себе подливать. Молча бродила по дому. И всегда качала головой. Однажды я сказала, что очень жалею, что сделала ее такой грустной, а она мне: «Но ведь сделала же». — Крисси теперь плакала, раскачиваясь и в такт поглаживая кота. — Вот и все. А в конце года мама от нас сбежала. Однажды я пришла из школы и увидела, что ее комната пуста.

Голова Крисси упала на колени — глупый театральный жест, волосы оказались впереди, обнажая затылок. Очевидно, я должна была ее пожалеть, успокоить, но я сидела не двигаясь, пока она наконец не подняла на меня глаза.

— Меня никто никогда ни за что не прощает, — всхлипывала она, по-детски тряся подбородком.

Я хотела было сказать, что простила, но вместо этого снова наполнила ее стакан.

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

18:11

Лу Кейтс теснил Пэтти к двери, но она продолжала лепетать извинения, потом вдруг оказалась на пороге перед закрытой дверью и растерянно заморгала. Прежде чем она смогла что-то из себя выдать, дверь снова открылась, к ним вышел мужчина лет за пятьдесят, и теперь на тесном крыльце они стояли вчетвером: Пэтти, Диана, Либби и этот человек с темными, как у бассет-хаунда, кругами под слезящимися глазами и седеющими, зачесанными назад волосами. Посверкивая традиционным ирландским кладдахским кольцом в форме рук с увенчанным короной сердцем, он приглаживал напомаженные волосы, оценивающе глядя на Пэтти.

— Миссис Пэтти Дэй? — От него пахло кофе, и на холодном воздухе этот запах сразу не улетучивался.

— Да, я Пэтти Дэй, мать Бена Дэя.

— Мы здесь, чтобы выяснить, что это за истории вокруг его имени, — вставила Диана. — Вокруг столько слухов, но никто даже не потрудился поговорить с нами напрямую.

Он упер руки в боки, посмотрел на Либби, тут же отвел взгляд.

— Я из полиции, меня зовут Джим Коллинз, я расследую это дело. Пришлось сегодня побеседовать с этими людьми, а потом я, естественно, собирался связаться и с вами. По крайней мере, теперь не придется самому к вам ехать. Хотите, поговорим где-нибудь в другом месте? Здесь что-то холодновато.

На двух машинах они поехали в пончиковую у шоссе. По пути Диана вспомнила расхожую шутку о копах, которые отъели на пончиках толстые попы, потом разразилась обвинениями в адрес матери Крисси: «Сука, даже слова не дала сказать!» В другое время Пэтти сказала бы что-нибудь в ее защиту (у них с сестрой были четко распределены роли: Диана режет в глаза все, что думает, — Пэтти выступает в роли защитника). Но семья Кейтсов явно не нуждалась в защите.

Коллинз ждал в кафе с тремя пластиковыми стаканчиками кофе и пакетиком молока для Либби.

— Не знал, разрешаете ли вы ей конфеты, — сказал он, и Пэтти

подумала, не посчитает ли он ее плохой матерью, если она купит ребенку пончик. Особенно если учесть, что утром они уже ели блины. «Отныне моя жизнь будет такой всегда: постоянно думать о том, что подумают люди». Переминаясь с ноги на ногу, Либби уткнулась лицом в витрину с выставленными там разноцветными пончиками. Пэтти нашла в кармане мелочь, купила ей пончик, покрытый сверху розовой глазурью. Она не хотела, чтобы дочь чувствовала себя обделенной и скорбно рассматривала веселые пончики, пока они будут вести разговоры о том, действительно ли ее сын — поклоняющийся дьяволу растлитель малолетних. И снова она чуть не рассмеялась. Усадив Либби за стол позади, она велела ей, пока взрослые разговаривают, сидеть тихо и есть.

— Вы все рыжеволосые? — спросил Коллинз. — Откуда этот цвет? Вы ирландцы?

Пэтти тут же вспомнила о своих вечных разговорах с Леном о рыжих волосах у них в семье и вдруг подумала: «Как же я забыла, что теряю ферму?»

— Немцы, — сказала она уже во второй раз за день.

— У вас ведь еще есть малыши?

— У меня четверо детей.

— Отец один?

Рядом на стуле беспокойно зашевелилась Диана:

— Конечно один.

— Но вы ведь мать-одиночка?

— Да, мы в разводе, — сказала Пэтти, стараясь, чтобы голос звучал целомудренно, как у монашки.

— Какое это имеет отношение к тому, что происходит с Беном? — резко бросила Диана, подавшись вперед через стол. — Я, между прочим, сестра Пэтти и забочусь о ее детях почти так же, как она.

Пэтти поморщилась, что не осталось для Коллинза незамеченным.

— Давайте не будем выходить за рамки вежливости, — сказал он, — потому что придется провести вместе немало времени, прежде чем мы все выясним. Обвинения, выдвигаемые в адрес вашего сына, миссис Дэй, вызывают серьезную тревогу. На сегодняшний день четыре маленькие девочки заявляют, что Бен прикасался к их интимным местам и заставлял их так же прикасаться к себе. Что отвозил на какую-то ферму и предпринимал определенные... действия, которые связывают с ритуальным поклонением дьяволу. — Он произнес это «ритуальное поклонение дьяволу» так же старательно, как люди, совершенно не разбирающиеся в автомобилях, повторяют слова автомеханика: «Повреждение бензопровода,

подающего топливо в бензобак».

— У Бена и машины-то нет, — произнесла Пэтти еле слышно.

— Разница в возрасте между пятнадцати- и одиннадцатилетними детьми составляет всего четыре года, но это чрезвычайно важные годы, — продолжал Коллинз. — Если обвинения подтвердятся, мы расценим его поведение как представляющее опасность для общества. По правде сказать, мы должны поговорить не только с Беном, но и с его младшими сестрами.

— Бен — хороший мальчик, — сказала Пэтти, понимая, как слабо и неубедительно звучит ее голос, и ненавидя себя за это. — Его все любят.

— Как к нему относятся в школе? — спросил Коллинз.

— Простите, что вы сказали?

— Его любят другие дети?

— У него полно друзей, — пробормотала Пэтти.

— Мне кажется, это не так, мэм. Насколько я понял, с ним мало кто дружит, он скорее одиночка, нелюдим.

— И что же это доказывает? — снова вмешалась Диана.

— Абсолютно ничего, мисс...

— Краузе.

— Абсолютно ничего не доказывает, мисс Краузе. Но сей факт в сочетании с тем, что на него не оказывает благотворного влияния отец, дает основание предполагать, что он, вероятно, подвержен, так сказать, неким негативным внешним воздействиям. Наркотикам, алкоголю, влиянию людей, у которых не все в порядке.

— Он не связан с антисоциальными элементами, если вас беспокоит именно это, — сказала Пэтти.

— Так назовите его друзей, — предложил Коллинз. — Назовите ребят, с которыми он проводит время. С кем он, например, провел прошедшие выходные?

У Пэтти словно язык прирос к нёбу. Помолчав, она покачала головой и положила руки на стол возле жирного пятна, оставшегося от пончика предыдущего клиента, — они здесь были сегодня далеко не первыми. Вот ее и разоблачили, вот оно, ее истинное лицо: женщина, не способная свести концы с концами, которая живет от одного непредвиденного обстоятельства до другого, постоянно берет в долг, вечно не высыпается, занимается попустительством, когда следовало бы уделять Бену больше внимания, помочь выбрать хобби или убедить вступить в какой-нибудь спортивный клуб, а не испытывать тайную благодарность за то, что остается на одного ребенка меньше, когда он закрывается у себя в комнате или исчезает на весь вечер.

— Что ж, налицо некоторые изъяны в родительском воспитании, — вздохнул Коллинз с видом человека, которому известно, чем все закончится.

— Мы хотим связаться с адвокатом до любого следующего шага и до того, как вы начнете разговаривать с кем бы то ни было из детей, — снова вмешалась Диана.

— Откровенно говоря, миссис Дэй, — Коллинз даже не взглянул на Диану, — на вашем месте я бы, более чем кто-либо, хотел узнать правду. Такое даром не проходит. Если все это правда (а лично я, честно говоря, думаю, что это именно так), ваши дочери, вероятно, стали его первыми жертвами.

Пэтти взглянула на Либби, которая сосредоточенно слизывала розовую глазурь со своего пончика, и подумала, как часто Либби когда-то висла на Бене. О тех обязанностях, которые дети выполняли сами, без ее участия и контроля. Иногда после работы с Беном на скотном дворе девочки приходили домой раздраженные, на грани слез. Но... на что он намекает? Они ведь еще маленькие, они сильно устают и поэтому капризничают. Захотелось плеснуть кофе прямо ему в лицо.

— Скажу откровенно, — его голос не отпускал, давил, — невозможно представить, как... как матери, должно быть, страшно слышать такое. Но знаете, что сказал мне психолог, который работает с каждой из девочек по отдельности? Что они рассказывают такое, о чем пятиклассница знать не может, если только подобное с ней действительно не происходило. Он говорит, что это классический сценарий совращения малолетних. Вы, уверен, слышали о деле Макмартинов?

Пэтти смутно припомнила: детский сад в Калифорнии, где всех воспитателей судят за то, что они оказались дьяволопоклонниками, развращавшими детей. В вечерних новостях показывают симпатичный, залитый солнцем домик, а потом через весь экран черные буквы: «Ночной кошмар в дневном детском центре».

— Поклонение Сатане, боюсь, довольно частое явление, — продолжал Коллинз. — Оно проникло во все уголки нашего общества. Дьяволопоклонники предпочитают включать в сферу своих интересов молодежь, они привлекают в свою организацию молодых. Разложение и разрушение детской психики — часть дьяволопоклонства.

— У вас есть доказательства? — заорала на Коллинза Диана. — У вас есть свидетели помимо одиннадцатилетних девчушек? У вас у самого-то дети есть? Разве вы не знаете, с какой легкостью они фантазируют! Да вся их жизнь состоит из сплошных фантазий и небылиц. Кто еще, кроме этих

девочек да вашего гарвардского всезнайки, от которого вы в таком восторге, может подтвердить эти лживые истории?

— Теперь что касается улики. Девочки в один голос утверждают, что он забирал у них трусики на странные сувениры или что-то там еще, — сказал Коллинз, обращаясь к Пэтти. — Если вы позволите нам посмотреть у вас дома, мы могли бы уже сейчас начать в этом разбираться.

— Мы должны сначала связаться с адвокатом, — буркнула Диана в сторону Пэтти.

Коллинз одним глотком прикончил свой кофе, проглотил отрыжку, стукнул себя кулаком в грудь и через плечо Пэтти скорбно взглянул на Либби. У него был красный нос пьянчужки.

— Сейчас необходимо прежде всего сохранять спокойствие. Мы поговорим со всеми, кто в той или иной степени причастен к этой истории, — сказал он, по-прежнему игнорируя Диану. — Сегодня, миссис Дэй, мы успели побеседовать с некоторыми педагогами из его школы, и их рассказы оказались неутешительными. Например, с учительницей по фамилии Дарксилвер, знаете такую?

Он посмотрел на Пэтти, она кивнула. Дарксилвер всегда отличала Бена, он ходил у нее в особых любимчиках.

— Сегодня утром она заметила, что ваш сын шныряет у шкафчика Крисси Кейтс. На территории начальной школы. И это во время рождественских каникул. Меня сей факт беспокоит. — Он взглянул на Пэтти. — Миссис Дарксилвер говорит, что он был возбужден.

— И что это означает? — раздраженно бросила Диана.

— У него произошла эрекция. Мы заглянули в ящик Крисси и обнаружили там записку провокационного содержания. Миссис Дэй, люди, с которыми мы беседовали, отзываются о вашем сыне как об изгое, о парии. Они говорят, что он странно себя ведет, и считают его чем-то вроде бомбы замедленного действия. Некоторые учителя его попросту боятся.

— Боятся? — повторила Пэтти. — Как можно бояться пятнадцатилетнего мальчишку!

— Вы еще не знаете, *что* мы обнаружили у него в шкафчике!

Что же они там обнаружили? Пэтти решила, что Коллинз скажет — наркотики, или журналы с обнаженными девицами, или (дай-то бог) связку запрещенных петард. Если у сына неприятности, пусть бы из-за десятка-двух этих длинных, похожих на свечи картонных трубок. С этим она смогла бы как-то смириться.

Даже когда Коллинз начал издали («Это весьма тревожный знак,

миссис Дэй, и я хочу, чтобы вы подготовились»), Пэтти решила, что он, возможно, имеет в виду оружие. Бен обожает оружие, всегда его любил; это напоминало стадию его детского увлечения игрушечными самолетами или, скажем, цементовозами, но с той разницей, что любовь к оружию не заканчивалась. Они вместе стреляют и охотятся (то есть когда-то вместе стреляли и охотились). Возможно, чтобы похвастаться, он притащил в школу свой любимый кольт. Он может открывать сейф с оружием только с ее разрешения, но если сделал это самовольно, они с этим как-нибудь справятся. Поэтому пусть это будет оружие.

Коллинз откашлялся, затем тоном заговорщика, отчего им пришлось податься к нему через стол, сказал:

— В шкафчике вашего сына мы обнаружили... фрагменты... плоти. Органы. Сначала мы предположили, что это могут быть останки младенца, но они, кажется, принадлежат какому-то животному. Репродуктивные органы то ли кошки, то ли собаки в пластиковом контейнере. У вас, кстати, не пропадала кошка или собака?

Пэтти никак не могла справиться с подступившей к горлу от этих слов тошнотой. Они всерьез решили, что в шкафчике у Бена могут находиться детские органы?! Раз им первым делом пришла в голову мысль о том, что Бен убил младенца, можно представить, какие страшные психические нарушения они в нем видят. Именно в ту минуту, не отводя взгляда от веера жирных пятен на столе, она поняла, что ему не миновать тюрьмы. Раз его считают настолько извращенным, у него нет другого выбора.

— Нет, у нас ни кошки, ни собаки не пропадали.

— У нас семья охотников. Фермеров, — это снова была Диана. — Мы связаны с животными, с разделкой туш. Неудивительно, что у него могло что-то оказаться.

— Неужели вы держите дома части мертвых животных? — Коллинз впервые прямо посмотрел на Диану и несколько секунд не отводил от нее тяжелый взгляд.

— А что, существует закон, запрещающий это делать? — огрызнулась она.

— Один из ритуалов дьяволопоклонников связан с подобным жертвоприношением, миссис Дэй, — сказал Коллинз. — Вы не могли не слышать о том, что недалеко от Лоуренса в нашем штате кто-то изрубил скот. Мы считаем, что все эти события связаны между собой.

Лицо Пэтти оставалось непроницаемо-холодным. Все кончено, теперь все кончено.

— Чего вы хотите от меня? — спросила она.

— Я поеду с вами к вам домой и поговорю с вашим сыном, хорошо?

На последнем слове в голосе Коллинза появились отеческие нотки, он говорил с ней почти как с маленькой. Пэтти почувствовала, что рядом Диана сжала кулаки.

— Его нет дома. Мы сами пытаемся его отыскать.

— Миссис Дэй, повторяю, нам срочно необходимо побеседовать с вашим сыном. Где, по-вашему, можно его найти?

— Мы не знаем, где он, — вставила Диана. — Мы в таком же положении.

— Вы его арестуете? — спросила Пэтти.

— Мы ничего не можем сделать, пока с ним не поговорим, и чем быстрее это произойдет, тем быстрее все встанет на свои места.

— Это не ответ, — сказала Диана.

— Но это единственное, что я могу вам сказать, мэм.

— Что означает, арестуете, — сказала Диана и впервые за все время разговора опустила глаза.

В это время Коллинз поднялся, подошел к Либби и, присев возле нее на корточки, засюсюкал: «Как дела, солнышко?»

Диана схватила его за руку:

— Оставьте ее в покое!

Коллинз хмуро на нее посмотрел:

— Я просто стараюсь помочь. Разве вы не хотите узнать, все ли в порядке у Либби?

— Мы знаем, что с ней все нормально.

— Тогда почему не хотите, чтобы она мне сама это сказала? Давайте в таком случае прибегнем к помощи организации по правам ребенка...

— Отцепись!

Диана закрыла собой Либби. Пэтти хотелось потерять сознание. Она слышала, как за спиной сцепились Диана и Коллинз, но просто сидела и смотрела, как женщина за прилавком готовит кофе, и изо всех сил старалась больше ничего вокруг не замечать. На секунду ей это почти удалось, но в это время Диана уже тащила ее и перемазанную глазурью от пончика Либби к выходу из кафе.

Когда они ехали домой, Пэтти снова захотелось плакать, но она решила дождаться отъезда Дианы. Диана заставила ее сесть за руль, сказав, что это поможет сосредоточиться. Пэтти находилась в таком отчаянии, что Диане всю дорогу приходилось говорить, какую передачу переключать. «Давай попробуем третью, Пи. А теперь, похоже, нужно переходить на

вторую». Либби молча сидела на заднем сиденье, подтянув коленки к подбородку.

— Случится что-то плохое? — наконец спросила она.

— Нет, солнышко.

— А мне кажется, случится.

Пэтти снова охватила паника. Господи, да что же она за человек, если взяла с собой семилетнего ребенка! Как ей могло прийти такое в голову! Мама никогда бы так не поступила. Но мама и не растила бы Бена так, как делала это она, Пэтти, — не заботясь о ребенке как следует и надеясь неизвестно на что — и такого у нее все равно бы не случилось.

До крика хотелось поскорее попасть домой, свернуться там клубочком, почувствовать себя в безопасности. Они решили, что Пэтти будет дожидаться Бена дома (он наверняка скоро объявится), а Диана поедет в город к знакомым, чтобы определить, что говорят люди. Кто что знает, чью сторону принимают и с кем, черт побери, общается Бен.

Они подъехали к дому и рядом с машиной Пэтти увидели еще одну — грязную спортивную машину лет десяти.

— Кто это? — спросила Диана.

— Не представляю. — Пэтти сказала это трагическим голосом, заранее уверенная в том, что, кто бы это ни был, его визит не сулит ничего хорошего.

Они открыли входную дверь, и изнутри на них выкатилась волна горячего воздуха. Первое, что попало на глаза, — открытая коробка какао-порошка на большом столе, от которой бежала коричневая дорожка в кухню. Пэтти услышала сиплый смех и тут же поняла: Раннер. Он сидел на полу с облепившими его со всех сторон дочерьми и потягивал горячий шоколад. По телевизору показывали какой-то фильм о природе, девочки заверещали и схватились за отца, когда на экране из воды вырвался огромный крокодил и ухватил какое-то животное с рогами.

Раннер лениво поднял глаза, словно она — доставщик пиццы.

— А-а, это ты, Пэтти. Сколько лет, сколько зим!

— Мы должны разобраться с семейными делами, — вставила Диана, — так что отправляйся-ка ты к себе домой.

Во время бесконечно тянувшихся недель прошлым летом, когда Раннер жил с ними, он несколько раз ругался с Дианой. Она на него кричала, а он огрызался: «Диана, ты здесь не муж», после этого уходил в гараж, напивался и часами швырял о стену свою старую бейсболку Нет, Диана явно не сможет отправить его восвояси.

— Не волнуйся, Ди. Езжай и через час мне позвони — расскажешь,

что происходит, ладно?

Диана метнула в сторону Раннера гневный взгляд и выскочила на улицу, громко хлопнув дверью.

— Батюшки, что это с ней! — сказала Мишель и посмотрела, маленькая предательница, на отца, скорчив рожицу.

Волосы у нее стояли дыбом в том месте, где Раннер потрепал ее по голове. Он всегда вел себя с детьми довольно странно — ласки были грубыми, но не как у взрослого. Ему нравилось их щипать или вдруг пнуть, чтобы обратить на себя внимание. Они смотрят телевизор — он неожиданно перегнется и сильно шлепнет кого-то из них по руке или по ноге. Любая из дочерей от такого шлепка посмотрит на него глазами, полными слез и возмущения, а он заржет и скажет: «И че-о-о такого!» или «Я ж здороваюсь. Приветик!». А когда он куда-нибудь с ними ходил, всегда шел сбоку на приличном расстоянии и бросал на них косые взгляды. Эта картина всегда напоминала Пэтти старого койота, который, прежде чем напасть, несколько километров следует за жертвой по пятам и действует ей на нервы, прихватывая то за хвост, то за ляжку.

— Папочка приготовил нам макароны, — сообщила Дэбби. — Он останется на обед.

— Вы же знаете: пока меня нет, в дом нельзя никого пускать, — сказала Пэтти, вытирая порошок несвежей тряпкой.

Мишель округлила глаза и привалилась к плечу Раннера:

— Господи, мам, это же па-а-а-па!

Лучше бы он умер. Он так мало общается с детьми, так мало для них значит, что было бы гораздо лучше, если бы он вдруг умер. А сейчас он живет где-то там, не очень далеко от них, время от времени неожиданно появляется на пороге с идиотскими фантазиями, планами и распоряжениями, которые дети имеют обыкновение выполнять.

Она была готова наброситься на него с обвинениями. А еще захотелось рассказать о сыне и о странном содержимом его шкафчика в школе. От мысли, что Бен режет животных и хранит в школьном шкафчике их органы, перехватывало горло. Заявления Крисси Кейтс и ее подружек — это недоразумение, которое может завершиться и благополучно, и печально. А вот фрагментам плоти ни объяснений, ни оправданий не находилось, хотя она была мастерицей придумывать оправдания поступкам людей. Слова Коллинза о том, что Бен, возможно, совратил собственных сестер, ее больше не беспокоили — по пути домой она тщательно обдумала это предположение, досконально изучила, переворачивая с боку на бок, вглядываясь в зубы. После этого сомнений не осталось: Бен никогда бы

этого не сделал.

Но она знала, что у сына определенно имеется предрасположенность к тому, чтобы делать больно другим. Из головы не выходил случай с мышатами — обливаясь потом, со звериным оскалом на лице он исступленно вгонял их лопатой в землю и, похоже, получал от этого удовольствие.

Он очень грубо обращается с сестрами. Иногда смех заканчивается криком — приходилось неоднократно вмешиваться: оказывается, Бен заводил руки Мишель за спину и медленно-медленно тянул вверх. Или схватит за руку Дебби и выкручивает кожу — и то, что начиналось как шутка, заканчивается ужасно: им овладевает ярость; сжав зубы, он не отпускает руку, пока кожа не покрывается кровавыми пятнышками. Такой же дикий взгляд, как у Раннера, когда он возится с детьми.

— Папе нужно отсюда уехать.

— Ну же, Пэтти! Вышвырнишь меня из дома, даже не поздоровавшись? Ладно тебе! Давай поговорим, у меня к тебе деловое предложение.

— Мне ли обсуждать с тобой деловые предложения, — сказала она. — У меня ни цента за душой.

— Ты так всегда говоришь, а на самом деле это неправда.

Он посмотрел на нее плотоядно и лихо крутанул бейсболку на засаленных волосах козырьком назад. Он, наверное, хотел пошутить, но в голосе звучала угроза: вроде как ей же лучше, если это неправда.

Он отстранил от себя дочек и подошел, как всегда, очень близко. От выпитого пива он сильно вспотел, и рубашка прилипла к груди.

— А разве ты не продала сеялку? Верн Ивли сказал, что ты только что продала сеялку!

— Все деньги уже ушли, Раннер. Они всегда уходят, едва я их получаю.

Она попробовала сделать вид, что разбирает почту. Он по-прежнему стоял почти вплотную к ней:

— Ты должна мне помочь. Мне очень нужны деньги, чтобы ехать в Техас.

Ну конечно, Раннер хочет уехать туда, где зимой не так холодно, по-цыгански и без детей на руках перебираясь с места на место со сменой времени года, словно насмехаясь над ней и ее привязанностью к ферме, единственному для нее месту на земле. Он устраивался на работу и полученные деньги тратил на дурацкие приобретения: покупал, например, клюшки для гольфа, потому что представлял, что в один прекрасный день

займется гольфом, или стереомагнитофон, который так ни разу и не включал. Теперь вот собирается рвануть в Техас. Они с Дианой ездили туда, когда Пэтти еще училась в школе, — больше она нигде никогда не бывала. В памяти остался пропитанный солью воздух: лизнешь прядь волос — и рот наполняется слюной. Раннер все равно всеми правдами и неправдами раздобудет денег и проведет остаток зимы в какой-нибудь дешевой забегаловке на берегу океана, попивая пиво, а его сын в это время отправится в тюрьму. А она не может себе позволить нанять адвоката для сына. В голове беспрестанно крутилась эта мысль.

— Прости, Раннер, но я ничем не могу тебе помочь.

Она попыталась оттеснить его к двери, но он оттолкнул ее в сторону кухни, дыша ей в лицо сладковатой затхлостью, отчего она от него отшатнулась еще больше.

— Хочешь, чтобы я побирался? Да знаешь ли ты, в каком я сейчас дерьме! Это вопрос жизни и смерти. Валить мне отсюда надо! Срочно! Я бы не просил, если бы не такое. Если бабла не найду, меня прямо сегодня могут замочить. Дай восемьсот долларов.

Она чуть не рассмеялась от названной суммы. Неужели он решил, что она запросто может достать из кармана такие деньги? Неужели не видит, что они нищие, что дети в разгар зимы бегают дома в футболках с короткими рукавами, что в холодильнике куски дешевого мяса и на каждом указан год, давно минувший! Вот как они живут — срок годности истек на все.

— Раннер, у меня ничего нет.

Он уперся руками в дверной косяк, преграждая ей путь, и смотрел не мигая:

— У тебя ведь есть ювелирка. Я же дарил тебе кольцо.

— Раннер, пожалуйста, отвяжись. С Беном беда, серьезная беда. Сейчас такой ужас происходит. Приди в другой раз, прошу тебя.

— Ну и что же такое Бен натворил?

— Кругом беда — и в школе, и вообще. Все очень серьезно, ему, наверное, понадобится адвокат, поэтому все деньги, какие только можно найти, пойдут на него, и...

— Значит, деньги все-таки есть!

— Нет, Раннер.

— Отдай хотя бы кольцо.

— У меня его нет.

Девочки старательно делали вид, что смотрят телевизор, но родители разговаривали все громче, и любопытная Мишель, повернув голову,

открыто на них уставилась.

— Пэтти, отдай кольцо.

Он протянул руку, как будто она прямо сейчас могла снять с пальца эту дешевую подделку под золото, которую он подарил ей на помолвку. Даже тогда, в семнадцать лет, она знала, что это убогая безвкусица. Он подарил его через три месяца после того, как сделал предложение. Ему потребовалось три месяца, чтобы, наконец оторвав задницу, съездить в самый дешевый магазин и купить там эту жалкую побрякушку, которую он ей вручил за третьей кружкой пива со словами: «Детка, я буду любить тебя вечно». Она тогда сразу же поняла, что он сбежит, что на него нельзя положиться, что она не очень-то его и любит. И все равно забеременела от него еще три раза: презервативы его не устраивали, и просить его ими пользоваться было себе дороже.

— Раннер, неужели ты забыл, что это за кольцо? Оно не принесет никаких денег. Оно стоит долларов десять, не больше.

— Значит, теперь жмотничаешь отдать кольцо! Теперь?!

— Поверь, если бы оно представляло хоть какую-то ценность, я бы его давно заложила.

Они стояли друг против друга, Раннер тяжело дышал, как обозленный осел, руки тряслись. Он вцепился ей в локти, потом с огромным трудом убрал руки. У него даже усы дрожали.

— Ты очень об этом пожалеешь, Пэтти. Очень пожалеешь.

— Уже жалею, Раннер. Причем давно.

Он резко повернулся, из куртки выпал пакетик с коричневым порошком, часть которого просыпалась ему прямо под ноги.

— Прощайте, дети, ваша мать... СУКА!

Он пнул один из высоких табуретов на кухне, и тот покатился в сторону гостиной. Пэтти и дочери застыли, как сказочные лесные существа, пока Раннер бегал вокруг них кругами; Пэтти думала, не бежать ли за ружьем или, может быть, схватить кухонный нож, одновременно моля Бога, чтобы Раннер просто ушел.

— Ну, спасибо! Вот спасибо тебе, вот спасибо! За добро! За ласку!

Он тяжело подошел к двери и распахнул ее с такой силой, что она, стукнувшись о стену, снова захлопнулась. Он пнул дверь ногой, выскочил наружу и снова шваркнул дверью что есть силы.

А потом уехал — машина, взвизгнув тормозами, помчалась прочь от дома, а Пэтти взяла ружье, зарядила и вместе с несколькими патронами положила на камин. На всякий случай.

Либби Дэй

Наши дни

Крисси в конце концов переночевала на моем диване. Сначала я проводила ее до двери, но поняла, что она не сможет вести машину: она еле переставляла ноги, по щекам паутиной растеклась тушь. Когда мы наконец выползли на крыльцо, она вдруг резко повернулась ко мне и спросила, не знаю ли я, где находится ее мать или как можно ее найти, после чего я вернула ее в дом, сделала для нее бутерброд с плавленым сыром, уложила на диван и прикрыла одеялом. Когда она засыпала, аккуратно пристроив рядом на полу недоеденную четвертинку бутерброда, из кармана ее пиджака выпали три бутылочки с кремом, но, как только она заснула, я вернула их ей в карман.

Когда я проснулась, ее уже не было; на аккуратно сложенном одеяле лежала записка: «Спасибо за все. Прости».

Итак, если верить Крисси, Лу Кейтс не убивал маму и сестер. А я ей верила. По крайней мере, этой части ее рассказа.

Я решила ехать в Оклахому на встречу с Раннером и не обращать внимания на два сообщения на автоответчике от Лайла и на полное их отсутствие от Дианы. Ехать к Раннеру, чтобы получить ответы на некоторые вопросы. Что бы там ни болтала его подружка, я не верила, что он может иметь отношение к убийствам, но надеялась, что с его долгами, пьянками и сомнительными приятелями он что-то знает. Что-нибудь знает, или о чем-то слышал, или, может быть, его долги и привели к ужасной мести. Вдруг я снова поверю в невиновность Бена, чего мне так хотелось. Теперь я точно знала, почему ни разу раньше не навещала его в тюрьме. Слишком велико искушение, ведь так легко перестать замечать тюремные стены и видеть только своего брата, слышать свойственные лишь Бену нотки, это резкое падение голоса в конце каждого предложения, словно он больше ничего в жизни не скажет. Один его вид напоминал мне и о хорошем, и о не очень хорошем в той моей жизни. Я вспоминала что-то обычное и привычное. У меня появлялось ощущение дома. Того дома, в котором все были живы. Как же мне было это нужно!

На выезде из города я остановилась у магазинчика, купила карту и крекеры со вкусом сыра, оказавшиеся, когда я их попробовала, диетическим обезжиренным продуктом. Наверное, по пути стоило

остановиться и перекусить, тем более что на шоссе было полно призывно пахнувших кармашков с жаренной соломкой картошкой, аппетитной рыбкой, жареными цыплятами. Но меня всю дорогу терзала необъяснимая паника: я почему-то страшно боялась, что не застану Раннера, если где-то остановлюсь. Поэтому прямо за рулем пришлось жевать диетические крекеры и сморщенное яблоко, которое я нашла у себя на кухне.

Почему эта омерзительная, якобы не предназначавшаяся Бену записка оказалась в коробке с вещами Мишель? Если бы Мишель вдруг прознала, что у Бена завелась подружка, она бы начала его шантажировать, особенно если он пытался сохранить свои отношения в тайне. Бен не выносил Мишель. Меня терпел, от Дебби отмахивался, а вот Мишель ненавидел. Помню, как, почти вывернув ей руку, он вытаскивает ее из своей комнаты, Мишель на цыпочках едва за ним поспевает, иначе бы он тащил ее волоком. Он отшвырнул ее, она упала, ударившись о стену, и он пригрозил ее убить, если она снова сунется к нему в комнату. Он не мог разговаривать с ней спокойно и всегда орал на нее за то, что она вечно вертится под ногами, — но она все равно и днем и ночью околачивалась у его двери и подслушивала. Мишель всегда все про всех знала и никогда просто так разговоры не заводила. Я вспомнила об этом особенно отчетливо, после того как обнаружила ее столь необычные записи. Если у человека нет денег, неплохим подспорьем могут стать сплетни. Даже в собственной семье.

— Бен что-то чересчур много сам с собой разговаривает, — объявила она как-то за завтраком, и Бен, перегнувшись через стол, смел стоявшую перед Мишель тарелку и схватил ее за шиворот.

— Оставь ты меня, блин, в покое! Зараза! — заорал он.

Мама начала его успокаивать, отправила в комнату и, как всегда, принялась нас воспитывать. Потом мы обнаружили остатки яйца из тарелки Мишель на пластмассовом абажуре над столом.

И что это может означать? Ну не стал бы он убивать родных за то, что младшая сестра прознала, что у него имеется подружка.

Я проехала поле, на котором неподвижно застыли коровы, и вспомнила о детстве, о ходивших тогда слухах про изувеченную скотину — люди божились, что это дело рук поклонников дьявола. В нашем городке дьявол незримо присутствовал везде — сила зла, которая воспринималась так же естественно и была столь же реальна, как склон какой-нибудь горы. В нашей церкви не особенно много говорили о муках ада, но пастор определенно носился с мыслью о происках Сатаны: если не проявлять бдительность, душа так же легко, как в руках Иисуса, окажется в лапах козлоокого, кровожадного искусителя. В каком бы городе я ни жила, всегда

находились «дети дьявола» и «дома дьявола», точно так же как присутствовали страшилки о клоуне-убийце, разъезжавшем в белом фургоне. Каждый житель доподлинно знал о существовании некоего заброшенного склада где-нибудь на окраине — там на полу лежал пропитанный кровью жертв матрац. У каждого непременно находился друг, двоюродный брат или сестра, на чьих глазах происходило жертвоприношение, но они были слишком напуганы, чтобы сообщать подробности.

Через добрых три часа пути я пересекла границу штата Оклахома и уже через десять минут начала ощущать невероятно сладкий и одновременно тошнотворный запах. Оттого что он лез в глаза, они начали слезиться. Я поежилась: мысли о дьяволе его, похоже, и вызвали. Где-то впереди у горизонта небо приобрело синюшный оттенок, и мне показалось, что я его еще и увидела. Но это был завод по производству бумаги.

Радио пришлось выключить, потому что из динамиков несся противный треск и помехи или рекламные объявления для автомобилистов, а потом снова треск и помехи.

Сразу за придорожным щитом с изображением ковбоя и надписью: «Добро пожаловать в Лиджервуд в штате Оклахома, приятель!» — я свернула с шоссе на дорогу, ведущую в город, оказавшимся дырой, куда когда-то заманивали туристов, — когда-то город хвастливо заявлял о себе как о типичном поселении времен освоения Дикого Запада: дома на центральной улице были сплошь застеклены шероховатым непрозрачным стеклом, здесь было полно мелких лавок и заведений, стилизованных под салуны в духе тех времен. Одно заведение, называвшее себя традиционной фотомастерской, предлагало запечатлеться в соответствующем гардеробчике на фотоснимках светло-коричневых тонов под старину. В витрине висела увеличенная фотография размером с небольшую афишу: отец семейства с лассо в руках и в шляпе явно для него великоватой, приняв грозный вид, пытается его сохранить; на крохотной девочке ситцевое платьице и чепец, но ребенок слишком мал, чтобы оценить шутку; ее мать, одетая как шлюха, стыдливо улыбается и прикрывает руками не в меру укороченную спереди юбку. Рядом с фото объявление: «Продается». Такие же объявления и дальше — на дверях бывшей кафешки, зала игровых автоматов и в стеклянной витрине заведения с довольно странным названием «Прихлебатели Уайетта Эрпа». Кругом все, казалось, покрыто толстым слоем пыли. Грязью была забита даже пластиковая петля нефункционирующего водного аттракциона поодаль.

Мужской приют Берта Нолана находился всего в трех кварталах от

скучного центра. Это было низкое квадратное строение с крохотным садиком, поросшим сорняком-лисохвостом. В детстве мне очень нравилась эта трава, потому что ее название было доступно моему буквальному восприятию — длинный тонкий стебель увенчивает пушистая метелка, похожая на лисий хвост, только зеленого цвета. У нас на ферме он рос везде, иногда целыми лугами. Мы с Мишель и Дебби срывали пушистые хвосты и щекотали друг друга под мышками. От мамы мы знали ненаучные — и всегда говорящие — названия всех местных трав: «ухо ягненка» мягкое, как ухо настоящего ягненка, «петушиный гребень» действительно напоминает красный гребешок петуха. Я вышла из машины, провела рукой по верхушкам лисохвостов. Может быть, когда-нибудь я разобью сад с сорняками. «Мельница-трава» на ветру действительно расправляет верхнюю часть, как лопасти мельницы; «тесма королевы Анны» похожа на белые оборки. Пожалуй, мне больше подойдет «ведьмина трава» с ее шипами, напоминающими когти дьявола.

В приют Берта Нолана вела металлическая дверь, выкрашенная в темно-серый цвет, как на подводной лодке. Сразу вспомнились двери в тюрьме, где сидит Бен. Я позвонила. На другой стороне дороги моей персоной заинтересовались двое подростков, они нарезали на велосипедах большие ленивые круги. Я снова позвонила и даже побарабанила по двери, но металл поглотил звук. А не спросить ли мальчишек, подумала я, есть ли там внутри кто живой, исключительно чтобы нарушить молчание? Круги приближались, в глазах седоков застыл вопрос: «Что вы здесь, дамочка, делаете?» В это время дверь открылась — на пороге возник похожий на эльфа человечек в ослепительно-белых кроссовках, отглаженных джинсах и ковбойской рубашке. Из рта у него торчала зубочистка, и он языком передвигал ее то вправо, то влево. Человечек листал журнал для любителей кошек и даже на меня не взглянул.

— На ночь открываемся только в... — Он оторвался от журнала и осекся. — Ой, душа моя, простите. У нас заведение для мужчин, и, чтобы сюда попасть, вы должны быть лицом мужского пола старше восемнадцати лет.

— Я ищу отца, — начала я в свойственной мне манере растягивая гласные. — Его зовут Раннер Дэй. Вы здесь директор?

— Ха! Я и директор, и бухгалтер, и священник, и убираю здесь тоже я, — сказал он, распахивая дверь. — Берт Нолан собственной персоной — бывший алкоголик, бывший игрок, бывший лодырь и бездельник. Это мой дом. Проходи, дружок, и напомни-ка мне, как тебя зовут.

Комната за дверью оказалась заставлена раскладушками, а от пола

разило хлоркой. Кроха Берт повел меня через ряды спальных мест в кабинет, вполне соответствовавший по размерам своему хозяину (как, впрочем, и мне); здесь стоял крошечный письменный стол, металлический шкафчик для хранения документов да два раскладных стула, на которые мы и сели. Чересчур яркий свет невыгодно подчеркивал его угреватую кожу.

— Не сочти меня за ненормального, — сказал он, помахав журналом перед моим носом. — Я, видишь ли, завел кошку, а раньше котов никогда не держал. Но что-то она пока мне не очень нравится. Вместо того чтобы, как ей положено, поддерживать моральное состояние, она на постелях справляет малую нужду.

— А у меня кот, — проявила я инициативу, удивившись вдруг нахлынувшей на меня нежности к Баку. — Вообще-то если кошки или коты гадят за пределами своего туалета, значит, скорее всего, они чем-то недовольны.

— Правда?

— Да, но в остальном с ними не очень много хлопот.

— Хм, — произнес Берт Нолан, — значит, папу ищешь? Да-да, вспоминаю наш разговор. Дэй его фамилия? Он, как и большинство здешних постояльцев, учитывая, что они вытворяли дома, был бы счастлив, если бы знал, что его разыскивают. Обычно их волнуют деньги. Или их отсутствие. Безденежье, запои — вряд ли такая жизнь для порядочных людей. Раннер, значит?

— Он прислал письмо и указал этот адрес.

— Хочешь забрать его домой и ухаживать за ним? — Черные глаза Берта заблестели, словно он сам себе рассказал анекдот.

— Пожалуй, нет. Я просто хотела его поведать.

— Понятно. Этот вопрос — проверка на вшивость. Люди, которые говорят, что разыскивают кого-то из моих ребят, чтобы о них заботиться, никогда этого не делают. — Нолан понюхал пальцы. — Я бросил курить, но иногда проклятые пальцы пахнут табаком.

— Он сейчас здесь?

— Нет, его снова где-то носит. Мне тут пьяницы не нужны, а у него уже третий запой.

— Он сказал, куда отправился?

— Дорогуша, я не справочное бюро, чтобы раздавать адреса. Никогда этого не делаю, и, как оказалось, это наилучший способ отвечать на любой запрос. Но ты производишь впечатление милой девушки, поэтому вот что я тебе скажу...

— Бе-е-е-р-рт! — истошно завопили на улице.

— Не обращай внимания, душа моя, это один из моих ребят хочет пораньше попасть внутрь. Еще одно полезное правило: никогда никого не впускать слишком рано. И слишком поздно тоже.

Он посмотрел на меня вопросительно, похоже потеряв нить разговора.

— Вы обещали мне что-то сказать, — подсказала я.

— Сказать что?

— Что поможет мне отыскать отца.

— Ах да! Можешь оставить для него письмо — я передам.

— Но я уже это делала, поэтому-то я здесь. Мне действительно очень-очень нужно его найти.

Я поймала себя на том, что приняла позу Раннера: как он, уперлась ладонями в край стола, готовая в любую секунду взвиться, если разозлюсь.

Нолан взял в руки гипсовую фигурку лысеющего старика, в отчаянии воздевшего руки к небесам. Я не могла разобрать слов на подставке, но, кажется, эта вещица помогала ему сохранять душевное равновесие. Он глубоко вдохнул и выдохнул.

— Вот что я скажу тебе, милая: хоть он и не здесь, но я точно знаю, что из Лиджервуда не уехал. Один из моих вчера вечером видел его на улице возле бара «У Куни». Он где-то сидит и не высовывается, где-то неподалеку. Только, детка, приготовься к разочарованию.

— Какому разочарованию?

— Ты еще спрашиваешь!

Нолан встал и повернулся ко мне спиной, чтобы проводить меня к выходу. Я тут же схватила фигурку, но заставила себя вернуть ее на стол и вместо нее прихватила пакетик чипсов и карандаш. (Между прочим, достижение.) Эти трофеи, пока я ехала к бару «У Куни», покоились на сиденье рядом.

«Куни» не поддался искушению эксплуатировать тему Дикого Запада, предпочитая горделиво довольствоваться запущенностью настоящего. Когда я открыла дверь, ко мне повернулись три морщинистых лица. Одно из них принадлежало бармену. Я попросила пива, но он раздраженно потребовал с меня водительское удостоверение, которое сначала рассматривал на свет, потом прижал к животу и хмыкнул, очевидно, потому что не сумел доказать, что оно фальшивое. Я отхлебнула глоток и присела у стойки, давая им возможность привыкнуть к своему присутствию, а через минуту заговорила. При имени Раннера они оживились.

— Этот мерзавец спер у меня три коробки с пивом, — сказал бармен. — Прямо среди бела дня вытащил из грузовика, подлец. А ведь я

ему, поверь, столько раз наливал в долг!

Дядька лет пятидесяти, сидевший от меня на расстоянии вытянутой руки, вдруг крепко ухватил меня за локоть:

— Твой папаша — мать его! — должен мне двести баксов. И пусть вернет мою газонокосилку. Передай ему, что я его из-под земли достану.

— Знаю, где его можно найти, — сказал третий. Это был старик с бородой Хемингуэя и телосложением девчонки.

— Где? — одновременно произнесли три голоса.

— Голову дам на отсечение, живет он сейчас со всеми этими бродягами там, в Отстойниках, на свалке. Видели бы вы, — добавил он больше для бармена, чем для меня, — эти костры и лачуги из подручного материала! Прямо как во времена Великой депрессии.

— С чего бы это кому-то жить в такой дыре? — раздраженно поинтересовался бармен.

— Ну хотя бы с того, что туда не сунется ни один чиновник.

Все трое злобно рассмеялись.

— А туда идти не опасно для жизни? — спросила я, рисуя в воображении ржавые металлические контейнеры с ядовитыми отходами и густой ярко-зеленой жижей.

— Нет, если не пить воду из колодца и если ты не саранча.

Я удивленно вскинула брови.

— Там все насквозь пропитано мышьяком. Это наша старая свалка всяких гадостей, которыми когда-то давно травили саранчу.

— А еще там ошиваются безмозглые отморозки, — подвел итог бармен.

Бен Дэй

2 января 1985 года

20:38

Трейд гнал машину в сторону города. Пошел снег. Бен только сейчас вспомнил, что оставил велосипед возле Барака, — но там, наверное, его уже нет.

— Эй! — крикнул он. Трейд и Диондра разговаривали, но из-за громкого буханья и визжания металла из динамиков Бен не слышал о чем. — Можно на минутку подъехать к Бараку: я заберу велик?

Трейд и Диондра переглянулись.

— Нет, — отрезала Диондра с ухмылкой, и они с Треем расхохотались.

Бен откинулся на сиденье, потом снова подался вперед:

— Я серьезно. Он мне нужен.

— Можешь вычеркнуть его из своей жизни, чувак. Его там точно нет, — сказал Трейд. — Там ни хрена оставлять нельзя.

Они въехали на Булхардт-авеню, главную улицу города, где, как всегда, ничего интересного не происходило. Внутри забегаловки с гамбургерами горел ярко-желтый свет — там, как в диораме, сидели какие-то придурки в обнимку со своими пассиями. Витрины магазинов зияли чернотой, и даже бар, казалось, не работал — прямоугольник единственного окошка светился тусклым неверным светом. Выкрашенная в темно-синий цвет дверь была закрыта.

Трейд припарковал грузовик прямо у входа. Диондра допивала свое пиво, но Трейд выхватил у нее бутылку и опрокинул в себя со словами: «Младенец возражать не станет». На тротуаре сидел старик со сморщенным лицом — казалось, нос и рот у него вылеплены из комка глины — и угрюмо смотрел на них.

— Пошли, — сказал Трейд и начал вылезать из машины, но, увидев, что Бен продолжает сидеть, сложив руки на коленях, сунул голову в кабину и деловито улыбнулся: — Не дрейфь, парнишка, ты со мной. Я здесь частенько выпиваю. К тому же, знаешь... хм!.. считай, ты пришел на работу к отцу.

Диондра с отсутствующим видом, как всегда, наматывала на палец концы волос. Они последовали за Треем. Она шла, надув губки, глаза с поволокой, не то зовущие, не то сонные (она почти на всех фотках такая,

будто ты ее только что оторвал от сна, в котором она как раз тебя и видела). Рядом с ней еле переставлявший ноги Бен, как всегда, чувствовал себя нескладным идиотом.

Внутри было хоть топор вешай; едва войдя, Бен подавился. Диондра входила уже с зажженной сигаретой, втянув голову в плечи и сгорбившись, будто это делало ее старше. К Трею тут же подбежал похожий на линяющую птицу нервный мужичок с проплешинами на голове и шепнул ему что-то на ухо, Трей кивнул и сосредоточенно сжал губы. Бен решил, что мужик, наверное, управляющий заведением и собирается выставить их вон, потому что Диондра благодаря лишнему слою косметики, может, и сошла за взрослую, а вот он, Бен, — нет. Но Трей потрепал подошедшего по спине, сказав что-то вроде: «Только не заставляй меня бегать за собой», и тот ответил: «Что ты, что ты, не беспокойся, ни в коем случае, честное слово», после чего Трей бросил: «В воскресенье», прошел мимо него к барной стойке и заказал три пива и рюмку чего-то покрепче, которую тут же в себя влил.

Барменом оказался очередной старый, седой, но очень толстый мужик. Анекдот, ей-богу, — все здесь друг на друга так похожи, словно тяжелая жизнь стерла черты, лишила индивидуальности. Бармен понимающим взглядом окинул Бена и Диондру, но пиво им все же отпустил. С пивом в руке Бен повернулся к стойке спиной и небрежно поставил одну ногу на перекладину высокого табурета, потому что видел, что за ним наблюдает Трей, выискивая, к чему бы придраться, чтобы поднять его на смех.

— Я его вижу. Я вижу Раннера, — сказала Диондра, и, не успев Бен спросить, почему она так запросто его называет, Трей крикнул:

— Эй, Раннер, поди-ка сюда!

На лице Раннера тут же отразилась беспомощность, а глаза воровато забегали. Он подошел раскачивающейся походкой, засунув руки в карманы и вытаращив глаза с пожелтевшими белками:

— Слушай, дружище, у меня их просто нет. Нет, хоть тресни. Я пробовал найти, но я... я собирался тебя искать... я сам сюда зашел буквально только что... хочешь, пока отдам тебе последнюю просто так...

— С Диондрой не здороваешься? — перебил его Трей.

Раннер вздрогнул, потом разулыбался:

— Ой, Диондра, — кхе-кхе — надо же, наверное, я совсем пьяный: не заметил тебя! — Он сделал вид, что прищурился, чтобы лучше видеть, и слегка подпрыгнул на носочках. — Да, сижу выпиваю, никого и ничего вокруг не вижу, потому как переживаю.

— Раннер, не желаешь взглянуть, кто там рядом с Диондрой?

Бен слегка повернулся к Раннеру, пытаясь решить, что сказать, кроме «Привет, пап», но, так ничего и не придумав, остался стоять столбом в ожидании неизбежных гадостей и идиотизма.

Раннер прищурился, чтобы рассмотреть сквозь дымовую завесу, но сына не признал.

— Здравствуйте... — сказал он и повернулся к Трею. — Твой братан двоюродный? Я вечером плохо вижу, мне нужны контактные линзы, но...

— Ну надо же! — сказал Трей, откидываясь назад, будто готовясь расхохотаться, но, видно, слова Раннера привели его в бешенство. — Глянь еще разок, ты, кретин!

Бен вдруг подумал, не выступить ли вперед, чтобы Раннер его лучше разглядел, но прирос к полу и уставился на темную копну своих торчащих в стороны волос в зеркале на дальней стене, одновременно поглядывая, как Раннер приближается к нему, вытянув перед собой руку. Будто Раннер — тролль из сказки, а Бен — сокровище, к которому он тянется.

— Ой, — сказал Раннер и еще больше разволновался. — Волосы почему-то не рыжие.

— Сына не узнаешь?! Это же твой сын, Раннер, да?

— Да, мой! Здравствуй, Бен. Разве можно меня обвинять в том, что я его не признал, — у него же волосы другого цвета! Я и не знал, что ты знаком с Треем.

Бен пожал плечами, наблюдая за отражением отца в зеркале сзади. Интересно, сколько Раннер должен Трею и почему он, Бен, сейчас чувствует себя заложником, хотя Раннеру наплевать, даже если бы за сына действительно потребовали выкуп. А еще Бен думал, насколько случайно то, что они здесь оказались. В машине было похоже, что это не входило в их планы, но сейчас он предполагал, что они ехали именно сюда.

— Я не понял, Раннер! — продолжал Трей на тон выше гремевшей здесь музыки кантри. — Говоришь, у тебя нет денег, Бен тоже говорит, что у тебя нет денег, а всего пару недель назад у тебя была такая крупная партия травы!

— Трава-то была хреновая.

Он подался к Трею, отрезая Бена от разговора и бросая на него вороватые взгляды через плечо. Придвигаясь к Трею все ближе, он пытался оттеснить его к центру зала, Трей не двигался и в конце концов рывкнул:

— Отлепись ты от меня, урод. — Раннер выпрямился, и Трей продолжил: — Но ты абсолютно прав: трава — дрянь. А денег затребовал как за классную.

— Ничего я с тебя не требовал.

— Да, но только потому, что сам мне должен, говнюк. Я совершенно точно знаю, что за дозу, красная цена которой десять долларов, ты брал двадцать. Так где, я тебя спрашиваю, деньги?! Отдал жене на сохранение?

— Она мне не жена! Она бывшая! — заорал Раннер. — Я пытался взять у нее денег, а не отдать ей. Я точно знаю, что они у нее есть. Она всегда от меня прятала деньги, даже когда мы были женаты. Пачками прятала, сотнями. Получала за зерно и рассовывала деньги в самые неожиданные места. Однажды знаешь, где я обнаружил двести долларов? В ее колготках! Может, надо снова к ней вернуться.

Он глянул на Бена — тот слушал, но, делая вид, что поглощен Диондрой, поигрывал ее локоном. Диондра почти не сопротивлялась.

— Могу я поговорить с тобой об этом без посторонних?

Раннер ткнул пальцем в угол, где три огромных мужика играли в бильярд. Самый высокий, седой старик с бледным лицом и татуировкой, которую делают морские пехотинцы, отложил кий и выпустил в их сторону облако дыма.

— Давай, — согласился Трей.

— Можешь говорить и в моем присутствии. — Бен изобразил безразличие.

— Твоему сыну деньги нужны не меньше, чем мне, — продолжал Трей. — А может, даже больше.

Раннер стоял перед Треем, подобострастно съездившись под сверлящим взглядом его черных глаз, но при этих словах начал поворачиваться, расправляя плечи и выпрямляясь во весь рост. С лета Бен подрос и теперь был на пару сантиметров выше его.

— Ты Трею денег должен? Мать говорит, ты попал в переделку. Трею должен, я спрашиваю?! — прогремел он, обдавая Бена запахом пива, табака и еще, наверное, политого горчичным соусом салата с тунцом. Желудок у Бена тут же отозвался голодным урчанием.

— Нет, что ты! Нет! — Он чувствовал, как испуганно звучит его голос. Диондра придвинулась ближе. — Никому я ничего не должен.

— Тогда с какой стати я должен давать тебе деньги, которые достаются мне потом и кровью! — произнес Раннер с горечью в голосе. — Не понимаю я смысла всех этих подачек: то с тебя алименты требуют, то государство так и норовит залезть в карман. Я на себя-то едва зарабатываю, с чего же люди считают, что я должен еще на несколько работ устроиться, чтобы отдавать деньги жене, у которой собственная ферма. И дом на этой ферме. Да еще четверо детей, которые вполне могут помогать по хозяйству. Когда я рос, я совсем даже не считал, что меня должен обеспечивать отец,

типа деньги давать на фирменные кроссовки, на колледж, на одежду, на...

— Еду, — продолжил Бен, глядя вниз на свои дырявые кроссовки с вьевшимися пятнами от кетчупа.

— А ну повтори! Ты что сейчас сказал?!

Раннер разошелся не на шутку, голубые глаза метались по желтой орбите, как рыба на поверхности отравленного озера.

— Ничего, — пробормотал Бен.

— Тебе деньги на краску нужны? Чтобы волосы красить? А может, на салон красоты?!

— Ему нужны деньги, потому что его девчонка... — начал было Трей, но Диондра, стуча себя ребром ладони по шее (нет-нет, ни слова больше, заткнись!), заставила его замолчать.

— Его подружку я уж точно не обязан содержать, — сказал Раннер. — Ты, что ли, Диондра, в этой роли? Мир тесен, как говорится. Но меня это совершенно не касается.

Трое за бильярдным столом прекратили играть и некоторое время с презрением смотрели на разыгравшуюся сцену, потом седой вразвалочку подошел ближе и решительно положил руку на плечо Трея.

— У тебя проблемы, Трей? Из-за Раннера? С него станется. Дай ему еще двадцать четыре часа, ладно? Под мою ответственность. Понял?

Он стоял широко расставив ноги, будто сила притяжения тянула его к земле, но руки у него были, как ни странно, цепкие, и он сильно сжимал плечо Трея.

Раннер улыбнулся и, глядя на Бена, задвигал бровями вверх-вниз — смотри, дескать, как удачно:

— Не переживай, приятель! Сейчас все будет нормалек.

Мускулы Трея под рукой старика напряглись, казалось, он сейчас сбросит эту руку, но он устоял куда-то вперед.

— Договорились, Уайти. Двадцать четыре часа под твою ответственность.

— Благодарю, мой краснокожий друг, — сказал тот, подмигнул и издал губами веселый звук, каким подзывают коня, потом вернулся к приятелям, и они расхохотались. Раздался удар кием по шару.

— Дерьмо ты, Раннер, — сказал Трей и добавил: — Здесь, завтра вечером. А иначе, клянусь, я тебя изуродую.

Победный оскал сполз с лица Раннера, он дважды кивнул, но, прежде чем пойти к барной стойке, бросил:

— Ладно, только после этого ко мне больше не обращайся.

— Скорее бы.

Они начали пробираться к выходу, но Бен надеялся, что Раннер скажет ему что-нибудь на прощание — к примеру, прости, до встречи или что-то в этом роде. Но Раннер уже пытался уговорить бармена, чтобы тот налил ему за счет заведения или за счет Уайти — почему нет? — и совершенно забыл о Бене. Как, впрочем, и Трей с Диондрой — они уже выходили на улицу. Бен стоял, засунув руки в карманы. Поворачиваясь в сторону Раннера, он заметил свое отражение в зеркале — оно сильно отличалось от привычного.

— Пап, — сказал он, и Раннер поднял глаза, раздосадованный, что Бен все еще не ушел. Именно из-за этой реакции Бену захотелось заставить Раннера с собой считаться. Ведь тот же Раннер только что, обращаясь к нему, назвал его приятелем. Бен хотел снова услышать из его уст это слово. На какую-то долю секунды он представил себя с отцом вдвоем в баре за кружкой пива. Ему больше ничего не нужно от этого человека — разве что изредка пивка вместе попить, вот и все. — Я тут тебе сказать кое-что хотел. Не знаю, может, тебя это обрадует. — И Бен не сдержал улыбку.

Раннер сидел перед ним с сонными, ничего не выражающими глазами.

— Я... это... в общем, Диондра беременна. Я... мы... у нас с Диондрой будет ребенок.

После этих слов улыбка стала еще шире. Произнеся это вслух, он вдруг впервые почувствовал, что ему хорошо. Он станет отцом. От него целиком и полностью будет зависеть жизнь маленького существа, которое он про себя пока называет *это*.

Раннер склонил голову набок, осторожно поднял полную кружку:

— Ты уверен, что это твой ребенок? Я что-то сомневаюсь. — И отвернулся.

А на улице Трей с остервенением пинал машину и рычал сквозь зубы:

— Чтоб они сдохли, эти скоты! Своих защищают, мерзавцы! Говоришь, это правильно?! Ничего подобного! Просто старые бледнолицые пердуны пытаются что-то из себя изобразить, а потом наложат в штаны от страха! Уайти! Мразь!

Снежинки падали с неба за шиворот Бену и таяли на шее. Трей ткнул в него пальцем:

— А папаша твой старый кретин, если считает, что я поверил его рассказам. Надеюсь, ты к нему не сильно привязан, потому что я закопаю это дерьмо!

— Поехали, Трей, — сказала Диондра, открывая кабину и пропуская Бена на заднее сиденье. — На следующей неделе вернется мой отец, и мне

точно не жить.

Бен готов был себя ударить. То, что он должен был держать в тайне, он взял и растрепал Раннеру. Когда он сел сзади, то был так зол, что начал щипать и пинать сиденье, брызгая слюной: «Уродуродурод», стучал в потолок, сбивая костяшки пальцев, и бился головой о стекло, пока рана на лбу снова не открылась. Диондра закричала:

— Что случилось, господи, скажи!

— Диондра, да отвяжись ты!

«Истребление и смерть...»

Он ни за что на свете ей не скажет.

— Убить бы кого-нибудь! — прошипел Бен.

Он обхватил голову руками. Впереди Трей и Диондра о чем-то очень тихо переговаривались, наконец Трей произнес:

— Отец твой, парень, сволочь и мудака.

Машина задним ходом выпрыгнула на проезжую часть и понеслась по улице. Бен еще раз сильно ударился головой о стекло. Диондра просунула назад руку и трепала его по волосам, пока он не сел прямо. Ее лицо в тусклом свете кабины казалось зеленым, и Бен вдруг представил, как она будет выглядеть через двадцать лет: с дряблой, огрубевшей кожей, вся в прыщах и угрях, — точно так же, как, по ее словам, выглядит сейчас ее мать.

— Глянь в бардачке, — сказал Трей. Диондра открыла крышку, порылась внутри и вытащила большую трубку, набитую сушеными листьями, трава сыпалась со всех сторон. — Ты поаккуратнее там.

Диондра раскурила трубку и передала Трею. Бен протянул руку — он почти не соображал, от голода его трясло, а от света бивших в глаза уличных фонарей перед глазами все плыло, — но он не собирался оставаться в стороне. Трей отвел его руку.

— Не знаю, дружище, надо ли это тебе. Эта хреновина для нас с Диондрой. Очень крепкая. На полном серьезе, Диондра, сегодня мне, похоже, понадобится особая сила. Давненько я не испытывал этого чувства. Наверное, пора.

Снег летел в лобовое стекло. Диондра молча смотрела вперед.

— А может, и Бену не будет лишним, — настаивал Трей.

— Ладно, тогда давай. Здесь налево, — сказала она.

Но когда Бен спросил, в чем дело, они молча улыбнулись.

Либби Дэй

Наши дни

Я выехала из Лиджервуда, и машина, прыгая на ухабах, по всеми забытой дороге двинулась в сторону Отстойников; небо приобрело ненормальный фиолетовый оттенок. Ну что можно сказать о человеке, то есть обо мне, чей отец обретаётся на свалке ядовитых отходов, о человеке, который вплоть до сегодняшнего дня знать об этом не знал да и знать не хотел! Отравы для саранчи, пропитанные мышьяком истертые оболочки пшеничных зерен вперемешку с патокой, ее применяли еще в тридцатые годы, чтобы остановить нашествие саранчи, а когда отравы оказалась не нужна, ее просто засунули в сотни мешков и свалили в одну кучу, даже не потрудившись закопать поглубже. А потом люди начали болеть.

Ну почему я потащила в Оклахому одна! Ерзал бы сейчас Лайл на соседнем сиденье в очередном своем кургузом пиджачке — все не так тоскливо. Конечно, надо было ему позвонить. Но в возбужденной спешке я никого не предупредила, куда еду, а кредиткой последний раз воспользовалась на бензозаправке в Канзас-Сити. Если что-то случится, меня никто сразу и не хватится. Типы из бара — единственная ниточка к месту моего пребывания, но они мало похожи на добропорядочных граждан.

— Надо же было сделать такую глупость! — озвучила я свои мысли, чтобы не оставалось сомнений в том, как я поступила, и поморщилась при мысли о том, почему ищу Раннера. Очень многие считают именно его убийцей Дзев, но, несмотря на отсутствие у него алиби, в голове это не укладывалось. Как, всплыв, он мог схватиться за ружье, прицелиться и сказать «бах!», представить можно, но топор... Слишком много труда, слишком много усилий. К тому же на следующее утро его обнаружили спящим в его халупе и совершенно не протрезвевшим. Конечно, он мог напиться и после того, как убил семью. Но он бы не усидел на месте. Он бы смылся от полиции и начал рассказывать о содеянном кому попало.

От внешнего мира свалку отделяло хлипкое металлическое ограждение, в котором зияли отверстия с неровными острыми краями. Повсюду, как в прериях, бушевали сорняки по пояс, а в отдалении мелькали огоньки костров. Я поехала вдоль забора, приминая машиной траву, по дну настойчиво барабанил оставшийся кое-где на поверхности гравий.

Продираться сквозь сорняки делалось все труднее; я остановилась, выбралась из машины и аккуратно прикрыла за собой дверь, не спуская глаз с отдаленных огней. Топать до лагеря минут десять. Я без труда проскользнула в дырку в заборе справа и направилась в сторону огней, чувствуя, как о ноги бьется лисохвост. На небе теперь оставалась лишь тонкая розоватая полоска. Я шла и почему-то мурлыкала себе под нос старую мелодию.

Чуть дальше торчали худосочные деревца, но первые несколько сотен метров стеной стояли сорняки. Снова вспомнилась наша ферма, в детстве было совсем не страшно, когда трава лезла в уши, щекотала запястья и под коленками, — тогда казалось, она утешает и умиротворяет. Через несколько шагов я споткнулась о хмельную бабу, буквально ощущая, как носок туфли вошел ей между ребер. Обняв бутылку без опознавательных знаков, она, скрючившись, валялась в луже мочи. Приподнявшись на локте и покачиваясь, она подняла на меня морщинистое лицо с прилипшей к щеке и волосам грязью и зашипела:

— А ну пшла вон!

— Какого черта! — заорала я в ответ, брезгливо подняв руки, словно боясь до нее дотронуться, и начала поспешно удаляться. Я думала, она снова впадет в пьяную кому, но между громкими глотками из бутылки она продолжала вопить вслед: «Пшлавонпшлавонпшлавон!» Крики постепенно перешли в подвывание и закончились рыданиями.

Вопли тетки вызвали живейший интерес трех лиц мужского пола, высунувшихся из-за кривых остовов деревьев. Двое на меня гневно воззрились, а самый молодой, костлявый мужик лет сорока с небольшим, выскочил и ринулся ко мне, размахивая горящей палкой. Я сначала от него попятилась, но потом резко остановилась.

— Ты кто?! Кто, тебя спрашивают?! — прокричал он. От порыва ветра слабый огонек факела потух и, когда мужик ко мне приблизился, превратился в струйку дыма. Последние несколько шагов он пробежал рысью, но остановился передо мной и нерешительно посмотрел на дымящийся уголек. С потерей огня авторитетность и мужское начало сменились мрачным недовольством. — Чё те надо? Сюда нельзя без разрешения. Запрещено. — Он удивленно таращил глаза и был весь какой-то замызганный, но волосы на голове лежали аккуратной ярко-желтой шапкой, словно он ухаживал только за ними. — Запрещено, — повторил он, обращаясь больше к деревьям, чем ко мне. Вот когда я пожалела, что не прихватила с собой кольт, и подумала, когда же я начну проявлять хотя бы каплю благоразумия.

— Я ищу человека по имени Раннер Дэй.

Я не знала, потрудился ли папаша придумать себе какой-нибудь псевдоним, но решила, что, даже если потрудился, к третьему или восьмому бокалу пива он его наверняка забыл. И не ошиблась.

— Раннер? На фига он тебе? Чё-то у ты спер? Чё? У меня — часы. Взял да так и не отдал. — Скелет ссутулился, втянул голову в плечи, как ребенок, которого ухватили за нижнюю пуговичку рубахи.

Где-то в метре от тропинки я уловила движение: какая-то парочка бесформенной кучей ног и волос удовлетворяла похоть, на лицах застыло то ли крайнее раздражение, то ли отвращение. Джинсы на обоих были спущены до щиколоток, розовая задница мужчины двигалась в ритме отбойного молотка. Мой собеседник посмотрел на них, хихикнул и произнес себе под нос что-то вроде «умора».

— Нет, я на Раннера не злюсь, — отвлекла я его внимание от корчившейся в конвульсиях парочки. — Просто он моя семья.

— Р-р-раннер-р-р! — вдруг заорал он через плечо и снова посмотрел на меня. — Раннер живет во-о-он там. У него дом на самом краю. Жрачка с собой есть?

Не ответив, я пошла в указанном направлении под громкие возгласы и рычание достигшей оргазма пары. Костры становились все ярче, все ближе друг к другу. Впереди был выжженный кусок земли, утыканный кривыми палатками, похожими на сломанные от ветра зонты. В центре площадки горел большой костер. Женщина с ввалившимися щеками и отсутствующим взглядом переворачивала поленья и угли, не обращая внимания на тут же черневшие и потрескивавшие консервные банки с бобами и супом. За ее действиями, наполовину высунувшись из палатки, наблюдали мужчина и женщина помоложе. На женщине была надета детская зимняя шапочка, прикрывавшая только макушку, лицо было бледным и уродливым, как брюхо у рыбы. За ними двое стариков с венками из одуванчиков на засаленных, сваливавшихся волосах с жадностью поглощали еду, запуская руки прямо в банки. В воздухе плыл запах тушеного мяса с овощами.

— Беверли, давай сюда! — крикнул огненосцу мужик с покрытым коростой лицом. — Жратва, кажется, готова.

Увидев меня, все замолчали. Они слышали, кого я звала несколько минут назад. Какой-то старик ткнул грязным пальцем еще дальше к западу — Раннер, дескать, там, — и я пошла в сторону прохлады ежевичных кустов. Местность становилась все волнистее — приходилось преодолевать пригорки до полутора метров в высоту и снова спускаться вниз. Где-то

через девять подъемов и спусков я заметила негаснущее мерцание, похожее на свет восхода.

Снова вверх, потом вниз и вверх — я взобралась на вершину последней гряды и обнаружила источник свечения. Дом Раннера при ближайшем рассмотрении оказался ржавым огромным чаном, похожим на бассейн с высоченными бортами, где когда-то что-то смешивали. Оттуда и струился свет. На секунду я забеспокоилась, не радиация ли это. Но разве мышьяк, предназначенный для саранчи, светится?

Я направилась к этому объекту, из которого, усиленные эхом, доносились звуки, — Раннер двигался там, словно гигантский жук в стальном барабане. Голосом школьного учителя, читающего нотации нерадивому ученику, он громким шепотом говорил себе: «Что ж, мистер Умник, следовало бы подумать об этом раньше», и металлическая емкость транслировала его слова в небо, которое уже успело приобрести траурный фиолетовый цвет. «Да, Раннер, да, старик, а сейчас ты, пожалуй, справился», — продолжал его голос. Борт чана возвышался метра на три, в одном месте сбоку к нему была приварена лестница. Я начала подниматься наверх, выкрикивая имя отца.

— Раннер, это я, Либби, твоя дочь! — От ржавчины зачесались руки.

Снизу донеслись булькающие звуки. Я преодолела еще несколько металлических перекладин, ведущих вверх, и заглянула внутрь. Перегнувшись пополам, Раннер тужился, как при рвоте, и наконец из него вывалилась круглая фиолетовая масса. После этого он улегся на грязное пляжное полотенце, сдвинув бейсболку набок, и закивал, будто кто-то где-то хорошо справился с заданием. Вокруг него, как свечи, горели с полдюжины фонариков, освещавших его испещренное глубокими морщинами смуглое лицо и кучу старого хлама: жарочный шкафчик с дырками вместо переключателей, оловянный котелок, несколько наручных часов и золотых цепочек и мини-холодильник, никуда не подключенный. Раннер лежал на спине в расслабленной позе загорающего на пляже отпускника, рядом стояла измятая коробка с пивом, куда помещаются двенадцать банок. Я снова выкрикнула его имя, он посмотрел наверх, а когда меня увидел, подался носом вперед, как злая гончая. Это был один из моих жестов.

— Чё те нада! — огрызнулся он. — Сказал же, сегодня никаких делов!

— Раннер, это я, Либби, твоя дочь.

Он приподнялся на локтях, завернул бейсболку козырьком назад, рукавом отер со щеки дорожку подсыхающей слюны.

— Либби? — оскалился он. — Крошка Ли-иб-би-и! Спускайся,

солнышко, поздоровайся с папочкой.

Он с трудом поднялся и теперь стоял в самом центре своего чана, голос звучал глубоко и напевно, отражаясь от стен, а свет фонариков придавал его лицу невероятно счастливое выражение любителя посидеть у костра. Я нерешительно топталась на лестнице, которая закруглялась на вершине, перетекала внутрь и там же сверху заканчивалась.

— Спускайся-спускайся, Либби, в новый папин дом!

Он поднял ко мне обе руки. Прыгать туда было не опасно, но я никак не могла решиться.

— Давай же! Спускайся ты с небес, Христос на костылях! Столько сюда перлась, а совсем рядом очканула? — рявкнул Раннер.

При этих словах я решительно перекинула ноги через край чана и села, как испуганный пловец. После очередного «ах ты, господи!» из уст Райнера я стала неуклюже спускаться. Раннер всегда обзывал своих детей плаксами и трусами — он был скор на словесную расправу. Я по-настоящему узнала его только летом, которое он провел у нас, но что за ужасное время это было для меня! Со мной его злые подначки всегда достигали цели, и я в конце концов сигала вниз с ветки какого-нибудь дерева, с сеновала, а то и в воду, хотя не умела плавать. После этих подвигов я чувствовала не торжество, а злобу и раздражение. И вот теперь спускаюсь в ржавый чан. Когда руки начали дрожать, а ноги перестали слушаться, Раннер схватил меня за талию, отлепил от стены и принялся ретиво кружиться со мной на руках. Я сучила в воздухе короткими ножками, словно мне снова было семь лет, изо всех сил пытаюсь достать до пола, но это еще больше раззадоривало Раннера, он еще крепче ухватил меня где-то под грудью так, что я чувствовала себя тряпичной куклой.

— Перестань, Раннер, хватит. Отпусти!

Мы сбили два фонарика, и они покатались, разбрызгивая лучи света. Как те, которые преследовали меня в ту ночь.

— Скажи волшебное слово, тогда отпущу, — глупо хихикал Раннер.

— Отпусти!

Он принялся трясти меня еще сильнее. Грудь подпрыгивала, доставая до плеч, ударяясь о шею, подмышки болели от его железной хватки.

— А слово волшебное?

— Пожалуйста! — крикнула я и зажмурилась от негодования.

Раннер разжал руки, и я полетела вперед, как с качелей, на долю секунды почувствовав невесомость. Я приземлилась на обе ноги, но по инерции сделала еще три больших шага и ударилась о стену чана — он отозвался громоподобным металлическим гулом. Я потеряла ушибленное

плечо.

— Ну не обидно ли! Мои дети всегда были слабаками, — посетовал Раннер, переводя дыхание и уперев обе руки в колени, потом запрокинул голову и громко скрипнул шеей. — Подай-ка мне, доченька, пивко.

Вот таким он всегда и был — сначала ведет себя как идиот, потом перестает идиотничать и делает вид, будто ничего плохого он тебе не сделал. Я сложила руки на груди и даже не шелохнулась.

— Черт подери, Дебби, или как там тебя... Либби, что ты мне тут изображаешь феминистку! Окажи услугу родному отцу!

— А ты в курсе, Раннер, почему я здесь?

— Не-а!

Он сам дошел до пива, взглянув на меня из-под поднятых бровей, отчего лоб затерялся в глубоких морщинах. Я полагала, что мое появление произведет на него куда более сильное впечатление, но, видно, Раннер давным-давно заспиртовал ту часть мозга, которая отвечает за способность удивляться. Дни его протекали бестолково и несуразно, так почему бы не включить в них визит единственной оставшейся в живых дочери, последовавший через пяток лет?

— И когда же мы в последний раз виделись, моя крошка? Помнишь, я присылал тебе пепельницу в форме фламинго?

Эту пепельницу я получила от него лет двадцать назад, когда мне было десять лет и я, естественно, не курила.

— Ты помнишь, что написал в письме? О Бене? Что тебе известно, что не он... это сделал?

— Бен? С какой стати я буду писать этому придурку? Недоумок, не я его воспитывал, а его мамаша. Он родился странненьким, таким и остался. Родился бы животным — был бы самым слабым в помете, и мы бы от него избавились.

— Ты помнишь о письме, которое несколько дней назад ты мне написал? Что умираешь и хочешь рассказать правду о той ночи?

— Я даже иногда задаю себе вопрос, а мой ли он вообще? Я, когда его растил, чувствовал себя полным лопухом. Наверное, люди у меня за спиной посмеивались. Потому что в нем ну ни капли моего нет. Он на сто процентов сын своей матери. Маменькин сыночек.

— Ты всего несколько дней назад — вспомни, Раннер! — писал, что это сделал не Бен. Ты вообще-то в курсе, что Пегги лишает тебя твоего алиби? Твоя давнишняя подружка Пегги?

Раннер сделал большой глоток пива и заморгал, потом зацепился большим пальцем за карман джинсов и злобно рассмеялся.

— Ну да, писал. Надо же, совсем забыл. Умираю я. У меня этот... как его... сколи... блин, как эта хрень называется, когда разрушается печень?

— Цирроз?

— Вот именно. У меня этот самый цирроз и есть. А еще с легкими беда. Врачи говорят, я не протяну больше года. Надо было жениться на ком-нибудь с медицинской страховкой. У Пегги какая-то страховка была, но она вечно бегала снимать зубной налет, ей, вишь ты, рекомендовали. — Он произнес последнее слово тем же тоном, каким рассказывают о человеке, ложками поглощающем черную икру. — Либби, у тебя всегда должна быть медицинская страховка. Это очень важно. Без нее ты ни хрена не сделаешь и не добьешься. — Он несколько секунд изучал свою руку, потом моргнул. — Значит, написал я тебе письмо. Надо кое с чем покончить. В день убийств, Либби, произошло многое. Я часто об этом думаю и мучаюсь. Страшный день, ужасный. Проклятый день. Проклятый Дэй, — добавил он и ударил себя в грудь. — На кого только тогда пальцем не показывали! Они бы любого уpekли за решетку. Я тогда не дал показания, которые должен был дать. Взял и сдрейфил.

Он произнес это очень буднично, как нечто само собой разумеющееся, и негромко рыгнул. Так захотелось схватить котелок и что есть силы ударить его по лицу.

— Но ведь ты можешь рассказать об этом сейчас. Скажи, что произошло, Раннер. Слышишь? Бен в тюрьме больше двадцати лет. Если ты что-то знаешь, говори.

— Да? А потом в тюрьму посадят *меня*? — Он возмущенно хрюкнул, уселся на свое пляжное полотенце и высморкался в угол. — Можно подумать, твой братец невинный младенец! Он занимался черной магией, якшался с дьяволом. А коли водишь дружбу с нечистой силой, должен знать, что рано или поздно это плохо кончится... Как я не догадался, когда увидел его с этим му... мудилой Треем Типано!

Тре́й Типано — это имя то и дело всплывало, но потом снова растворялось, никуда не приводя.

— Что сделал Тре́й Типано?

Раннер ослабил, над нижней губой угрожающе завис осколок сломанного зуба.

— Надо же, люди до сих пор не знают, сколько всего в ту ночь произошло. Обхохочешься!

— Над чем, Раннер? Мама погибла, брат в тюрьме. Раннер, у тебя детей убили!

Он склонил голову набок и скосил глаза на серп месяца в небе.

— Ты же жива.
— Но Мишель и Дебби погибли. Пэтти погибла.
— А ты-то почему не погибла, никогда не задавалась вопросом? — Он сплюнул кровавой слюной. — Не странно ли это?
— Какое отношение ко всему этому имеет Трей Типано? — повторила я вопрос.
— Если скажу, мне будет какое-нибудь денежное вознаграждение?
— Непременно.
— Я ведь тоже немножко виноват. Но и твой брат небезгрешен, и Трей тоже.
— Что ты сделал?
— А у кого в конце концов оказались все деньги? Ведь не у меня.
— Какие деньги! У нас их не было.
— А у твоей матери были. Я-то знаю, у твоей курвы-матери деньжата водились.

Он теперь гневно на меня взирал, расширившиеся зрачки подчеркивали голубизну глаз, казавшихся вспышками на солнце. Он снова склонил голову набок, на этот раз беспокойно, по-звериному, и пошел на меня, расставив руки ладонями вверх, словно демонстрируя, что не собирается ни обидеть меня, ни ударить, и все же этот жест смутил меня.

— Куда подевались все деньги от страховки Пэтти? Вот тебе, Либби, еще одна загадка, над которой нужно поломать голову. Потому что лично я уж точно ничего с них не поимел.

— Никто никаких денег не получил. Все ушло на адвокатов Бена.

Раннер теперь возвышался прямо надо мной, пытаюсь напугать меня так же, как делал это, когда я была маленькой. Ростом он невысок, но все равно сантиметров на пятнадцать выше меня. Он стоял и дышал на меня теплыми пивными парами.

— Раннер, что тогда произошло?

— Твоя мать вечно прятала от меня деньги, никогда мне не помогала, а ведь я сколько лет горбатился на ферме. И мне за это ни цента! Вот и поплатилась за собственную жадность. Она, дура, сама накликала беду. Если бы она только дала мне эти деньги...

— Ты в тот день просил у нее денег?

— Я всю жизнь кому-то должен. Всю жизнь одни долги. У тебя, Либби, есть деньги? Блин, конечно, есть, ты же книжку написала. Так что ты тоже не белая и пушистая. Поделись деньгами с отцом. Куплю себе на черном рынке новую печень, а потом дам какие хочешь показания. Чего хочет наша малышка?

Он сделал из пальцев козу и ткнул меня в грудь. Я начала медленно пятиться.

— Если ты причастен к событиям той ночи, которые могут выплыть наружу...

— Раз тогда ничего не выплыло, с какой стати кто-то будет копать в этом деле сейчас? Думаешь, копы? Адвокаты? Тот, кто оказался в него втянут? Кто благодаря этому делу стал знаменит? — Выпятив нижнюю губу, он теперь показывал пальцем на меня. — Думаешь, они скажут: надо же, мы совершили ошибку, выходи, Бенчик-бубенчик, выходи, милый, на свободу и живи спокойно? Щас! Он в тюрьме по гроб жизни, хоть тресни.

— Нет, если ты скажешь правду.

— Ты вся в мать, такая же, блин... прибабахнутая. Нет чтоб, как все, плыть по течению! Так надо все усложнять. Если бы она за все годы хоть разок мне помогла — нет, эта сука уперлась. Я не говорю, что она заслужила такой конец... — Он заржал и вцепился зубами в ноготь. — Но быть такой упертой! Да еще ублюдка воспитала, который развращал маленьких девочек. Гадость какая. Ни разу этот мальчишка не повел себя по-мужски, так и остался сосунком. А Пегги передай, пусть отсосет.

Мне здесь больше нечего было делать — я повернулась, чтобы уйти, но поняла, что без его помощи из чана не выбраться. Пришлось снова на него посмотреть.

— Неужели ты думаешь, что всех поубивал малыш Бен? Да разве бы он смог!

— Кто же в таком случае там был? Что ты этим хочешь сказать, Раннер?

— Я говорю, что это Трей, ему понадобились деньги. Он был букмекером. Трей хотел, чтобы ему заплатили.

— Ты ему задолжал?

— Я не собираюсь перед тобой отчитываться. Скажу только, что он принимал ставки. И в ту ночь был с Беном. Как, по-твоему, он бы еще оказался в том гребаном доме?

— Если все произошло именно так, как ты говоришь, раз ты считаешь, что нашу семью убил Трей Типано, ты должен дать показания, — перебила я. — Если, конечно, все это правда.

— А-а, выходит, ты ни о чем не знаешь! — Он вцепился мне в руку. — И хочешь все получить даром! Я вот прям взял и все тебе бесплатно выложил! Рискуя жизнью... Я ведь велел привезти деньги. Говорил же...

Он потянулся ко мне, но я увернулась, подхватила мини-холодильник и потащила к лестнице — грохот стоял такой, что перекрыл голос Раннера. Я

вскочила на возвышение, потянулась, но пальцы по-прежнему не доставали до перекладин.

— Дай пятьдесят баксов, и я тебе помогу, — сказал Раннер, лениво оценивая мои усилия.

Я встала на цыпочки и потянулась, изо всех сил пытаюсь ухватиться за край, но моя подставка вдруг опрокинулась, и я свалилась вниз, ударившись нижней челюстью о пол и прикусив язык. От боли на глазах выступили слезы. Раннер расхохотался.

— Господи, ну что за хренота, — сказал он, глядя на меня сверху вниз. — Боишься меня, своего папку?

Я отскочила за холодильник, не спуская с него глаз и одновременно соображая, что еще можно подставить под ноги, чтобы выбраться наружу.

— Я не убиваю девчонок, — раздался голос, словно ниоткуда. — Нет, не стал бы. — Вдруг его взгляд оживился. — Скажи, а Диердру нашли?

Я поняла, чье имя он пытается выговорить.

— Диондру?

— Ага, Ди-он-дру.

— Что тебе о ней известно?

— Я всегда думал, что ее в ту ночь убили: ее больше никто не видел.

— Подружку Бена, да?

— Вроде как. Последний раз я ее видел с Беном и Треем. Может, она все-таки убежала? Иногда мне нравится считать себя дедом.

— О чем ты говоришь!

— О том! Она от Бена зачала. По крайней мере, он так сказал. Раздул из этой ерунды целую историю, как будто это так трудно сделать! Я ее в тот вечер видел, а потом она больше нигде не появлялась. Я даже думал, не померла ли. Может, ее эти, как их... дьяволопоклонники... того... они ведь убивают беременных и младенцев. Короче, она исчезла.

— И ты ничего не рассказал в полиции?

— А какое мое дело!

Пэтти Дэй

2 января 1985 года

21:12

После отъезда Раннера дом на несколько секунд погрузился в тишину. Наверное, он помчался искать человека, из которого можно вытрясти деньги. Пэтти слышала, что его нынешнюю подружку зовут Пегги Бэннион, вот пусть ее и мучает. Хотя, вполне вероятно, он уже это делает.

Секунда, две, три — и дочери разразились потоком вопросов и шумным беспокойством. Маленькие ручки хватали ее со всех сторон, словно пытались согреться у затухающего костерка. Поведение Раннера испугало. Он всегда пытался угрожать, всегда тут же выходил из себя, если не получал желаемое, но на этот раз был на грани того, чтобы напасть на нее и избить. Когда они были женаты, он устраивал перебранки, прибегая и к подзатыльникам, скорее для того, чтобы разозлить, напомнить о ее бессилии, чем причинить боль. «Почему в холодильнике нет продуктов?» Подзатыльник. «Почему это не дом, а такая задница?» Подзатыльник. «Куда уходят все деньги, Пэтти?» Подзатыльник, второй, третий. «Ты меня слышишь, женщина? Что ты, черт подери, делаешь с деньгами?» Его занимали исключительно деньги. Даже в те редкие моменты, когда в нем вдруг просыпались отцовские чувства и он неохотно играл с детьми в «Монополию», он по большей части потихоньку тырил деньги из Банка. «Ты называешь меня жуликом?» Подзатыльник. «Что, Бен, хочешь сказать, папка жулик?» Подзатыльник, второй, третий. «Думаешь, ты круче меня?» Подзатыльник.

Прошел почти час, а дочери по-прежнему не отпускали ее с дивана и забрасывали вопросами, что произошло, что случилось с Беном, почему так рассердился папа. Зачем она сердит папу? Либби сидела от нее дальше всех, нахохлившись, и сосала палец, наверное мысленно возвращаясь к визиту в дом Кейтсов, к встрече с копом. У нее, похоже, был жар, но когда Пэтти протянула руку, чтобы дотронуться до ее щеки, она отшатнулась.

— Либби, детка, все нормально.

— Неправда, — сказала она и не моргая уставилась на мать. — Я хочу, чтобы Бен вернулся.

— Он вернется, — сказала Пэтти.

— Откуда ты зна-а-аешь? — захныкала она.

Дебби встрепелулась при этих словах:

— Ты знаешь, где он? Почему мы не можем его найти? Он попал в беду из-за волос?

— Я знаю, почему он попал в беду, — произнесла Мишель особенно вкрадчиво. — Из-за секса.

Пэтти вывел из себя этот сюсюкающий тон заядлой сплетницы: сейчас по всему Киннаки люди точно так же судачат об их семье. Она гневно развернулась и схватила Мишель за руку резче, чем собиралась.

— Что ты хочешь сказать, Мишель? Что значит — ты знаешь?

— Ничего, мама, ничего, — залепетала Мишель. — Я сказала, что не знаю. — Она разразилась громким плачем, как делала, когда сама попадала в передрагу и знала, что не права.

— Бен твой брат, не смей говорить о нем плохо. Ни в семье, ни, естественно, в каком бы то ни было другом месте. А это означает — ни в церкви, ни в школе, нигде.

— Но, мам... — начала Мишель, не переставая плакать. — Я его не люблю.

— Не говори так.

— Он плохой, он делает плохие вещи, все в школе знают...

— Что знают, Мишель? — Пэтти почувствовала, что у нее горит лоб, и пожалела, что рядом нет Дианы. — Не понимаю, о чем ты говоришь. Хочешь сказать, что Бен сделал что-то... плохое... с тобой?

Ну вот, а ведь она поклялась себе ни за что на свете не задавать этот вопрос, потому что сама мысль об этом — предательство по отношению к Бену. Когда ему было лет семь-восемь, он ночью частенько залезал к ней под одеяло, и она просыпалась оттого, что он гладил ее по волосам или прикладывал ручки к груди. Невинные, но смущающие движения; как стыдливая девица, она в ужасе срывалась с кровати и в панике бежала прочь. «Нет-нет, к маме так нельзя прикасаться». Но у нее ни разу до сих пор не возникало подозрения, что Бен мог что-то сделать сестрам. Вопрос повис в воздухе, а Мишель между тем волновалась все больше, поправляя огромные очки на курносом носу и плакала.

— Прости меня, Мишель, я на тебя накричала. Бен попал в беду. Скажи, делал ли он что-нибудь такое, о чем я должна знать?

Нервы у Пэтти были на пределе, ею овладевала жуткая паника, сменявшаяся странной отчужденностью. А сейчас в ней взлетающим самолетом поднимался страх.

— Сделал что?

— Может, как-нибудь странно прикасался... ну, не как брат?

Мотор заглох, и самолет теперь парил в свободном полете.

— Он ко мне прикасается, только когда толкает меня, или дергает за волосы, или швыряет, — пустилась в жалобное перечисление Мишель.

Господи, какое облегчение...

— Что о нем говорят в школе?

— Он дурак, прямо противно. Его никто не любит. Да ты посмотри, что там у него в комнате. Какую-то ерунду собирает.

Она решила было прочесть Мишель нотацию о том, что в комнату Бена без его разрешения входить нельзя, но тут же остановилась, вспомнив, о чем говорил Коллинз: органы животных в пластиковых контейнерах. Извлеченные и высушенные недавно, открываешь крышку, и в нос ударяет дикая вонь.

— И что же там у него? — Пэтти поднялась с места.

Она пошла по коридору, как всегда зацепившись за проклятый шнур, змеившийся из его комнаты, миновала дверь с навесным замком, свернула налево, мимо спальни дочерей, и вошла к себе. Повсюду висели кучи носков, джинсов, туфель.

В тумбочке у кровати она обнаружила конверт с надписью: «В случае крайней необходимости» — наклонным почерком Дианы с вытянутыми в длину буквами, как у мамы. Внутри лежали пятьсот двадцать долларов. Неизвестно, когда и как Диана умудрилась их здесь оставить, но Пэтти обрадовалась, что не знала о деньгах, иначе Раннер почувал бы, что деньги есть и что она их от него скрывает. Она сунула конверт обратно и вытащила болторез, который купила несколько недель назад, просто на всякий случай, чтоб был под рукой, — вдруг понадобится попасть в логово сына. Ей было стыдно. Она пошла назад мимо спальни девочек, больше похожей на ночлежку для бездомных, потому что кровать не стояла только у стены с дверью, и представила, как морщатся копы («Они все здесь спят?»); в нос ударил запах мочи: прошлой ночью кто-то из них описался. Или позапрошлой.

А не поменять ли простыни прямо сейчас? Ладно, потом, и она направилась к комнате Бена, немного постояла возле старой наклейки с фендеровской электрогитарой, которую он почти соскреб. В какой-то момент она почувствовала такую слабость и головокружение, что почти решила никуда не заглядывать. Вдруг она наткнется на фотографии, свидетельствующие о чем-то ужасном?

Щелк — и замок упал на ковер. Дочки, как испуганные олени, высунули головы из гостиной, она закричала на них, чтобы шли смотреть телевизор. Про телевизор пришлось повторить трижды, прежде чем

Мишель тоже наконец скрылась за дверью.

Кровать Бена стояла неубранной, из-под кучи сваленных на ней свитеров и джинсов выглядывало смятое постельное белье. Остальная часть комнаты смотрелась лучше. На письменном столе аккуратными стопками лежали тетради и магнитофонные кассеты, стоял старый-престарый глобус, который когда-то принадлежал Диане. Пэтти крутанула его, оставив пальцем метку на пыльном шаре где-то возле Родезии, и начала перелистывать тетради. Они все были исписаны названиями групп: «Эй-Си/Ди-Си» со стилизованной молнией внутри, «Веном», «Железная дева». В тетрадях Бен рисовал пентаграммы и записывал стихи об убийствах и о Сатане.

Ребенок мой,
Но мой ли, право?
Страшнее планы Сатаны:
Убить младенца, мать убить,
Найти еще — и тоже умертвить.

К горлу подступила тошнота. Она судорожно перелистала другие тетради, а когда взялась за последнюю, она раскрылась посередине. Страницы были изрисованы шариковой ручкой: вагины с проникающими внутрь руками, матки с демонически улыбающимися существами внутри, рассеченные надвое беременные женщины с вываливающимися из них младенцами.

Она присела на стул, чувствуя головокружение, и продолжала листать, пока не наткнулась на страницу с девчачьими именами, написанными в столбик: Хизер, Аманда, Бриана, Даниэла, Николь, и потом все более готическим шрифтом на разные лады и с разной орфографией имя «Крисси» — Крисси, Хрисси, Кристи, Крисси Дэй, Крисси Дэй, Крисси Ди Дэй, Крисси Д. Дэй!

Крисси Дэй внутри сердечка.

Пэтти положила голову на прохладный стол. Крисси Дэй. Будто он собирается жениться на маленькой Крисси Кейтс. Бен и Крисси Дэй. Не об этом ли он думал? Не это ли позволяло ему чувствовать, что в том, как он с ней поступает, ничего страшного нет? Может, он даже представлял, как приглашает ее домой, чтобы мама познакомилась с его подружкой? А еще Хизер. Так зовут дочь Хинкелей; она тоже была у Кейтсов. А остальные имена? Это тоже девочки, которых он совратил?

Голова стала очень тяжелой, ей вообще не хотелось двигаться. Она бы так и лежала прямо здесь, головой на столе, пока кто-нибудь не скажет ей, что делать дальше. У нее это хорошо получается, она ведь иногда часами сидит на стуле и клюет носом, как старуха в доме престарелых, и вспоминает детство, когда родители составляли для нее список того, что она должна сделать, говорили, когда ложиться спать, когда вставать, что делать днем, и никто никогда не просил ее принимать решение самостоятельно. Она смотрела на самолетики на смятом, несвежем постельном белье на кровати Бена, вспоминая, что почти год назад он попросил для себя другое белье — простое, но тут ее взгляд упал на торчащий из-под кровати край пухлого свертка.

Она опустила на колени и извлекла старый пакет. Увесистый. Заглянула внутрь и увидела одну только одежду, а потом по цветочкам и сердечкам, грибочкам и радугам поняла, что это одежда для девочек. Она вывалила на пол кучу, трясаясь от мысли, что вместе с одеждой из пакета выпадут те самые снимки, которых она так боялась. Но внутри оказалась только одежда: трусики, маечки, штанишки и рейтузики для девочки от возраста Крисси до младенческого. Все они были не новые. Поношенные. Точь-в-точь как говорил следователь. Пэтти засунула все обратно в пакет.

Сын. Ее сын. Он сядет в тюрьму. Ферму отнимут, Бену дадут срок, а девочки, дочки... Она снова поняла, как с ней часто бывало, что не знает, как правильно поступить. Бену нужен адвокат, а она не знает, что для этого нужно делать.

Она вошла в гостиную, думая о судебном процессе и о том, что ей этого не вынести. Свирепым голосом велела дочерям не высовываться из спальни; они смотрели на нее раскрыв рты, обиженные и напуганные, а она думала, что только усугубила его судьбу: мать-одиночка, побитая жизнью неумеха — насколько хуже из-за этого он выглядит в глазах людей. Она положила в камин щепки, газеты, сверху несколько поленьев и подожгла содержимое пакета. Когда огонь добирался до маргариток на паре трусиков, зазвонил телефон.

Это был Лен Вернер. Она начала извиняться, объяснять, что сейчас происходит слишком много такого, что о судьбе фермы говорить просто некогда. У сына возникли проблемы...

— Поэтому я и звоню, — перебил он. — Я слышал о Бене. Я не собирался звонить. Но, мне кажется, я могу помочь. Только не знаю, захочешь ли. Есть вариант.

— Для Бена?

— Способ ему помочь. Юридически не подкопаешься. А то, с чем придется столкнуться, потребует немалых средств.

— Я думала, у нас нет вариантов, — сказала Пэтти.

— Кое-что все-таки имеется.

Лен не приедет, и в городе они встречаться не будут. Он был сама таинственность, сказал, что она должна ехать по загородному шоссе до места для пикника у территории парка. Они поторговались, попрепирались о месте и времени, и Лен в конце концов оскорбленно выдохнул в трубку, чем заставил ее скривиться.

— Знаешь, если тебе действительно нужна помощь, выезжай прямо сейчас. Никого с собой не бери. И никому ни слова. Я на это иду, потому что считаю, что могу тебе доверять, Пэтти, и я к тебе хорошо отношусь. Я — правда! — очень хочу помочь.

После этих слов он замолчал, молчание в трубке было столь пронзительным, что Пэтти взглянула на микрофон и прошептала: «Лен, ты где?», полагая, что он отсоединился, и уже сама была готова повесить трубку.

— Пэтти, честное слово, не знаю, но сейчас возможно только это. В общем, сама поймешь. Я за тебя помолюсь.

Она вернулась к камину и увидела, что одежда сгорела только наполовину. В доме поленьев не осталось, поэтому она бросилась в гараж, схватила тяжелый отцовский топор с острым как бритва лезвием (умели раньше делать хороший инструмент!), нарубила дров и вместе с топором принесла в дом.

Она подкладывала в огонь дрова, когда почувствовала, что сбоку маячит Мишель.

— Мам!

— Что, Мишель?

Она подняла глаза. Мишель в ночной рубашке показывала на огонь.

— Ты вместе с дровами чуть не бросила туда топор, — улыбнулась дочь. — Эх ты, голова дырявая!

Пэтти держала в руках топор, как очередное полено. Мишель осторожно забрала у нее топор, держа, как учили, лезвием от себя, и прислонила к стене возле двери.

Мишель неуверенно, словно пробираясь сквозь траву, потопала назад в спальню, Пэтти пошла следом. Дочки свернулись на полу и что-то нашептывали куклам. Люди шутят, что больше всего любят детей, когда те спят, подумала вдруг Пэтти и ощутила укол совести. Она действительно

больше всего их любит, когда они спят, когда не пристают с вопросами, когда их не нужно ни кормить, ни развлекать. А сейчас они в еще одном состоянии, в котором она их тоже любила: уставшие, тихие, потерявшие к матери всякий интерес. Она оставила Мишель за старшую, не стала трогать Дебби и Либби — сейчас она могла только беспрекословно выполнять инструкции Лена Вернера.

Не надейся на чудо, твердила она себе. Не надо надеяться на слишком многое. Не надо надеяться.

С полчасика она ехала сквозь искристый снег, в свете фар снежинки превращались в звездочки. Мама, которая обожала зиму, сказала бы, что это «хороший снег». Пэтти подумала, что девочки завтра будут весь день в нем возиться. Будут ли? Что случится завтра? Где окажется Бен?

Она остановила машину у заброшенной бетонной площадки для пикника, оставшейся с семидесятых годов, со столами и странно изогнутой крышей, напоминающей неудачно сложенную фигурку оригами. Под снегом толщиной в несколько пальцев стояло двое качелей. Они почему-то совсем не качались, хотя дул ветер. Странно это, подумала Пэтти.

Машины Лена поблизости нигде не было. Вообще никакой машины, кроме ее собственной; она начала то поднимать, то опускать молнию на пальто, дотрагиваясь ногтем до каждого металлического звена. Что ее здесь может ожидать? Подойдет она сейчас к скамейке, а там оставленный Леном конверт с толстой пачкой купюр — благородный жест, который потребует вознаграждения. А может, он собрал группу людей, которые, испытывая к ней сострадание, вот-вот здесь появятся и подарят много денег и жизнь, полную чудес и волшебства, и Пэтти поймет, что все ее любят, несмотря ни на что.

По стеклу легонько постучали, и Пегги увидела ярко-розовые костяшки пальцев, принадлежащие крупному мужчине. Это был не Лен. Она немного опустила стекло, готовая к тому, что он скажет: езжайте дальше, дамочка. По крайней мере, стук был именно таким.

— Выходите из машины, — сказал он вместо этого. Он не нагнулся к окну, поэтому она так и не увидела его лица. — Выходите, поговорим на скамейке.

Она заглушила мотор и рывком выбралась наружу, мужчина шел впереди, пряча лицо в высоком воротнике пальто и под широкополой ковбойской шляпой. На ней была шерстяная шапочка, которая не подходила ей по размеру и не закрывала уши; она терла замерзшие мочки.

Вроде бы неплохой человек, подумала она, приятный. Очень хотелось, чтобы он оказался неплохим. У него были темные глаза и длинные усы с

подкрученными вверх концами. На вид лет сорока и, похоже, из местных. Приятный, снова подумала она. Они присели на покрытую снегом скамейку, даже не смахнув с нее снег. Может, адвокат? Адвокат, которого Лен уговорил представлять интересы Бена? Но в таком случае зачем встречаться где-то...

— Слышал, у вас неприятности, — произнес он голосом, подходившим к его глазам и напоминающим дальние раскаты грома.

Пэтти молча кивнула.

— У вас вот-вот отнимут ферму, а сыну грозит арест.

— Полицейские просто хотят с ним побеседовать в связи со случаем, который...

— Вашего сына вот-вот арестуют, и мне известно за что. Нужны деньги, чтобы защищаться от кредиторов, чтобы дети оставались у себя дома — в этом, будь он проклят, доме. А еще нужны деньги на адвоката для сына, потому что вы не хотите, чтобы он отправился в тюрьму с клеймом растлителя малолетних.

— Конечно, но Бен...

— Нет, я хочу сказать: вы не хотите, чтобы ваш сын отправился в тюрьму за соращение малолетних. Нет ничего хуже, чем оказаться за решеткой с таким приговором. Я это видел. Страшно даже подумать, что там с ними делают. Поэтому нужен очень хороший адвокат, а это стоит кучу денег. И адвокат нужен срочно, а не через несколько недель или несколько дней. Прямо сейчас. Такие дела очень быстро выходят из-под контроля.

Пэтти кивнула, ожидая, что будет дальше. Их общение напомнило ей беседу с продавцом машин: придется приобрести именно эту модель по этой цене и прямо сейчас. В таких диалогах она всегда проигрывала, соглашаясь на условия продавца.

Он поглубже натянул шляпу, дыша тяжело, как бык.

— Я и сам когда-то был фермером, и мой отец до меня, и его отец до него. Восемьсот акров земли, скот, кукуруза, пшеница... недалеко от Робнетта в штате Миссури. Нормальная ферма, как у вас.

— У нас никогда не было восьмисот акров.

— Но ведь ферма-то принадлежала семье не одно поколение. И черт побери, своя земля. Нас, фермеров, надули. Как там нам говорили: «Ни кусочка неосвоенной земли»? Вот мы и осваивали. «Полный вперед!» Мы и перли, как дураки. А потом — опа! — извините, наши советы оказались неудачными. Мы заберем у вас ферму — подумаешь, она принадлежала вашей семье не одно поколение! Мы ее у вас забираем, и дело с концом,

какие могут быть обиды! Разве мы виноваты? Это вы идиоты, что нам поверили.

Пэтти и раньше слышала такие речи, она и сама так думала не раз. Конечно, с ними обошлись несправедливо, но пора возвращаться к сыну. Стараясь сохранять терпение, она поерзала на месте — холод пробирал до костей.

— Сейчас я не бизнесмен и не бухгалтер. И политикой не занимаюсь. Но если хотите, помочь смогу.

— Да-да, конечно хочу, — сказала она. — Помогите, пожалуйста.

А мысленно повторяла: не надейся на чудо. Не надо надеяться на слишком многое. Не надо надеяться.

Либби Дэй

Наши дни

У леса, через который я ехала домой, был унылый, изможденный вид. Где-то неподалеку среди длинных неопрятных дорог, очевидно, была еще одна свалка. Она не попалась мне на глаза, но миль двадцать я пробиралась через прилетевший оттуда мусор — справа и слева дорога была усеяна использованными пластиковыми пакетами, которые маленькими привидениями парили над травой.

Начал накрапывать мелкий дождь и быстро превратился в холодный ливень. За окном машины все, казалось, приобретало уродливые очертания. Едва заметив какое-нибудь углубление в стороне или остов упавшего дерева, я представляла, будто под ними лежит то, что осталось от Диондры: набор неопознанных костей и кусочки пластика — часы, подметка, возможно, и эти длинные сережки со школьной фотографии.

«Кому какое дело до какой-то там Диондры!» — подумала я и снова поймала себя на том, что в голову опять лезут фразы Дианы. Какая разница, убил ее Бен или нет, если он убил семью, — и этим все сказано!

А я ведь так надеялась, что Раннер что-то прояснит, сделает так, что я поверю в его, Раннера, виновность. Но его вид лишь подтвердил мои мысли — на такое у него не хватило бы духу. А еще о том, какой он дурак. Словом «дурак» обычно обзываются дети, но к Раннеру оно подходило как нельзя лучше. Ушлый и хитрый, но одновременно дурак. Магду и ее соратников в клубе это разочарует, но я с удовольствием сообщу им его адрес — пусть продолжают с ним разговор, если охота. Лично я надеялась, что он долго не протянет.

Проезжая мимо подготовленного под посев поля, я заметила опирающегося о забор мальчишку; он смотрел на шоссе и то ли злился на кого-то, то ли ему было страшно скучно. Мысли вернулись к Бену. Диондра, беременная от Бена. Во все, что тогда рассказал Бен о той ночи, можно было поверить, если бы не его упорная ложь насчет Диондры. Что-то в этом было не так.

Приехав домой и чувствуя, что насквозь пропиталась заразой, я тут же ринулась в душ. Я терзала себя жесткой мочалкой, и кожа, когда я вышла из душа, была такая, словно на меня напали несколько кошек. Я легла, но ощущения чистоты не появилось, и, повертевшись около часа, снова встала

под душ. Около двух часов ночи я провалилась в тяжелый, беспокойный сон. Среди плотоядно смотревших на меня стариков я искала отца, но, когда к ним приблизилась, их лица растаяли. На смену этому пришли еще более ужасные кошмары: Мишель печет блины, в миске с тестом плавают саранча, Мишель месит тесто, и ножки у саранчи отлетают, попадают в блины, но мама все равно заставляет нас их есть: там содержится протеин, к тому же они хрустят. Потом, поскольку саранча отравлена, мы все начинаем умирать — у нас перехватывает дыхание, начинается слюноотделение, глаза проваливаются. Я проглотила большое насекомое, но оно возмущенно полезло обратно через горло в рот, а там начало стучаться головой о зубы, просясь наружу.

Наступило серое, невыразительное утро. Я снова приняла душ (кожа не желала успокаиваться) и отправилась в библиотеку в центре города, располагавшуюся в белом здании с колоннами, которое когда-то было банком. Рядом сел вонючий дядька со свалывшейся грязной бородой и в заляпанном армейском кителе — в общественных местах он почему-то все время оказывался рядом. Подключившись к Интернету, я вышла на сайт с огромной печальной базой данных пропавших без вести людей и ввела ее имя.

Компьютер издал утробный думающий звук, а меня прошиб пот, хотя я очень надеялась, что на экране высветится сообщение о том, что сведения отсутствуют. Как бы не так. Фотография не слишком сильно отличалась от той, что была в школьном альбоме: кудри, обильно смоченные муссом для волос, челка, крутой волной падающая на лоб, темная подводка для глаз, розовый блеск для губ. На сексуально-обиженно надутых губках легкая тень улыбки.

ДИОНДРА СЬЮ ВЕРЦНЕР

ДАТА РОЖДЕНИЯ: 28 октября 1967 г.

ПРОПАЛА БЕЗ ВЕСТИ: 21 января 1985 г.

Бен снова оказался в комнате для свиданий раньше меня, но на этот раз сидел откинувшись на стуле и скрестив руки на груди, отрешенный и враждебный. Прежде чем согласиться на свидание, он неделю молчал. Когда я села в кабинке напротив, он кивнул.

Это обескураживало.

— Знаешь, Либби, о чем я думаю с тех пор, как мы виделись в последний раз? — произнес он наконец. — Не нужна мне эта... эта боль. Все равно я сижу в тюрьме, не хочу, чтобы моя младшая сестра появлялась,

то веря в меня, то не веря. Чтобы задавала странные ненужные вопросы, чтобы спустя двадцать четыре проклятых года заставляла тщательно подбирать слова и обдумывать ответ. Не нужно мне это недоверие. Поэтому, знаешь, если ты сюда являешься, пытаешься, что называется, «докопаться до истины», отправляйся в какое-нибудь другое место. Потому что мне это все просто не нужно.

— Я нашла Раннера.

Он не привстал от удивления, а так и остался неподвижно сидеть на стуле. Потом вздохнул, словно говоря: а кто бы сомневался?

— Боже мой, Либби! Да в тебе погиб следователь. И что же говорит Раннер? Он по-прежнему в Оклахоме?

— Он сейчас живет на свалке ядовитых отходов на окраине Лиджервуда. — У меня невольно губы растянулись в улыбке. — А из приюта его турнули.

Бен криво усмехнулся:

— На свалке ядовитых отходов, говоришь? Ха!

— Он сказал, что Диондра Верцнер была твоей подружкой и забеременела от тебя. Что она была беременна и вы были вместе вечером накануне убийств.

Бен закрыл лицо рукой, но через щелочку между пальцами я видела, как он моргает. Он заговорил — я не могла разобрать слов. Он еще раз повторил, но я опять попросила повторить. На третий раз он поднял голову и подался вперед:

— Я говорю, далась тебе эта Диондра, ты прям на ней заиклилась! Какого черта ты никак не успокоишься! Знаешь, чем все твои телодвижения закончатся? Ты все испортишь. У тебя была возможность мне довериться, поступить правильно и наконец поверить в брата. Которого ты знаешь. И не говори, что не знаешь, потому что это ложь. Либби, неужели ты не понимаешь, что для нас это последний шанс? Вокруг могут говорить, что я виновен или что я не виновен, но мы-то с тобой отлично знаем, что это ничего не изменит. Исследований ДНК, которые помогли бы меня отсюда вытащить, не будет, — дома-то уже нет. Следовательно, я останусь за решеткой. А это означает, что ты — единственный человек, мнением которого о том, что я не мог убить свою семью, я дорожу.

— Но ты не можешь винить меня в том, что я спрашиваю о...

— Нет, могу. Очень даже могу! Я могу обвинять тебя в том, что ты в меня не веришь. Знаешь, я могу простить тебя за детскую ложь, за то, что тебя тогда запутали. Но, черт возьми, тебе сейчас тридцать с лишним лет, и

ты по-прежнему считаешь, что твоя родная кровь могла сотворить что-то подобное?

— Да, именно так и считаю, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я нисколько не сомневаюсь, что она у нас дурная. Я чувствую это в себе. Я выбиваю из людей то, что нужно мне, Бен. В своей жизни я вламывалась и в двери, и в окна, и... я убивала... живность. Ты не представляешь, как часто руки у меня сжаты в кулаки.

— Считаешь, мы настолько скверные?

— Убеждена.

— Несмотря на то, что в нас половина маминой крови?

— Да.

— Сочувствую тебе, сестренка.

— Где Диондра?

— Прекрати.

— Что с ребенком?

Меня бросило в жар. Если младенец жив, ему (или ей?) сейчас двадцать четыре года. Младенец уже давно не младенец. Я попыталась представить взрослого человека, но воображение упрямыми прыжками возвращало меня к картинке завернутого в одеяло новорожденного. Черт, я себя-то с трудом представляю взрослой, а мне в этом году тридцать два. Столько было маме, когда ее убили. Она казалась мне такой взрослой. Куда взрослее и меня нынешней, и меня в недалеком и далеком будущем.

Значит, ребенку, если он жив, сейчас двадцать четыре года. Воображение тут же услужливо нарисовало пронзительную картину — что было бы, если бы... если бы все были живы. Мы в нашем доме в Киннаки. Мишель в гостиной, по-прежнему беспрестанно поправляющая огромные очки на носу, читает нотации стайке детворы — они на нее выразительно поглядывают, но все равно послушно делают то, что им говорят. Круглолицая Дебби, большая охотница до разговоров, с мужем-фермером, огромным блондином; у них в доме на собственной ферме имеется отдельная комната-мастерская с лентами, лоскутами и клеем. Пятидесятисемилетняя мама, загорелая и почти седая, так же благодушно пикируется с Дианой по поводу чего-то незначущего. Входит рыжеволосая дочка Бена — двадцати с небольшим лет, стройная, уверенная в себе, на тонких запястьях браслеты. Она закончила колледж и никого из нас не воспринимает всерьез. Наша порода.

подавившись собственной слюной, я закашлялась так сильно, что из кабины через две от меня выглянула посетительница, но, удостоверившись, что я не умираю, вернулась к разговору с сыном.

— Бен, что произошло в тот вечер? Мне нужно знать.

— Либби, ты ничего путного не добьешься. В этой игре тебе не одержать победу. Скажу я тебе, что не виновен, значит, виновата ты, потому что разрушила мою жизнь. Скажу, что виновен... вряд ли тебе будет от этого легче.

И он был на сто процентов прав. По этой причине я столько лет ничего не предпринимала. И все же я решила выложить еще один козырь:

— А что с Треем Типано?

— Что?

— Мне известно, что он принимал ставки, что поклонялся дьяволу, что вы дружили, а в тот вечер были вдвоем: ты, он и Диондра. Это не может быть случайным совпадением.

— Откуда ты все это взяла? — Бен взглянул мне в глаза, потом выше и долго и пристально смотрел на рыжие корни моих волос, которые уже отросли до ушей.

— Отец рассказал. Он говорит, что тогда задолжал Трею Типано и...

— Отец?! Значит, теперь он для тебя отец?

— Раннер сказал...

— Да провались он пропадом. Либби, пора взрослеть. Пора выбрать, на чьей ты стороне. Можно остаток жизни провести, пытаясь выяснить, что произошло, пытаясь рассуждать. А можно просто довериться себе. Реши, на чьей ты стороне. Выбери меня. Так лучше.

Бен Дэй

2 января 1985 года

22:23

Они выехали из города, цементное покрытие дороги уступило место грунтовому. Бен трясся на заднем сиденье и, упираясь руками в потолок, пытался уменьшить болтанку. Он был под сильнейшим кайфом. В голове гудело и громыhalo, как в несмазанном двигателе. Хотелось спать. Но сначала поесть. Далеко позади остались огни Киннаки, и теперь на много миль вокруг сверкал снег. Иногда в окне мелькала то заплатка сухой травы, то шрам забора с острыми зубцами, но в основном это была снежная пустыня, похожая на поверхность луны. Может, он и правда в космосе, на другой планете, и больше никогда не вернется домой?

Они свернули на дорогу, похожую на туннель из-за росших по обе стороны деревьев, и Бен вдруг понял, что не имеет ни малейшего представления о том, где они находятся. Оставалось надеяться — все, что вот-вот произойдет, долго не продлится. Гамбургер бы сейчас. Мать иногда готовит какие-то немыслимые гамбургеры и называет их остатками былой роскоши. Кладет туда дешевый жирный фарш с луком и макаронами и все, что может вскоре испортиться. Он готов поклясться, что однажды обнаружил в нем кусок банана, облитого кетчупом. Мать считает, что кетчуп способен сделать съедобным что угодно, но это не так — эта стряпня вызывала отвращение, но сейчас он бы и такое проглотил. С голодухи съел бы быка. Он перевел взгляд с засаленного сиденья на мелькание в окне и (надо же, словно кто-то услышал его молитву о еде!) увидел в заснеженном поле не то десять, не то двадцать герефордских мясных коров. Как они там оказались, оставалось загадкой, потому что поблизости не было даже намека на дом. Коровы не могли сообразить, что надо возвращаться в стойло, — так и стояли тупыми жирными кучами, выпуская пар из ноздрей. В здешних местах это самые уродливые твари — огромные, словно покрытые ржавчиной, с белыми морщинистыми мордами и розовыми веками; похожие на допотопных чудищ, враждебных и злых (совсем другое дело — симпатичные джерсийские молочные коровки: мордашки у них напоминают олени). Ноги уродов покрывала густая шерсть, а головы увенчивали изогнутые острые рога. Машина остановилась, и Бен ощутил беспокойство: случится что-то очень плохое.

— Все, приехали, — сказал Трей и заглушил мотор. В кабину тут же начал вползать холод. — На выход!

Он потянулся через Диондру к бардачку, задел ее живот, и они снова обменялись странными улыбками. Схватив кассету, он сунул ее в магнитофон, врубил громкость — из динамиков бешеными зигзагами понеслась музыка, ударяя в мозг.

— Давай, Бен, вылезай, — произнес Трей, спрыгивая на хрустящий снег, и наклонил сиденье вперед, чтобы дать ему выйти. Бен промахнулся с одной ступенькой и свалился бы на землю, если бы Трей его не поддержал. — Пришло время кое-что в этой жизни понять, почувствовать силу и власть. Ты скоро станешь отцом, чувак! — Трей тряхнул его за плечи. — Отцом!

Голос звучал вполне дружелюбно, но он не улыбался и смотрел перед собой, сжимая губы. Веки у него покраснели и стали почти кровавого цвета. Он что-то про себя решал, что-то просчитывал — это сквозило во взгляде. Он отпустил Бена, закатал рукава куртки и пошел к кузову машины. Из-под капюшона Бен вопросительно посмотрел на Диондру — что происходит? — но она уже залезла по пояс в кабину и вытаскивала из-под своего сиденья прозрачную пластиковую коробочку для бутербродов, тяжело охая и одной рукой придерживая живот, а когда разогнулась, рука переместилась на поясницу, другой она пошарила в коробке. Там было полно пакетиков, сложенных из оберток от жвачек. Она извлекла три штуки.

— Дай-ка сюда, — сказал Трей, сунул в карман пару, а третий развернул и протянул Диондре. — Вам с Беном на двоих.

— Я не хочу ни с кем делиться, — заканючила она. — Знаешь, как мне паршиво. Мне нужен целый.

Трей вздохнул с раздражением и швырнул ей целый пакетик, бормоча про себя: «О господи».

— Что это за фигня? — наконец спросил Бен и снова ощутил теплую струйку крови, стекавшей из раны. Головная боль усилилась и теперь резко отзывалась под левым глазом, от него через шею и плечо инфекцией растекалась по всему телу. Он потер затылок, под кожей вздувались бугры, будто кто-то всунул туда резиновый шланг, завязанный в нескольких местах узлами.

— Зелье Сатаны. Когда-нибудь пробовал?

Трей высыпал себе в ладонь порошкообразное содержимое пакетика, наклонился, как конь над протянутым к морде кусочком сахара, резко и громко потянул носом, запрокинул голову и по инерции отступил на пару

шагов, после чего посмотрел на Бена и Диондру, словно не понимая, с какой стати они здесь оказались. Нос и рот окружала темно-оранжевая рамка.

— Какого хрена пялишься, Бен Дэй!

Зрачки у Трея быстро-быстро засновали из стороны в сторону, будто он следил взглядом за полетом невидимой колибри прямо перед носом. Диондра так же жадно, по-животному, громко втянула в себя порошок и тут же, хохоча, упала на колени. Пара секунд счастливого смеха сменились клокочущим, влажным похохатыванием человека, который не может поверить, что ему крупно повезло. Она кричала и издавала не то кудахтающие, не то лающие звуки, оседая на снег, потом уже на четвереньках продолжала смеяться, пока из нее не вывалились спагетти и плавленый сыр от начосов. Бену показалось, что от рвотной массы пахнет почти съедобно. Спагеттина повисела еще пару секунд, пока Диондра, почувствовав что-то лишнее, не вытащила ее изо рта, — Бен даже представил, как светлый длинный червяк поднимается вверх из пищевода. Она отшвырнула от себя макаронину, продолжая плакать и подвывать, стоя на четвереньках, потом еще раз на нее посмотрела и зарыдала с новой силой — по-детски, громко и безутешно, наморщив лицо, — так плачут его сестры, когда ударятся или поранятся. Будто наступил конец света.

— Диондра, что с тобой, моя де... — начал он.

Она дернулась, ее снова вырвало — прямо к ногам Бена. Он шагнул в сторону и смотрел, как она всхлипывает, по-прежнему стоя на четвереньках.

— Папа меня убье-о-о-т! — выла она, у корней волос выступил пот. Она скривилась, гневно оглядывая свой живот. — Убьет!

Трею не отрываясь глядел на Бена, полностью выключив Диондру из поля зрения, и сделал знак рукой, давая понять, что и ему пора принять зелье. Бен понюхал — от пакетика пахло старыми школьными ластиками и содой, которую добавляют в выпечку.

— Что это — типа кокаина?

— Подзарядка для мозгов. Вдыхай!

— Блин, мне и без этой дряни хреново. Куда еще! Я жрать хочу!

— Чтобы кое-что сделать, без него не обойтись. Давай!

Диондра теперь хихикала, но даже под бежевой пудрой было видно, как она побледнела. С розовой струйкой к ногам Бена плыла крошка от начоса. Он отошел в сторонку, повернулся спиной к Трею и Диондре и лицом к наблюдавшим за ним коровам и тоже высыпал в ладонь содержимое пакетика. Ветер начал сдувать порошок, и когда осталась

только четвертая часть, он так же громко втянул его в себя, все равно какую-то долю оставив на ладони.

И правильно сделал, потому что порошок ударил в нос резче и больнее хлорки, отчего сосуды в голове обожгло и они заскрипели, как ветки на деревьях. Казалось, вся кровь в организме превратилась в горячее жидкое олово, начали ныть даже косточки запястий. Кишки задвигались, как просыпающаяся по весне змея, и на секунду ему показалось, что он наложит в штаны. Он сделал большой глоток пива и кулем повалился на землю, из раны на голове, пульсируя, снова полилась кровь, заливая лицо. И вдруг он почувствовал, что способен бежать со скоростью восемьдесят миль в час и что это непременно нужно сделать, потому что если он так и останется здесь лежать, грудь разорвется и оттуда выскочит демон, стряхнет с крыльев его кровь, на долю секунды задумается о том, что придется торчать в этом мире, — и взмлет в небо, чтобы потом вернуться в ад. Срочно нужно ружье, чтобы разом покончить и с собой, и с этим кошмаром, но только он об этом подумал, как внутри лопнул и, остужая вены, растекся огромный пузырь облегчения. Оказывается, он не дышал. Он глубоко вздохнул и почувствовал себя невероятно хорошо. Как же классно, что можно дышать, — это самое главное. Он чувствовал, что растет вверх, раздается вширь, становится могущественным — с ним бесполезно спорить, потому что он всегда и во всем прав. Он непререкаем. Потому как, что бы он ни сделал, все правильно. Именно так и никак иначе. Можно запросто выстроить в ряд всю эту прорву вариантов и решений, которые он должен принять, и сбивать их из ружья, как в тире. И выиграть главный приз. Самый-самый главный. Слава Бену! Ура победителю! Мир рукоплещет и носит его на руках.

— Что это за хреновина? — спросил он. Голос звучал уверенно и твердо — так открывается толстая тяжелая дверь с отличной пружиной.

Трей ничего не ответил, потому что снова смотрел на Диондру — она силилась встать на ноги, пальцы у нее покраснели от холода. Кажется, Трей и сам не заметил, какую презрительную усмешку у него вызвал ее вид. Он порылся в кузове и повернулся уже с топором в руках — лезвие голубело, как снег вокруг, — и протянул топор Бену лезвием вперед. Бен начал отнекиваться, держа руки по швам: «Нетнетнет, не заставляй меня его брать», как маленький, которого попросили поддержать плачущего новорожденного.

— Бери, говорю.

Бен обхватил обеими руками рукоятку. На лезвии были ржавые пятна.

— Это кровь?

Трейд бросил на него ленивый взгляд откуда-то сбоку и даже не потрудился ответить.

— Ой, я хочу топор! — взвизгнула Диондра и прыгнула в сторону грузовика, а Бен подумал, уж не дурачат ли они его, как обычно.

— Топор для тебя тяжеловат. Возьми охотничий нож.

Диондра нетвердо держалась на ногах, то подаваясь вперед, то отступая назад, и меховая опушка на капюшоне куртки прыгала вверх и вниз.

— Не хочу но-ож — он слишком маленький. Отдай его Бену — он у нас охотник.

— Тогда Бену еще и ружье.

— Ладно, давай ружье мне. Я возьму ружье, — сказала Диондра.

Трейд взял ее за руку, раскрыл ладонь и вложил в нее охотничий нож.

— Острый, так что дурью не майся.

А разве они здесь втроем не маются дурью, подумал Бен.

— Бен-гей, утри лицо, не разбрызгивай везде свою кровь.

С топором в одной руке и ружьем в другой Бен отер лицо рукавом. Его подташнивало. Кровь не останавливалась, а теперь перемазала еще и волосы и заливала глаз. Ему было очень холодно, и он подумал, что такое случается перед смертью, когда человек истекает кровью. Потом вспомнил: немудрено, что кожа покрылась пупырышками, — тонкий коротенький пиджачок Диондры надет прямо на голое тело.

Наконец Трейд извлек из машины огромное кайло — для себя — с острым, как сосулька, серебристым концом и перекинул через плечо — человек собрался на работу. Диондра продолжала капризно дуть губы из-за ножа, и Трейд шикнул:

— Хватит! Ты хочешь что-то сделать или нет?!

Она перестала дуться, коротко кивнула и положила нож в середину круга, в котором они случайно оказались все вместе. Но нет, наверное, все-таки не случайно, потому что после нее Трейд положил рядом с ножом кайло и нетерпеливым жестом, как родитель, чей ребенок позабыл произнести короткую молитву перед едой, призвал Бена сделать то же самое. Бен подчинился и положил сверху топор и ружье. Куча острого металла производила впечатление — сердце у Бена забухало в груди.

Его вдруг схватили за руки с двух сторон: у Трея рука была твердой и горячей, а у Диондры — липкой и безвольной. Они встали кружком вокруг своего оружия, поблескивавшего в свете луны. Лицо Диондры напоминало маску сплошь в ямках и холмах, и когда она подняла голову и приоткрыла рот, Бен почувствовал эрекцию, но его это уже не волновало. Мозг кипел,

жарился где-то на задворках сознания. Диондра произнесла нараспев:

— Мы приносим Тебе, Сатана, эту жертву, мы несем Тебе боль, и кровь, и страх, и ярость — основу человеческого бытия. Мы чтим Тебя, Темная Сила. Во власти Твоей сделать нас сильнее. Превознося Тебя, мы возвеличиваемся сами.

Бен не знал, что могла значить эта ее молитва. Диондра всегда говорит какие-то сакраментальные слова. Как обычные люди, ходит в церковь, но в то же время обращает молитвы и к языческим богиням, и к камням, и к магическим шарам, и к прочей фигне и хрени. Она всегда уповает на чью-нибудь помощь.

— Сегодня твой ребенок, Дио, станет, черт возьми, воином, — сказал Трей.

Они расцепили руки, каждый взял свое оружие и молча отправился в поле. Под ногами хрустел снег. Бен в полном смысле слова замерзал, ощущая, что к телу искусственно прилеплены чужеродные предметы. Но разве это имело значение? Вообще мало что имело сейчас хоть какое-то значение, они пребывали в эйфории — все будет класс, никаких обязательств, никаких последствий, что бы они ни сделали.

— Кого выбираешь, Диондра? — спросил Трей, когда они остановились у группы из четырех герефордов, изваяниями возвышавшихся на снегу. Они не двигались, не считая, что из-за людей нужно беспокоиться. Тупые твари.

Диондра начала задумчиво водить пальчиком, будто мысленно произнося детскую считалку: «Вышел месяц из тумана...» — и наконец указала на самого крупного быка с огромным до нелепости, заросшим шерстью членом, почти достававшим до земли. Она растянула рот в кровожадном оскале вампира, обнажая зубы волчонка, и Бен решил, что за этим последует громкий боевой клич, но она молча и неуклюже зашагала к быку по снегу. Он успел только самую малость отодвинуться назад — она всадила нож ему в горло.

Вот оно, подумал Бен. Прямо на его глазах начинается жертвоприношение Сатане.

Из быка с громким бульканьем полилась кровь — темная и густая, как нефть, но вдруг у него внутри словно что-то прорвало, и она брызнула злым фонтаном, перемазав их лица, одежду и волосы. Диондра теперь уже вопила, словно первая часть ритуала проходила под водой, и вот теперь она вырвалась на поверхность, ее крик эхом отражался от снега. Она нанесла очередной удар ножом — прямо в левый глаз — и превратила глаз в месиво, на его месте чернела пустая глазница. Бык в замешательстве

неуклюже оступился и издал звук, как человек, которого неожиданно разбудили (срочно! бежим!) — испуганный, но вялый. Белая курчавая шерсть покрылась кровавыми брызгами. Трей поднял к небу свое оружие и, издав боевой клич, наотмашь рубанул быка по брюху. Бык осел на снег, но тут же встряхнулся и пошел пьяной походкой прочь. Как дети, когда становятся свидетелями драки, остальные коровы отступили от него, расширяя пространство. Смотрели и тупо мычали.

— Бей его! — вопила Диондра.

Трей заскакал по снегу, выбрасывая ноги вверх, будто в танце, и описывая кайлом круги в воздухе. Он что-то пел во славу Сатане и вдруг прямо в середине строчки с силой опустил кайло на хребтину быка, переламывая позвоночник. Бык упал в снег. Бен стоял как вкопанный, не шевелясь. Потому что движение означало бы, что он примет в этом участие, а он не хотел, не хотел чувствовать, как под его топором разверзается плоть, — и не потому, что это плохо, а потому, что боялся, что для него это может оказаться слишком хорошо. Как было с травкой — когда он первый раз затянулся, он понял, что теперь никогда от нее не откажется. Словно дым нашел внутри собственное, специально для него предназначенное местечко и уютно там свернулся. Возможно, у него внутри припасено место и для убийства — остается лишь его заполнить.

— Давай-ка, Бен, нечего выдрючиваться, — подал голос Трей, хватая ртом воздух после третьего, четвертого, пятого удара кайлом.

Бык лежал на боку, он теперь глухо и скорбно стонал — наверное, такие же потусторонние звуки издавал какой-нибудь динозавр, оказавшись в смертельной западне угольного провала, — внушающий ужас, потрясенный плач умирающего.

— Ну же, Бен, внеси свою лепту! Ты здесь не для того, чтобы стоять столбом! — заорала Диондра, в ее устах слово «стоять» прозвучало как самое последнее дело.

Бык поднял на нее оставшийся глаз, и она, держа нож в одной руке, а другой прикрывая живот, принялась коротко и сильно тыкать его ножом в морду, сквозь стиснутые зубы выкрикивая: «Сволочь! Мразь!»

— Притормози-ка, Ди, — сказал Трей, опираясь на кайло. — Пошевеливайся, Бен! Давай, а то, честное слово, я тебе накостыляю. — Глаза Трея пьяно блестели, и Бен пожалел, что принял так мало зелья, иначе не стоял бы он сейчас, как дурак на распутье: ни то ни се — вроде страха больше нет, а способность мыслить осталась.

— Это твой шанс, паря! Будь мужчиной. На тебя смотрит мать твоего ребенка, и она, между прочим, уже кое-что сделала. Хватит быть трусом,

сколько можно позволять другим пинать себя и толкать! Чувак, я когда-то был таким же, но, честное слово, не хочу, чтобы в моей жизни это повторилось. Не дрейфь! Вспомни, как к тебе относится родной папаша. Будто ты слабак и размазня. Значит, ты этого заслуживаешь?! Да ты и сам знаешь.

Бен вдыхал холодный воздух, а слова забирались под кожу, кололи и злили все больше и больше. Да никакой он не трус!

— Давай, Бен, хотя бы начни, — подначивала Диондра.

Бык теперь только тяжело и хрипло дышал — от крови, выливавшейся из глубоких ран при каждом выдохе, рядом на снегу образовывалась огромная лужа.

— Нужно открыть выход ярости — она-то и дает власть. Не надоело всю жизнь бояться?

Бык на снегу представлял теперь такое жалкое зрелище, был до того уязвим — Бен смотрел на него с омерзением. Руки сильнее сжали рукоятку: нужно прикончить несчастную тварь, положить конец ее мучениям. Он занес тяжелый топор высоко над головой и резко опустил на голову быка. Череп хрустнул, бык издал последний крик, во все стороны полетели мозги и кости — и тут Бен почувствовал, как хорошо сейчас мышцам — они заработали (физический труд — удел мужчины), — и снова опустил топор. Череп раскололся пополам. Бык наконец испустил дух, в последний раз слабо дернув передними ногами. Взгляд Бена переместился на относительно нетронутую середину туши — и его словно прорвало, он начал крошить ее топором, вокруг фонтаном разлетались кости и внутренности. «Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!» — кричал он. Плечи свело, будто их сзади туго стянули резинкой, челюсть гудела, руки, сжатые в кулаки, тряслись, член, твердый как камень, двигался вместе с ним, словно все тело вот-вот зайдется в оргазме. Взмах — удар, взмах — удар!

Он хотел уже схватиться и за ружье, но вдруг почувствовал, что руки обмякли, внутри не осталось ни капли злости и он перестал ощущать силу. Стало противно — то же самое он чувствовал после того, как мастурбировал, листая порнографический журнал, — мерзко, гадко, отвратительно.

Диондра расхохоталась:

— Какие мы крутые с полудохлым-то быком!

— Но ведь я его убил, разве нет?

Они все судорожно хватали ртом воздух, они выбились из сил, лица были залиты кровью — выделялись только глаза, как у енотов.

— И этот парень заделал тебе ребенка, Диондра?! Ты уверена, что ему

такое под силу? Неудивительно, что с малолетками у него получается лучше.

Бен бросил топор и пошел к машине, думая, что пора домой, что во всем виновата мать — какого черта она утром до него докопалась! Не истерила бы по поводу волос, был бы он сейчас дома в теплой уютной кровати: за дверью возятся сестры, где-то дальше бубнит телевизор, мать на кухне что-то варит на ужин. Но вместо этого он торчит здесь и выслушивает обычные насмешки. Пытался что-то доказать, но, как всегда, ничего у него не получилось, и никуда от этого не деться. Теперь ему всегда будут вспоминать сегодняшний вечер — вечер, когда он не сумел доказать, что на что-то способен.

Зато теперь-то он точно знал, что такое насилие, и хотел продолжения. Через несколько дней он об этом подумает. Звонок прозвенел — былого уже не воротишь. Он будет мысленно постоянно возвращаться к этой бойне, но Трей и Диондра вряд ли возьмут его с собой еще раз, а в одиночку ему пойти на это слабо, потому что он, как всегда, окажется жалким трусом.

По-прежнему стоя к ним спиной, он поднял ружье к плечу, развернулся, взводя курок, резко обернулся и выстрелил. Воздух зазвенел, ружье, как старый друг, толкнуло в плечо — будто похвалило за отличный выстрел. Он снова зарядил его, шагнул в поле, выстрелил.

В ушах звенело, в воздухе запахло дымом. Он возвышался над мертвыми кучами, а Трей с Диондрой впервые в жизни не проронили ни слова.

Либби Дэй

Наши дни

За то время, что я торчала в Оклахоме и не выходила на связь, Лайл оставил на моем автоответчике девять сообщений невероятно широкого диапазона тонов. Первое произносилось шутливо, с озабоченностью престарелой аристократки, которая, слегка гнусавя, спрашивает о моем здравии, далее тон последовательно менялся с раздражительного на суровый, настойчивый и перепуганный, а в последнем вернулся к дурашливому. «Не перезвонишь — приеду... и тогда горе тебе!» — вопил его голос на записи, а затем добавил: «Не знаю, правда, смотрела ли ты „Тумстоун“».

Конечно, этот вестерн я смотрела, но у Лайла получилась жалкая пародия на Курта Рассела в роли Уайетта Эрпа.

Я перезвонила, неожиданно для себя продиктовала адрес и сказала, что он может приехать, если захочет. Было слышно, как женский голос его просит: ну что ты в самом деле, спроси ее, спроси; при этом Лайл, очевидно, прикрывал трубку рукой. Не Магда ли выражает желание получить отчет о результатах моей встречи с Раннером? Что же, охотно сообщу. Мне и самой хотелось поделиться, иначе я способна снова залечь в кровать и не высываться еще лет десять.

В ожидании гостя я занялась волосами. Возвращаясь со свидания с Беном, я заехала в магазин за краской для волос, чтобы, как обычно, покраситься в платиновую блондинку, но в конце концов у меня в руках оказалась коробочка, с которой кокетливо улыбалась рыжеволосая красавица. Я ведь предпочитаю не заморачиваться, а с рыжими волосами мороки меньше. К тому же я подумывала о том, чтобы вернуть себе первоначальный цвет, с тех самых пор, когда Бен заметил, как здорово я похожа на маму. Эта мысль казалась особенно привлекательной: я надеялась, что, если появлюсь у трейлера Дианы, похожая на ожившую Пэтти Дэй, этого, возможно, будет достаточно, чтобы она снова пустила меня к себе (зараза, так и не звонит!).

Я распределила по волосам темно-красную массу с легким запахом чего-то горелого. Оставалось держать краску еще четырнадцать минут, когда в дверь позвонили. Ну конечно, Лайл и, конечно, рано. Он влетел в дом со словами о том, какое облегчение почувствовал, когда я наконец

позвонила, но вдруг отпрянул:

— Что это у тебя? Химию делаешь?

— Нет, возвращаюсь в рыжий цвет.

— Здорово. Натуральный.

За тринадцать оставшихся минут я рассказала ему о Раннере и Диондре.

— Ясно, — произнес он, глядя куда-то влево и подставляя мне ухо в своей обычной задумчивой позе. — Значит, по словам Бена, в тот день поздно вечером он ненадолго вернулся домой, поругался с матерью и снова ушел, поэтому не знает, что произошло потом?

— Да, — кивнула я.

— А что произошло, по словам Раннера? Либо твоих убил Трей, потому что Раннер задолжал ему деньги, либо в ходе какого-то дьявольского ритуала их убили Бен и Трей? Сначала твою семью, а потом еще и Диондру? А что Раннер сказал по поводу того, что подружка лишает его алиби?

— Он сказал, пусть отсосет. Извини, мне нужно смыть краску.

Он сопровождал меня в ванную, занял дверной проем, держась обеими руками за косяк, и задумался.

— Либби, можно, я поделюсь с тобой одной своей мыслью в связи с событиями той ночи?

Я стояла согнувшись, сунув было голову под кран над ванной (какой может быть душ в месте с названием «вон туда по вон той дороге!»!), но на секунду застыла.

— Я хочу сказать, не думаешь ли ты, что убийц было двое? Не знаю, каким образом, но двое? Мишель просто... На твою маму и Дебби устроили чуть ли не охоту А Мишель умирает в постели — ее душат. Какие-то уж больно разные преступления. Мне так кажется.

Я неуклюже пожала плечами и сунула голову под струю воды, чтобы заглушить окружившие меня со всех сторон звуки Черной дыры. К стоку в ванне устремился багровый поток. Все в том же перевернутом состоянии я почувствовала, что Лайл забрал у меня тубик и легонько постучал по затылку. Деловито и совсем не романтично.

— У тебя там след остался! — прокричал он, перекрывая шум воды, и вернул тубик. Я выпрямилась, но он потянулся ко мне и схватил за ухо. — На мочке тоже краснота. Вряд ли она будет сочетаться с сережками.

— У меня не проколоты уши, — сказала я, расчесываясь и пытаюсь понять, угадала ли я с цветом. И очень старалась отогнать мысли о мертвых телах моих родных — сейчас только волосы, только волосы!

— Правда? А я думал, что все девчонки прокалывают уши.

— Рядом со мной не было человека, который бы мне в этом помог.

Растерянно улыбаясь, он наблюдал за моими манипуляциями с расческой.

— Ну и как цвет?

— Узнаем, когда высохнут.

Мы сели на диван в гостиной, каждый на свой край, и замолчали, прислушиваясь к вновь зарядившему дождю.

— У Трея Типано алиби, — наконец произнес он.

— У Раннера оно тоже, между прочим, имелось. В их случаях заручиться алиби было нетрудно.

— А может, тебе следует пойти дальше и официально отказаться от своих показаний?

— Никаких отказов, пока не буду уверена в правильности такого поступка, — заявила я твердо. — И никак иначе.

Дождь становился все сильнее, и я пожалела, что у меня нет камина.

— Тебе ведь известно, что в день убийств ферма пошла в счет уплаты долгов? — спросил Лайл.

Я кивнула. Это был один из множества новых фактов, которые осели у меня в памяти благодаря Лайлу и его материалам.

— Не кажется ли тебе, что это не простое совпадение? Что-то мы все-таки упускаем из виду. Что-то очевидное. Смотри: девчонка лжет, ферма разоряется, у любителя делать ставки требует вернуть долг — кто бы подумал! — букмекер, почитающий дьявола. И все в один и тот же день!

— И в этом деле лгут абсолютно все. И лгали.

— Что будем делать? — спросил Лайл.

— Телевизор смотреть, — сказала я, щелкнула кнопкой, вернулась на диван и отделила от волос почти сухую прядь. Она оказалась огненно-рыжей, но это, в конце концов, мой натуральный цвет.

— Знаешь, Либби, я очень тобой горжусь, — произнес он торжественно.

— Пожалуйста, не надо, а то в твоих устах это звучит уж очень покровительственно. Терпеть не могу покровительственный тон.

— Никакой он не покровительственный! — В его голосе появились звенящие нотки.

— Значит, ненормальный.

— Нет. Я хотел сказать, как круто, что я с тобой познакомился.

— Ах боже мой, какая удача! С таким достойнейшим человеком!

— Но ты действительно достойнейший человек.

— Прекрати, Лайл. И больше не начинай, хорошо? — Я подтянула коленку к подбородку, и мы оба сделали вид, что погрузились в просмотр кулинарного шоу с ведущим, голос которого звучал чересчур оживленно.

— Либби?

Я медленно подняла на него глаза, словно это доставляло мне боль.

— Могу я тебе кое-что рассказать?

— Рассказывай.

— Ты когда-нибудь слышала о лесном пожаре неподалеку от Сан-Бернардино в девяносто девятом? Пожар тогда уничтожил восемьдесят домов и без малого тридцать семь тысяч гектаров леса.

Я пожала плечами: кажется, Калифорния горит постоянно.

— Его устроил я. Но не специально. По крайней мере, я не думал, что ситуация выйдет из-под контроля.

— Что?

— Я был совсем мальчишкой, мне было всего двенадцать, и никаким я поджигателем не был, но у меня в руках почему-то оказалась зажигалка. Мне нравилось ею щелкать. Я был в горах недалеко от дома, было страшно скучно, я шел по тропинке, кругом — сухостой. Чиркал зажигалкой и смотрел, займутся ли верхушки травы. Такой сорняк с пушистыми верхушками...

— Лисохвост называется.

— Не успел я оглянуться, как вокруг уже было штук двадцать мелких возгораний, похожих на факелы. А дело было, когда дула сантана, ветер начал срывать горящие верхушки, и там, где они приземлялись, зажигались новые факелы, потом все новые и новые. И вдруг все они объединились в один большой пожар.

— Так быстро?

— Да, огонь распространился за считанные секунды. До сих пор помню это ощущение — в какой-то момент я представил, что, вероятно, могу еще что-то сделать. Но в один миг это стало выше моих сил, и я понял, что все очень плохо закончится. Я тогда подумал, что со мной происходит то, от чего я, наверное, никогда не оправлюсь. Так оно и случилось.

Очевидно, в этом месте я должна была что-то сказать.

— Лайл, но ведь ты не хотел, чтобы такое случилось. Ты просто оказался ребенком, которому жутко, просто безумно не повезло.

— Да, знаю. Именно поэтому мне понятны твои чувства и ощущения. Я узнал о твоей судьбе не очень давно, начал читать о тебе и подумал, что мы с тобой, вероятно, похожи. Я решил, что тебе с твоими показаниями во время суда и с тем, что произошло после него, возможно, знакомо это

чувство, когда что-то полностью выходит из-под контроля.

— Да, знакомо.

— Ты первая, кому я рассказал о том, что со мной произошло. Я имею в виду, по собственной инициативе. Я понимаю, *что* чувствовала ты...

— Спасибо.

Если бы я была лучше, я бы, наверное, при этом накрыла его руку своей и тепло бы ее пожала, давая понять, как хорошо я его понимаю и как ему сочувствую. Но я такая, какая есть, даже «спасибо» далось мне нелегко. Бак прыгнул на диван между нами, требуя, чтобы я его покормила.

— Слушай, это... что ты делаешь в выходные? — спросил он, прикасаясь к дивану как раз в том месте, где накануне, упав головой на руки, рыдала Крисси.

— Ничего.

— В общем, мама хочет, чтобы я спросил, не придешь ли ты на день рождения, который она мне устраивает. Просто ужин с друзьями.

Взрослые устраивают день рождения, но то, как сказал это Лайл, заставило меня подумать о клоунах, шариках, вероятно, еще и катании на пони.

— Но тебе, возможно, захочется просто провести этот вечер с друзьями, — сказала я, озираясь в поисках пульта от телевизора.

— Да, поэтому я и приглашаю тебя.

— Тогда ладно.

Я сдерживалась, чтобы не улыбнуться, потому что улыбка в этой ситуации была бы совершенно не к месту, и одновременно думала, что ему сказать. Спросить, сколько ему стукнет? Но если двенадцать ему было в девяносто девятом, значит (боже мой!), ему исполняется двадцать два? Мои рассуждения прервал экстренный выпуск новостей. Сегодня утром на дне оврага обнаружен труп Лизетт Стивенс. Ее убили несколько месяцев назад.

Пэтти Дэй

3 января 1985 года

00:01

Убогий, унылый Киннаки. Она уж точно не станет скучать по этому городишке, особенно зимой, когда дороги здесь до того разбитые, что кажется, костей не соберешь даже после одной поездки. Когда она вернулась домой, девочки спали без задних ног. Дебби и Мишель, как всегда, заснули прямо на полу: Дебби — подложив под голову мягкую игрушку, Мишель — посасывая шариковую ручку, с дневником под мышкой, не чувствуя неудобства, несмотря на поджатую под себя ногу. Либби свернулась комочком в кровати со сжатыми кулачками у подбородка и во сне поскрипывала зубами. Пэтти сначала хотела устроить каждую поудобнее, но передумала, боясь потревожить их сон. Вместо этого она послала всем воздушный поцелуй и прикрыла дверь. В нос снова ударил запах мочи: надо же, она совершенно забыла о том, что хотела поменять постель.

От детских одежек почти ничего не осталось, со дна камина вдруг взлетали мельчайшие частички и снова оседали на угли. На кучке пепла гордо покоился крохотный белый квадратик материи с фиолетовой звездочкой. Пэтти подложила в камин еще одно полено, чтобы уж наверняка ничего не уцелело, и отправила непокорный квадратик в огонь. Потом позвонила Диане и попросила ее приехать рано-рано утром, на рассвете, чтобы снова отправиться на поиски Бена.

— Хочешь, приеду сейчас, чтобы составить тебе компанию?

— Не нужно, я уже ложусь, — сказала Пэтти. — Спасибо за конверт. За тот, с деньгами.

— Я тут обзвонила разных людей насчет адвоката, так что к завтрашнему дню у нас будет внушительный список. Не волнуйся, Бен обязательно придет домой. Возможно, он запаниковал и остался у кого-то ночевать. Он объявится.

— Диана, я так его люблю... — начала Пэтти, но тут же заставила себя замолчать. — Спокойной ночи.

— Завтра я привезу хлопья для каши, а то сегодня забыла.

Каша. Так буднично, ее словно ткнули в живот.

Она отправилась к себе в комнату. Хотелось посидеть и подумать,

собраться с мыслями. Она всей душой ощутила эту необходимость, но снова справилась с собой. А это было так же трудно, как подавить чихание. В конце концов она плеснула себе в стакан на два пальца бурбона и надела несколько теплых ночнушек. Время думать прошло — надо просто постараться немного отдохнуть.

Ей казалось, она станет плакать, чтобы снять тяжесть с души, — не получилось. Она легла, подняла глаза к покрытому трещинами потолку и подумала: «Больше не нужно прикидывать, как бы заделать трещины и дыры». Больше не придется смотреть на прорванную сетку в окне рядом с кроватью, год за годом думая, что надо бы ее починить. Не нужно беспокоиться о том, что утром захочется выпить кофе, а кофеварка вдруг окончательно сломается. Не нужно расстраиваться из-за цен на ходовые товары, процентных ставок в банке, кредитной карты — Раннер оформил на ее имя карту на такую сумму, которую ей ни за что не выплатить. Она больше никогда, или, по крайней мере, очень долго, не увидит никого из семейства Кейтсов. Не нужно переживать из-за Раннера и его фанфаронства, из-за судебного процесса и связанных с ним мучительных фантазий, напомаженного адвоката с золотыми часами на толстой цепочке, который будет говорить ей слова утешения, а за глаза осуждать. Не придется проводить бессонные ночи, терзаясь из-за того, что этот адвокат, лежа на дорогой перине, рассказывает супруге о тетке по фамилии Дэй и ее грязном выводке. Не надо страдать из-за того, что Бен сядет в тюрьму. И из-за того, что она не сможет позаботиться о нем, да и обо всех остальных. Все изменится.

Впервые за десяток лет она не переживала, поэтому не плакала. Где-то после часа ночи дверь со стуком распахнулась, и к ней в постель забралась сонная Либби. Пэтти повернулась к ней, поцеловала, сказала, что любит ее (хорошо, что она сказала это вслух хотя бы одному из своих детей), но Либби почти тут же уснула, вероятно так и не услышав ее слов.

Либби Дэй

Наши дни

Я проснулась с таким чувством, что видела во сне маму. Почему-то безумно захотелось гамбургер — из тех, маминого приготовления, над которыми мы когда-то посмеивались; чего она туда только не добавляла: и морковь, и репу, иногда даже подсохшие или подвявшие фрукты. Желание странное, ведь я не ем мяса.

Я лежала и размышляла над тем, как готовят гамбургеры, когда позвонил Лайл и, как обычно, звенящим голосом объявил, что нужно съездить еще к одному человеку. Это будет последний. Он всегда так говорит: это последний, с кем я должна поговорить; и если разговор ни к чему не приведет, можно поставить точку. Трей Типано. Я должна ехать к Трею Типано. Когда я сказала, что найти его будет сложно, Лайл продиктовал адрес.

— Ничего сложного, у него свой магазин «Корма для животных».

Я хотела было его похвалить и поинтересоваться, *насколько* несложно, но не стала. Лайл сказал, что товарки Магды заплатят за разговор с Треем пятьсот долларов. Я бы и бесплатно поехала, но от предложенных денег не отказалась.

Наверное, так оно и будет продолжаться, и я не остановлюсь, пока не найду хоть какой-то ответ. Бен что-то знает — в этом я больше не сомневалась. Но молчит. Значит, нужно продолжать поиски. Помню, как-то по телевизору я слышала весьма разумное выступление одного специалиста по вопросам любви: не теряйте надежду — все романы оказываются неудачными, пока не найдешь то, что нужно. Я чувствовала то же самое: я должна отыскать того единственного человека, который поможет мне понять, как и почему той ночью все это произошло.

Лайл поехал со мной к Типано отчасти потому, что хотел на него поглядеть, а отчасти потому, что, как мне показалось, у него было неспокойно на душе. («Не доверяю я дьяволопоклонникам».) Магазин Типано располагался чуть восточнее Манхэттена в Канзасе, где-то среди ферм на ничейной земле, втиснувшихся между несколькими новыми пригородными микрорайонами. В новых, еще чистеньких домах никто не жил, и они казались такими же ненастоящими, как сувенирные лавки в Лиджервуде. Словно люди только делают вид, что в них живут. Квадратные

дома слева наконец сменились изумрудной лагуной травы на поле для гольфа. Не очень большого, но совершенно нового. Под холодным утренним дождем какие-то люди на стартовой площадке, похожие на желтые и розовые флаги на зеленом фоне, извиваясь, размахивали клюшками. Потом, с той же быстротой, как появилось, все это ненастоящее — и дома, и трава, и люди в бледных одеждах — исчезло, и я уже смотрела на целое поле симпатичных джерсийских коров, уставившихся в мою сторону, словно чего-то ожидая. (Коровы — те немногие животные, которые, кажется, действительно нас видят.) Я так увлеклась, что проскочила большое старое кирпичное здание с вывеской «Корма для животных и фермерские товары от Типано», и очнулась оттого, что Лайл стучал мне по плечу: «ЛиббиЛиббиЛибби!» Я ударила по тормозам, и метра полтора машина скользила по дороге, не слушаясь руля. У меня перехватило дыхание — так же, как когда Раннер, покружив меня, вдруг отпустил. В панике я уперлась в спинку сиденья, машина вильнула и выскочила на гравиевую парковку.

Перед магазином стояла всего одна машина; местечко казалось совершенно неухоженным. В зазорах между кирпичами в цементе застрял навоз, а на детской карусельке отсутствовала чуть ли не половина сидений. Когда я поднималась по широким деревянным ступенькам к входной двери, в витрине замигала неоновая строчка «У нас есть ламы!». Странная надпись для неона. На металлическом крюке болталась жестяная табличка «Инсектицид „Севин“ — дуст пятипроцентный».

— Интересно, как выглядит «расписной перепел»? — спросил Лайл, когда мы добрались до верхней ступеньки.

Колокольчик на двери издал неприятный звук, и мы вошли в помещение, где было холоднее, чем на улице: здесь на всю катушку работал кондиционер. Из динамиков гроыхала какофония звуков, отдаленно напоминающая джаз, — ну чисто звуковая дорожка к припадку.

По другую сторону длинного прилавка, призывно поблескивая стеклом, тянулся шкаф с ружьями; вглубь магазина убегали многочисленные ряды полок с удобрениями, брикетами, мотыгами, мешки с грунтом и седла. У дальней стены стояла клетка с неморгающими кроликами. Вот уж не найдешь животных глупее — и охота кому-то держать дома существо, которое умеет только сидеть, постоянно трясется и везде гадит. Некоторые говорят, их можно приучить к лотку, но это вранье.

— Только не надо... знаешь... — начала я, обращаясь к Лайлу. Он уже крутил головой, погружаясь в свое любимое состояние беспокойного следователя. — Знаешь, не надо...

— Не буду.

Лайл громко поздоровался, но сводившая с ума музыка не прекратилась. В магазине ни одного работника, ни одного покупателя, но, в конце концов, сейчас всего лишь середина утра дождливого вторника. В бешеных ритмах и резком свете флюоресцирующих ламп я чувствовала себя пьяной и обкуренной, но вдруг где-то в дальнем углу различила движение: в проходе между полками кто-то наклонился, и я двинулась в ту сторону. Мужчина оказался смуглолицым, мускулистым, с густыми черными волосами, забранными сзади в хвост. Увидев нас, он вздрогнул от неожиданности.

— Проклятье! — Он посмотрел на нас, потом на дверь, будто забыл, что магазин открыт. — Я и не слышал, как вы вошли.

— Возможно, из-за музыки, — прокричал Лайл, указывая на потолок.

— Для вас чересчур громко? Возможно. Погодите. — Он исчез, и музыка вдруг прекратилась. — Так лучше? Так что же вас заинтересовало? — Он уперся спиной в мешок с семенами и бросил на нас красноречивый взгляд: дескать, в ваших же интересах, ребята, чтобы оказалось, что не зря я ради вас выключил звук.

— Я разыскиваю Трея Типано, — сказала я. — Это его магазин?

— Его. Я и есть Трей Типано. Чем могу помочь? — Из него так и перла энергия и сила. Он был очень хорош собой, его лицо можно было принять и за молодое и за старое, в зависимости от того, под каким углом на него смотреть.

— В общем... — В общем, я не знала. Его имя у меня в голове звучало как заклинание, но как вести себя дальше? Спросить, принимал ли он ставки? Знал ли Диондру? Обвинить в убийстве? — В общем, это касается моего брата.

— Бена?

— Да, — удивленно произнесла я.

Он улыбнулся холодной улыбкой крокодила:

— Я тебя узнал. Рыжие волосы, то же лицо. Ты как раз та девочка, которая осталась жива, да? Дебби?

— Либби.

— Точно. А ты кто?

— А я просто друг, — сказал Лайл. Я чувствовала, что он сдерживается, чтобы не повторить ошибок, которые наделал во время беседы с Крисси Кейтс.

Трей начал поправлять товар на полках, делая вид, что занят, но это у него получилось неуклюже, будто он читал перевернутую книгу.

— Ты и отца моего знал?

— Раннера? А кто ж его не знал!

— Раннер называл твое имя, когда я в последний раз с ним виделась.

Движением головы он забросил свой хвост на спину:

— Он умер?

— Нет, живет в Оклахоме. Так вот, он считает, что ты каким-то образом... причастен к событиям той ночи, что, возможно, сумеешь пролить свет на то, что произошло. В смысле, на убийства.

— Понятно. Да он с ума сошел. Он всегда был не в себе.

— Он сказал, что ты тогда типа принимал ставки.

— Ага.

— И поклонялся дьяволу.

— Ага.

Он согласился блеклым тоном вставшего на путь исправления наркомана, который не понимает, почему нарушили мир в его душе.

— Значит, это правда? — спросил Лайл и виновато посмотрел на меня.

— Да, и Раннер мне задолжал. Много денег, очень много. До сих пор, между прочим, должен. Но это не значит, будто мне известно, что в ту ночь случилось у тебя дома. Это было десять лет тому назад.

— Скорее двадцать пять.

Брови Трея поползли вверх.

— Надо же, и действительно, — сказал он так, как будто мои слова его не убедили окончательно, но, совершив в уме арифметические действия, скривился.

— Ты знал Бена? — настаивала я.

— Совсем немного.

— Просто твое имя постоянно всплывает.

— Ничего не поделаешь, оно у меня броское, — пожал он плечами. — Знаешь, в то время в Киннаки расизм цвел махровым цветом. Индейцев там не любили, и на меня вешали многое из того, что я не делал. Это ведь было до выхода фильма «Танцующий с волками» с Костнером — понимаешь, о чем я? Чисто «три Вэ И в ХЗГ».

— Что?

— Три Вэ И, то есть «во всем виноваты индейцы». Не могу не признать, что я был тем еще мерзавцем. Но после той ночи... то, что случилось с твоей семьей, выбило из меня дурь. Я изменился. Конечно, не сразу — где-то через год. Завязал с наркотиками, завязал с дьяволом. С дьяволом было труднее расставаться.

— Ты действительно в него верил? — спросил Лайл.

— А то! — пожал плечами Трей. — Надо же во что-то верить, правда? У каждого своя вера.

У меня — нет, подумала я.

— Типа считаешь, что владеешь силой Сатаны — она и появляется. Но это было очень-очень давно.

— А что насчет Диондры Верцнер? — спросила я.

Он не ответил, отвернулся, подошел к клетке с кроликами и начал гладить одного из них, просунув указательный палец между прутьями.

— Зачем тебе это, Деб... то есть Либби?

— Пытаюсь что-нибудь о ней узнать. Я слыхала, что она тогда была беременна от Бена, а после убийств куда-то исчезла. Говорят, в последний раз ее видели с тобой и с ним.

— Черт, Диондра! Я всегда знал, что эта девка рано или поздно укусит за задницу. — Его лицо вдруг расплылось в улыбке. — Да не знаю я, где Диондра. Она всю жизнь куда-то сматывалась. Вечно устраивала спектакли. Свалит — родители поднимают страшный шум — она возвращается, немного поживут мирно, потом родители что-нибудь не то сделают (они вообще на нее мало внимания обращали), ей становится скучно — она снова убежит или еще что-нибудь отмочит. Мыльная опера, а не семейка. Наверное, она в конце концов совсем убежала и решила, что возвращаться не стоит. Ты пробовала найти ее по базе данных?

— Она числится среди пропавших без вести.

— Да ничего плохого с ней не произошло, — сказал Трей. — Мне лично кажется, что живет она сейчас где-нибудь под одним из своих идиотских имен.

— Идиотских имен? — повторила я и накрыла руку Лайла своей, чтобы он молчал.

— Ничего особенного. Она из тех девок, которые все время стараются казаться разными. То она говорит, как англичанка, то с южным акцентом. Она нигде не называла свое настоящее имя. В парикмахерской это одно придуманное имя, при заказе пиццы — другое. Она обожала дурачить окружающих. Типа «Я Дезире из Далласа», «Я Алексис из Лондона». Как в порнобизнесе.

— Она занималась порнографией?

— Нет, просто играла. Как, скажем, звали твою кошку или собаку?

— Грейси, — назвала я имя Дианиной собачонки.

— А как называлась улица, на которой ты выросла?

— Вторая Загородная.

Он рассмеялся:

— Нет, такое сочетание не пойдет. Оно должно звучать вызывающе, типа Неувядающая Бэмби или что-нибудь в том же духе. У Диондры... какая-то Полли... Палм. Да, Полли Палм, как тебе такое?

— Значит, она жива?

Он пожал плечами.

— Думаешь, Бен действительно виновен? — спросила я.

— У меня на этот счет мнения нет. Возможно.

Лайл вдруг напрягся, забеспокоился и, уперев мне палец в спину, попытался повернуть меня к двери.

— Спасибо, что уделил нам время, — вдруг ляпнул он, а в ответ на мой гневный взгляд тоже нахмурился. Над головой вдруг замигала лампа, отбрасывая на лица неприятный бледный свет, кролики в клетке зашуршали соломой. Трей бросил на лампу злой взгляд, и она прекратила мигать, будто испугавшись хозяина.

— Могу я оставить тебе свой номер телефона на тот случай, если ты что-то вспомнишь? — спросила я.

Трей улыбнулся и покачал головой:

— Нет, не надо.

После этих слов он повернулся, дошел до двери, и музыка грянула вновь. Я посмотрела в окно, одна часть неба почернела, другая стала желтой — собиралась буря. Трей шел назад, наблюдая за нами и уперев руки в боки. Кролики у него за спиной вдруг устроили небольшую свалку.

— Скажи, Трей, а что такое ХЗГ?

— «Хрен знает где». Это, Либби, наш с тобой родной город.

Лайл несся впереди меня, перепрыгивая через ступеньки, и добравшись до машины, начал нетерпеливо дергать ручку двери: «Скорееескорееескорее». Я плюхнулась на сиденье рядом, готовая рассердиться.

— Что такое?

В небе громынуло. Поднялся ветер, и в нос ударил запах мокрого гравия.

— Скорее заводи мотор и поехали отсюда! Быстрее!

— Слушаюсь! Разрешите выполнять!

Я вырулила с парковки, и мы направились в сторону Канзас-Сити. Дождь усиливался. Через пять минут Лайл велел мне остановиться, развернулся ко мне и произнес:

— О господи!

Бен Дэй

3 января 1985 года

00:02

Машина остановилась у дома Диондры — собаки, как всегда, зашлись истошным лаем, как будто впервые в жизни видели и грузовик, и Диондру, и даже человека вообще. Диондра велела Бену и Трею раздеться прямо на крыльце перед входом, чтобы не перемазать кровью весь дом. «Снимите это все к чертовой матери, сложите в кучу, и мы ее сожжем».

Собаки боялись Трея, лаяли, но близко не подходили: однажды он до полусмерти избил белого пса, и с тех пор все трое предусмотрительно обходили его стороной. Трей сдернул с себя рубаху — со спины, решительно, как делают крутые парни в фильмах, потом начал расстегивать джинсы, не спуская глаз с Диондры, будто собирался ее трахнуть, а это была какая-то идиотская прелюдия. Бен снял с себя рубаху так же, как Трей, расстегнул кожаные штаны, весь потный. Собаки тут же к нему подскочили, обнюхивая между ног, облизывая руки, словно готовясь сожрать. Он оттолкнул от себя одного пса, но тот мгновенно снова оказался рядом, истекая слюной и злобой.

— Он собрался присосаться к твоему хрену, чувак! — заржал Трей. — Покажи ему, с какой стороны лучше.

— От меня он все равно ничего не получит, так что может ограничиться собакой, — зло бросила Диондра и пренебрежительно мотнула головой. Она шагнула из джинсов: линия загара показывала, где должны находиться трусики, но их там не было — лишь белая плоть да черный мох волос впереди, торчавших в разные стороны, как шерсть на мокрой кошке. Потом она сняла свитер и осталась в одном бюстгальтере — из него почти вываливалась огромная, словно воспаленная, грудь с белыми линиями растяжек. — И что такое ты мне хочешь сказать? — спросила она, глядя на Бена.

— Ничего, тебе бы в дом войти.

— Ах, благодарю. Без тебя ни за что не догадалась бы.

Она отфутболила джинсы и свитер в сторону кучи и сказала Трею (каким-то неуловимым образом она дала понять, что обращалась только к Трею), что сходит за горючей жидкостью.

Трей, оставшийся в длинных синих трусах, пнул свои джинсы в центр

кучи и объявил, что Бен не сумел себя показать.

— Лично я так не считаю, — пробормотал Бен, но, когда Трей спросил: «Что ты сказал?» — просто пожал плечами. Один из псов прямо прилип к нему и, уперев лапы в бедра, пытался вылизать кожу вокруг живота, куда попала кровь.

— Да пошел ты! — совершенно вышел из себя Бен и, когда пес в очередной раз пытался его лизнуть, ударил его наотмашь тыльной стороной руки. Собака зарычала, обнажая клыки, вторая присоединилась к первой, а третья разразилась грозным лаем. Бен, изгибаясь всем телом, как в танце, двинулся к дому, отмахиваясь от собак, но те от него отстали, только когда вернулась Диондра.

— Собаки уважают силу, — сказал Трей и сложил губы дудочкой, оглядывая обнаженное тело Бена. — Симпатичная у тебя растительность — огненная прямо.

На Диондре от огромного живота вниз по-прежнему ничего не было, и пупок торчал, как большой палец на руке. Трей взял у нее из рук бутылку и разбрызгал содержимое над кучей одежды, держа ее так, словно справлял малую нужду, потом чиркнул зажигалкой и приложил ее к куче — с сильным уханьем вверх взметнулось пламя, и Трею пришлось сделать пару неуклюжих шагов назад, он споткнулся и чуть не упал. Впервые в жизни Бен увидел, что Трей выглядит идиотом. Диондра отвернулась, чтобы не смущать Трея. От этого Бену стало еще горше: женщина, на которой он хочет жениться, женщина, которая ждет от него ребенка, оказывает такую любезность другому и никогда в жизни не поступит подобным образом по отношению к нему.

Нужно сделать так, чтобы она его уважала.

Он застрял в доме у Диондры. Пришлось смотреть, как они выкуривают очередной косяк. Без велосипеда в такой собачий холод домой не добраться, тем более что еще и снег пошел и ветер усилился, завывая в трубах. Если начнется буря и ленивый фермер не оторвет задницу от дивана, остальные коровы из того стада к утру околеют от холода. Так этому козлу и надо — будет для него уроком. Бен снова почувствовал, как внутри поднимается волна злобы.

Проучить надо всех! Всех козлов и придурков, у которых в жизни всегда все хорошо, которым все дается без труда, — блин, да взять хотя бы Раннера. Жалкий пропойца, но, кажется, попадает в переделки куда реже Бена. Вокруг столько людей, которые заслуживают того, чтобы их проучить, чтобы они поняли, как уже давно понимает он, Бен, что ничего

не дается просто так, что все в этой жизни заканчивается хреново.

С кожаными штанами Диондра случайно сожгла и его джинсы, поэтому на нем сейчас были ее фиолетовые тренировочные штаны, безразмерный свитер и толстые белые носки — она уже дважды напонила, что носки он должен вернуть. Время сейчас было самое что ни на есть бестолковое — значительное событие позади, а дальше что? Бен не мог взять в толк, что оно, это событие, означает. Что он действительно участвовал в дьявольской мессе и теперь начнет ощущать в себе силу и власть? Или все это было не более чем мистификацией или чем-то таким, во что заставляешь себя верить, — вроде спиритических сеансов или историй о клоуне-убийце в белом фургоне. Не был ли это их молчаливый сговор — считать, что они действительно принесли жертву Сатане? Может, это не более чем повод обкуриться, словить кайф и творить беспредел?

Не стоило связываться с такой травой. С самого начала было ясно, что она настоящее дерьмо. Он понял это по тому, как зелье заползло в организм — тяжело и с болью, будто призванное его разрушить. Дешевка; а дешевка, в каком бы она ни выступала виде, всегда так действует на людей — озлобляет.

Трей постепенно засыпал. Сначала смотрел телик, часто моргая, потом голова то падала на грудь, то откидывалась назад, и в конце концов он тяжело повернулся на бок и вырубился.

Диондра сказала, что ей нужно отлучиться в туалет, Бен на несколько минут остался в комнате один на один с мыслями о том, как хорошо было бы сейчас оказаться дома. Он вспомнил фланелевые простыни, представил, что он в собственной кровати и разговаривает с Диондрой по телефону. Она никогда не звонила ему из дома и ему не разрешала звонить ей домой, потому что родители у нее придурки. Поэтому она брала сигареты, доезжала на машине до заправки или до универсама и устраивалась там в телефонной будке. Это единственное, что она делала для него, но это было так здорово — ведь она шла на это ради него, и ему это очень нравилось. Может, ему вообще нравится с ней говорить по телефону куда больше, чем вот так, непосредственно: она в последнее время, когда они вместе, становится такой злобной и жестокой по отношению к нему. Он снова вспомнил об истекающем кровью быке — жаль, у него в руках больше нет ружья. В это время Диондра громко позвала его из спальни.

Он завернул за угол — она стояла у своего сверкающего красного автоответчика, склонив голову набок, а увидев его, просто сказала: «Тебе каюк» — и нажала на кнопку.

— Привет, Дио, это Меган. Я про Бена Дэя тако-о-ое узнала —

обалдеть! Знаешь, он ведь совратил всех этих девочек! У меня сестра в шестом классе. С ней, слава богу, все в порядке. Ни фиги себе маньяк! Думаю, копы его уже арестовали. Короче, позвони мне, поболтаем.

Щелчок, хрип — и из микрофона зазвучал низкий и немного гнусавый голос следующей девчонки:

— Привет, Диондра, это Дженни. Говорила же я тебе, что Бен Дэй якшается с дьяволом. Неужели не слыхала? Мне кажется, он скрывается от полиции. Завтра из-за этого в школе будет даже какое-то собрание. Я хотела узнать, не собираешься ли ты пойти.

Диондра стояла над автоответчиком с таким видом, будто готова была разнести автомат в щепки, словно это тварь, с которой она могла что-то сделать.

— Какого хрена! — заорала она, повернувшись к нему, брызжа слюной и краснея от злости, и Бен тут же сказал то, что говорить не следовало:

— Лучше я домой поеду.

— Домой, говоришь?! Что это за твою мать, Бен?! Что вообще происходит?!

— Не знаю, поэтому я должен ехать домой.

— Нет-нет-нет, маменькин сыночек. Ты скотина и слюнтяй, который не может отпустить мамочкину юбку! Домой собрался?! Чтобы там дожидаться копов и загреметь в тюрьму, а я останусь здесь? Останусь ждать, когда вернется мой гребаный папенька? С твоим гребаным ребенком, от которого я не могу избавиться!

— Чего ты от меня хочешь? Что я должен сделать? — спросил он, продолжая думать о доме.

— Сегодня мы отсюда валим. Насовсем. У меня от родителей еще осталось двести баксов. Сколько ты сможешь раздобыть у себя?

Бен сразу не ответил, потому что думал о Крисси Кейтс и о том, что разве людей арестовывают за поцелуй, и сколько в том, что он услышал, правды и действительно ли его разыскивают копы. Диондра подошла к нему и звезданула его по щеке:

— Сколько у тебя дома денег, я спрашиваю!

— Не знаю. Какие-то есть — я копил, и у мамы где-то припрятано баксов сто, а то и все двести наберется. Только не знаю где.

Она качнулась, прикрыла один глаз и посмотрела на часы:

— Мать у тебя поздно ложится? Она может в такое время не спать?

— Если там копы, может.

А если их нет, то спит, даже если напугана до смерти. Они всегда дома шутят, что мама никогда не встречает Новый год, потому что засыпает

задолго до полуночи.

— Мы едем к тебе и, если рядом не будет полицейской машины, войдем. Ты возьмешь деньги, уложишь какие-то вещи, и мы свалим отсюда к чертям собачьим.

— А потом?

Диондра подошла к нему и потрепала по щеке как раз в том месте, где кожа все еще горела. Тушь у нее потекла и размазалась по лицу, но у него внутри все равно что-то шевельнулось. Что это? Любовь? Власть над ней? Какое-то чувство, которое разлилось по телу приятной волной.

— Бен, милый, я ношу под сердцем твоего ребенка. — (Он слегка кивнул.) — Поэтому вывези меня отсюда. Вывези нас всех отсюда. Без тебя мне не справиться. Ты нам нужен. Поедем на запад. Можем по дороге разбивать лагерь, можем спать в машине — да что угодно. Иначе ты окажешься за решеткой, а меня убьет отец. Сначала даст родить, а потом убьет. Ты же не хочешь, чтобы наш ребенок рос сиротой? Поэтому придется ехать.

— Ничего такого, о чем они там говорят, я с этими девочками не делал, — наконец прошептал он.

Диондра положила голову ему на плечо, и ее кудряшки защекотали губы, норовя залезть ему в рот.

— Да кого это волнует! — сказала она, уткнувшись ему в грудь.

Либби Дэй

Наши дни

Лайлу не сиделось на месте.

— Либби, ты заметила? Черт побери, неужели нет?!

— Что?

— Дурацкое имя, которым пользовалась Диондра. Помнишь?

— Полли Палм, что ли?

Лайл улыбнулся во весь рот, в темноте машины сверкнули его крупные зубы.

— Либби, какое имя твой брат вытатуировал на руке? Помнишь, мы перебирали имена? Молли, Салли и еще одно, которое, как я тогда сказал, похоже на собачью кличку?

— О господи!

— Полли.

— О господи! — повторила я.

— Это не может быть простым совпадением!

Он прав, конечно, не может. Любому, кто хранит тайну, очень хочется ею поделиться. Бен поделился своей таким вот способом. Вот так он воздал должное своей тайной любви. Он не мог вытатуировать ее настоящее имя, поэтому воспользовался тем, которым она называла себя в шутку. Я представила, как он ласково гладит покрасневшую от этой операции кожу. Полли. Может быть, это был романтический жест? В память о былой любви...

— Интересно, как давно он это сделал? — спросил Лайл.

— Татуировка не кажется такой уж давней. Нисколько не поблекла.

Лайл извлек свой ноутбук и положил на колени:

— Давай, дружок, давай просыпайся!

— Что ты делаешь?

— Мне кажется, Диондра жива. Наверное, где-то скрывается. А если собираешься отрезать себя от внешнего мира и приходится выбирать себе новое имя, не заманчиво ли воспользоваться тем, к которому прибегал раньше? Шуточное имя, известное узкому кругу друзей, благодаря которому не будешь чувствовать себя одиноко? Как дома... Такое имя, которое может вытатуировать любимый, и для него оно тоже будет что-то значить — что-то постоянное, на что можно смотреть. Ну давай же ты! —

прикрикнул он на компьютер.

Мы проехали еще миль двадцать по шоссе, когда Лайл все-таки поймал сигнал и начал быстро-быстро печатать в унисон с барабнящим по крыше дождем. Я то и дело поглядывала на экран, одновременно пытаюсь следить за дорогой.

Наконец он оторвался от экрана, светясь от счастья:

— Либби, возможно, тебе снова захочется притормозить.

Я тут же вильнула на обочину, летевший сзади полуприцеп от моего безрассудства бешено засигналил и тут же пронесся мимо, сотрясая мою машину. Мы уже были недалеко от Канзас-Сити.

На экране стояло имя: Полли Палм, Карни, штат Миссури. Там же адрес и номер телефона. На всю страну единственная Полли Палм, за исключением, пожалуй, названия бутика в Шреверпорте.

— Пожалуй, Интернет действительно стоит провести, — сказала я.

— Думаешь, это она? — спросил Лайл, не отрывая взгляда от имени, словно оно могло исчезнуть.

— Давай проверим. — Я вытащила мобильный.

Она ответила после четвертого гудка, когда я уже набирала в легкие побольше воздуха, чтобы оставить сообщение на автоответчике.

— Это Полли Палм?

— Да. — Голос был приятный, но хриловатый, как у курильщицы.

— Вы Диондра Верцнер?

Пауза. Трубку повесили.

— Лайл, найди, пожалуйста, как проехать к этому ее дому.

Лайл хотел ехать со мной, не мог не поехать, по его словам, просто обязан был ехать, но я не видела в этом никакого смысла да и не хотела, чтобы он ехал, поэтому высадила его «У Сары». Он пытался скрыть разочарование, я же пообещала позвонить, как только выйду из дома Диондры.

— Пожалуйста, позвони! Не забудь! — крикнул он вдогонку. — Я не шучу!

Я посигналила на прощание, но, когда заворачивала за угол, он продолжал что-то кричать мне вслед.

Руки крепко держали руль: Карни находится не менее чем в сорока пяти минутах езды к северо-востоку от Канзас-Сити, а дом Диондры, судя по информации Лайла, еще минутах в пятнадцати от города. Я поняла, что цель близка, когда на дороге начали появляться щиты с указателями на «Ферму Джесси Джеймса» и «Могила Джесси Джеймса». Интересно,

почему она решила поселиться в родном городе бандита? (Кстати, я поступила бы так же.) Я проехала поворот к ферме Джеймса и вспомнила, что была здесь на экскурсии, когда училась в начальной школе: крохотное неуютное местечко, где, как нам рассказали, во время полицейской облавы в 1875 году погиб его младший брат. Помню, я тогда подумала: «Почти как у нас». Забытая богом дорога петляла вверх и вниз по холмам, а потом снова нырнула в поселок, где стояли пыльные, обшитые вагонкой дома на плоском фундаменте, а в каждом дворе лаяла цепная собака. На улицу не вышел ни один человек, создавалось впечатление, что в поселке никто не живет — только собаки да несколько лошадей. Поодаль нетронутая полоска буйного леса отделяла дома от шоссе.

Дом Диондры показался минут через десять — уродливый и скособоченный, как припавшая набок обозленная баба. Располагался он в стороне от улицы и смахивал на жилище издольщика, отдающего часть урожая хозяину земли за предоставленное убежище, только здесь не было ничего похожего на более крупное строение — лишь несколько акров комковатой грязи, окружавшей дом, как грустное напоминание о том, что некогда здесь стоял лес.

Я поехала по длинной дороге, ведущей к дому, переживая, что машина того и гляди увязнет, и что же тогда делать?

Из-за темных грозовых туч с опозданием выглянуло вечернее солнце, ослепив меня, но я в это время уже захлопнула дверцу машины и решительно направлялась к дому. Когда я приблизилась к ступенькам, из-под крыльца с угрожающим шипением и свистом выскочила крупная самка опоссума с цеплявшимися за нее детенышами. Эта тварь с острой белой мордочкой и безжизненными черными глазками напугала меня. Кроме того, самки опоссумов при детенышах — существа весьма злобные. Она припустила в сторону лесополосы, а я на всякий случай постучала ногой по ступенькам, чтобы исключить еще одну неприятную встречу, потом поднялась наверх, шлепая правым ботинком, где на ноге у меня неполный комплект пальцев. Возле двери висел ловец снов — оберег индейцев, защищающий спящих от злых духов, с перьями и длинными клыками какого-то животного.

Подобно тому как в городе дождь пробуждает запах бетона, здесь он вернул к жизни запах земли и навоза. Пахло как когда-то у нас дома, — нет, нехорошо это, неправильно.

Я постучала. Через некоторое время тишину за дверью нарушили тихие шаги. Мне открыла Диондра, живая и невредимая. Она вообще-то не

очень отличалась от своего изображения на снимках, которые я видела; правда, кудряшек больше не было, зато волосы остались длинными и волнистыми, а глаза были подведены так же жирно, что делало их яркосиними. Тушь на ресницы она наложила двумя слоями, из-за чего они походили на паучьи лапки, а под глазами рассыпались черные соринки. Пухлый рот напоминал женские половые губы. И лицо, и все тело у нее были сплошь в мягких изгибах: розовые щеки с намеком на второй подбородок, грудь, не вполне помещавшаяся в лифчик, складка кожи над джинсами по всей линии талии.

— О, — сказала она, открыв дверь и выпуская наружу волну тепла. — Либби?

— Да.

Она обхватила мое лицо руками:

— Черт тебя побери, Либби. Я всегда знала, что однажды ты меня найдешь. Молодец, девочка. — Она обняла меня, потом слегка отстранила от себя. — Здравствуй. Входи.

Я оказалась на кухне с обеденным столом и стульями с одной стороны. Обстановка живо напомнила наш дом. Мы прошли по небольшому коридору. Справа через открытую створку, ведущую в подвал, проникал холодный воздух. Забыли закрыть? Мы вошли в гостиную с низким потолком, из стоявшей на полу пепельницы поднимался столбик дыма, стены пожелтели, мебель была старая и изношенная. Возле одной стены — огромный телевизор.

— Ты не возражаешь, дорогая, если я попрошу тебя снять обувь? — сказала она, двигаясь в сторону засаленного ковра на полу. Все здесь выглядело каким-то кривобоким, потрепанным и грязным. Возле лестницы на полу лежала кучка собачьих экскрементов, которую Диондра искусно обогнула.

Она подвела меня к дивану, оставляя за собой по крайней мере три разных запаха: лака для волос с грейпфрутом, какого-то цветочного крема и... спрея от насекомых, что ли. На ней была блузка с глубоким вырезом, обтягивающие джинсы и множество дешевых побрякушек, которые цепляют на себя девочки-подростки. Она была из тех женщин средних лет, которые всерьез полагают, что им удастся дурачить окружающих.

Я шла за ней, чувствуя себя ребенком-маломерком, поскольку лишилась нескольких сантиметров, которые прибавляют мне каблуки. Диондра повернулась в профиль и наблюдала за мной краешком глаза. Под верхней губой у нее я заметила острый клык.

Она слегка наклонила голову и произнесла:

— Входи, располагайся. Господи, ты прямо вылитая Дэй. Те же огненно-рыжие волосы. Всегда их обожала.

Как только мы уселись, в комнату на коротких жирных ножках вбежали три пуделя, позвякивая ошейниками, как колокольчиками на санях, и с трудом взобрались к ней на колени. Я напряглась.

— Черт, ты Дэй стопроцентная, — не унималась она. — Бен тоже всегда дергался из-за собак. Конечно, у меня были собачки покрупнее этих малышей. — Она позволила собачонкам облизать себе пальцы, розовые языки засновали туда-сюда. — Итак, Либби, — сказала она, словно мое имя и я сама — что-то вроде шутки местного значения, — Бен рассказал тебе, где меня можно найти? Только честно.

— Я нашла тебя по кое-каким словам Трея Типано.

— Трей?! Боже, как ты на него вышла?

— У него магазин кормов, который, между прочим, указан в справочнике.

— Магазин кормов? Вот уж не подумала бы. Как он, кстати, выглядит?

Я с энтузиазмом закивала — дескать, выглядит он классно, но осеклась и сказала:

— Ты ведь в тот вечер была с Беном?

— Мм. Была. — Она смотрела на меня внимательно и с интересом.

— Я хочу знать, что произошло.

— Зачем?

— Зачем?!

— Прости, но все так неожиданно, как снег на голову. Бен тебе все-таки что-то рассказал? Почему ты стала меня разыскивать? Почему именно сейчас?

— Я должна точно знать, что произошло.

— Ах, Либби, Либби. — Она посмотрела на меня сочувственно. — Бен сидит за то, что случилось в ту ночь. Он сам этого хочет. Не мешай ему.

— Мою семью убил Бен?

— Поэтому ты здесь?

— Мою семью убил Бен?

Она только улыбнулась в ответ, но при этом ее оплывшие губы даже не шелохнулись.

— Мне нужен мир в душе, Диондра. Пожалуйста, скажи.

— Значит, все дело в этом? Считаешь, если найдешь ответ, обретишь мир? Вроде как знание как-то исправит положение? Думаешь, дорогая, после того, что было, можно обрести покой? А не лучше ли вместо того, чтобы спрашивать себя, что произошло, просто принять то, что

произошло? Как там сказано в молитве о душевном покое: даруй мне, Боже, способность принять то, что я не в силах изменить... Кстати, она мне очень помогает.

— Скажи, Диондра. Скажи, а я попробую это принять.

Садившееся солнце светило теперь в заднее окошко, к которому я сидела лицом, и заставляло меня моргать. Диондра наклонилась ко мне, взяла обе мои руки в свои:

— Прости, Либби, но я ничем не могу тебе помочь. Я просто не знаю. Накануне вечером я была с Беном. Мы собирались бежать. Я ждала от него ребенка. Он решил зайти домой за деньгами. Час проходит, два, три. Я решаю, что он испугался, плачу и в слезах засыпаю. А на следующее утро узнаю, что произошло. Сначала я думала, что его тоже убили. Потом стало известно, что он арестован и полиция считает, что он входил в сатанинскую секту, которую они пытаются вычислить. Я жду, когда постучат и в мою дверь. Но ничего такого не происходит. Проходят дни, мне становится известно, что у Бена нет алиби, но меня он ни разу не упомянул. Он защищал меня.

— Все эти годы!

— Да, все эти годы. Копов не удовлетворяло, что Бен один виноват. Они хотели большего. Так бы оно выглядело убедительнее. Но Бен ничего не сказал. Он, черт возьми, мой герой.

— Значит, никто не знает, что произошло в ту ночь. И я этого тоже никогда-никогда не узнаю. — Произнеся это вслух, я вдруг ощутила странное облегчение. Может, теперь я наконец смогу поставить точку, раз мне никогда ни за что этого не узнать?

— Если ты это примешь, думаю, тебе и правда удастся обрести душевный покой. Лично мне кажется, это сделал не Бен. Мне кажется, он защищает отца. Но кто знает! Ты меня, конечно, прости, но Бен *должен* был оказаться в тюрьме, что бы там в ту ночь ни произошло. Он ведь и сам так говорит. В нем всегда было что-то такое, что не вписывалось в окружающий мир. Какая-то жестокость, что ли. В тюрьме ему гораздо лучше. К нему там все очень хорошо относятся. Он переписывается с этими женщинами, они его просто обожают. Он каждый год получает с десяток предложений руки и сердца. Время от времени ему кажется, что он хочет выйти. Но на самом деле это не так.

— Откуда ты знаешь?

— Мы общаемся, — отрывисто бросила она и сладко улыбнулась.

— Диондра, а где ребенок? Где ребенок, которым ты была беременна?

— Здесь, — произнес женский голос.

Бен Дэй

3 января 1985 года

01:11

Бен открыл дверь в темную гостиную и с облегчением вздохнул: дома! Как капитан дальнего плавания, вернувшийся из многомесячного морского похода. Он чуть не закрыл дверь прямо перед носом Диондры (не поймаешь, не поймаешь!), но почему-то дал ей войти. Почему? Просто побоялся того, что может произойти, если он ее не впустит. Слава богу, они хотя бы Трея не взяли с собой. Очень не хотелось, чтобы он разгуливал по дому и отпускал идиотские шуточки о том, за что Бену и без него неудобно и стыдно.

Все уже спали, дом как будто мерно дышал в унисон со спящими: вдох-выдох, вдох-выдох. Хотелось разбудить маму. Или пусть бы она вдруг показалась в коридоре с заспанными глазами в одном из своих ночных коконов и спросила, ну где же он пропадал все это время, что в него вселилось?

Дьявол, мама. Дьявол в меня вселился.

Никуда он с Диондрой ехать не хочет, но она следует за ним по пятам, выпучив глаза и распространяя вокруг себя горячие волны ярости и злобы: поторапливайся, давай-давай, живее! Он начал неспешно и бесшумно открывать шкафы и смотреть, куда мама могла припрятать заначку. В первом шкафу он обнаружил коробку со старыми пшеничными хлопьями, открыл ее и всыпал себе в рот, сколько смог. Хлопья прилипали к губам и горлу, он немного закашлялся, потом запустил в коробку руку, захватил целую горсть и принялся судорожно запихивать в рот. Обнаружил в холодильнике пластиковый контейнер с зеленым горошком и порезанной кубиками морковью со слоем замерзшего масла сверху, сунул туда ложку, приложился губами к емкости и ложкой, как лопатой, начал закидывать овощи в рот, роняя горошек на пол.

— Ну что ты там копаешься! — шипела Диондра.

На нем по-прежнему было ее фиолетовое спортивное трико; на ней — симпатичные новые джинсы, красный свитер и черные туфли на манер мужских, в которых ей нравится щеголять, — беда лишь в том, что у нее такой большой размер ноги, что туфли-то действительно мужские. Она не любит это признавать. Она нетерпеливо постукивала по полу одной ногой:

давай-давай, быстрее-быстрее!

— Пошли ко мне в комнату, — сказал он. — Там у меня точно есть деньги. И подарок для тебя. — При этих словах лицо Диондры просветлело: даже сейчас, когда глаза у нее залиты алкоголем и наркотой, ее можно отвлечь разговорами о подарке.

Замок на двери был сломан, он сначала разозлился, потом забеспокоился: мать или полиция? Искать там, правда, нечего, но все равно неприятно. Он вошел в комнату, включил свет, Диондра закрыла за ним дверь, устроилась на кровати и начала говорить. Говорила, говорила без умолку, но он не слушал; потом заплакала, и он перестал складывать вещи и прилег рядом. Погладил по голове, по животу, стараясь ее успокоить, тихонько произносил какие-то утешительные глупости, говорил, как замечательно они заживут, и еще какие-то лживые слова. Прошло не менее получаса, прежде чем она успокоилась. Ха — а она ему говорила поторапливаться! Все как всегда — классика жанра.

Он продолжил собирать вещи и взглянул на часы: надо спешить, если они действительно хотят отсюда убраться. Дверь скрипнула и чуть приоткрылась, но он не потрудился ее закрыть — пусть еще шире откроется: опасность заставляла двигаться быстрее. Он бросал в спортивную сумку джинсы и свитера, тетрадку, куда записывал девчачьи имена, чтобы выбрать имя для дочери. Он по-прежнему считал, что лучшее сочетание — Крисси Дэй. Крисси Патрисия Дэй или в честь Дианы — Крисси Диана Дэй. Очень здорово, потому что в таком случае друзья смогут называть ее Ди-Дэй — клево. Но с Диондрой придется из-за этого повоевать — она считает все его варианты чересчур простыми, предлагая что-то вроде Амброзии, Каллиопы или Найтингейл.

С сумкой через плечо он залез в ящик письменного стола и извлек оттуда припрятанные деньги. Он все время откладывал то по пять, то по десять центов и убедил себя, что у него сейчас сотни три баксов, может, даже четыре, но сейчас увидел, что там и сотни не набирается. Он запихнул их в карман, встал на четвереньки, чтобы достать из-под кровати еще один пакет, но там зияла пустота. Пакет с вещами для дочери исчез.

— Где мой подарок? — спросила Диондра.

Она лежала на спине, и звук получился низким, некрасивым; живот торчал вверх, как средний палец в неприличном жесте.

Бен поднял голову и посмотрел на нее: размазавшаяся помада и потекшая тушь — вылитый монстр.

— Не могу найти.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Кажется, здесь кто-то был.

В свете одинокой лампочки они смотрели друг на друга, не зная, что делать дальше.

— Думаешь, одна из твоих сестер?

— Может быть. Мишель вечно здесь что-то вынюхивает. К тому же у меня гораздо меньше денег, чем я думал.

Диондра села и обхватила руками живот — она никогда не делала это с любовью, как будущая мать. Она держала его как груз, который он по глупости предложил ей нести.

— Ты, блин, отец ребенка, — сказала она, живот сейчас смотрел прямо на него, — так что соображай, что делать, придумывай что-нибудь. Залетела я от тебя, тебе и расхлебывать. Почти семь месяцев — ребенок может родиться в любую минуту, а ты...

Вдруг у двери произошло какое-то неуловимое движение, мелькнул кусочек ночнушки — и тут же, чтобы сохранить равновесие, в комнату шагнула нога. Видно, Мишель подслушивала под дверью, но подалась слишком далеко вперед, и теперь перед ними неожиданно возникло ее круглое лицо с огромными очками, в которых поблескивали два квадратика света. Она прижимала к груди новый дневник, в уголке рта еще не подсох след от шариковой ручки.

Она перевела взгляд с Бена на Диондру, потом на ее живот и сказала:

— Подружка Бена беременна. Я так и знала!

Бен не видел ее глаз — только отсвет в очках и улыбку под ними.

— Ты маме сказал? — спросила Мишель торжествующе, с неприкрытым намеком в голосе. — А то ведь я могу рассказать.

Бен потянулся к ней, чтобы схватить и затолкать обратно в постель, прибегнув к собственным методам, но Диондра, вскочив с места и прыгнув в сторону Мишель, его опередила. Прежде чем Мишель оказалась у двери, она ухватила ее за волосы, за эти длинные каштановые волосы, и повалила на пол. Мишель громко приземлилась на копчик, а Диондра шипела: «Ни слова, маленькая дрянь, ни единого слова!» Мишель вдруг вывернулась, оттолкнувшись от стены, и оставила Диондру с клоком волос в руках. Диондра швырнула клочок на пол и рванула за ней. Если бы Мишель побежала в мамину комнату, все бы обошлось, но она помчалась к себе в детскую — Диондра за ней, а следом шел Бен и шептал: «Стой, Диондра, зачем ты, не надо, что ты, в самом деле». Но Диондра останавливаться не желала, она добралась до кровати, бормоча ругательства, Мишель в страхе прижалась к стене, Диондра дернула ее за ногу на себя, вытянула на кровати и села сверху: «Хочешь всем разболтать, что я беременна?! Этого

хочешь? А потом за пятьдесят центов станешь свой секрет продавать? Мамочке расскажешь — ой-ой-ой, что я знаю! Ничего у тебя не получится, мразь! Что за семейка — одни придурки!» Она обхватила руками шею Мишель, Мишель задргала ногами, обутыми в шлепки в виде собачьих лапок. Бен отрешенно смотрел на мелькающие в воздухе ноги и почему-то думал, что тапочки действительно похожи на лапы щенка, потом Диондра вроде как вышла из состояния зомби, и Бен прикрыл дверь, вместо того чтобы широко ее распахнуть и позвать маму, — он хотел, чтобы все было тихо. Срабатывал единственный рефлекс — действовать по плану, а план состоял в том, чтобы никого не разбудить. Он начал уговаривать Диондру, он думал, что все обойдется: «Диондра, Диондра, успокойся, отпусти ее», а Диондра все давила и давила на Мишель: «Думаешь, я собираюсь остаток жизни провести в страхе перед этой паршивкой!» Мишель сначала царапалась, потом изо всех сил ткнула ее в руку острым пером от ручки, так что у Диондры показалась кровь. Диондра на пару секунд отпустила руки, не веря собственным глазам, Мишель повернула голову, судорожно глотнула воздух, но Диондра снова впиалась ей в шею. Бен взял Диондру за плечи, чтобы оторвать от Мишель, но его руки замерли у нее на плечах.

Либби Дэй

Наши дни

Юная Дэй оказалась стройной, почти высокой девушкой; она вошла — и я увидела практически свое лицо. У нее были наши волосы, покрашенные в каштановый цвет, — у корней пробивалась рыжина, так же как у меня еще несколько дней назад. Ростом она, скорее всего, пошла в Диондру, но лицо было абсолютно нашим — моим, Бена и маминым. Она некоторое время бесцеремонно на меня таращилась, потом покачала головой.

— Извините, — сказала она и покраснела. Кожа у нее была покрыта нашими семейными веснушками. — Я и представить не могла... то есть, конечно, можно предположить, что мы похожи, но так... Надо же! — Она взглянула на мать, снова на меня, на мои руки, на свои руки, на место, где у меня недостает пальца. — Меня зовут Кристал. Я ваша племянница.

Наверное, я должна ее обнять, что мне и хотелось сделать. Мы пожали друг другу руки.

Девушка в нерешительности топталась возле нас, сплетя руки на груди, по-прежнему бросая на меня косые взгляды — так, проходя мимо витрины магазина, стараясь, чтобы никто не заметил, украдкой посматривают на свое отражение.

— Говорила же я тебе, моя девочка, что это произойдет, если должно произойти, — сказала Диондра. — И вот она, пожалуйста. Иди к нам, дорогая, садись.

Она лениво плюхнулась рядом с матерью и прижалась щекой к ее плечу. Теперь она была у нее под крылышком. Диондра поигрывала прядкой рыже-каштановых волос дочери.

— Не могу поверить, что мы в конце концов познакомились, — сказала она. — Я не могла позволить себе искать с вами встречи. Я ведь тайна. — Она посмотрела на мать. — Плод тайной любви, да?

— Да, — подтвердила Диондра.

Значит, она знает, кто она, кто такие Дэн и что ее отец Бен Дэй! Меня поразило, что Диондра поделилась этим с дочерью, не опасаясь, что та выдаст секрет, станет меня искать. Интересно, как давно Кристал об этом знает? Проезжала ли она хоть однажды мимо моего дома, чтобы просто взглянуть? Взглянуть и больше ничего. И зачем Диондра рассказала ей эту

страшную правду, если вполне могла этого не делать?

Диондра, должно быть, поняла, о чем я думаю.

— Не переживай, — сказала она, — Кристал все знает. Я ей рассказываю абсолютно все. Мы с ней лучшие подруги.

Кристал закивала:

— У меня даже есть альбом, где наклеены фотографии всех вас. Я их вырезала из газет и журналов. Почти как настоящий семейный альбом. Мне всегда очень хотелось познакомиться с вами лично. Как мне вас называть — тетя Либби? Странное обращение. Очень странное.

Я не знала, что сказать. Просто почувствовала облегчение: значит, Дэи не вымирают. Даже наоборот, процветают, если посмотреть на эту симпатичную стройную девушку, внешне очень похожую на меня, но с полным набором пальцев и на руках, и на ногах и без моих кошмаров в голове. Хотелось узнать о ней как можно больше, каждую мелочь. Не такое ли же у нее слабое зрение, как у Мишель? Нет ли аллергии на клубнику, как у моей мамы? Может быть, комары ее любят так же, как Дебби, — сестру они прямо заживо поедали, а однажды от нее все лето пахло средством от комаров. Мой ли у нее вспыльчивый характер, или она унаследовала сдержанность и отстраненность Бена? Манипулирует ли она людьми так же легко, как Раннер, чуждо ли ей, как и ему, раскаяние? Какая она, какая? Хорошо бы, чтобы она даже в самых незначительных мелочах оказалась похожа на Дзев — это напомнит мне, какими были мы.

— Я и книжку вашу читала, — добавила Кристал. — Отличная книга. Мне очень хотелось хоть кому-нибудь рассказать, что я вас знаю, — я очень вами гордилась.

Ее голос переливался, как флейта, как будто ей все время приходилось сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

— Спасибо, конечно.

— Либби, что с тобой? — спросила Диондра.

— Просто... никак не могу понять, зачем столько лет держать в тайне свое существование? Почему ты до сих пор заставляешь Бена божиться, что он тебя не знает? Насколько я понимаю, он никогда не видел собственную дочь?

Кристал замотала головой:

— Конечно, я бы очень хотела его увидеть. Он для меня герой. Он все эти годы защищает маму.

— Либби, мы очень надеемся, что ты сохранишь нашу тайну, — сказала Диондра. — Очень надеемся. Я не хочу рисковать, ведь могут решить, что я сообщница. Не могу. Ради Кристал.

— Мне кажется, нет необходимости в том, чтобы...

— Пожалуйста! — сказала Кристал просто, но очень настойчиво. — Пожалуйста. Честное слово, я не вынесу если придется каждую минуту ждать, что у меня отнимут маму. Она ведь моя лучшая подруга.

Значит, они обе так думают? Я сделала большие глаза, но увидела, что Кристал вот-вот расплачется. Она действительно страшно боится той перспективы, которую нарисовала Диондра: мстительные злобные копы врываются в дом и забирают ее мамочку. Конечно, Диондра ее лучшая подруга. Все эти годы они живут в коконе на двоих, окруженные своей тайной. Поневоле приходится хранить эту тайну. Ради мамочки.

— Значит, ты сбежала, так ничего и не сказав родителям?

— Я убежала как раз в тот момент, когда стал заметен живот. У меня не родители были, а настоящие маньяки. Я безо всякого сожаления с ними рассталась. Ребенок был нашей тайной — Бена и моей.

Как странно — тайна в доме Дзев? Значит, Мишель все-таки проворонила такую сенсацию!

— Чему вы улыбаетесь? — спросила Кристал, тоже слегка улыбаясь.

— Да вот думаю, как бы моей сестре Мишель захотелось приобщиться к такой новости. Она обожала сенсации.

На лице у обеих появилось такое выражение, будто я вlepила им по пощечине.

— Простите, я не хотела свести все к шутке, — извинилась я.

— Нет, что ты, не переживай, — возразила Диондра.

В замешательстве мы переглядывались, двигали руками и ногами, перебирали пальцами. Наконец Диондра нарушила молчание:

— Либби, хочешь остаться на обед?

Мы ели слегка пересоленное тушеное мясо, которое я глотала с трудом, и выпили очень много розового вина из ящика, казавшегося бездонным. Вино мы не смаковали, а поглощали. Выпивали бокал и наливали снова. Моего склада женщины! И болтали о пустяках, я вспоминала разные случаи из жизни Бена, а Кристал задавала вопросы, которые меня смущали, потому что я не могла на них ответить. Какую музыку он любит, классическую или рок? Много ли читает? Нет ли у него диабета, потому что у нее низкий сахар. А бабушка Пэтти? Какая она была?

— Я хочу все узнать о них как о людях, а не как о жертвах, — произнесла она торжественно.

Извинившись, я пошла в ванную, чтобы скрыться от нахлынувших воспоминаний, от этой девочки, от Диондры; от ощущения, что вот и не

осталось людей, с которыми я должна вести разговоры, круг замкнулся, и теперь придется снова задуматься о Раннере. Ванная была в том же непотребном состоянии, что и все остальное. Стены разъела плесень, вода в унитазе лилась не переставая, а вокруг мусорного ведра валялись клочки туалетной бумаги со следами губной помады. Впервые оставшись одна, я не совладала с искушением и начала высматривать, что бы прихватить на память. На бачке унитаза стояла красная стеклянная вазочка, но при мне не было сумочки, чтобы туда ее сунуть. Нет, нужно поискать что-то помельче. В шкафчике с туалетными принадлежностями обнаружилось несколько бутылочек с лекарствами и надписью «Полли Палм». Ага, снотворное, болеутоляющие и противоаллергенные препараты. Я отсыпала с полдюжины викоудинок, сунула в карман светло-розовую помаду и термометр. Отличное приобретение, поскольку термометр мне всегда хотелось иметь, но ни разу не приходило в голову его купить. Когда я снова начну проводить в постели долгие часы, интересно будет узнать, заболела ли я или просто ленюсь.

Я вернулась к столу. Кристал теперь сидела, поставив ногу на стул и положив голову на коленку.

— У меня вопросы не закончились, — призналась она.

— Возможно, я и не смогу на них ответить, — начала я, пытаюсь остудить ее пыл, — я ведь тогда была слишком маленькой. Я поняла, сколько всего забыла, когда начала разговаривать с Беном.

— У тебя, наверное, есть альбомы с фотографиями? — спросила Кристал.

— Да, но они какое-то время пролежали в коробках.

— Слишком больно, да? — произнесла она тихо.

— Я только-только начала их разбирать — а там и семейные альбомы, и школьные, и еще много-много всего.

— Например? — вмешалась Диондра, с видом скучающего подростка давя вилкой горошек на тарелке.

— Почти половина этого хлама — сокровища Мишель, — сказала я, довольная, что хотя бы на какой-то вопрос могу ответить точно.

— Игрушки? — спросила Кристал, теребя уголок блузки.

— Нет, записи и всякая фигня. Ее дневники. Мишель у нас записывала буквально все. Увидит, что учительница как-то странно себя ведет, тут же пишет об этом в дневнике. Посчитает, что у мамы появились любимчики, — в дневник. Она однажды поссорилась с подругой из-за мальчишки, который нравился им обоим, — и это тоже...

— ...Тодд Дельхант, — пробормотала Кристал, кивая, и отпила вина из

бокала.

— ...в дневник, — закончила я свою мысль, не прислушиваясь.

Потом вдруг до меня дошло: она сказала «Тодд Дельхант»? Это действительно был Тодд Дельхант, но сама бы я ни за что не вспомнила, как звали мальчишку, из-за которого подружки разругались в пух и прах. Точно, его звали Тодд Дельхант. Это случилось как раз на Рождество, незадолго до убийств. Помню, она все рождественское утро ходила сама не своя и писала-писала в своем дневнике. Но... каким образом его имя?..

— Ты знала Мишель? — спросила я у Диондры, продолжая напряженно думать.

— Не очень хорошо, — сказала Диондра. — То есть вообще не знала, — добавила она, чем напомнила Бена, когда тот делал вид, что не знаком с Диондрой.

— А теперь моя очередь забежать в туалет, — сказала Кристал, осушив бокал.

— Значит... — начала я и тут же осеклась.

Кристал никак не может знать о том, что Мишель была влюблена в Тодда Дельханта. Не может, если... Если она не читала дневник. В той самой тетрадке, которую Мишель получила в подарок на Рождество. Я-то полагала, что все дневники целы, потому что за восемьдесят четвертый год сохранились оба. Но даже не подумала о восемьдесят пятом. О новом дневнике Мишель — девяти днях ее мыслей, — вот откуда Кристал цитировала. Она читала дневник моей погибшей...

Справа от себя я уловила блеск металла как раз в тот момент, когда Кристал ткнула мне в висок древним утюгом, широко разинув рот в немом крике.

Пэтти Дэй

3 января 1985 года

02:03

Пэтти ненадолго погрузилась в состояние, лишь отдаленно похожее на сон, но в две минуты третьего проснулась, ловко выбралась из-под Либби и направилась в прихожую. В комнате девочек слышалась возня и поскрипывала одна из кроватей. Мишель и Дебби всегда спали очень крепко, но шумно: сбрасывали одеяло, разговаривали во сне. Она прошла мимо комнаты Бена — там горел свет, наверное, она не выключила его, когда выходила оттуда. Можно бы зайти и выключить, но она уже и так не укладывается — Кэлвин Диль, похоже, не терпит опозданий.

Бен. Мой мальчик.

Нет, пусть лучше у нее не будет времени. Не заботясь о холоде, она подошла к входной двери с мыслями об океане и о той единственной в жизни поездке в Техас совсем еще девчонкой. И представляла, как лежит на песке, рядом плещется вода, на губах соль. И солнце над головой.

Она распахнула дверь, и в грудь тут же вошел нож, она сложилась пополам и оказалась в его объятиях. Он прошептал: «Не волнуйся, секунд через тридцать все закончится; давай-ка еще разок для верности» — и отстранил ее от себя, наклоняя, как партнершу в страстном танце, и она почувствовала, как нож проворачивается, не задевая сердца, а ведь должен был задеть. Сталь двигалась внутри, а он смотрел на нее сверху, и лицо у него было такое доброе; он начал вытаскивать нож, чтобы ударить во второй раз. Вдруг его взгляд упал куда-то поверх ее плеча, и доброе лицо исказила гримаса, оно пошло пятнами, усы затряслись...

— Какого черта!

Пэтти чуть повернула взгляд вглубь дома — там стояла Дебби в бледно-лиловой ночнушке с торчащими крючком косичками — белая ленточка на одной развязалась и змеилась по руке.

— Мама! Они обижают Мишель! Они делают ей больно! Пойдем скорей!

Ей так важно было поделиться, и она не заметила, что маме тоже сделали больно, а Пэтти только и сумела в ужасе подумать: кошмар наяву — и тут же про себя: закрой дверь! Кровь струилась по ногам, она пыталась сама закрыть дверь, чтобы Дебби не увидела, что произошло, но

он толкнул дверь ногой, распахнул и загремел прямо в ухо Пэтти: «Чертпоберичертпобериче-о-орт — у-у-у!» — и она почувствовала, как он пытается вытащить из нее нож, и поняла, что это значит — он убьет Дебби, этот человек, который сказал, что никто не должен его видеть, хочет отправить Дебби вместе с ней, — она схватилась за рукоятку и начала изо всех сил вталкивать нож обратно, он продолжал кричать, наконец отпустил нож, пнул дверь еще раз, вломился внутрь, падая, она увидела, что он берет в руки топор, который Мишель несколько часов назад оставила у двери, а Дебби в это время уже бежала к ней на помощь, и Пэтти крикнула: «Беги отсюда! Беги!» Дебби вдруг остановилась, застыла на месте, ее вырвало, она заскользила на кафельной плитке, меняя направление, и ринулась обратно, добежала до конца коридора и уже поворачивала за угол, когда он ее настиг, оказавшись прямо у нее за спиной, занес топор, и Пэтти увидела, как топор ухаает вниз, она дернулась, встала и, спотыкаясь как пьяная, в состоянии видеть только одним глазом, двигаясь, как в страшном сне, когда ноги бегут, а тело остается на месте, закричала: «Беги! Беги! Беги!» — сумела повернуть за угол и увидела Дебби на полу в луже крови, и он такой злой, глаза дико и влажно блестят, он кричит: «Зачем ты заставила меня это сделать!» — и поворачивается, словно собираясь уходить, и Пэтти метнулась мимо него, подхватила Дебби, и та сделала пару неверных шагов, качаясь из стороны в сторону, как малыш, который учится ходить, она была ранена, серьезно ранена, маленькая ручка, эта родная детская ручка. Потерпи, солнышко, все пройдет, ты поправишься... Нож выскользнул из груди, покатился по полу, кровь хлынула потоком, и тут он снова вернулся, на этот раз с ружьем. Ее ружьем, которое она так бережно и аккуратно положила вечером на камин, где девочки не могли до него дотянуться. Она загородила собой Дебби — она сейчас не имела права умирать; он прицелился.

Нажал на спусковой крючок, Пэтти успела только подумать: ничего, ничего уже не повернуть назад.

После этого со свистом летнего ветра, врывающегося в открытое окно машины, выстрел снес ей полголовы.

Либби Дэй

Наши дни

— Прости, мама, — услышала я голос Кристал.

Я почти ослепла — видела только огненные оранжевые пятна, будто повернулась к солнцу с закрытыми глазами. Перед глазами на мгновение мелькнула кухня и тут же исчезла. Щека болела, отдаваясь пульсирующей болью в позвоночнике и ступнях. Я лежала на полу лицом вниз, Диондра сидела на мне верхом. Я чувствовала, как надо мной витает ее запах — запах спрея от насекомых.

— Господи, я все испортила.

— Не беда, детка, сходи-ка за ружьем.

Я услышала шаги Кристал на ступеньках, Диондра перевернула меня на спину и потянулась к горлу. Пусть бы ругалась последними словами или кричала — но она делала это молча, тяжело, но размеренно дыша. Пальцы сдавливали горло, вена на шее сдвинулась и забилась под ее большим пальцем. Я по-прежнему ничего не видела, я понимала, что вот-вот умру: пульс то учащался, то замедлялся. Двигать руками я не могла, она прижала их к полу коленями, оставалось только бить скользящими пятками по полу. Она дышала мне прямо в лицо, и я представила ее открытый рот. Да, я могу представить, где у нее рот. Изо всех сил вывернувшись, я резко вырвала руки и ткнула кулаком ей в лицо.

Я куда-то попала, и этого хватило, чтобы на секунду сбить ее со своего тела, всего на какой-то сантиметр, — и я начала отползать, пытаюсь нащупать стул и хоть что-то разглядеть перед собой, но она схватила меня за щиколотку:

— На этот раз, дорогуша, сбежать не удастся.

Нога была в носке, но это была правая нога, на которой не хватает пальцев, поэтому удержать ее труднее: носки на ней всегда плохо сидят. Я рывком вскочила на ноги, оставив ее с носком в руках, — Крис еще не вернулась, значит, ружья рядом нет, — и побежала в глубину дома, но поскольку ничего перед собой не видела, бежала не по прямой, меня заносило в сторону, и, грохнувшись в открытый люк, я лицом вниз пролетела по ступенькам в сырость и холод подвала. Падала мешком, как ребенок, — именно так и следует падать. Перед глазами, как в старом телевизоре, выключилось и снова включилось изображение, и я различила

сверху в квадрате света тень Диондры. Она помаячила и закрыла крышку подвала.

Я услышала, как вернулась Кристал:

— Придется ее...

— Теперь — да.

— Просто не знаю, как у меня вырвалось, так по-дурацки все вышло...

Я металась по подвалу, пытаюсь найти выход, — вокруг три глухие бетонные стены и еще одна, возле которой до потолка поднимается куча хлама. Диондра и Кристал на мой счет не беспокоились, они взволнованно и невнятно что-то друг другу говорили, до меня долетали только обрывки фраз. В поисках укрытия и хотя бы чего-нибудь, что можно использовать как оружие, я истово разгребала кучу.

— ...толком и не знает, что произошло, это точно...

Я распахнула какой-то сундук, в который можно было залезть, но это верная смерть.

— ...знает, она же не дура...

Металлический остов шляпы, два велосипедных колеса — с каждым отброшенным в сторону предметом куча медленно оседала.

— ...я это сделаю — ведь все по моей вине...

Я уткнулась в кривобокую башню старых коробок — такую же, как у меня под лестницей, — толкнула ее и откуда-то на меня вывалилась старая ходуля с подножками и пружиной, слишком для меня тяжелая, чтобы я смогла ею обороняться.

— ...не беда, я сама это сделаю...

Голоса: злой-виноватый-злой-виноватый-решительный.

Грязный подвал был значительно больше, чем сам дом, — отличный глубокий подвал, способный выдержать торнадо; для Среднего Запада подвал что надо, здесь можно и овощи хранить. Продолжая разгребать хлам, я добралась до огромного стеллажа, за которым оказалась старая дверь: еще одна комната, важная часть укрытия от стихии, но — увы! — тупик. Однако времени на раздумья не было, останавливаться нельзя, в подвале появился свет — сейчас сюда спустятся Диондра и Кристал. Я закрыла за собой дверь и оказалась в тесной комнатушке, тоже забитой черт знает чем, — у стен стояли старые проигрыватели, детская кровать, мини-холодильник; сколько еще можно пробежать — метров пять-шесть? Я слышала, как сзади, по другую сторону двери, оседает куча хлама, но ведь они мигом разбросают его в разные стороны.

— Стреляй туда, она должна быть там, — послышался голос Кристал; Диондра на нее шикнула.

Их шаги уже тяжело отдавались на нижних ступенях лестницы, ведущей в подвал. Они не торопились, двигаясь к моей двери, Диондра методично отшвыривала барахло со своего пути, отрезая дорогу к отступлению, загоняя меня в угол, как бешеное животное, которое нужно уничтожить. Она, пожалуй, не очень и напрягалась, потому что вдруг сказала:

— Мясо я все-таки пересолила.

В углу своего крохотного укрытия я вдруг заметила слабый свет, шедший откуда-то сверху.

Я бросилась туда, зацепилась за тачку и упала. Они засмеялись, Кристал крикнула: «Вот теперь у тебя будет синяк!» — Диондра продолжала расчищать себе путь. Я оказалась под дорожкой света — это было вентиляционное отверстие, слишком узкое для большинства людей, но я со своим ростом могла бы в него пролезть. Я стала складывать что попало, чтобы подняться повыше, достать до края, уцепиться, подтянуться... Диондра и Кристал были совсем рядом. Я встала на старую детскую коляску, но дно провалилось, я оцарапала ногу, снова начала мостить себе путь: на покосившийся пеленальный столик покидала несколько толстых справочников, встала на них, чувствуя, что вся конструкция ходит ходуном у меня под ногами, зато руками я уцепилась за край, подпрыгнула, выбила головой насквозь проржавевшие лопасти вентилятора, вдохнула холодный ночной воздух, готовая к очередному броску к свободе, но тут Кристал вцепилась мне в ногу, пытаясь втянуть обратно. Я всячески сопротивлялась, пиная ее ногами. Внизу крики: «Стреляй!», вопли Кристал: «Я ее держу!» Она почти висела на мне, я чувствовала, что теряю опору, и тут из последних сил пнула ее больной ногой — пяткой прямо в лицо. Наверное, я сломала ей нос, потому что услышала хруст, она взвыла подо мной, Диондра завопила: «Моя девочка!» — но я была на свободе. Руки в кровавых ссадинах, но я выбралась! Вскочила на ноги, втягивая воздух с привкусом грязи, услышала сзади голос Диондры: «Запрокинь голову! Голову запрокинь!»

Ключей от машины в кармане не оказалось — очевидно, я обронила их где-то в доме, и я побежала в сторону лесополосы — рысью, припадая на одну ногу, в лунном свете, в одном носке, через грязь с резким запахом навоза, — обернулась и увидела, что они выскочили из дома и бегут следом — бледные лица, обе слизывают кровь. Я бежала, голова гудела, я ничего не замечала — ни деревьев, ни неба, ни шарахнувшегося от меня зайца. «Либби!» — несло сзади, но я забиралась все глубже в лес, чувствуя, что

вот-вот потеряю сознание, и когда в глазах начало темнеть, я уперлась в гигантский дуб, покоящийся на торчащих из земли кривых шишковатых корнях, разбегающихся в разные стороны солнечными лучами, и юркнула в грязное нутро его основания. Там наткнулась на старую брошенную нору под корнями толщиной с туловище взрослого человека, зарылась в мокрую землю — дрожащее, но не издающее ни звука маленькое существо, притаившееся в небольшом отверстии. А это я делать умею.

Свет фонариков приближался, уперся в ствол дуба, я слышала, как они ползают у меня над головой, мелькнула кофточка, кусочек покрытой веснушками голени. Голос: «Она должна быть где-то здесь, не могла она убежать слишком далеко», возня наверху, и я стараюсь не дышать, зная, что выдохну и получу пулю в лицо. Кристал сказала: «А вдруг она вернулась в дом?» — а Диондра ей в ответ тоном знатока: «Ищи-ищи, она быстро бегают», и они побежали дальше в лес. Я выдохнула в землю, глотнула затхлого сырого воздуха, уткнувшись лицом в грязь. Не один час лес оглашался их криками, полными ярости, отчаяния: ужасно, как это все ужасно, а потом крики как-то постепенно сошли на нет, я посидела в укрытии еще пару часов и, когда начинало светать, выползла наружу и побрела в сторону Канзас-Сити.

Бен Дэй

3 января 1985 года

02:12

Диондра продолжала сидеть верхом на Мишель. И прислушивалась. Бен скрючился на полу и качался из стороны в сторону, словно баюкая себя, а из коридора раздавались крики, проклятия, удары топора, рассекающего плоть, выстрел и тишина, потом снова голос мамы — она жива, может быть, даже не ранена, но, едва это подумав, он тут же понял, что она ранена, ранена смертельно, потому что она издавала нечленораздельные булькающие звуки «а-а-а, гы-ы-ы» и билась о стены, а по коридору гроыхали ботинки на толстой подошве в сторону маминной комнаты, а потом жуткие звуки за что-то цепляющихся маленьких ручек — это Дебби, она царапает деревянный пол... снова топор и громкий выдох и снова выстрел из ружья, и Диондра, подрагивающая верхом на Мишель.

Диондра застыла, ее нервы давали о себе знать лишь подрагиванием кудряшек на голове. Шаги остановились за дверью — эту дверь Бен прикрыл, когда начались крики, а теперь прятался за ней в то время, когда по ту сторону умирала его семья. Они слышали протяжный вой, проклятие и буханье ног, убегających прочь из дома.

— Что с ней? Она жива? — прошептал Бен, указывая на Мишель.

Диондра нахмурилась, словно он ее оскорбил.

— Нет, мертва.

— Ты уверена? — Он не мог подняться.

— Абсолютно, — сказала Диондра и убрала руки.

Голова Мишель безжизненно скатилась на сторону, открытые глаза остановились на Бене. Рядом валялись разбитые очки.

Диондра подошла к Бену — прямо перед собой он увидел ее колени — и протянула к нему руку:

— Давай поднимайся.

Они вышли из комнаты, глаза у Диондры округлились, как будто она смотрела на первый снег. Повсюду кровь — Дебби и мама в луже крови, топор и ружье брошены тут же, на полу в коридоре, чуть дальше валяется нож. Диондра подошла к телам, чтобы рассмотреть их поближе, в кровавой луже отразился ее темный силуэт, кровь ручейком подползала к ногам Бена.

— А ни хрена себе, — прошептала она. — Может, мы сегодня и

впрямь пообщались с самим дьяволом.

Бен бросился на кухню, к горлу подступила рвота, а в голове звучал мамин голос — когда с ним такое случалось в детстве, мама, держа его голову над раковиной, говорила: «Давай вырвем, давай. Пусть выйдет вся гадость». Но гадость не вышла, и он, шатаясь, побрел к телефону. Его перехватила Диондра:

— Ты на меня заявишь? Из-за Мишель?

— Нужно позвонить в полицию, — сказал он, не спуская глаз с непомытой маминой чашки со следами кофе на дне.

— Где младшая? — спросила Диондра. — Где самая маленькая?

— Господи, Либби!

Он рванул по коридору, стараясь не смотреть на распростертые тела, убеждая себя, что это просто какие-то препятствия и через них нужно перепрыгнуть, и заглянул в мамину комнату. Оттуда несло холодом, ветер задувал через распахнутое окно и покачивал занавески. Он вернулся в кухню:

— Ее нет. Она убежала.

— Беги же за ней и приведи обратно.

Бен повернулся к двери, готовый выбежать на улицу, но остановился:

— Зачем обратно?

Диондра подошла к нему близко-близко, взяла обе руки в свои и положила себе на живот.

— Бен, видишь, произошло то, что должно было произойти. Думаешь, это простое совпадение, что мы сегодня совершили жертвоприношение? Что нам понадобились деньги? И что — бабах! — какой-то человек убил твоих? Ты теперь получишь наследство — страховку матери. Перед тобой такие возможности! Хочешь — можешь поехать жить в Калифорнию на побережье, хочешь — во Флориду. Мы можем это сделать.

Вообще-то Бен никогда раньше не говорил, что хотел бы жить в Калифорнии или во Флориде, — об этом говорила Диондра.

— У нас теперь семья, настоящая семья. А Либби может нам помешать. Вдруг она что-то видела?

— А если не видела?

Но Диондра энергично затрясла головой:

— Слишком опасно надеяться на «если». Ее нужно кончать, милый. Пора становиться храбрым.

— Но если нам сегодня отсюда уезжать, я не могу сидеть и дожидаться страховки.

— Что ж, сегодня мы, конечно, уехать не сможем. Сейчас нам нужно

остаться. Твой отъезд будет выглядеть чересчур подозрительным. Зато представь, как все удачно получилось, — люди совершенно забудут об этой фигне с Крисси Кейтс, потому что ты теперь жертва. Все начнут тебя жалеть. Я попробую это скрывать, — и она ткнула себя пальцем в живот, — еще с месячишко. Буду все время надевать пальто или что-нибудь объемное. А потом мы получим денежки и смоемся. Будем свободными. И тебе больше никогда не придется жрать дерьмо.

— А Мишель?

— Я забрала ее дневник, — сказала Диондра, показывая новую тетрадку Мишель с Микки Маусом на обложке. — Все схвачено.

— Что мы скажем про Мишель?

— Говори, что ее, как и других, убил какой-то сумасшедший. И Либби тоже.

— А что мы...

— Вот что, Бен. Пока мы с тобой отсюда не уедем, ты нигде никогда ни под каким видом не должен признаваться, что меня знаешь. Ты меня понял? Ты ведь не захочешь, чтобы твой ребенок родился в тюрьме? Потому что, если он родится в тюрьме, его отдадут в приют и ты больше никогда его не увидишь. Ты ведь не захочешь такой судьбы ни для собственного ребенка, ни для матери своего ребенка! У тебя еще есть шанс показать, что ты взрослый, что ты настоящий мужчина. А теперь беги и приведи мне Либби.

Он взял большой фонарик, вышел на улицу и начал громко звать Либби. Она девочка шустрая и очень быстро бегаёт, она уже могла по дороге от дома добежать до шоссе. А может, спрячется в своем обычном месте у пруда. Под ногами скрипел снег, он шел и думал: может, это наваждение, кошмар? Сейчас он вернется домой, щелкнет замок, там все спят — обычная ночь, все нормально. Все будет как раньше.

Потом перед глазами возникла Диондра верхом на Мишель, как огромная хищная птица на своей жертве, припомнилось, как они трясутся в темноте и он знает, что ничего уже не вернешь, что ничего никогда не будет как прежде. А еще он точно знал, что не приведет Либби назад в дом. Он пошарил фонариком по верхушкам камышей и, заметив мелькнувшую рыжую прядь среди грязно-желтого однообразия, крикнул: «Либби, не выходи, детка! Оставайся там!» — а потом развернулся и бросился назад к дому.

В доме Диондра со звериным оскалом на лице размахивала топором — била по стенам, разносила диван и дико вопила. Стены она уже успела исписать кровью — там были грязные ругательства. В своих мужских

башмаках она повсюду оставила кровавые следы, в кухне успела приложиться к рисовым хлопьям и оставила на полу белую дорожку. И за все хваталась руками, оставляя отпечатки, и не прекращала орать: «Надо, чтоб было жутко красиво, чтоб было жутко здорово!» — но Бен знал, что это такое — это была жажда крови, то же чувство, что он и сам сегодня испытал, — эта вспышка ярости и злобы, которая заставляет чувствовать себя непобедимым.

Кажется, ему удалось убрать следы ног, хотя было трудно определить, какие принадлежат Диондре, а какие — страшному незнакомцу (кто это, черт побери, был?!). Он протер все, до чего она дотрагивалась, — выключатели, топорище, стол и тумбочки на кухне, все у себя в комнате. Диондра появилась в дверях со словами: «Я протерла шею Мишель», но Бен старался не слушать, не думать. Не думай. Не думай. Кровавые надписи на стенах пришлось оставить, потому что он не знал, как их убрать. На теле матери, после того как Диондра размахивала топором, появились новые жуткие, глубокие раны. Он двигался как робот, про себя удивляясь, как можно сохранять такое хладнокровие и когда же он не выдержит и потеряет сознание, но тут же приказывал себе не распускаться, будь, блин, мужчиной, а не хлюпиком, делай то, что нельзя не сделать, будь мужиком, а потом они с Диондрой выскользнули на улицу — дома уже стоял запах сырой земли и тлена. Прикрыв на секунду глаза, он увидел кроваво-красное зарево, а в голове мелькнуло: *Истребление. Смерть.*

Либби Дэй

Наши дни

Наверное, я снова лишусь пальцев, думала я, притаившись возле бензозаправки, где почти час ждала Лайла и растирала гудевшие ступни. Каждый раз, когда мимо проезжала машина, я пряталась, опасаясь, что меня ищут Кристал и Диондра. Если найдут, мне не убежать. Они меня прикончат. Я много лет хотела умереть, но в последнее время мысли о смерти перестали меня посещать. И уж точно не хотелось погибать от рук этих мерзавок.

Я позвонила Лайлу (оплата за счет вызываемого абонента) из будки возле заправки, даже не надеясь, что аппарат работает. Он заговорил со мной еще до того, как отключилась телефонистка: «Ты слышала? Ты слышала?» — «Ничего я не слышала и слушать не желаю. Просто приезжай за мной! Забери меня отсюда!» Я положила трубку прежде, чем он успел задать вопросы.

— Что произошло? — спросил Лайл, затормозив рядом.

Я бросилась внутрь, обнимая себя за плечи и стуча зубами от холода.

— Эта зараза Диондра живет всех живых. Отвези меня домой.

— Тебе нужно в больницу. Ты видела, что у тебя с лицом? — Он включил свет в салоне, чтобы я себя разглядела.

— Главное, что оно не онемело.

— Или в полицейский участок. Что случилось? Я знал, что надо было ехать с тобой. Либби, скажи, что произошло!

Я рассказала. Все — от начала до конца, прерывая повествование рыданиями, во время которых он вникал в смысл сказанного, и заканчивая судорожными всхлипываниями: «И потом они... они... пытались меня убить...» Последние слова я выталкивала из себя сквозь горькие всхлипывания, так маленькая девочка жалуется матери, что ее обижают.

— Значит, Диондра убила Мишель, — повторил Лайл. — Мы едем в полицию.

— Нет, не едем. Мне нужно домой, — упрямо повторяла я сквозь слезы и сопли.

— Мы должны поехать к копам, Либби, должны.

Я начала вопить, выкрикивать оскорбления, стучать по стеклу, брызжа слюной, но это еще больше укрепило его в решимости отвезти меня в

полицию.

— Ты и сама захочешь туда поехать, Либби, когда после всего, о чем ты узнала здесь, я расскажу тебе то, что должен рассказать.

Я понимала, что именно это и нужно сделать, но в мозг стучались воспоминания о том, что происходило после гибели моей семьи: долгие томительные часы сидения в полиции, где я снова и снова рассказываю, что произошло, ноги не достают до пола, остывшее какао в пластиковом стакане, я никак не могу согреться, страшно хочется спать, полное изнеможение, истощение сил, когда даже лица не чувствуешь, и... можно говорить все, что угодно: это не имеет ровным счетом никакого значения, потому что все мертвы...

Лайл включил обогреватель на полную мощность и направил вентилятор на меня.

— В общем, Либби, у меня для тебя новости. Наверное... короче, я рассказываю, да?

— Не изводи меня, Лайл, говори.

Мне не хватало света, я продолжала блуждать глазами по парковке, чтобы убедиться, что меня никто не преследует.

— Помнишь Ангела — Спасителя-от-долгов, о котором тогда говорили в Клубе? Его поймали с поличным в пригороде Чикаго, где он помогал инсценировать гибель какому-то бедолаге с фондовой биржи. Все должно было выглядеть как несчастный случай во время прогулки верхом. Ангела взяли на тропинке, где он собирался камнем размозжить своему клиенту череп. Имя Ангела — Кэлвин Диль. Из бывших фермеров.

— Ясно, — сказала я, понимая, что история на этом не кончается.

— Так вот, как оказалось, он помогает людям умереть с восьмидесятых годов. Хитрая бестия — все тридцать два человека, которых он прикончил, оставили ему расписки, в которых клянутся, что сами его наняли.

— И?

— Одна из расписок написана рукой твоей матери.

Я вдруг перегнулась пополам, но продолжала смотреть на Лайла.

— Она наняла его, чтобы он ее убил. Но чтобы убил только ее одну. Чтобы можно было получить страховку и спасти ферму. И спасти вас, дочерей и сына. Расписка в полиции.

— Но как?! Ничего не понимаю. Диондра убила Мишель, у нее дневник сестры. Мы только что говорили, что Диондра...

— В том-то и дело. Этот Диль строит из себя народного героя — без преувеличения, последние несколько дней у здания следственного

изолятора толпятся люди с плакатами типа «Дело Диля правое». Этак о нем скоро и песни слагать начнут: видано ли дело, помогал умирать людям, чтобы банки не могли конфисковать их имущество да чтобы еще и страховые компании раскошеливались. Сейчас везде только о нем и говорят. Диль сказал, что не признает себя виновным ни в одной из тридцати двух смертей, он утверждает, что это как самоубийство, при котором присутствует врач. Достойная смерть достойного человека. Он готов нести ответственность только за гибель Дебби. Он сказал, что она вошла как раз в то время, когда он помогал Пэтти, — и все пошло наперекосяк. Он переживает только из-за Дебби.

— А как же Мишель?

— По его словам, он ее даже не видел. Зачем ему лгать?

— Двое убийц, — сказала я. — Одна ночь и двое убийц. Вот ведь судьба.

Пока я пряталась в лесу, потом тихонько плакала на заправке, истерила в машине у Лайла и, наконец, пыталась убедить сонного помощника шерифа, что я не сошла с ума («Чья вы сестра?»), я потеряла семь часов. К утру Диондра и Кристал не оставили никаких следов. В буквальном смысле. Они облили свое жилище бензином, и оно выгорело дотла еще до того, как на пожар выехали пять пожарных машин.

Я рассказывала, что со мной произошло, много-много раз, меня сначала слушали недоверчиво, но потом, кажется, поверили.

— Нам просто нужно немного больше улик, чтобы доказать ее причастность к убийству вашей сестры, — сказал следователь, тыкая в пластиковую чашку с остывшим кофе у меня в руке.

Через два дня у меня на пороге возникли полицейские. У них были фотокопии двух маминых писем. Узнаете ли вы ее почерк? Не хотите ли прочесть?

Сначала я прочла расписку, очень простую, в несколько строк, где она снимает с Кэлвина Диля ответственность за ее убийство.

Второе письмо предназначалось нам.

Дорогие мои Бен, Мишель, Дебби и Либби!

Вряд ли мое письмо когда-нибудь до вас дойдет, но мистер Диль любезно согласился оставить его у себя, и от этого у меня немного легче на душе. Не знаю. Ваши бабушка с дедушкой всегда говорили мне: «Твоя жизнь не должна быть бесполезной». Я так и не смогла сделать полезной свою жизнь, зато могу

принести пользу своей смертью. Надеюсь, вы все меня простите. Бен, что бы ни происходило, ни в чем себя не вини. Ситуация порой выходит из-под контроля — я должна поступить так, как поступаю. Я это очень хорошо вижу. В некотором смысле я даже испытываю гордость. Мою жизнь всегда определяли какие-то случайные события и неприятности. Хорошо, что сейчас «неслучайное событие» все снова расставит по своим местам. Это будет счастливый несчастный случай. Заботьтесь друг о друге; я знаю, что Диана поможет. А грустно мне только потому, что я не увижу, какие замечательные люди из вас вырастут. Но я так уверена в своих детях, что об этом можно и не жалеть.

Обнимаю вас.

Ваша мама

Из меня словно выпустили воздух. Гибель мамы не принесла пользы. Сначала я испытала по отношению к ней приступ ярости, но потом попробовала представить последние кровавые минуты в нашем доме, когда она, умирая и видя умирающую Дебби, поняла, что все пошло не так и ей ничего не изменить в этой неудавшейся жизни. Гнев сменился приливом странной нежности, которую, наверное, испытывает к своему ребенку мать: по крайней мере, она попыталась что-то изменить. Попыталась, а в тот последний день пыталась сделать это, как не смог бы никто другой.

А я, зная все это, попытаюсь обрести покой и мир в душе.

Кэлвин Диль

3 января 1985 года

04:12

Как все по-дурацки вышло. Не так, как было задумано, и ситуация поменялась в мгновение ока. А он, между прочим, оказывал ей услугу, этой рыжеволосой женщине с фермы. Черт подери, она еще ему и недоплатила: они договорились на две тысячи долларов, а она оставила конверт, где лежали всего восемьсот двенадцать долларов и семьдесят пять центов. И вся эта ночь была отвратительной и дурацкой. И вылилась в трагедию. Он отступил от собственных принципов, слишком много о себе возомнил, проявил снисходительность, и это привело к... А ведь с ней было так легко договориться. Большинство капризничает, выбирая, как умереть, а она попросила только, чтобы он ее не топил. Пожалуйста, только не это. Ее, как и многих до нее, убрать не составляло особенного труда. Он, как обычно, сначала зашел в бар выпить, — подумаешь, водители грузовиков там всегда околачиваются, он никогда не выделялся в этой толпе. Но там был этот ее муж, говно человечешко, мразь, в чем Кэлвин лично убедился, прислушавшись к его разговорам. А еще все кругом рассказывали, как этот мудака разорил ферму и собственную семью и что он по самые серые уши в долгах. И Кэлвин Диль, человек достойный, подумал: а почему бы и нет?

Заколоть ее ножом прямо на пороге дома, пусть этот Раннер попотеет от страха. Эту безответственную дрянь будут допрашивать. Так пусть хоть раз в жизни за что-то ответит. В конце концов дело спишут как случайное преступление и поверят в это так же, как и в автокатастрофы, отказы двигателей вертолета, которые он устраивал. Недалеко от Арканзас-Сити он утопил мужика в его собственной пшенице, но все выглядело естественно: опрокинулся грузовик. Его инсценировки всегда зависели от времени года. Во время весеннего половодья люди тонут, осенью происходят несчастные случаи на охоте. Январь — месяц для взломов и убийств: Рождество позади, наступивший год еще раз напомнил, что в жизни мало что изменилось. Да, в январе люди становятся злыми.

Они с ней решили, что он заколет ее охотничьим ножом — ударом прямо в сердце. Все будет кончено за полминуты, и, говорят, это совсем не больно — слишком велик шок. На следующее утро ее найдет сестра; она сказала, что позаботилась о том, чтобы та приехала как можно раньше.

Заботливая.

Нужно скорее вернуться домой в Небраску и вымыть голову. Он чистил себя снегом, голова дымилась от холода, но волосы оставались липкими. На нем не должно быть крови, нужно от нее избавиться. В машине тоже пахло кровью.

Он остановил машину на обочине, руки в перчатках вспотели. Ему показалось, что перед глазами по снегу пробежал ребенок, но решил, что ему привиделась девочка, которую он убил: пухленькое создание, головка в косичках. Она побежала, он запаниковал, видя в ней не ребенка, нет, а жертву, дичь, которую надо остановить. Он не хотел этого делать, но никто не должен видеть его лица, он должен был себя защитить и добраться до нее прежде, чем она своим криком поднимет других детей, — он знал, что в доме есть еще дети и у него не хватит духу убить всех. Его миссия не в этом, его миссия — помогать людям.

Девчушка развернулась, чтобы бежать прочь, и вдруг в его руках оказался топор. Он заметил и ружье, но решил, что топор тише и шума удастся-таки избежать.

А потом у него, наверное, помутился разум. Он так разозлился на ребенка, что несколько раз ударил ее топором. Так разозлился на рыжую женщину за то, что она все испортила, что не умерла правильно. Девчушку он зарубил топором. А матери четырех детей снес часть черепа выстрелом из ружья, вместо того чтобы позволить ей умереть, как она того заслуживала. Вместо тихой смерти у него на руках последние мгновения ее жизни превратились в ужас, кошмар в собственном доме. Он зарубил девчушку.

Впервые в жизни Кэлвин Диль подумал, что он убийца. Он откинулся на сиденье и заревел, как раненый бык.

Либби Дэй

Наши дни

Прошло тринадцать дней с тех пор, как Диондра и Кристал подались в бега, а полиция их так и не нашла. За это время не удалось отыскать никакой зацепки, чтобы связать гибель Мишель с Диондрой. Розыск терял обороты, дело начинало сводиться к поджогу.

Лайл зашел ко мне посмотреть нехорошие программы по телевизору — его новая привычка. Я позволяла ему приходить при условии, что он не будет многословным. Условие всегда было жестким, но в те дни, когда он не приходил, я скучала. Мы смотрели какое-то особенно абсурдное шоу, когда Лайл вдруг слегка выпрямился на стуле:

— Эй, а не мой ли это свитер?

На мне был один из его чересчур облегающих пуловеров, который я когда-то забрала с заднего сиденья его машины, но на мне-то он смотрелся куда лучше.

— На тебе он хуже сидит, — сказала я.

— Помилуй, Либби. Ты ведь могла попросить, и все. — Он снова повернулся к экрану, на котором две женщины собирались сцепиться, как две злые собаки. — Ах, Либби, Либби — Загребущие Ручонки. Как плохо, что ты не покинула дом Диондры, скажем, с ее расческой. У нас тогда был бы образец ее ДНК.

— Ах, всеильная ДНК, — сказала я. — Я перестала в нее верить.

На экране одна блондинка схватила за волосы другую блондинку и толкала ее вниз по ступенькам. Я переключила телевизор на канал, где шел документальный фильм о жизни крокодилов.

— Господи! — Я выскочила из комнаты, а когда вернулась, шлепнула на стол губную помаду Диондры и термометр.

— Лайл Вирт, вы великолепны, — сказала я и обняла его.

— Ага, — сказал он и рассмеялся. — Класс! Либби — Загребущие Ручонки считает, что я великолепен.

— Именно так.

ДНК с обоих предметов по группе совпала с кровью на простыне Мишель. Розыск возобновился с новой силой. Недаром Диондра так настаивала на том, что в ту ночь не заходила в наш дом. Научные

достижения одно за другим облегчали сравнение образцов ДНК: она каждый год, должно быть, чувствовала, что опасность только возрастает. Так ей и надо.

Ее выследили в городе Амарило в Техасе — она пыталась получить деньги. Кристал не нашли, но Диондру взяли, хотя в машину ее засовывали целых четыре копа. Итак, Диондру арестовали, а Кэлвин Диль дал признательные показания. Поймали даже какого-то агента по ссудам, от одного его имени у меня по коже бежали мурашки: Лен. Однако Бена пока из тюрьмы не выпустили — не так все быстро делается. Диондра не сознавалась, а до суда над ней моего брата выпускать не собирались. К тому же он отказывался давать против нее показания. В конце мая я наконец снова выбралась к нему.

Он выглядел изнуренным и слабо улыбнулся, когда я садилась по другую сторону стекла.

— Я боялась, что ты не захочешь меня видеть.

— Диондра не сомневалась, что ты ее разоблачишь. Она, похоже, не ошиблась.

— Вроде того.

Ни один из нас не выказывал желания идти в разговоре дальше. Бен оберегал Диондру почти двадцать пять лет, а я взяла и вывела ее на чистую воду. Он казался раздосадованным, но не опечаленным. Возможно, он все время надеялся, что ее разоблачат. Во имя себя же самой мне очень хотелось в это верить. Легко было не задавать вопросов.

— Бен, тебя скоро выпустят. Ты можешь в это поверить? Ты будешь на свободе.

Между прочим, это еще вопрос. Конечно, хорошо, когда есть улики, но признание-то лучше. И все-таки я надеялась. Надеялась.

— Я не стану возражать, — сказал он. — Возможно, пришло время. Кажется, двадцать четыре года — срок достаточный. Достаточный за... за то, что не вмешался. Что позволил всему случиться.

— Я тоже так думаю.

Мы с Лайлом восстановили события той ночи, собрав воедино обрывки того, что рассказала мне Диондра. Они с Беном находились в доме, готовясь к побегу, но случилось нечто такое, что взбесило Диондру, и она убила Мишель. Бен ее не остановил. Мне кажется, Мишель каким-то образом узнала о ее беременности, о тайном плоде. Когда-нибудь потом я расспрошу об этом Бена подробнее, но я знаю, что сейчас он мне ничего не скажет.

Два Дэя сидели напротив друг друга, думали о своем и молчали. Бен

почесал прыщик на руке, и из рукава показалась последняя буква из татуировки «Полли».

— Кристал... Либби, что ты можешь рассказать о Кристал? Что же все-таки произошло той ночью? Я слышал разные версии. С ней... плохо?

Значит, тем, что произошло в заброшенном холодном доме, теперь интересуется Бен. Я прикоснулась к следу от утюга на виске.

— У нее хватает ума столько времени водить за нос полицию, — сказала я. — А Диондра ни за что не скажет, где скрывается дочь.

— Я не об этом спрашиваю.

— Не знаю, Бен, она ведь защищала мать. Диондра говорит, что рассказала Кристал обо всем, — думаю, она не врет. Что-то вроде: «Я убила Мишель, но никто не должен об этом знать». Что может произойти с девчушкой, которая знает, что ее мать — убийца? Она об этом непрерывно думает, пытается как-то с этим смириться, вырезает из газет снимки погибших родственников, зачитывается дневником погибшей тетки до такой степени, что может повторить слово в слово, что там написано, она знает малейшие подробности, но всегда готова встать на защиту матери. А тут вдруг появляюсь я — и именно Кристал проговаривается. Что она делает? Пытается исправить положение. Я, пожалуй, в состоянии ее понять и не буду ей вредить. По крайней мере, из-за меня она в тюрьму не попадет.

В полиции я не распространялась о роли Кристал в истории со мной, поэтому там не знают, что она пыталась меня убить, и хотят допросить ее о пожаре. Я не намерена стучать еще на одного члена моей семьи — ни в коем случае, даже если на сей раз этот член семьи виновен. Я пытаюсь убедить себя, что девочка не настолько испорчена. Это могло быть временное помешательство под влиянием любви. Но с другой стороны, с ее матерью в прошлом такое тоже случилось, и это привело к гибели моей сестры.

Я очень надеюсь, что больше никогда не увижу Кристал, но если увижу — у меня, слава богу, имеется оружие.

— Ты действительно не будешь ей вредить?

— У меня есть кое-какой опыт в том, что, желая поступить правильно, можно все окончательно испортить.

— Ты сейчас о маме? — спросил Бен.

— Нет, о себе.

— Это можно сказать обо всех нас.

По ту сторону кабинки Бен прижал ладонь к стеклу, я припечатала свою ладошку туда же со своей стороны, и мы с братом соединили руки.

Бен Дэй

Наши дни

Стоя во дворе тюрьмы, он вдыхал запах дыма, плившего высоко над головой, и вспоминал дым осенних костров из своего детства: в полях зажигали огонь, и он нестройными линиями бежал по земле, выжигая ненужные остатки. Как же ему когда-то не хотелось считаться мальчишкой с фермы — а сейчас он думал только о ферме и о земле. И о воле. По ночам, когда сокамерники похрапывали и пукали во сне, он прикрывал глаза и видел у своих ног бескрайние поля сорго с коричневыми бусинками, похожими на девчачьи украшения. Видел холмы Канзаса с их плоскими мрачными верхушками, словно ожидающими своего койота, который ночами будет на них выть, задрав морду к небу Или представлял, как ноги утопают во влажной земле и появляется ощущение, что земля засасывает, не отпускает. Пару раз в неделю голова шла кругом, и он был на грани истеричного смеха. Он в тюрьме. С пожизненным сроком за убийство членов своей семьи. Справедливо ли это? О пятнадцатилетнем Бене он теперь думал почти как о совершенно другом человеке, как о собственном сыне, и иногда ему хотелось придушить мальчишку, мальчишку без стержня, у которого не было его нынешних ощущений, — и он представлял, что трясет его за плечи до посинения.

Но иногда он испытывал гордость.

Да, в ту ночь он повел себя как нытик и хлюпик, как отвратительный и подлый трус, он позволил случиться тому, что случилось. Он был до смерти напуган. Но потом в нем что-то словно встало на место. Он хранил молчание и спас Диондру — свою женщину. И ребенка. Свою вторую семью. Тогда ночью он не смог заставить себя выскочить из комнаты и спасти маму и Дебби. Он не сумел остановить Диондру и спасти Мишель. Сумел лишь держать рот на замке и мириться со своей участью. Не высовываться и принять судьбу. Вот это он сделать сумел.

О нем и узнали-то потому, что он стал именно таким. Сначала все его посчитали жалким придурком, который якшается с нечистой силой, от него шарахались, даже охранники в тюрьме поглядывали на него с опаской. Постепенно он превратился в доброго, мягкого заключенного, чьи действия когда-то неверно истолковали. К нему приезжали женщины, он старался быть немногословным — пусть сами представляют, о чем он думает. Как

правило, они были уверены, что у него добрые мысли. Иногда мысли были действительно добрыми. А иногда он думал о том, что случилось бы, если бы в ту ночь все повернулось по-другому. У них с Диондрой появляется визгливый малыш где-нибудь в западной части Канзаса, Диондра льет злые слезы в пропахшей прокопченной клетухе мотеля, которую они сняли на неделю. Он бы ее убил. В какую-то минуту он точно бы это сделал. А может, в один прекрасный день схватил бы ребенка в охапку и сбежал куда глаза глядят, и они с Кристал жили бы себе да поживали, она бы закончила колледж, он бы занимался фермерством, и, как дома, у них всегда была бы включена кофеварка.

Так, может, настало время уступить свое место в тюрьме Диондре? Он бы вышел на волю и нашел Кристал, обязательно бы нашел — она не может надолго исчезнуть, этот ребенок все время рос под присмотром. Он нашел бы ее и начал о ней заботиться. Так было бы здорово сделать что-то помимо того, чтобы держать рот на замке и мириться с судьбой.

Но уже думая об этом, он понимал, что не стоит замахиваться столь глобально. Он усвоил в своей жизни урок — не строить грандиозных планов. Он родился одиночкой и знал это точно. В детстве, юности и, конечно, сейчас. Иногда ему казалось, что он всю жизнь пробыл в ссылке, далеко от места, где должен был находиться, и что, как солдат, тоскует по дому. По дому, в котором никогда не бывал.

Если он выйдет на свободу, он, наверное, все-таки отправится к Либби. Либби, которая похожа на мать, похожа на него, струны ее души настроены на ту же волну, и у них общие воспоминания. И возможно, всю оставшуюся жизнь он проведет, вымаливая прощение у младшей сестры, заботясь о ней и ее оберегая. Когда выйдет из тюрьмы. На что еще можно надеяться...

Это все, чего он хочет...

Либби Дэй

Наши дни

Узелки колючей проволоки вокруг тюрьмы отсвечивали желтым. Я шла к машине и думала обо всех тех, кто пострадал — вольно или невольно, заслуженно или несправедливо, безвозвратно или только слегка. Мама, Мишель, Дебби. Бен. Я. Крисси Кейтс. Ее родители. Родители Диондры. Диана. Трей. Кристал.

Можно ли хотя бы что-то хотя бы для кого-то из них исправить? Могут ли затянуться раны?

Я остановилась на заправке, чтобы уточнить, как добраться до трейлерного парка Дианы. А я, черт возьми, ехала к ней! Глянув в зеркало на стене туалетной комнаты, я пригладила руками волосы и нанесла на губы слой помады — я ее почти украла, но потом все же оплатила в кассе (впрочем, продолжая сомневаться, правильно ли поступаю). Потом поехала через весь город и добралась наконец до ее трейлерного парка, окруженного выкрашенным в белый цвет деревянным забором с желтеющими повсюду нарциссами.

Есть-таки на свете хотя бы один симпатичный трейлерный парк.

На его территории я быстро нашла ее жилище, затормозила неподалеку и троекратно посигналила — как когда-то делала она, подъезжая к нашему дому. Я увидела широкий зад — в небольшом палисаднике она возилась с тюльпанами. Огромная женщина с копной волос стального цвета.

Она обернулась на мой сигнал и быстро-быстро заморгала.

— Тетя Диана, — сказала я, выбравшись из машины.

Твердым, размашистым шагом она пересекла дворик с озабоченным выражением лица, а подойдя близко, возвышаясь надо мной, подхватила меня и сжала в объятиях с такой силой, что из меня, кажется, вышел весь воздух, потом пару раз ощутимо потрепала по спине, отодвинула от себя на секунду и снова прижала к груди.

— Я знала, что ты сумеешь, Либби, я знала, — бормотала она мне в волосы, обдавая теплым прокуренным дыханием.

— Сумею *что*?

— Чуть больше постараться.

Я провела у Дианы два часа, пока мы, как водится, не исчерпали все возможные темы для разговора. Она снова нетерпеливо прижала меня к себе и велела приехать в воскресенье: нужно помочь ей установить новое покрытие на стол и ящики в кухне.

Я не сразу вернулась на шоссе, а медленно поехала в том направлении, где когда-то находилась наша ферма, пытаясь найти это место по памяти. Весна еще не окончательно вступила в свои права, но я опустила стекла и доехала до начала длинной проселочной дороги, которая вела к ферме, полагая, что там теперь или сплошь торговые центры, или идет грандиозное строительство. Но перед глазами возник старый металлический почтовый ящик со сделанной от руки надписью сбоку: «Мюллеры». Наша ферма снова была фермой. Вдалеке по полю шел мужчина, еще дальше у пруда женщина с девочкой смотрели, как в воде весело плещется собака. Девочка размахивала руками — ей было скучно.

Несколько минут я наблюдала за этой картиной, стараясь себя контролировать, чтобы снова не оказаться в Черной дыре. Но в голове ни криков, ни выстрелов, ни дикого крика встревоженной сойки. Я сидела в машине и слушала тишину. Наконец мужчина меня заметил и махнул рукой. Я махнула в ответ, но тронулась с места, когда он совсем по-соседски направился в мою сторону. Я не хотела с ним знакомиться, не хотела себя называть — хотелось быть для него всего лишь женщиной, которая возвращается к себе домой *вон туда по вон той дороге*.